архитектурная археология

ISSN 2686-6900

architectural archeology

№ 4

Институт археологии
Российской академии наук

ISSN 2686-6900

архитектурная археология

architectural archeology

Главный редактор
Вл. В. Седов

№ 4

МОСКВА

2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 72.025.4:902/904(051)
ББК 85.11я5+85.118я5
А87

Учредитель: Институт археологии РАН

Редакционная коллегия: *Антипов Илья Владимирович*, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Баталов Андрей Леонидович*, доктор искусствоведения, Музеи Московского Кремля (Россия); *Беляев Леонид Андреевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Богданович Елена*, доктор искусствоведения (Сербия); *Вдовиченко Марина Викторовна*, кандидат искусствоведения, Институт археологии РАН, заместитель главного редактора (Россия); *Вздорнов Герольд Иванович*, член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Россия); *Гайдуков Пётр Григорьевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Гиппиус Алексей Алексеевич*, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, Институт славяноведения (Россия); *Ёлшин Денис Дмитриевич*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия); *Жервэ Алексей Владимирович*, Государственный музей истории религии (Россия); *Иоаннисян Олег Михайлович*, кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Россия); *Казарян Армен Юрьевич*, член-корреспондент РААСН, доктор искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» (Россия); *Коваль Владимир Юрьевич*, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Крадин Николай Николаевич*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия); *Левандаускас Витаутас*, доктор гуманитарных наук, Университет Витовта Великого (Литва); *Макаров Николай Андреевич*, академик РАН, доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Россия); *Петрушонис Витаутас*, доктор гуманитарных наук, Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса (Литва), *Седов Владимир Валентинович*, член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, Институт археологии РАН, главный редактор (Россия); *Ситдиков Айрат Габитович*, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия); *Толстиков Владимир Петрович*, кандидат исторических наук, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Россия); *Яганов Андрей Викторович*, Институт археологии РАН (Россия)

Editorial board: *Antipov Ilya Vladimirovich*, Candidate in History of Arts, St. Petersburg State University (Russia); *Batalov Andrei Leonidovich*, Doctor in History of Arts, Moscow Kremlin Museums (Russia); *Belyaev Leonid Andreevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Bogdanovich Elena*, Doctor in History of Arts (Serbia); *Vdovichenko Marina Viktorovna*, Candidate in History of Arts, Institute of Archaeology RAS, Deputy Editor-in-Chief (Russia); *Vzdornov Gerold Ivanovich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor in History of Arts, State Research Institute for Restoration (Russia); *Gaidukov Pyotr Grigoryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Gippius Alexei Alexeevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Institute of Slavic Studies RAS, (Russia); *Jolshin Denis Dmitrievich*, Candidate of Historical Sciences, State Hermitage Museum (Russia); *Gervais Alexei Vladimirovich*, State Museum of the History of Religion (Russia); *Ioannisyan Oleg Mikhailovich*, Candidate of Historical Sciences, State Hermitage Museum (Russia); *Kazaryan Armen Yuryevich*, Corresponding member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Doctor in History of Arts, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); *Koval Vladimir Yuryevich*, Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Kradin Nikolai Nikolaevich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); *Levandauskas Vytautas*, Doctor of Humanities, Vytautas Magnus University (Lithuania); *Makarov Nikolai Andreevich*, Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology RAS (Russia); *Petrušonis Vytautas*, Doctor of Humanities, Vilnius Gediminas Technical University (Lithuania); *Sedov Vladimir Valentinovich*, Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor in History of Arts, Institute of Archaeology RAS, Editor-in-Chief (Russia); *Sitdikov Airat Gabitovich*, Doctor of Historical Sciences, Kazan Federal University (Russia); *Tolstikov Vladimir Petrovich*, Candidate of Historical Sciences, Pushkin State Museum of Fine Arts (Russia); *Yaganov Andrei Viktorovich*, Institute of Archaeology RAS (Russia)

ISSN 2686-6900 DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8
ISBN 978-5-94375-371-8

© Авторы статей, 2022
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2022

Содержание

Георгиевский собор XII века

Вл. В. Седов. Архитектура Георгиевского собора Юрьева монастыря и первая система организации фасадов в архитектуре Древней Руси: ярусы окон и арочных ниш **7**

О. Е. Этингоф. Материалы по иконографии фресок XII в. из наоса Георгиевского собора Юрьева монастыря (предварительные наблюдения) **49**

М. В. Вдовиченко. Фундаменты Георгиевского собора Юрьева монастыря по материалам архитектурно-археологических исследований **68**

Е. Г. Яновская. Строительные материалы и особенности техники кладки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря **84**

А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря **98**

И. Ю. Анкудинов. Топография граффити Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря **112**

Д. С. Першина, Е. М. Саенкова. Образ великомученика Георгия из Юрьева монастыря: проблема реконструкции первоначального вида иконы **124**

С. В. Свердлова, Д. С. Першин. Технико-технологические особенности и реконструкция первоначального облика иконы «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. из собрания Государственной Третьяковской галереи **136**

В. П. Колосов, Ю. С. Фомичёва. Планировочное решение храмов домонгольской Руси. Опыт статистического анализа **150**

Юрьев монастырь

А. А. Кудрявцев. О средневековом поселении на территории Юрьева монастыря **162**

И. К. Решетова. Антропологические исследования некрополя Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде 2014–2019 гг. **173**

Л. А. Титова, О. В. Орфинская. Исследование и реставрация текстильных изделий с золотными нитями из раскопок у Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Великого Новгорода **188**

Э. С. Смирнова. О заказчике и первоначальном предназначении Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3), а также о вероятности ее связи с Юрьевым монастырем **195**

Вл. В. Седов. Архимандрит Юрьева монастыря Иона и Волосов монастырь. О строительстве русских церковных иерархов в местах их пострижения **205**

А. В. Сиренов. Надгробная надпись матери Александра Невского в Новгороде и во Владимире **215**

Архив архитектурной археологии

М. В. Медведева, Д. Д. Ёлшин. Архивные материалы из собрания ИИМК РАН об исследованиях Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде в 1933–1935 гг. **220**

К. А. Михайлов. Пропавшие отчеты: новые архивные данные о реставрационной и археологической деятельности М. К. Каргера в Новгороде в 1933–1935 гг. **250**

Список сокращений **262**

Об издании **264**

Contents

12th-century St. George's cathedral

Vl. V. Sedov. The architecture of St. George's cathedral of Yuriev monastery and the first system of facades organisation in the Old Russian architecture: tiers of windows and arched niches **7**

O. E. Etingof. Materials on the iconography of frescoes dating back to the 12th century from the naos of St. George's cathedral of Yuriev monastery (preliminary observations) **49**

M. V. Vdovichenko. Foundations of St. George's cathedral of Yuriev monastery based on the materials of architectural and archaeological research **68**

E. G. Yanovskaya. Building materials and features of the brickwork technique in St. George's cathedral of Yuriev monastery **84**

A. A. Gippius, S. M. Mikheev. Some graffiti inscriptions in the staircase tower of St. George's cathedral of Yuriev monastery **98**

I. Yu. Ankudinov. St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod: topography of the graffiti **112**

D. S. Pershina, E. M. Saenkova. The holy picture of the Great Martyr George from Yuriev monastery: the problem of reconstructing the icon's original appearance **124**

S. V. Sverdlova, D. S. Pershin. Technical and technological features and reconstruction of the original appearance of the icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century from the collection of the State Tretyakov Gallery **136**

V. P. Kolosov, Yu. S. Fomicheva. Planning concept of the Old Russian temples in the pre-Mongolian period. Statistical analysis experience **150**

Yuriev monastery

A. A. Kudryavtsev. Medieval settlement on the territory of Yuriev monastery **162**

I. K. Reshetova. Anthropological studies on the necropolis of St. George's cathedral of Yuriev monastery in Veliky Novgorod, 2014–2019 **173**

L. A. Titova, O. V. Orfinskaya. Research and restoration of textile goods with gold threads found during the excavations at St. George's cathedral of Novgorod Yuriev monastery **188**

E. S. Smirnova. About the customer and the original assignment of the Psalter of Simon (SHM, A. I. Chludov Collection No. 3), as well as the likelihood of its connection with Yuriev monastery **195**

Vl. V. Sedov. Archimandrite of Yuriev monastery Iona and Nikolo-Volosovsky monastery. The construction of churches by Russian hierarchs in the places of their admission to monastic vows **205**

A. V. Sirenov. Epitaph of Alexander Nevsky's mother in Novgorod and Vladimir **215**

Archive of architectural archaeology

M. V. Medvedeva, D. D. Jolshin. IHMC RAS archival materials for the research of St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod carried out in 1933–1935 **220**

K. A. Mikhailov. Missing reports: new archival data on the restoration and archaeological activities of M. K. Karger in Novgorod in 1933–1935 **250**

List of Abbreviations **262**

About **264**

Архитектура Георгиевского собора Юрьева монастыря и первая система организации фасадов в архитектуре Древней Руси: ярусы окон и арочных ниш*

Вл. В. Седов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.7-48

Аннотация. Статья посвящена особой архитектонической системе организации фасадов Георгиевского собора Юрьева монастыря: здесь помимо крупной аркады прясел есть еще ярусы окон и двухуступчатых арочных ниш, создающих регистры. Благодаря этому фасады становятся более организованными. Эта система попала в Новгород из Киева в самом начале XII в. и затем усложнялась, достигнув апогея в Георгиевском соборе. В Киев же она пришла из византийской архитектуры, где существуют два памятника середины — второй половины XI в., храмы в Велюсе и Учайяке, в которых ярусы ниш уже сложились в определенный порядок. В этих храмах всего два яруса ниш; вероятно, существовали и храмы с большим количеством ярусов. В Киеве мы видим четыре яруса окон и ниш, в Георгиевском соборе уже устроено пять ярусов. После Георгиевского собора ниши употребляются лишь эпизодически и рудиментарно, а попытка вновь сложить эту систему наблюдается в древнерусских храмах рубежа XII–XIII вв., среди которых выделяется церковь Параскевы Пятницы в Новгороде (1207 г.).

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, архитектура, Георгиевский собор, Юрьев монастырь, фасады, окна, ниши, ярусы, аркады, фасадная система, византийское происхождение, древнерусская традиция.

Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru.

Георгиевский собор Юрьева монастыря, заложенный по заказу новгородского князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича и игумена Кириака в 1119 г., является важнейшим памятником как новгородской, так и всей древнерусской архитектуры. Несмотря на свое значение, он не принадлежит к детально исследованным памятникам. Наиболее подробными исследованиями архитектуры памятника остаются статьи и фрагмент из книги, написанные А. И. Комечем. Многие положения этих работ могут быть развиты или уточнены на новом уровне. А. И. Комеч, опиравшийся в анализе пропорциональных форм собора Юрьева монастыря на аналитические построения К. Н. Афанасьева (*Афанасьев*, 1961. С. 84–87), видел в соборе продолжение и развитие типа и форм киевских храмов предшествующего периода, новгородского Николо-Дворищенского собора 1113 г., а также Новгородской Софии 1045–1050 гг.; ученый писал также об индивидуальности и новаторстве в архитектуре Георгиевского храма (*Комеч*, 1978. С. 56–59; 1982а; 1987. С. 308–314).

А. И. Комеч коснулся и ниш на фасадах собора, особенно на абсидах, где их расположение,

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

по его мнению, связано с неким страхом зодчих оставить голые стены: «В своем стремлении уничтожить глухие поверхности стен зодчие на боковых апсидах располагают ниши не только по оси окон (как в Никольском соборе), но и второй цепочкой, ближе к углам храма. Ниши рядом с окнами укорочены — хотя неясно для чего» (*Комеч*, 1982а. С. 276). В других работах тот же ученый говорит о грандиозности собора, что «проявляется здесь во внешнем облике — изобилием однообразных окон, ниш, расположенных поясами» (*Комеч*, 1978. С. 56–59; 1987. С. 308).

Нужно сказать, что Георгиевский собор Юрьева монастыря представляет собой сложно организованный памятник архитектуры начала XII в., который имеет очень богатую и запутанную историю перестроек, дополнений и реставрационных расчисток и вмешательств. Для того чтобы понять его архитектуру, следует обратиться к историческим чертежам, рисункам и фотографиям, которые позволяют оценить те перемены в структуре и облике храма, которые произошли за последние двести лет.

Сейчас Георгиевский собор стоит посреди Юрьева монастыря, созданного во многом в конце первой — начале второй четверти XIX в., когда обителью управлял знаменитый архимандрит Фотий. Ранние изображения монастыря и его собора нам неизвестны, за исключением достаточно схематичного его изображения на иконе «Видение пономаря Тарасия» второй половины XVI в.

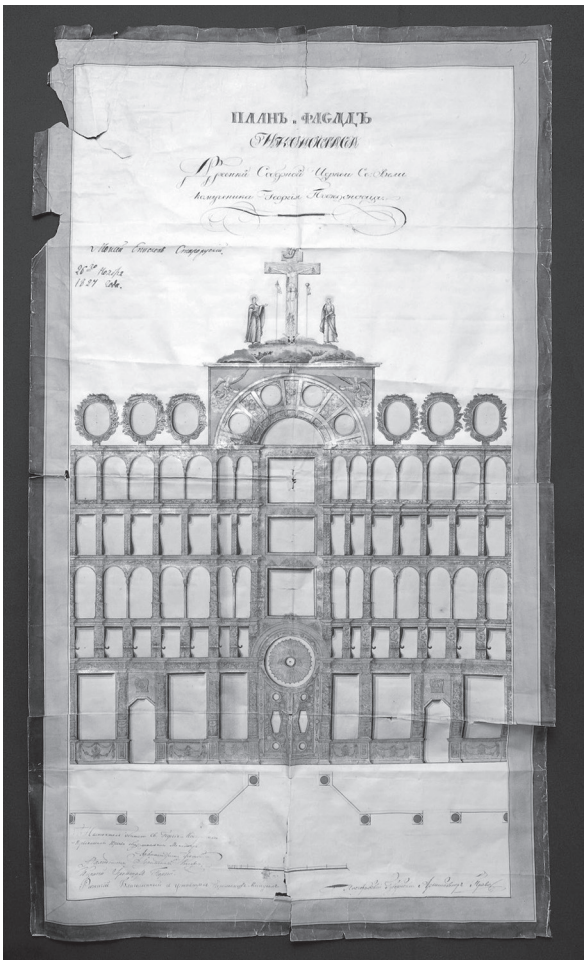
Один из самых ранних чертежей, план 1778 г. с межеванием, опубликованный И. Ю. Анкудиновым (*Анкудинов*, 2005. С. 248–250), дает представление о расположении собора в середине пустого двора, а также об абрисе монастырских стен, образующих вытянутый с севера на юг многоугольник, в северной части которого, по нашему мнению, располагались монастырские ворота с надвратным домонгольским (1166–1173) Спасо-Преображенским храмом, показанным на плане (илл. I на цветной вклейке).

Второй план Юрьева монастыря, датированный 1826 г., дает представление о положении собора в начале XIX в., когда древний надвратный храм уже исчез, северная, западная и восточная стороны обители обрели почти современные очертания; а с юга было достаточно пусто. Показан деревянный корпус келий, уже разобранный, а также так называемый Орловский корпус с востока. Собор окружен пристройками, частично скрывшими древнюю архитектуру (илл. II на цветной вклейке).

Комплекс построек Юрьева монастыря изображен на рисунке Н. А. Мартынова с панорамой обители, снятой в середине XIX в. с противоположного берега реки Волхов, с новгородского Городища (илл. III на цветной вклейке). Можно увидеть как господствующий объем древнего Георгиевского собора, так и весь круг построек второй половины XVIII в. и 1820-х гг., который сохранился и по сию пору и который во многом определяет нынешний облик и силуэт монастыря (илл. IV на цветной вклейке).

Архитектуру пристроек 1820-х гг. к Георгиевскому собору можно рассмотреть на чертеже, выполненном и подписанном новгородским губернским архитектором М. М. Праве и надписанном (одобренном) Старорусским епископом Моисеем (он был викарием Новгородской епархии) 20 ноября 1827 г. (*Секретарь*, 2019. С. 28–29. Рис. 25). На плане показаны фасады собора с севера, запада, востока и юга, а также даны план собора по нижнему уровню и план по уровню хор (илл. V на цветной вклейке). Чертеж сопровождают подробные экспликации. На чертеже видно, что старые арочные окна в древней части храма сохранились, но кроме них появились небольшие круглые окна, добавившие света там, где его было немного (в лестничной башне), или там, где крыши пристроек по бокам собора ухудшили освещение (западные прясла боковых фасадов). Можно судить и о местоположении иконостаса, гробницы святителя Феоктиста и престолов (все это относится к первой трети XIX в.), а также о том, что расположенный над южной частью хор древний барабан был освещен тремя арочными окнами с западной, юго-западной и южной сторон (сейчас эти окна заложены, первоначально в этом барабане было шесть окон).

План по уровню земли, выполненный М. М. Праве, практически повторен в другом плане (илл. VI на цветной вклейке): на этом не подписанном, но имеющем аннотацию листе говорится о перестройке Георгиевского собора, начатой в 1825 г. и оконченной в 1827 г. при митрополите Новгородском Серафиме и настоятеле монастыря архимандрите Фотии; из этой подписи ясно, что план составлен не намного позже 1827 г. (*Секретарь*, 2011. С. 444. Илл. 17). На плане показаны примерно те же очертания здания, но темным цветом выделена ранняя часть собора, тогда как



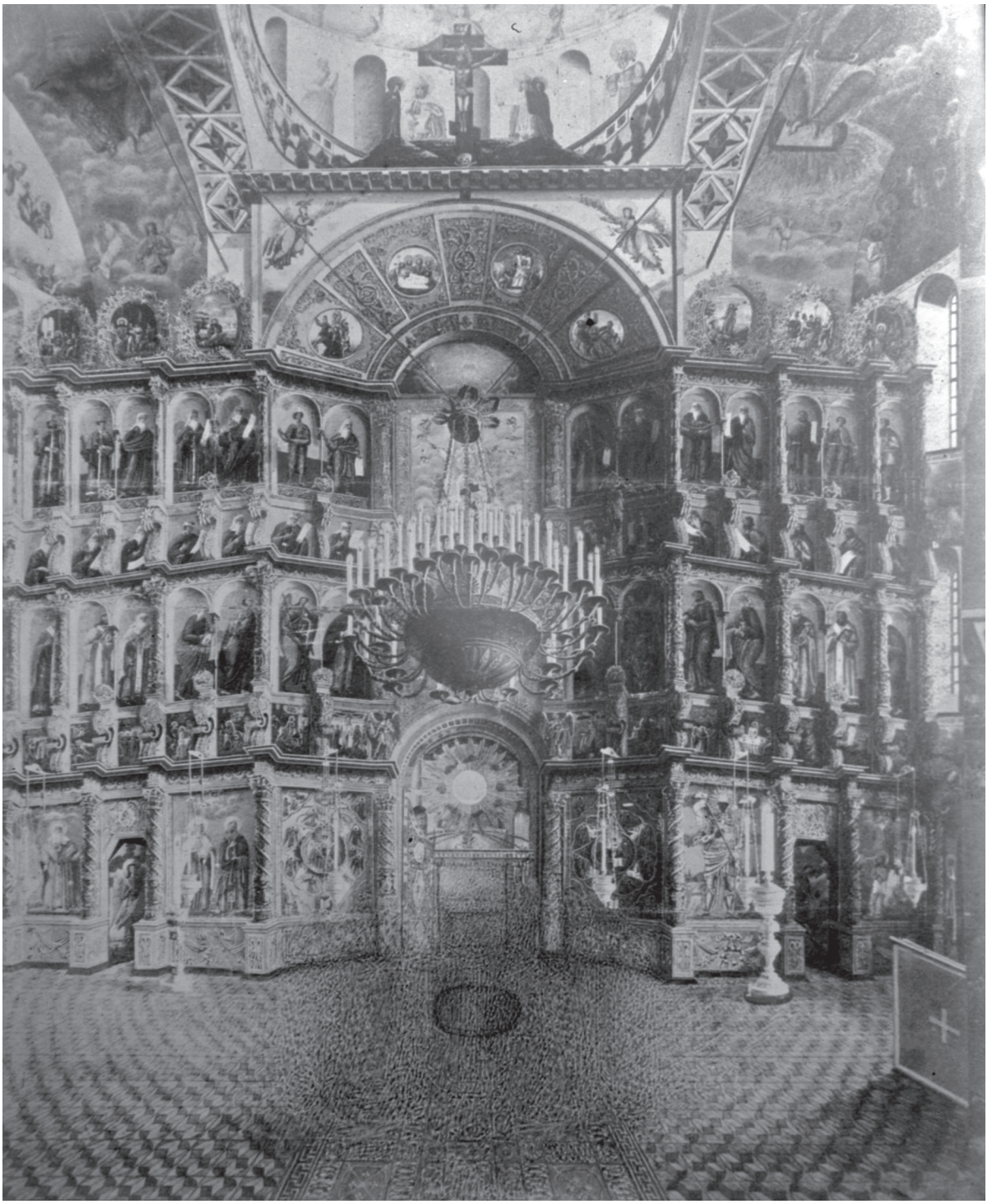
• **Илл. 1. М. М. Праве. Фасад и план иконостаса Георгиевского собора Юрьева монастыря. ГАНО. Ф. 526. Л. 1**

пристройки показаны светлым; помимо этого на данном плане пунктиром показаны своды, впрочем, довольно приблизительно: под хорами собора нарисованы крестовые своды, тогда как там своды коробовые, а в северном и южном рукавах креста вроде бы верно показаны коробовые своды, но они представлены как будто повернутыми и ориентированными по продольной оси.

Интерес представляет и подписной чертеж того же М. М. Праве с изображением плана и фасада иконостаса, существовавшего в 1827 г. (илл. 1); лист подписан 26 ноября тем же епископом Старорусским Моисеем, на чертеже расписались также архимандрит и другие иерархи (*Секретарь*, 2019. С. 30. Рис. 26). Из этого чертежа следует, что при ремонте собора 1825–1827 гг. сохранялся старый иконостас, который был лишь поновлен и надстроен в средней части, где полукруглое основание и Распятие с предстоящими над ним относятся к эпохе ампира и, следовательно, были сделаны в 1820-е гг., а остальной шестиярусный иконостас, где верхний ряд представлял собой отдельные иконы в разделенных рамах, относился, судя по стилю, к рубежу XVII–XVIII вв. Этот «нарышкинский» по стилю иконостас был выполнен около 1706 г. при настоятеле Гаврииле Домецком (*Трифонова*, 2019. С. 38–39). Средняя часть иконостаса была углублена, что довольно необычно, а остальное убранство с колонками, арочными обрамлениями икон и даже царскими вратами вполне типично и принадлежит довольно поздней версии нарышкинского стиля.

Тот же иконостас Георгиевского собора представлен на панорамной фотографии второй половины XIX в., на которой видны изображения на иконах (илл. 2). Время создания этой фотографии устанавливается из того, что живопись на стенах видимой части барабана и сводов собора принадлежит еще времени Фотия, то есть снимок был сделан до создания новой живописи в начале XX в. Особенно интересно то, что в простенках окон барабана были представлены пророки в рост (то есть пророков было восемь — по числу простенков между окнами), причем по сторонам восточного окна были изображены Давид и Соломон, а выше видны части фигур апостолов в рост, как будто сходящихся к фигуре Богоматери на восточной стороне. Эти апостолы и фигуры Богоматери, возможно, представляли собой нижнюю часть композиции Вознесение, известной по фрескам XII в. в куполах Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (вторая треть XII в.), Спасо-Преображенского собора Евфросиниева монастыря в Полоцке (вторая половина XII в.), Георгия в Ладоге (вторая половина XII в.) и Спасо-Преображенской церкви на Нередице близ Новгорода (конец XII в.). С некоторой долей сомнения можно все же предположить, что роспись начала XIX в., отображенная на снимке, повторяла композиции росписей первой трети XII в. и в вершине купола собора было Вознесение с апостолами, размещенными ниже, уже в верхней части барабана, а между окнами были изображены пророки.

Георгиевский собор в перестроенном и достроенном виде, с сокращенной фасадной деко-



• **Илл. 2. Панорамный вид иконостаса Георгиевского собора Юрьева монастыря. Фото второй половины XIX в.**

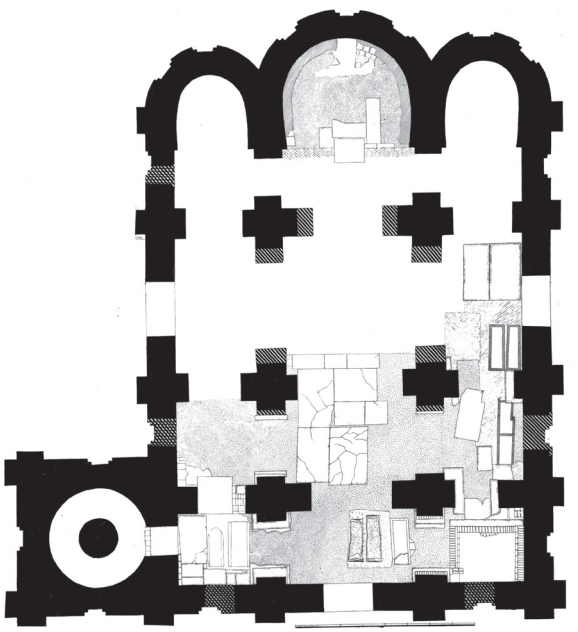
• **Илл. 3. Георгиевский собор Юрьева монастыря в середине XIX в. Вид с северо-запада. Рисунок из альбома середины XIX в. Л. 35**

• **Илл. 4. Георгиевский собор Юрьева монастыря в начале XX в. Вид с северо-запада. Фотография (ГТГ, фототека)**

рацией древнего ядра известен нам по рисунку середины XIX в. (илл. 3), а также по фотографиям начала XX в., одну из которых, снятую примерно с той же точки, что и указанный рисунок, мы здесь приводим (илл. 4).

Первоначальный облик Георгиевского собора, в том числе структура и декор его фасадов, начал проявляться в результате больших археологических и иных работ, проведенных в 1930-е гг. под руководством археолога и искусствоведа из Ленинграда М. К. Каргера (*Каргер*, 1946), который не только раскопал западную часть собора внутри, сняв поздний пол и подсыпки под него и обнажив первоначальные плиты каменного пола и погребения, но и освободил собор от поздних пристроек. В связи с этим на итоговом плане работ М. К. Каргера этих пристроек уже нет, а на стенах собора уже показаны открывшиеся в результате слома притворов и приделов двухуступчатые ниши (илл. 5).

В процессе сноса пристроек стали обнажаться и специально раскрывались древние окна и арочные ниши, причем вторые, как и первые, оказались устроены рядами (илл. 6). В некоторых нишах первого яруса были открыты фреско-



• **Илл. 5. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План по итогам работ М. К. Каргера. Оригинал. НГОМЗ, КП-38025-796**

• **Илл. 6. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Вид с юго-запада во время разборки западного притвора и южной пристройки. Середина 1930-х. Фотография (ГТГ, фототека)**

• **Илл. 7. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Ниша с живописью на южном (?) фасаде (ГТГ, фототека)**

• **Илл. 8. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Вид на западный фасад. Вторая половина 1930-х гг. НГОМЗ, КП-38025-685**

• **Илл. 9. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Вид с юга после Великой Отечественной войны. 1944–1945 гг. (?). НГОМЗ**

вые композиции, ныне, похоже, нигде не сохранившиеся (илл. 7).

Виды собора второй половины 1930-х гг. дают представление об изменении облика собора: так, например, на виде с запада уже хорошо различимы высокие арочные ниши, раскрытые на западном фасаде самого собора и лестничной башни (илл. 8), но ниши вверху еще не открыты.

Собор пострадал во время Великой Отечественной войны, после которой опала штукатурная оболочка фасадов, а потому окна и ниши, а также первоначальная кладка из камня и плинфы стали хорошо видны (илл. 9). В настоящее время собор побелен, причем частично по старой штукатурке, однако первоначальное устройство фасадов видно примерно так же, как в 1930-е или 1940-е гг., за исключением ниш в закомарах средних прясел западного, южного и северного фасадов (на некоторых чертежах, упомянутых ниже, их принимают за окна).

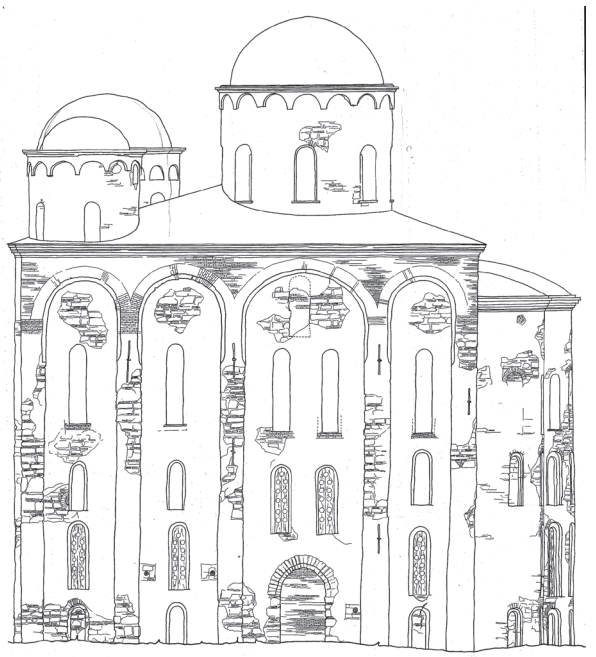
Сохранилось довольно много чертежей 1930-х гг., отражающих как фиксацию открытых на фасадах форм Георгиевского собора, так и попытки М. К. Каргера и работавших с ним архитекторов реконструировать первоначальный фасадный декор и общую композицию фасадов.

Сначала укажем на ряд фиксационных чертежей 1930-х гг., отразивших состояние фасадов собора сразу после освобождения их от пристроек и, местами, от поздней штукатурки. Это чертежи западного (илл. 10), южного (илл. 11), восточного (илл. 12) и северного (илл. 13) фасадов, на которых система рядов окон и ниш уже почти полностью видна.

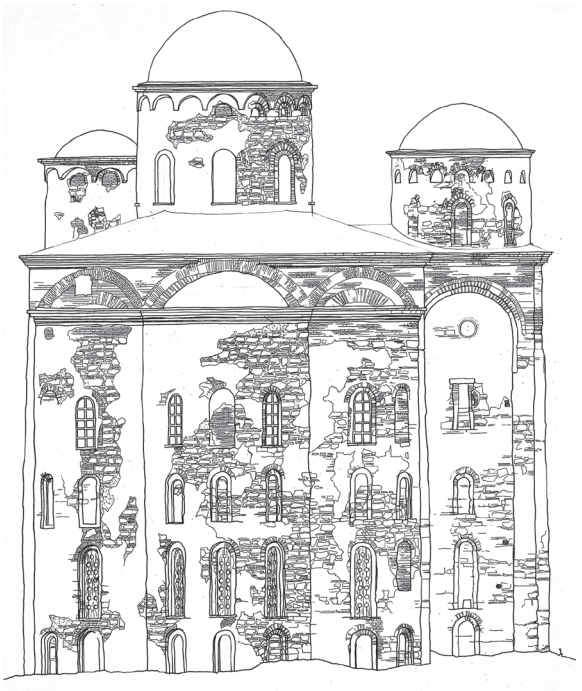
Помимо этих фиксационных чертежей, большое значение имеют и чертежи, отражающие две попытки реконструкции облика собора, предпринятые также в окружении М. К. Каргера. Сам М. К. Каргер реконструировал первоначальный план собора с указанием дополненных мест (илл. 14); на этом плане двухуступчатые ниши первого уровня, как сохранившиеся, так и полностью или частично реконструированные в это время, показаны практически во всех пряслах (кроме тех, где расположены порталы) и на абсидах.

К той же попытке реконструкции, что и план, графически и по смыслу примыкает серия чертежей, на которых реконструированы западный

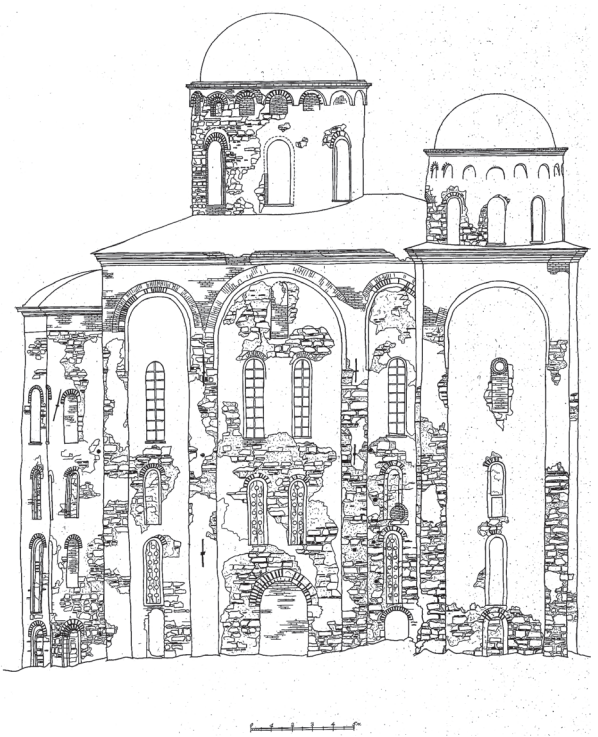
• **Илл. 10. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Западный фасад после разрушения пристроек. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1700**



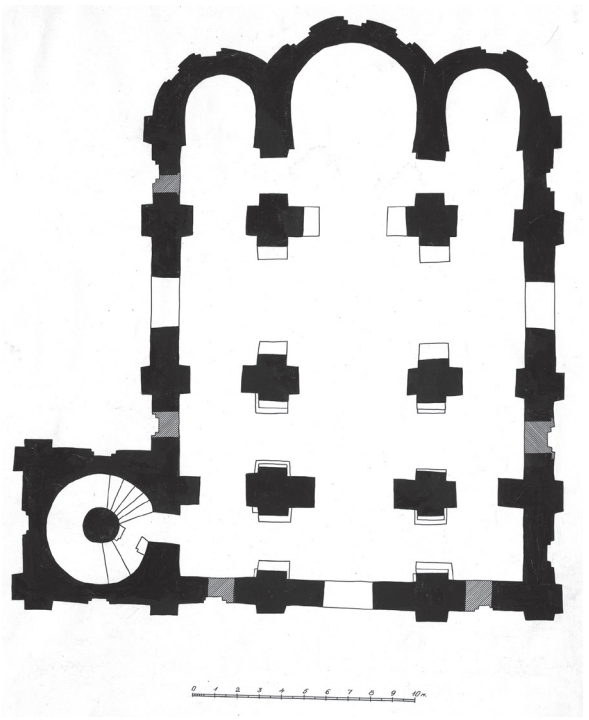
• **Илл. 11. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Южный фасад после разрушения пристроек. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1699**



• **Илл. 12. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Восточный фасад после разрушения пристроек. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1701**



• **Илл. 13. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Северный фасад после разрушения пристроек. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1698**



• **Илл. 14. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Реконструкция первоначального плана с дополненными частями и указанием добавок к столбам. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1696**

(илл. 15), южный (илл. 16), восточный (илл. 17) и северный (илл. 18) фасады собора.

Несколько по-иному выглядят эскизные чертежи с реконструкциями фасадов, относящиеся к тому же времени, к тридцатым годам, но реконструирующие собор со стаффажными фигурами и шлемовидными главами; на них представлены западный (илл. 19), южный (илл. 20) фасады, два варианта восточного фасада (илл. 21–22) и северный (илл. 23) фасад.

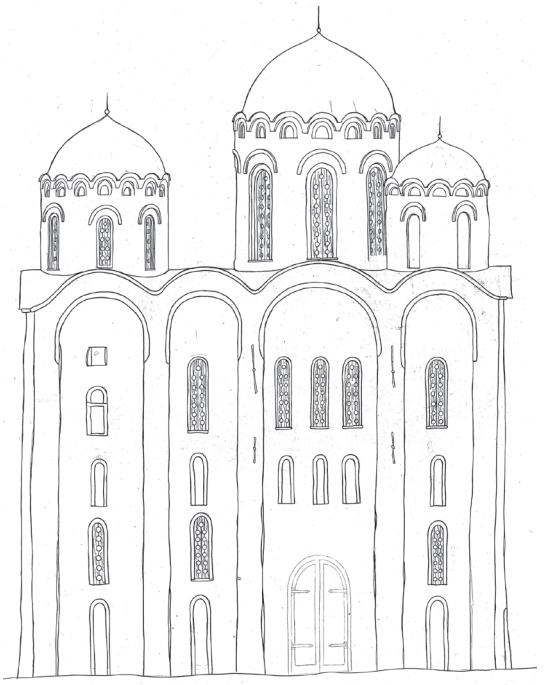
Важным дополнением к чертежам 1930-х гг. служат обмерные чертежи новгородского архитектора-реставратора Д. М. Федорова, выполненные в 1952 г. и представляющие фасады Георгиевского собора с окнами и нишами (обмеры барабанов на этих чертежах не всегда окончены): западный (илл. 24), южный (илл. 25), восточный (илл. 26) и северный (илл. 27). Все эти чертежи образуют основу для анализа системы фасадного декора собора.

Георгиевский собор Юрьева монастыря с 2013 и по 2021 г. исследуется Новгородским архитектурно-археологическим отрядом. Раскопки в интерьере затронули восточную половину храма, где уровень после снятия позднего пола и подсыпок под него, состоявших во многом из фрагментов древней росписи начала XII в., стал таким же, как в раскопанной ранее западной части. План собора по результатам раскопок был исправлен и дополнен (илл. 28).

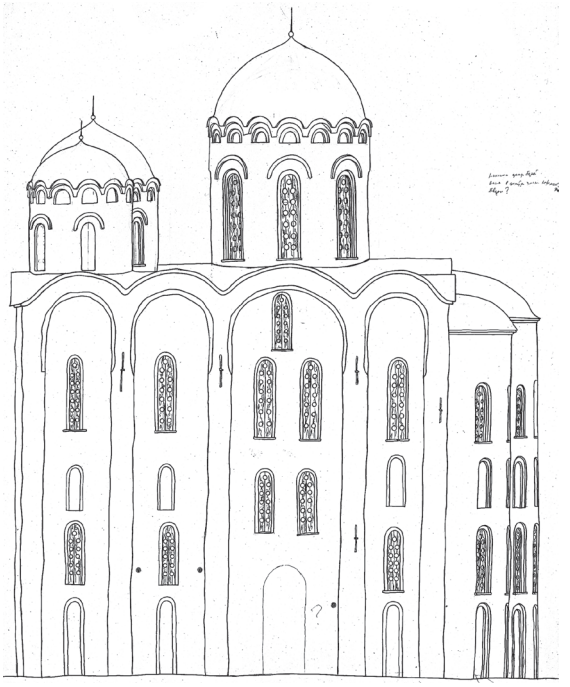
Перед тем как углубиться в изучение фасадного декора и структуры фасадов Георгиевского собора, следует сначала кратко оценить значение Георгиевского собора в истории новгородской архитектуры первой четверти XII в. Уже давно понятно, что собор Юрьева монастыря является продолжением и разработкой темы церкви Благовещения на Городище, построенной в 1103 г., за шестнадцать лет до закладки Георгиевского собора отцом князя Всеволода, князем Мстиславом Владимировичем (Мстиславом Великим) (*Каргер*, 1970; *Седов*, 2019).

Церковь Благовещения на Городище в 1966–1970 гг. была частично раскопана М. К. Каргером; другие части постройки были раскрыты в 2016–2017 гг. (*Седов*, 2019). Это был довольно большой храм киевского типа: четырехстолпный с нартексом и тремя абсидами. Важной чертой этого храма была лестничная башня, примыкавшая к нартексу с севера. Храм 1103 г. был раскопан практически полностью, насколько позволяли конструкции стоящего над ним памятника середины XIV в. Это позволило судить об основных формах церкви времени Мстислава Великого. Этот храм продолжал уже довольно длительную традицию храмов с лестничными башнями. По своим размерам церковь Благовещения была не так уж велика: она значительно меньше Успенского собора Киево-Печерского монастыря, но примерно равна по размерам построенному тем же князем Мстиславом в Киеве собору Федоровского Вотча монастыря (*Килиевич, Харламов*, 1989).

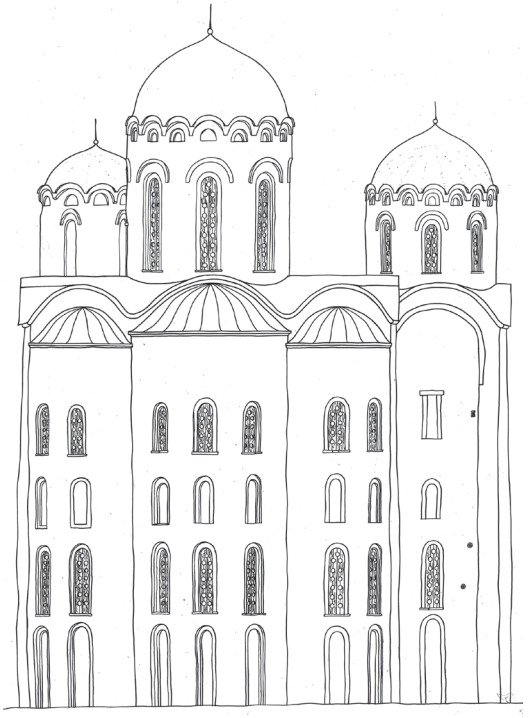
Церковь Благовещения заложила основу собственной новгородской архитектурной традиции, внутри которой ее продолжением стал собор Николы на Дворище, заложенный князем Мстиславом в 1113 г. (у этого памятника не было лестничной башни). Так что при взгляде на Николо-Дворищенский собор мы можем думать и о Благовещенской церкви, которая могла быть примерно такой (может быть, у нее не было пятиглавия, но была лестничная башня).



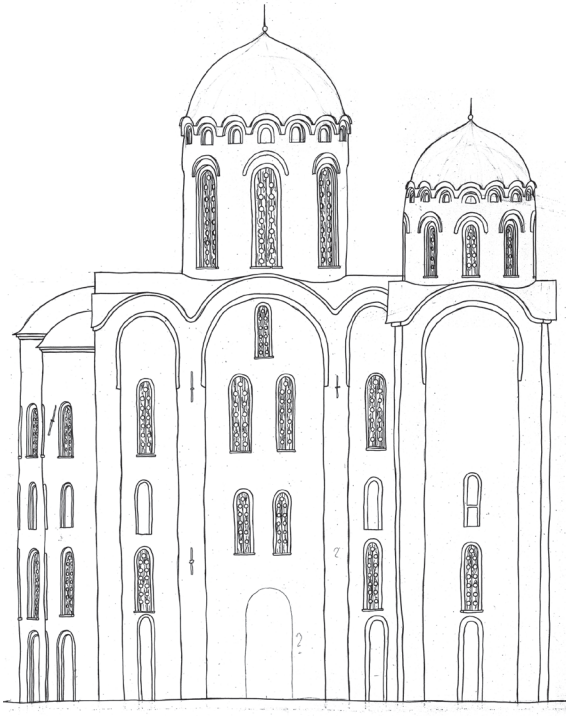
• **Илл. 15. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Реконструкция западного фасада. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1695**



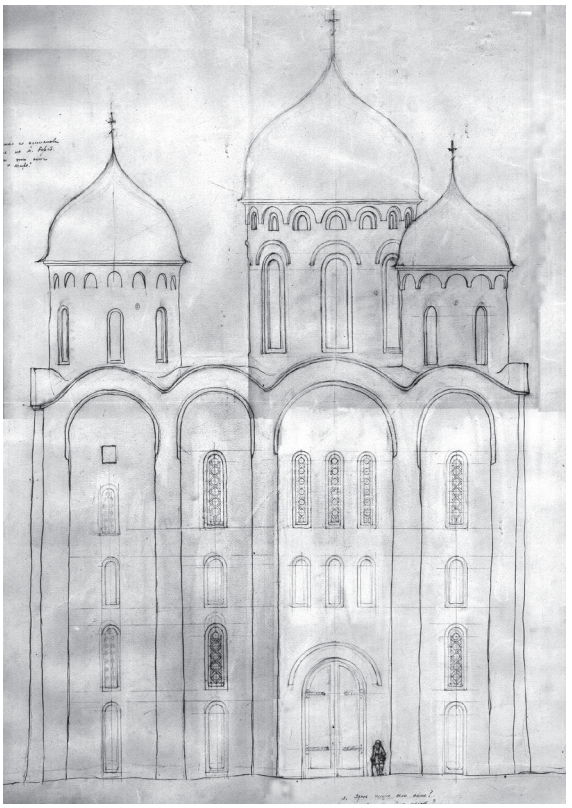
• **Илл. 16. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Реконструкция южного фасада. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1694**



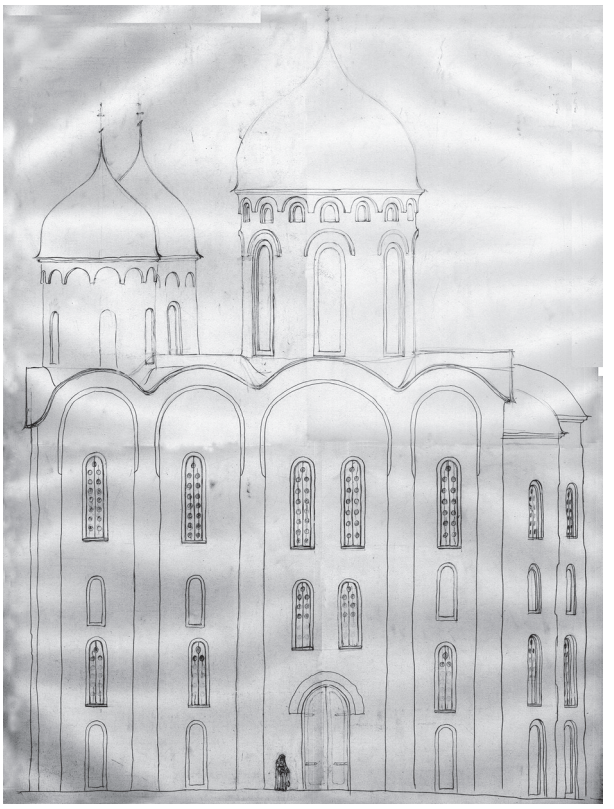
• **Илл. 17. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Реконструкция восточного фасада. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1692**



• **Илл. 18. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Реконструкция северного фасада. 1930-е гг. НГОМЗ, КП-30131-1693**



• **Илл. 19. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Эскизная реконструкция. 1930-е гг. Западный фасад. НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 1298. Л. 02**



• **Илл. 20. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Эскизная реконструкция. 1930-е гг. Южный фасад. НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 1298. Л. 01**

Николо-Дворищенский собор представляет собой своеобразное «прочтение» киевского типа: объем его заметно повышен относительно киевских образцов, зато членения стали обобщеннее, как будто размылись. На фасадах резко выступили лопатки и горизонтальные ряды из окон и ниш, эти ряды заметны и на алтарной части.

Тенденция к обобщенной, «варварской» монументализации (*Седов*, 2006), проявившаяся на фасадах Никольского храма, заметна и в интерьере собора, пропорции которого искажены после вставки в него подцерковья, однако сами крупные формы и размеренный ритм столбов, лопаток и окон свидетельствуют о наличии той же тенденции.

Собор Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря, построенный около 1117 г., представляет собой шаг в сторону: здесь мы видим необычную компоновку уже сложившихся в Новгороде форм, в которой нет рядов ниш на фасадах и в которой лестничная башня получила круглое сечение (*Седов*, 2021). В интерьере собора резче читается подъем вверх, этому способствует редкая восьмигранная форма столбов, а в верхней зоне присутствует еще и ордер в виде выступающих импостов. Этот своеобразный памятник не получил продолжения, а спустя два года возник Георгиевский собор, который как будто «не замечает» собора Антониева монастыря и продолжает развивать темы и формы церкви Благовещения и Никольского собора, сложившиеся при отце князя Всеволода, князе Мстиславе Великом.

Георгиевский собор является крайним выражением силы и мощи, он по своим размерам принадлежит к самым крупным памятникам Новгорода, он прямо показывает возможности увеличения типа, заложенного в церкви Благовещения 1103 г., и сам обозначает предел этого увеличения.

По высоте Георгиевский собор (илл. 29) показывает крайнюю границу возможностей местной

• **Илл. 21. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Эскизная реконструкция. 1930-е гг. Восточный фасад. Вариант. НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 1298. Л. 04**

• **Илл. 22. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Эскизная реконструкция. 1930-е гг. Восточный фасад. Вариант. НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 1298. Л. 21**

школы, он устремляется вверх так, что зрительно превосходит киевские памятники (пример слева — собор Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве), причем кажется, что и по величине (что не так); он усиливает все черты, заложенные в Новгороде ранее, он как будто спорит с «отцовскими» соборами (с Никольским — показанным в середине).

Эта крайность, заложенная в Георгиевском соборе, делает его цельным и оригинальным высказыванием, причем не только средневекового мастера (мы знаем из сообщения поздней летописи о мастере Петре, сооружавшем собор), но и заказчика, новгородского князя. Собор спорит не только с храмом на Городище, который он, очевидно, превзошел по размерам, он спорит с самой Софией Новгородской, к которой он приблизился и по размерам подкупольного пространства, и по высоте. Но, заметим, не только спорит, но и подражает Софии в размерах и круглой форме барабана с восемью окнами.

Георгиевский собор принадлежит к киевскому типу (четырехстолпному с нартексом и позакомарным покрытием) храма конца XI — начала XII в., но уже сильно обобщенному и адаптированному новгородскими мастерами. Отметим еще раз его подковообразные внутри абсиды (форма, не встречающаяся в Киеве и требующая отдельной штудии), его отделенный от основного пространства нартекс, крупную лестничную башню. Большую роль в организации интерьера памятника играют П-образные хоры, второй ярус, на который ведет лестница в башне.

Монументальные формы собора сосредоточены в себе, они не дают сильных векторов силы, помимо достигнутого порядка или баланса масс и деталей, только слегка нарушенного асимметрией трехглавого завершения. И все же на фасадах собора преобладает порядок, но это не киевский, южнорусский порядок, сказывающийся в целом и в деталях одновременно, нет: в Георгиевском соборе это только некий обобщенный по-

• **Илл. 23. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Эскизная реконструкция. 1930-е гг. Северный фасад. НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 1298. Л. 03**

рядок целого, своеобразный последний рубеж порядка, еще не тронутый хаосом бесформенности, но именно последний, уже словно истонченный силами мощной и как будто избыточной кладки стен и сводов.

В ряду южнорусских храмов и новгородских памятников Георгиевский собор заметен своими размерами, все же, как уже говорилось, не такими уж большими на фоне киевских.

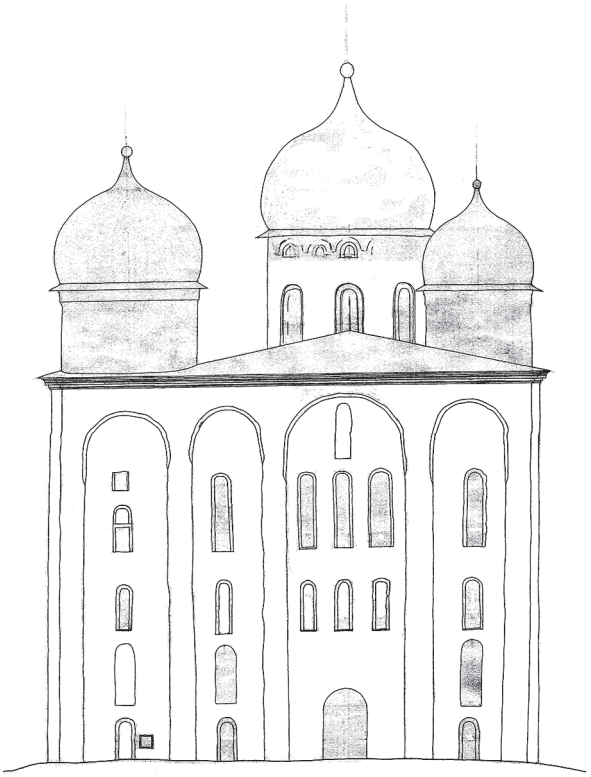
Но в разрезе (илл. 30) этот храм показывает какую-то настойчивость в сторону вертикальности, какую-то специальную озабоченность высотой. И потому его могучие формы иногда кажутся слишком цельными для такого высокого интерьера — и в этом оттенок своеобразия. Обобщенность, слитность, единство — все это определяющие данное своеобразие свойства. Три яруса световых проемов в стенах между абсидами являются единственным известным повторением трех ярусов подобных проемов в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря, но здесь такое количество ярусов было нужно еще и потому, что большая высота требовала больше световых проемов.

Интерьер собора Юрьева монастыря принадлежит к ярким выражениям духа древнерусской культуры, это поразительное единство вертикализма и гармонии, как будто вовремя останавливающей этот вертикализм за шаг до башнеобразности, до крайности (илл. 31).

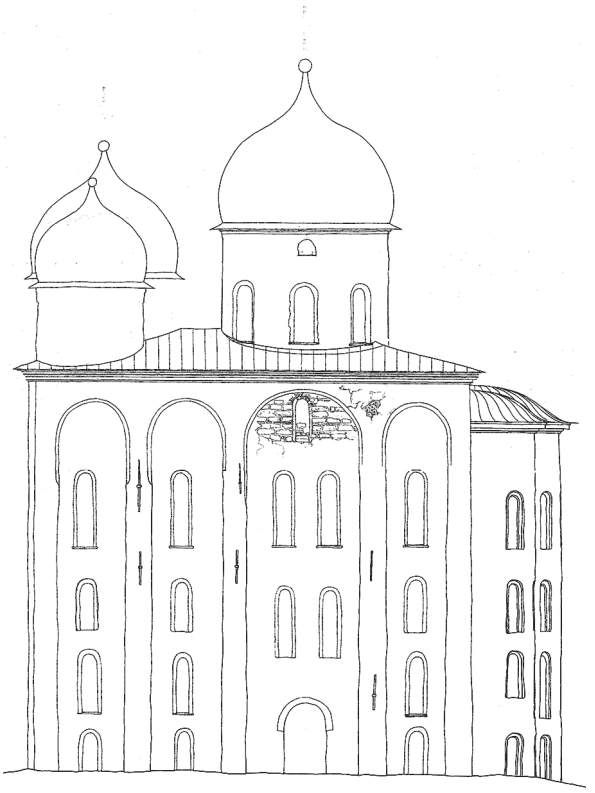
Особую остроту архитектуре Георгиевского собора придает тот факт, что уже в следующих постройках князя Всеволода все эти крайние качества были утрачены, причем как по мановению руки.

Так, в церкви Иоанна Предтечи на Опоках, построенной в 1127–1130 гг. по заказу того же князя в честь рождения сына, высота пропала, храм стал если не приземистым, то невысоким. Это можно было бы списать на то, что храм был выстроен заново в середине XV в. (*Седов*, 2014; 2016), однако собор Ивановского монастыря во Пскове (*Михайлов*, 1982; 1988; *Михайлов, Станюкович*, 1983), построенный, вероятно, тем же новгородским князем Всеволодом-Гавриилом в 1130-е гг., показывает то же падение высоты, исчезновение деталей, упрощение облика. Заметим, что вверху боковых прясел западного фасада собора Ивановского монастыря есть две арочных ниши, которые как будто продолжают ряд по сторонам окна в среднем прясле. Здесь еще помнят только что достигнувшую вершины систему, столь полно сказавшуюся в соборе Юрьева монастыря, но на боковых фасадах и на алтарных скруглениях уже господствует нерасчлененная поверхность стен.

Хотелось бы подчеркнуть, что Георгиевский собор Юрьева монастыря является не только последним сложным и вертикальным памятником Новгородской земли, он является одновременно и последним представителем первого (по хронологии) полного принципа организации фасадов в древнерусской архитектуре: речь идет об уже отмеченных выше горизонтальных поясах окон и ниш, заменяющих в какой-то степени ордер. Северный фасад собора, например, расчленен на прясла лопатками, соединенными вверху арками. Но внутри этой системы прясел с венчающими закомарами существует и другая система, горизонтальная: фасад внутри прясел делится по вертикали на четыре ряда или регистра, состоящие из похожих, но различных по глубине и своему влиянию на зрителя форм: это арочные окна и арочные ниши.



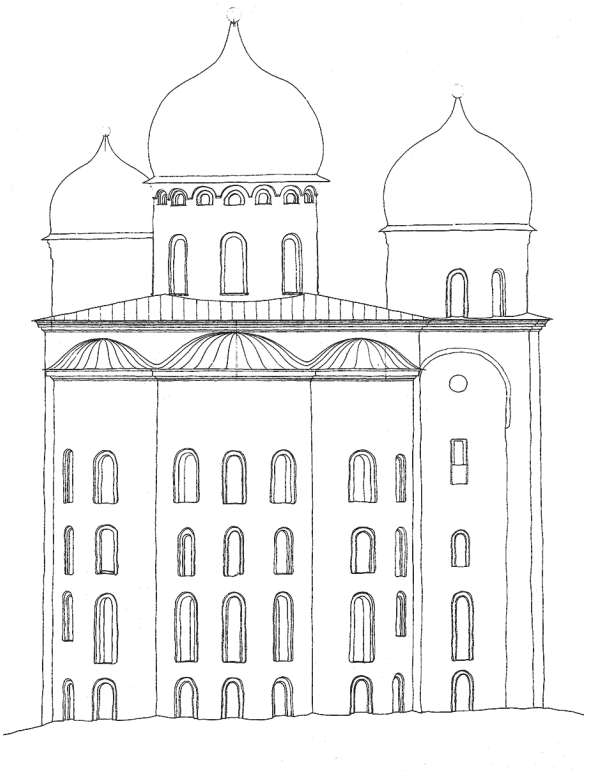
• **Илл. 24. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Западный фасад. Обмерный чертеж Д. М. Федорова. 1952 г.**



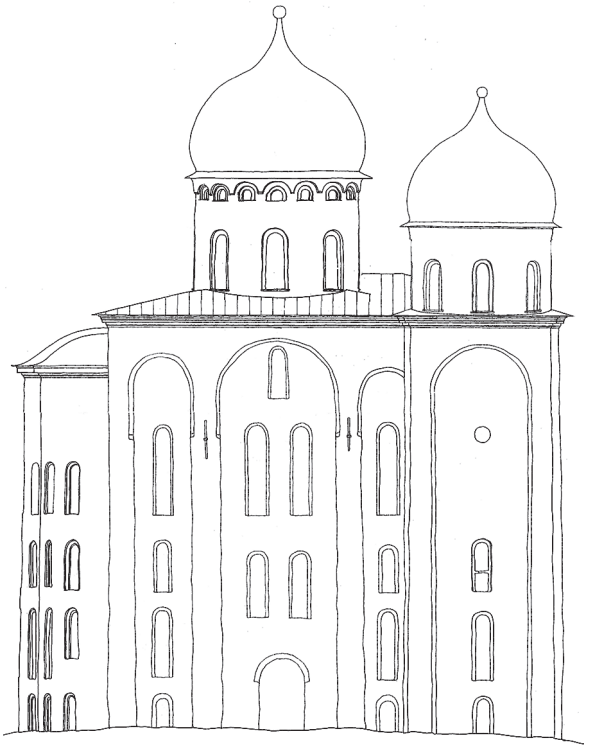
• **Илл. 25. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Южный фасад. Обмерный чертеж Д. М. Федорова. 1952 г.**

Первый ярус образуют полувросшие сейчас в землю арочные ниши, первоначальную высоту которых позволили установить археологические раскопки 2015 г. (илл. 32), во втором ярусе мы видим окна, в третьем — ниши в боковых частях и парные окна в среднем прясле, в четвертом ярусе видим только окна. Пятый ярус состоит из трех ниш, расположенных в плоскости закомар широких северного, западного и южного прясел, отвечающих рукавам (ветвям) пространственного креста (илл. 33). Перед нами ярусная система организации фасада, система ясная, основанная на подобии окон и ниш и, одновременно, на контрасте между сквозными проемами окон и не слишком глубокими нишами, только немного углубленными в мощные стены. Откуда пришла эта система? Какова ее хронология? На эти вопросы мы и попытаемся ответить во второй части этой статьи.

Иконография фасадов древнерусских храмов раннего этапа все еще практически не изучена, ее исследование до настоящего времени шло по линии констатации тех или иных решений в конкретных памятниках. Толчком к изучению этой темы послужила работа в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и около него, давшая автору возможность долгого всматривания в структуру храма, в его фасадный декор. Фасады этого храма расчленены на прясла лопатками, соединенными вверху арками (закомарами). Получается система ограниченных вертикальными тягами лопаток отрезков, завершенных сверху арочными обводами — архивольтами закомар. Эту систему сравним с аркадой вообще, с последовательным шагом арок, как у моста, как у субструкций больших зданий. Разница состоит в том, что это не настоящая аркада с глубокими арками, но изображенная аркада. Система плоской и высокой



• **Илл. 26. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Восточный фасад. Обмерный чертеж Д. М. Федорова. 1952 г.**

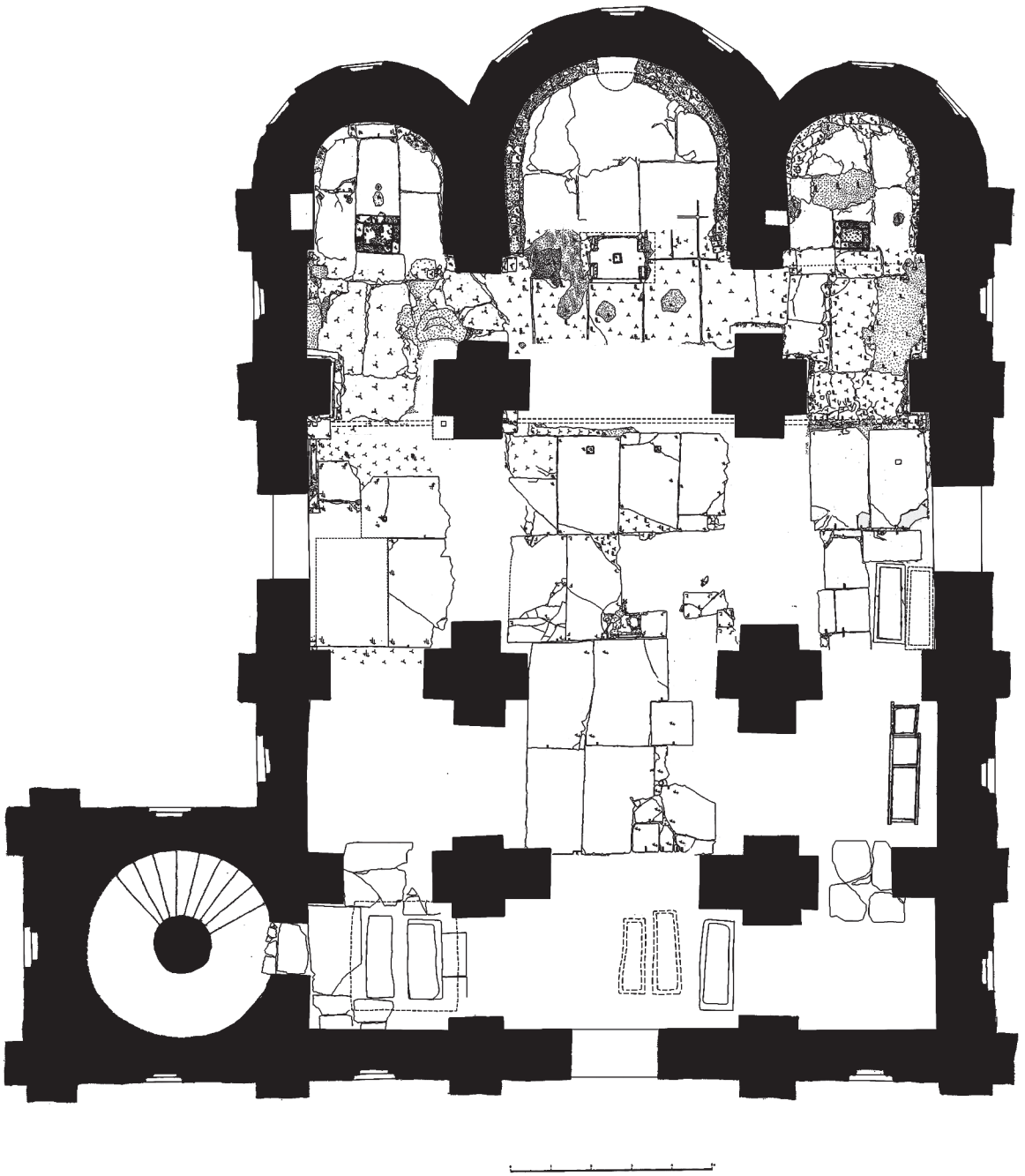


• **Илл. 27. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Северный фасад. Обмерный чертеж Д. М. Федорова. 1952 г.**

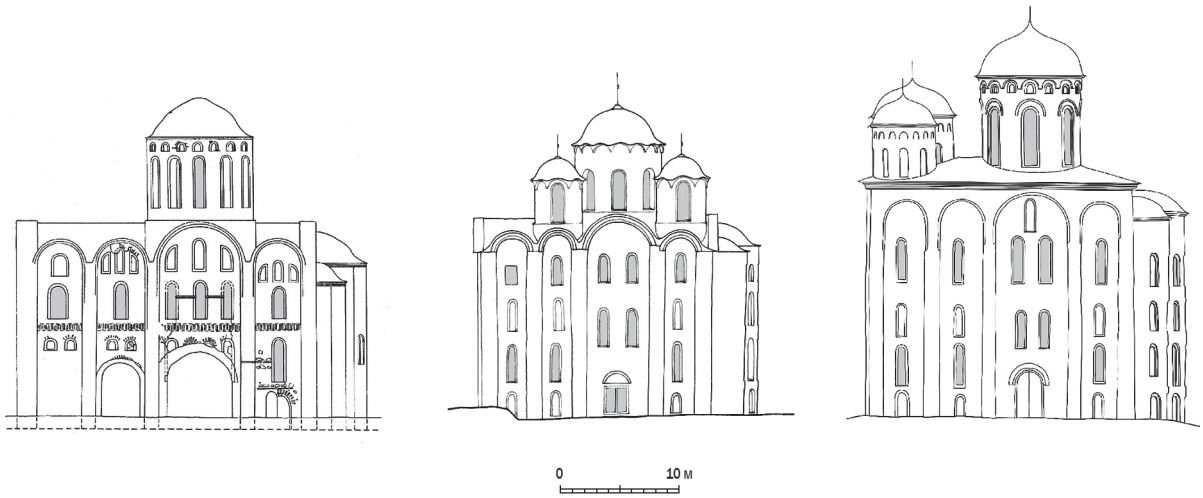
аркады, членящей поверхность здания, имеет, по всей видимости, древнеримское происхождение. Она появилась в позднеримское время, ее мы видим, например, в конце IV в. н. э. в императорской базилике в Трире (*Ward-Perkins*, 1990. P. 442–446), где крупная аркада обнимает своими высокими и довольно широкими арками два яруса света с прочными окнами, расположенными одно над другим.

На Русь эта система пришла из Византии, где, кажется, не было храмов, у которых каждое прясло завершается аркой, но были, например, западные части храмов или притворы, завершенные арками в каждой части, а также были группы крупных арочных ниш на фасадах, завершавшихся как горизонтальными отрезками кровли, так и арочными участками, которые в древнерусской архитектуре называются закомарами. На Руси в конце XI в. возник несколько отличающийся тип завершения храма, называемый учеными позакомарным (*Комеч*, 1975а): с последовательным применением арочных завершений в каждом прясле. Этот тип надолго определил образ древнерусских храмов, он господствует в архитектуре XII в., несколько отступает (мы не знаем — насколько) в начале и конце XIII в., продолжает существовать с разными вариациями в XIV–XV вв. (больше на Северо-Востоке Руси, чем на Северо-Западе), а после обретает новую жизнь в архитектуре Московского царства XVI–XVII вв.

Многочисленные ниши расположены так, что они почти теряются в плоскости стен, они заметны, но не занимают большой плоскости, а потому не облегчают зрительно стену, как могли бы, если бы их было много. Это все же не иллюзорный прием (хотя он мог быть таким и, как увидим ниже, был таким первоначально, в более ранних памятниках), а прием, прежде всего, декоративный и структурный одновременно:

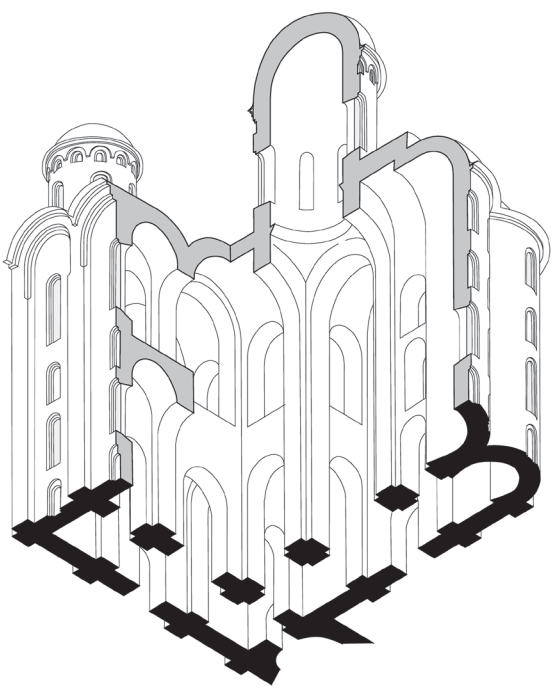


• **Илл. 28. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План по результатам раскопок 2013–2016 гг. Чертеж Ю. С. Фомичёвой по материалам автора**

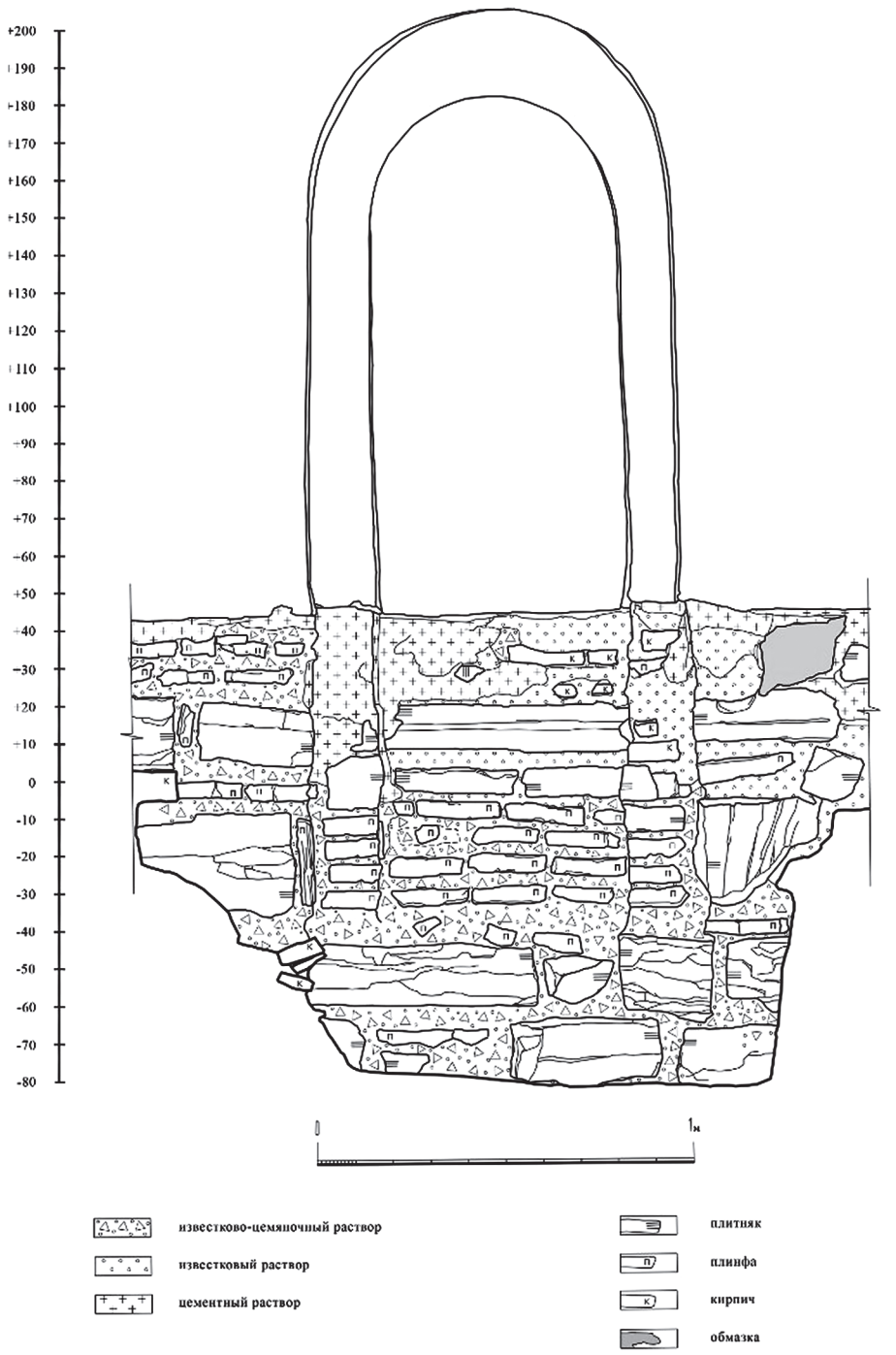


• **Илл. 29. Южные фасады древнерусских храмов начала XII в. Слева направо: собор Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве, 1108–1113 гг.; церковь Николы на Дворище в Новгороде, 1113 г.; Георгиевский собор Юрьева монастыря, 1119 г.**

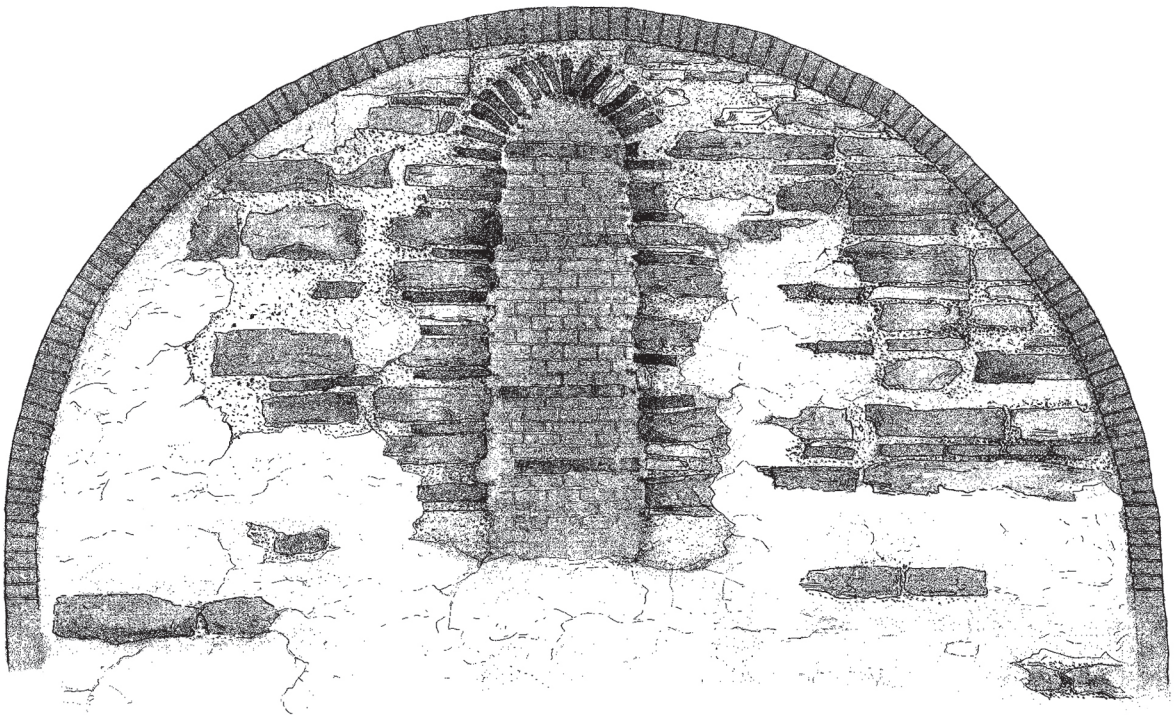
• **Илл. 30. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Продольный разрез. Чертеж Ю. С. Фомичёвой по материалам автора**



• **Илл. 31. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Аксонометрический разрез. Чертеж Е. Н. Пророковой по материалам автора**



• **Илл. 32. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Ниша первого яруса в восточном прясле северного фасада. Раскопки 2015 г.**



• **Илл. 33. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Ниша в средней закомаре западного фасада. Исследования Г. М. Штендера 1970-х гг.**

структурный потому, что складывается в некую членящую плоскость систему, а декоративный потому, что подражает каким-то формам, в данном случае — арочным окнам и более крупным арочным нишам прясел.

Это перевод аркады, легкой и сквозной, или ряда окон, все-таки тоже сквозных, в другую плоскость, изобразительную. Назовем эту систему системой аркатур, малых аркад, в данном случае вписанных горизонтальными отрезками в звенья аркад и как будто прошивающих эти большие аркады своими «строчками».

Итак, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря присутствуют две взаимосвязанные системы членений фасадов: большая система аркад, обнимающих прясла, промежутки между лопатками, имеющие арочные завершения, и малая, вписанная в большую систему система прерывистых аркатур, состоящих из «строчек» окон и, что особенно важно, рядов, «строчек» арочных ниш с двухуступчатой окантовкой.

Сначала опишем иконографические схемы фасадов Георгиевского собора, разделив их на регистры. Начнем с восточного фасада, где арочные окна и схожие с ними арочные ниши размещены на трех абсидах в четырех регистрах. В первом регистре расположено семь ниш: три на средней абсиде (из них средняя ниша имеет еще наверху дополнение — дополнительную малую нишку) и по две — на боковых. Во втором регистре, более высоком по сравнению с первым, находятся пять окон, три на средней абсиде и по одному — в боковых, а также, по краям на боковых абсидах, здесь видим две ниши, которые снизу короче окон. Это сделано для перспективного перехода к боковым фасадам. В третьем регистре, таком же невысоком, как и первый, находится семь ниш, три — на средней абсиде (средняя ниша снизу короче фланкирующих ее соседних) и по две — на боковых. В верхнем четвертом регистре ниши перемежаются с окнами, всего здесь три ниши, одна ниша в середине на средней абсиде и по одной — с краю боковых полукружий (последние расположены так же, как ниши второго регистра), и четыре окна (два по сторонам ниши в средней абсиде и по одному — в боковых). Относительно окон этого ряда есть некоторые сомнения: не были ли они пробиты в нишах при позднем ремонте? Однако прямых свидетельств такого вторжения у нас нет,

а потому мы все же описываем существующую ситуацию. Всего на фасаде с алтарными полукружиями 9 окон и 19 ниш.

Ниши и окна восточного фасада как будто заменяют друг друга, они расположены довольно ровными вертикальными рядами, образующими снизу вверх ритм А-Б-А-Б, где А — средний по высоте ряд, а Б — высокий. Этот же ритм по вертикали повторяют и другие фасады.

На южном фасаде, напомним, четыре прясла, из которых выделяется по ширине второе с востока, соответствующее южному рукаву пространственного креста. В этом прясле в первом регистре господствует широкий и высокий арочный проем портала, тогда как в похожих трех пряслах внизу расположены ниши, по одной в прясле. Над ними в этих же стандартных пряслах во втором регистре прорезаны три высоких окна, а в широком прясле в этом регистре в незаполненную плоскость вторгается портал. В третьем регистре в широком прясле заметны два окна, несколько опущенных относительно ниш этого регистра, а в стандартных пряслах помещены три ниши, по одной в каждом, как и в первом регистре. В четвертом регистре мы видим пять высоких окон, два в широком прясле и по одному — в стандартных. И, наконец, в широком прясле уже в поле закомары появляется арочная ниша пятого яруса. Всего на южном фасаде один портал, 10 окон и 7 ниш.

На противоположном, северном фасаде собора ситуация осложняется тем, что западное прясло и часть примыкающего к нему второго с запада прясла прикрыты объемом лестничной башни. Поэтому здесь получается укороченный фасад, в котором середину занимает широкое прясло, соответствующее торцу северной ветви пространственного креста, а по сторонам расположены более узкие прясла: стандартное — слева (восточнее) и узкое (из-за башни) — справа (западнее). Принцип расположения ниш и проемов на этом фасаде тот же, что и на южном. В первом регистре в среднем прясле господствует портал, поднимающийся до уровня второго регистра, по сторонам в пряслах размещено по одной нише, причем в узком прясле с запада ниша расположена посередине. Во втором регистре в среднем прясле наблюдается перебивка, а по сторонам в малых пряслах прорезано по одному высокому окну. В третьем регистре в широком прясле находим два окна, опущенных относительно уровня двух ниш в боковых пряслах (по одному в каждом). В четвертом регистре видим четыре высоких окна, по одному в боковых пряслах и два — в среднем. Наконец, в пятом регистре в среднем прясле, уже в закомаре, имеется ниша, такая же, как на южном фасаде. Итого на северном фасаде имеем один портал, 5 ниш и 8 окон.

В какой-то степени продолжают северный фасад два фасада выступающей к северу квадратной в плане лестничной башни, восточный и северный. Восточный фасад башни виден хорошо при взгляде на северный фасад собора с северо-востока, он как будто продолжает фасад собора с заворотом под прямым углом. Здесь ниши расположены в четыре регистра, примерно так же и той же высоты, что и на примыкающем западном прясле северного фасада. В поле ниши второго регистра внизу прорезано небольшое щелевидное окно, ниша третьего регистра сделана невысокой, выбиваясь из регистра, а ниша четвертого регистра имеет прямоугольные очертания, и в нее врезано узкое окно без арочного завершения. На смежном северном фасаде башни, который при взгляде с севера зрительно продолжает северный фасад собора, ниши устроены уже в три регистра — верхний четвертый регистр отсутствует. Ниша третьего регистра имеет нормальную (не сокращенную) высоту, соответствующую регистру, в ней внизу прорезано щелевидное окно.

Западный фасад лестничной башни устроен в одну линию с западным фасадом самого храма, но здесь ощутима перебивка ритма с тремя пряслами собора, так что вернее рассмотреть и этот фасад как часть башни. На западном фасаде башни ниши размещены по одной в четырех регистрах: нижний регистр соответствует этому уровню на других фасадах башни и западного фасада храма, второй — тоже соответствует соседним рядам, а вот ниша третьего регистра существенно ниже соседних ниш западного фасада, напоминая по высоте нишу соседнего северного фасада башни. Как видим, ниши здесь выбиваются из общего формата, что говорит о том, что при определенном соотнесении с фасадами собора архитектор все же воспринимал башню как особый объем и выделял это ритмически. Ниша четвертого ряда такой же небольшой высоты, как и ниша третьего, отличаясь от соседних окон на

западном фасаде. Внизу этой ниши устроено щелевидное окно, еще одно такое окно прорезано в плоскости стены над нишей, не создавая пятого регистра, но как будто намекая на него.

Итак, в лестничной башне то три, то четыре регистра, которые устроены только с помощью ниш; в одном случае ниша двухуступчатая, но с прямоугольными очертаниями. Всего в башне 5 щелевидных окон и 11 арочных ниш.

На западном фасаде зодчий выделил три прясла самого собора. Окна и ниши здесь размещены примерно так же, как на южном и северном фасаде: доминирует среднее прясло с порталом, выступающим во второй ярус. Над порталом находится незаполненная плоскость (напомним, что на боковых фасадах на месте этой плоскости прорезаны парные окна), что объясняется тем, что на этот уровень приходится основание сводов нартекса, проходящее по всей длине западного фасада. По сторонам портала во фланкирующих прясслах находится по одной нише. Второй регистр составляют два окна в боковых прясслах. В третьем регистре находятся пять невысоких ниш, три в среднем прясле и по одной — в боковых. Над ними в четвертом регистре по тому же принципу расположено пять окон: в среднем прясле три, а не два окна, как в средних прясслах боковых фасадов, и по одному — в боковых. Все это очень выделяет среднее прясло, соответствующее широкой части нартекса и западному рукаву креста, к тому же здесь был и пятый регистр, в настоящее время не выявленный на фасаде, но хорошо исследованный реставраторами: ниша в уровне закомары. Всего на западном фасаде собора один портал, 7 окон и 8 ниш.

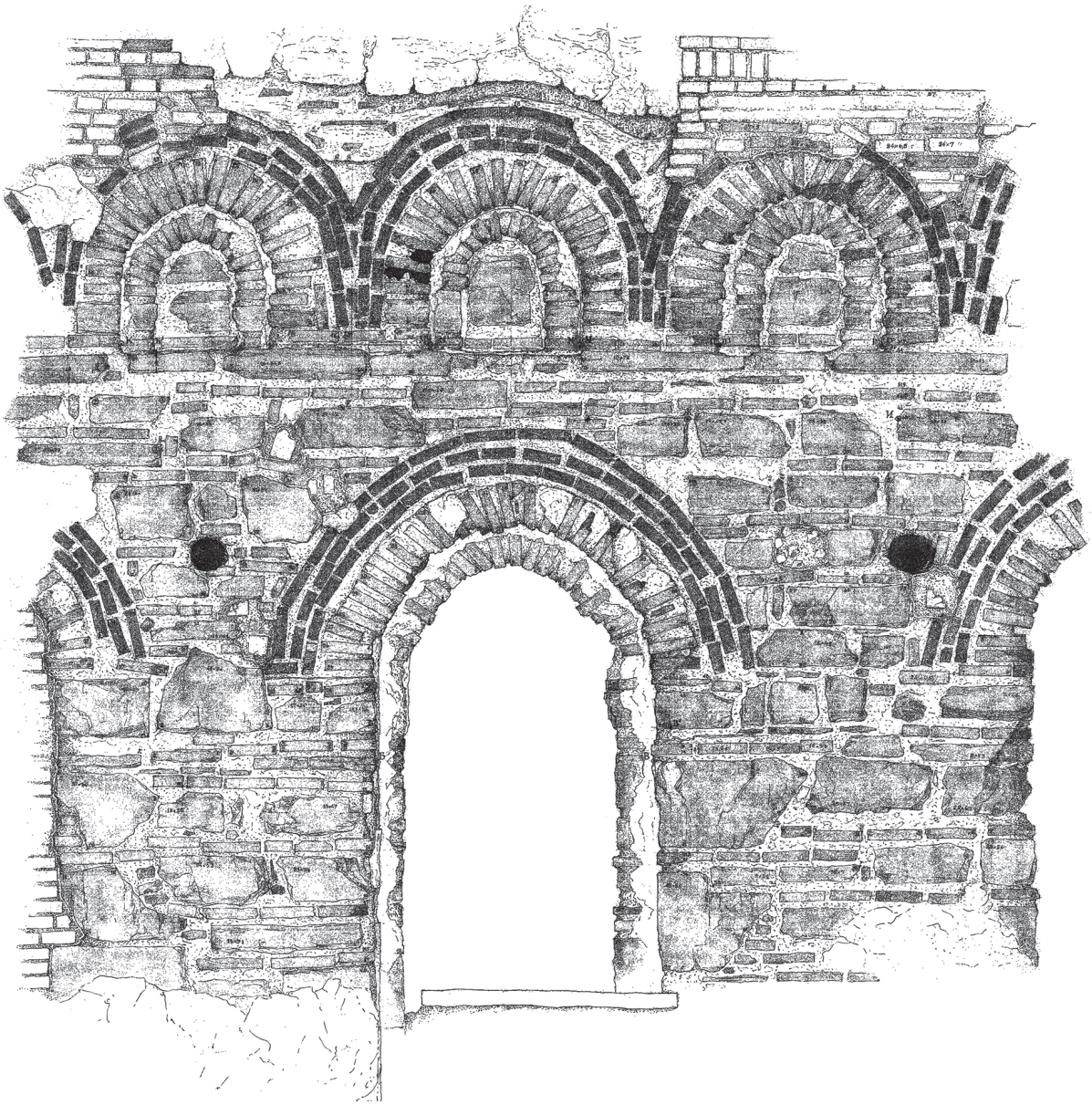
Всего на фасадах Георгиевского собора находим три портала, 34 арочных окна и 50 ниш, одиннадцать из которых расположены на фасадах башни. По всем фасадам проходит один и тот же вертикальный ритм: невысокий ряд ниш внизу, потом высокий ряд окон, выше — невысокий ряд ниш, затем высокие окна. Это все тот же вертикальный ритм А-Б-А-Б, отмеченный на восточном фасаде. Заметим, что вертикальный ритм един для всего здания (с некоторыми сбоями в лестничной башне), что этот ритм не слишком сложен, но внушителен и обеспечивает общую сложность построения фасадов, ощутимую зрителем.

К системе из окон и ниш на фасадах основного объема собора добавляются арочные окна барабана, которые, в отличие от Софийского собора в Новгороде и новгородского же Николо-Дворищенского храма, сверху не имеют аркатурного пояса, а обведены вверху отдельными бровками, над которыми расположены невысокие арочные ниши (илл. 34). Эти ниши в сочетании с расположенными ниже высокими окнами как будто подхватывают тему ярусов на основном объеме. Заметим, что завершение барабана нишами было в Софийском соборе в Киеве, на который, возможно, и ориентировались мастера Георгиевского собора, когда устраивали эти ниши на барабанах своей постройки. Есть подобные арочные ниши и над окнами барабана Успенского собора Киево-Печерского монастыря (*Холостенко*, 1975. С. 161. Рис. 45), который также мог служить образцом для строителей Георгиевского собора. Однако возможно и желание «подхватить» идею украшения «тела собора» рядами окон и ниш и перенести ее на средний барабан, а также на малые барабаны, над башней и над юго-западным углом храма.

В устройстве ниш и окон на фасадах Георгиевского собора присутствует идея симметрии. Есть здесь *зеркальная симметрия* (*Вейль*, 1968. С. 35–67), причем в двух направлениях. Есть вертикальная симметрия: ряды ниш и окон чередуются и повторяются снизу вверх. Присутствует и горизонтальная зеркальная симметрия, осью которой на всех фасадах служат широкие прясла, соответствующие ветвям пространственного креста.

Наблюдаются на фасадах собора и элементы *переносной симметрии* (*Вейль*, 1968. С. 68–79): например, общий набор ниш в двух боковых прясслах южного фасада переносится на западное прясло этого фасада. То же самое происходит на северном фасаде, где, впрочем, западное прясло сильно заужено в связи с тем, что башня шире нартекса и «съедает» часть соседнего прясла. Тот же самый перенос симметрии происходит и на западном фасаде, где набор ниш в боковых прясслах перенесен на фасад лестничной башни, зрительно продолжающий западный фасад собора. С некоторыми сокращениями наверху набор ниш и окон соседних прясел переносится на северный и восточный фасады той же башни.

Это, безусловно, система, состоящая из рядов арок, обходящих собор и как будто изображающих четыре ряда малых аркад (к которой только добавлены ниши пятого яруса в закомарах трех



• **Илл. 34. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Фрагмент фасада среднего барабана. Исследования Г. М. Штендера 1970-х гг.**

рукавов креста), вписанных горизонтальными полосами в большие аркады, образующиеся из прясел, ограниченных лопатками по сторонам и закомарами вверху. В этой системе, которую мы предлагаем называть многоярусной аркадной системой, нет собственно ордерных черт, но есть суперпозиция, постановка одного (в данном случае абстрактного, без несомых и несущих частей) ордерного ряда на другой в соответствии с ритмом, есть последовательность и тщательность в исполнении ритма, что говорит о том, что перед нами подобие ордерной системы. Эта система не могла прийти в Георгиевский собор просто ниоткуда, она должна была сложиться где-то и потом воплотиться в этом большом монастырском храме.

До того, как был заложен собор Юрьева монастыря, до 1119 г., эта система дважды проявляется в новгородском зодчестве. В первый раз мы видим ее в построенной около 1103 г. по заказу князя Мстислава Владимировича церкви Благовещения на Городище, где сохранились основания двух ниш первого яруса: одной — на северном фасаде лестничной башни, расположенной с севера, так же, как и в Георгиевском соборе, а другой — на восточном прясле южного фасада. Расположение остальных ниш неизвестно, но этих двух достаточно для того, чтобы предположить существование на фасадах церкви Благовещения той же системы, что и в соборе Юрьева монастыря.

Во второй раз систему регистров из ниш и окон мы наблюдаем в церкви Николы на Дворище (ее еще называют Николо-Дворищенским собором) в Новгороде, заложенной в 1113 г. все тем же князем Мстиславом Владимировичем. Здесь сохранились ряды ниш и окон, так что мы имеем возможность подробно рассмотреть систему фасадных членений этого храма, более раннего по сравнению с Георгиевским собором.

На восточном фасаде Никольского собора видим четыре регистра: ряд невысоких арочных ниш внизу, ряд довольно высоких окон во втором уровне, опять ярус подобных ниш, а затем, вверху — четвертый регистр невысоких ниш. Уже в этом уменьшении высоты четвертого регистра на восточном фасаде видно, что Никольский собор был предшественником Георгиевского, уступая ему в сложности системы. Кроме того, в Никольском соборе всего один вертикальный ряд на боковых абсидах, тогда как в Георгиевском соборе на таких же полукружиях был устроен дополнительный, второй «столбец» ниш.

Взгляд на восточный фасад Никольского собора уже позволяет видеть в этом памятнике предшественника Георгиевского собора в области иконографии фасадных плоскостей, а путь от собора на Дворище к собору Юрьева монастыря трактовать как эволюцию, как видимое усложнение схемы. На алтарном фасаде Николо-Дворищенского храма 5 окон и 15 ниш, тогда как в Георгиевском соборе стало 9 окон и 19 ниш. Вертикальный ритм на абсидах Никольского собора можно представить как А-Б-Б-В, где А — средняя высота арочных форм, Б — высокие окна и ниши, а В — низкие ниши.

На южном и северном фасадах Николо-Дворищенского собора видим одну и ту же схему: окна и ниши расположены в четырех регистрах с вертикальным ритмом А-Б-Б-В, в котором верхние части прясел хотя и приподняты относительно абсид, а окна сделаны выше, чем ниши на абсидах, но членения верхнего регистра все равно меньше членений двух средних рядов. Кажется, что в Георгиевском соборе решили ввести более четкую схему и устроили уже приведенный выше ритмический ряд А-Б-А-Б.

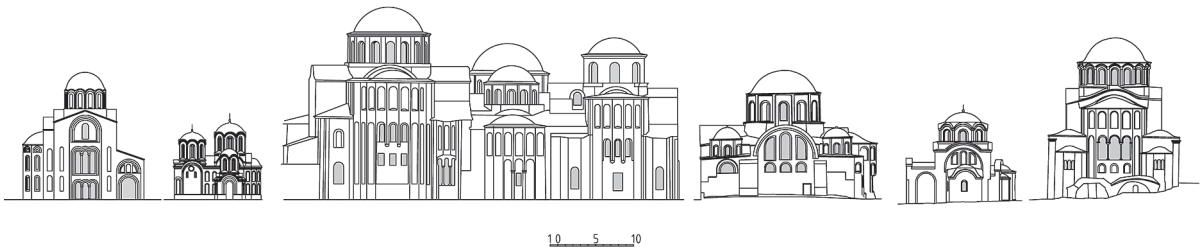
На южном фасаде Никольского храма вверху западного прясла расположен прямоугольный в плане проем, который мы можем трактовать только как внешний вход на хоры собора. На этом фасаде, таким образом, один портал, одна дверь вверху, 6 ниш и 9 окон, а на северном, где на месте двери на хорах находится окно, 6 ниш и 10 окон. На западном фасаде мы не очень уверенно считаем ниши и окна, поскольку проемы растесаны; скорее всего, тут было 7 ниш и 10 окон.

Можно предположить, что в двух сходных по размерам храмах, церкви Благовещения 1103 г. и церкви Николы 1113 г., была примерно одна система регистров, а затем она развилась и усложнилась до той, что мы описали в Георгиевском соборе 1119 г., где изменился вертикальный ритм и был введен пятый регистр на боковых фасадах.

История фасадной декорации трех новгородских храмов начала XII в. с их регистрами арочных ниш и окон заставляет обратиться к истокам этой системы. Мы постараемся проследить ее зарождение, развитие в архитектуре Византии и переход в древнерусское зодчество.

Эта аркадная система имеет еще римские корни. В так называемой Арке Януса в Риме (начало IV в. н. э.) мы видим принципиально схожую систему организации больших плоскостей (*Grundmann*, 1998. P. 64), на которых ниши расположены рядами и ярусами. Заметим, что это арка-тетрапилон с квадратными опорами, без интерьера, а потому здесь присутствуют только арочные ниши с вогнутыми поверхностями, а вместо окон здесь четыре широких и высоких сквозных арки на двух осях.

Два яруса больших плоских арочных ниш организуют плоскости торцов трансепта в миланской церкви Сан-Симплициано, построенной в конце IV в. (*Krautheimer*, 1986. P. 83. Ill. 39–40). Эта же система ярусов присутствует и в более



• **Илл. 35. Чертежи фасадов византийских храмов с ярусами ниш. Слева направо: церковь в Учайяке (северный фасад); церковь в Велюсе (южный фасад); три храма монастыря Пантократора в Константинополе (восточный фасад); церковь монастыря Космосотиры в Феррах (южный фасад); церковь Николая в Куршумлии (южный фасад); церковь монастыря Хора в Константинополе (восточный фасад)**

позднем здании, уже византийском, — в дворце VII в. в Равенне, но здесь мотив ниш сливается в аркады, снабженные колонками (*Argan*, 1978. P. 17–18. Fig. 27).

В древнерусской архитектуре, возникшей при прямом влиянии архитектуры византийской, поначалу мы такой системы чередования окон и ниш не видим: в Черниговском Спасо-Преображенском соборе, сооруженном около 1036 г. (*Комеч*, 1975б; 1982б; 1987. С. 134–168; *Холостенко*, 1990), система иная. Здесь на западном фасаде внизу мы видим своеобразную глухую аркаду из крупных ниш, так называемый тип «акведук» — по Слободану Чурчичу (*Ćurčić*, 1978) или «псевдоконструктивные одинаковые ниши» — по Николе Мавродинову (*Мавродинов*, 1935. С. 286–295); наверху же, во втором ярусе, — крупные прясла с завершающими их арками. На боковых фасадах черниговского Спаса видим ту же систему. И только на абсидах находим три (на средней абсиде) или два регистра ниш и окон, причем на средней абсиде появляются не только плоские арочные ниши, но и более сложные, с вогнутой плоскостью (*Комеч*, 1987. С. 156–157). Еще раз ярусы ниш (их два) возникают на фасаде круглой лестничной башни черниговского собора.

Заметим, что подобные ряды арочных ниш и окон, в которых окна как будто встраиваются в ряды ниш, характерны для ранних древнерусских храмов, но только для их алтарных выступов. Три ряда арок (внизу ряд окон и выше два ряда ниш) находим в средней абсиде Софии Киевской, а на боковых абсидах видим даже четыре ряда ниш, в которые иногда встроены окна (*Комеч*, 1987. С. 197–199). Эти ниши не только несколько облегчают стену, но и делают ее слоистой, снимая по контуру арочной ниши один слой в виде арочной «рамки», а затем и второй слой — в глубине ниши, в ее «дне».

Мы могли бы предположить, что подобные регистры ниш на абсидах были характерны для трех Софийских соборов, сооруженных последовательно в Киеве, Новгороде и Полоцке. Однако в Новгородской Софии, сооруженной в самой середине XI в., на абсидах не находим ниш вовсе. Нет здесь и ниш на остальных фасадах, где плоскость расчленяют лишь довольно сильно вынесенные лопатки, образующие основную структурную сетку фасадов этого значительного храма.

Эта суровая и сдержанная структурность фасадов Софии Новгородской, граничащая с минимализмом, заставляет задуматься об основных фасадах других ранних древнерусских соборов (не восточных, а западных и боковых), о которых мы мало знаем. Кажется, что они тоже были такими «строгими», без рядов ниш, и эта строгость в Новгороде лишь усилилась, перейдя с западного и боковых фасадов и на восточный, на абсиды.

На абсидах Софии Полоцкой (1160-е гг.?) вновь встречаем ряды ниш; упрощение на алтарных выступах, отмеченное нами в Софии Новгородской, как будто «прошло», все вернулось к некоей норме, как в Софии Киевской. На фасадах, по всей видимости, не было ниш (*Комеч*, 1987. С. 255–257).

Теперь обратимся к византийскому материалу (средневизантийского времени) и рассмотрим случаи, в которых ниши на алтарных полукружиях складываются в последовательно разработанные ряды, сочетаясь с окнами

• **Илл. 36. Церковь монастыря Рочеллетта в Сквиллаче близ Катанзаро в Калабрии. Восточный фасад**

(илл. 35). В некоторых древнерусских памятниках XI в. мы видели ряды ниш на абсидах. Этот прием, несомненно, пришел из столичной, константинопольской архитектуры, где мы видим его, например, в Эски Имарет Джами, которую можно осторожно датировать XI веком (*Ousterhout*, 1992а). Тут видим как вогнутые, так и плоские ниши. В другой константинопольской церкви, известной как Молла-Гюрани Джами или Килисе Джами, обнаруживаем подобный прием (*Hallensleben*, 1963/1964; *Седов*, 2008. С. 18–19). В церкви Панагии Камариотиссы (XI в.?) на острове Халки в Мраморном море неподалеку от Константинополя ряд арочных ниш, причем как плоских, так и вогнутых, проходит над уровнем окон по трем абсидам с востока и продолжается на трех остальных фасадах, где выступают трехгранные экседры (*Mathews*, 1973).

Константинопольская архитектурная школа произвела на свет и собор монастыря Неа Мони на острове Хиос (*Orlandos*, 1930; *Ousterhout*, 1992б), который был сооружен в середине XI в. при императоре Константине Мономахе (1042–1055): здесь на абсидах видим сочетание арочных двухуступчатых ниш и окон, причем на средней абсиде создается два яруса, окна и ниши — в первом ярусе и ниши — во втором. Похожий набор из двух ярусов плоских ниш с одним или двумя уступами и схожих окон обнаруживаем на абсидах церкви в Вавили на том же острове Хиос, сооруженной на рубеже XII–XIII вв. (*Vocotopoulos*, 1979. P. 250. Fig. 1).

В построенной в конце XI в. церкви монастыря Рочеллетта в Сквиллаче близ Катанзаро в Калабрии (*Strzygowski*, 1903. S. 221–227; *Krautheimer*, 1986. P. 403) при западном базиликальном плане видим несколько ярусов ниш и окон на трех абсидах (илл. 36) и один ряд перемежающихся арочных окон и ниш на боковых фасадах; здесь, таким образом, наблюдаем своеобразный переход ниш с абсид на боковые фасады. Примерно такой же переход одного ряда ниш (и окон) с абсиды на восточный фасад и боковые фасады видим в средневизантийском одноабсидном храме типа «вписанный крест» в Фисандоне (в Малой Азии), где окна и ниши образуют цельный ряд, своеобразную аркатуру, обходящую храм примерно на середине высоты его фасадов, а также в мало-

азийской же церкви Ала Килисе (*Strzygowski*, 1903. S. 154–156; *Ousterhout*, 2019. P. 443).

Сложнейший набор ниш, расположенных рядами, видим на абсидах константинопольских храмов XII в., комниновского времени и стиля: в трех церквах монастыря Пантократор, уже первой трети XII в. (*Mango*, 1978. P. 133–136; *Ćurčić*, 2010. P. 361–364; *Ousterhout*, 2019. P. 370–374), в церкви, известной как мечеть Гюль Джами, относящейся к середине — второй половине XII в. (*Schäfer*, 1973), а также в главной церкви столичного монастыря Хора (Кахрие-Джами), построенной в том же XII столетии (*Ousterhout*, 1987). На западном фасаде южного храма Пантократора в средней закомаре видна тройная ниша с арочной нишей в середине и двумя полуарочными по сторонам; такие же ниши (иногда их трудно отличить от заложенных ниш, но, кажется, это все же именно ниши) находим на восточных фасадах церкви, известной как Гюль Джами). Этот мотив, напоминающий так называемые «термальные окна», то есть окна римских терм, перешел с каких-то более ранних византийских и столичных памятников на фасады Успенского собора Киево-Печерского монастыря и собора Михайлово-Златоверхого монастыря. В новгородских памятниках его нет.

В церкви монастыря Космосотира в Феррах во Фракии (середина XII в.) наблюдаем уже упрощение мотива ниш на абсидах (*Sinos*, 1985; *Ćurčić*, 2010. P. 408–409; *Ousterhout*, 2019. P. 375–376). Такое упрощение характерно для эпохи Комнинов, что видно также из рассмотрения алтарной части церкви Аверкия в Куршунлу (*Седов*, 1999). И там, и здесь видим всего один ряд ниш, к тому же расположенных только вверху объемов.

Отдельные ниши или их ряды встречаются и на боковых фасадах, что мы уже видели в Рочеллетте. В Чанли Килисе, расположенной уже в Малой Азии, но построенной под несомненным столичным влиянием в начале XI в. (*Ousterhout*, 2005. P. 61–62, 71–72), видим двухъярусную структуру фасада: в первом ярусе появляется мотив «акведука» из ниш, а во втором — три отдельные ниши, образующие подобие прясел древнерусских храмов и складывающиеся в структуру, которую С. Чурчич назвал «триумфальной аркой». Мы предлагаем сами эти ниши верхнего яруса и их подобия называть «ниши-прясла».

В церкви в Сапаревой Бане в Болгарии, относящейся к комниновскому времени, фасад тоже членят своеобразные ниши-прясла (*Миятев*, 1965. С. 188–190; *Чанева-Дечевска*, 1988. С. 101).

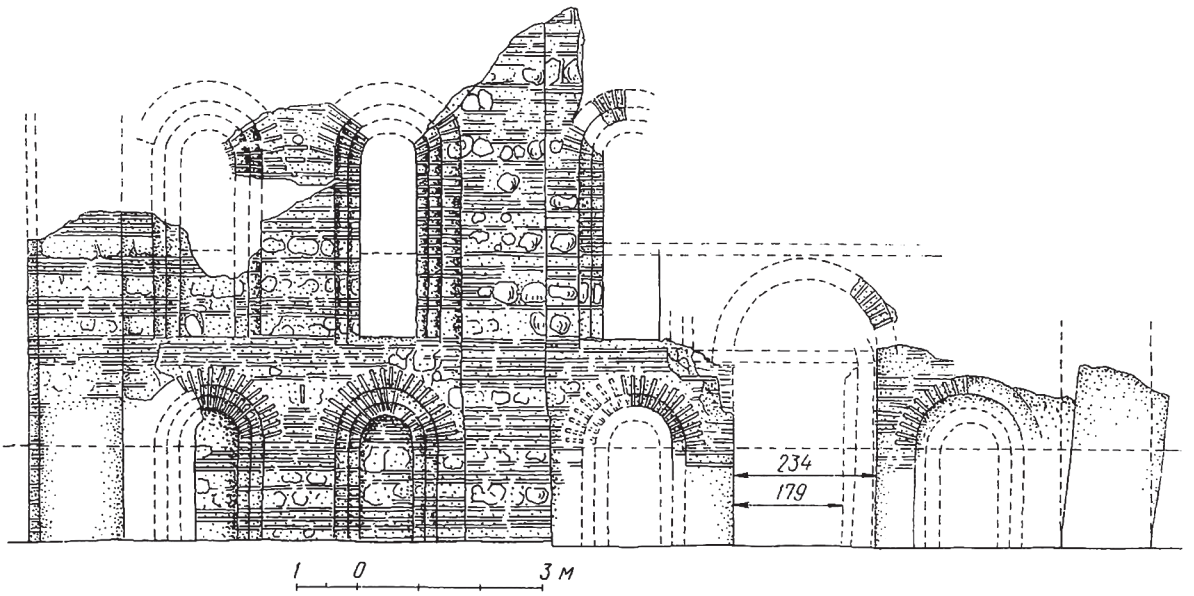
В константинопольской церкви Календерхане Джами, построенной, видимо, в конце XII в., находим одиночные крупные арочные ниши, отмечающие место придела на хорах в западной части боковых фасадов и соответствующие третьему ряду окон средних прясел (*Striker, Kuban*, 1997).

А в таких уже поздневизантийских по времени строительства и стилю храмах, как церковь Пантелеймона (западный, верхний объем, около 1259 г.) в Бояне (*Грабар*, 1922. С. 118–127; *Мавродинов*, 1931. С. 40–41; *Миятев*, 1965. С. 184–185; *Чанева-Дечевска*, 1988. С. 98–99; *Ćurčić*, 2010. P. 483), на боковых фасадах видим ряд арочных ниш, не слишком регулярный или, скорее, монотонный, но повышающийся несимметрично в области портала.

Иногда этот ряд выправляется и опять превращается в мотив «акведука» — как в болгарском храме начала XIII в., церкви Богородицы Петричка в Асеновой крепости (*Грабар*, 1922. С. 127–131; *Чанева-Дечевска*, 1988. С. 105–109; *Mihaljević*, 2012. P. 109–112; *Ćurčić*, 2010. P. 481–482).

И, все же, все перечисленные памятники как македонского, так и комниновского времени на боковых и западных фасадах не обладают устойчивыми рядами ниш (взаимоотношение верхних и нижних рядов в них чаще всего неустойчиво) и не могут рассматриваться в качестве образцов для рядов ниш киевских и новгородских памятников, к которым мы сейчас должны вернуться, чтобы понять, какую систему киевских мастеров мы должны рассматривать в качестве некоей общности, для которой нужно искать источник в византийской архитектуре.

На боковых фасадах ранних древнерусских храмов, первой половины — середины XI в., рядов арочных ниш, перемежающихся с окнами, не было, за исключением подобного декора на лестничной башне Спасо-Преображенского собора в Чернигове. Но на фасадах внешних частей Софийского собора в Киеве имелись и до сих пор кое-где заметны полуциркульные двухуступчатые арки, которые расположены во втором ярусе, над проемами (*Моргилевський*, 1926. С. 86–87). Эти арки, имеющие сокращенный абрис (они образованы только самими арками, без прямоугольного «тела» внизу), можно рассматривать в качестве некой подготовки к созда-



• **Илл. 37. Успенский собор Киево-Печерского монастыря. Фрагмент северного фасада. По чертежу Н. В. Холостенко**

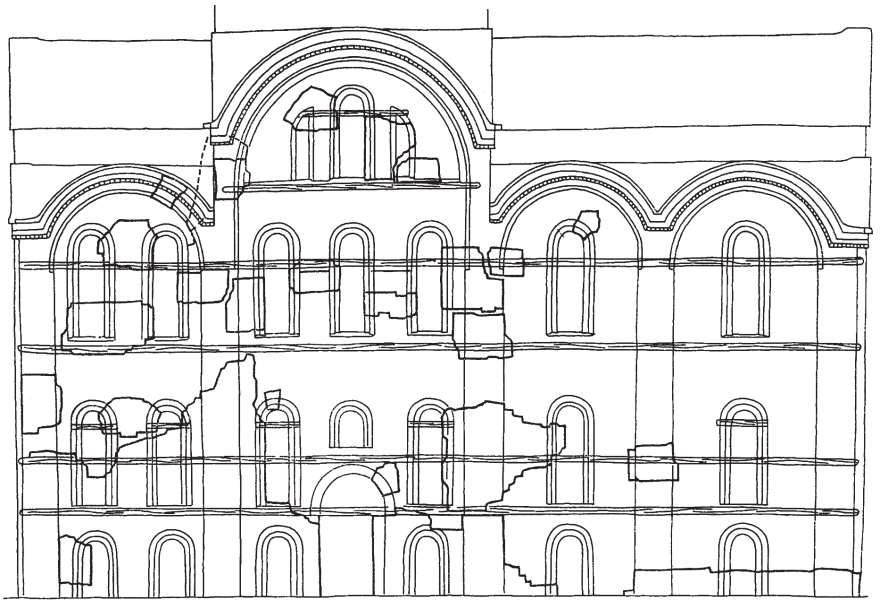
нию ярусов ниш, это своеобразное продолжение вполне сложившейся системы ниш и окон на абсидах той же Софии, но продолжение сокращенное, как будто робкое.

На абсидах Успенского собора Киево-Печерского монастыря (*Каргер*, 1961. С. 337–369; *Холостенко*, 1975; 1976; *Комеч*, 1987. С. 268–275; *Асеев*, 1989; *Сіткарьова*, 2000), построенного, судя по преданию, да и судя по формам, константинопольскими зодчими в 1070-е гг. (1073–1077 гг.), видим вроде бы уже знакомый по средневизантийской столичной архитектуре прием обработки нишами, расположенными рядами. В Успенском соборе очень важно то обстоятельство, что не только абсиды, но и боковые фасады (и, заметим, вероятно, и западный фасад) были расчленены четырьмя ярусами арочных окон и арочных же ниш, причем эти ряды играют очень существенную роль в образе и ритме фасада, едва ли не большую, чем лопатки. Придельная церковь Иоанна Предтечи была декорирована двумя ярусами арочных ниш.

На фиксационном чертеже сохранившейся части северного фасада (илл. 37) и реконструкции северного фасада Успенского собора (*Холостенко*, 1975. С. 148–153; 1976. С. 143–144, 158) видим отчетливее, что основу фасада составляли не только вертикальные лопатки, но и горизонтальные ряды: первый ряд — арочные ниши в основании (совсем как в Георгиевском соборе Юрьева монастыря), затем ряд ниш, в которые вписаны окна, выше — третий ряд, тоже включающий как окна, так и ниши (илл. 38). В средней закомаре есть и четвертый ряд ниш и окон, похожий на термальное окно. Эти окна или ниши термальной формы составляют особенность киевских памятников и на фасады новгородских храмов не переходят.

Еще в одном киевском памятнике второй половины XI в., Михайловском соборе Выдубицкого монастыря (заложен в 1070 г.), находим арочные ниши, которые, как кажется, складываются в ряды (собор сохранился частично, так что судить трудно): на южном фасаде нартекса в крупную арочную нишу вписаны две малые вертикальные арочные ниши, на выступающем с севера фасаде лестничной башни отчетливо видны два ряда арочных ниш (*Каргер*, 1961. С. 287–310; *Комеч*, 1987. С. 264–267). Правда, нужно отметить, что ниши собора Выдубицкого монастыря расположены довольно высоко от земли, то есть ниши еще не образуют отчетливого первого ряда — как это будет впоследствии.

Зато отметим слоистость краев этих ниш, сделанную в три уступа, что встречается только в наиболее изощренных памятниках. Нам пока



• **Илл. 38. Успенский собор Киево-Печерского монастыря. Реконструкция северного фасада. По чертежу Н. В. Холостенко**

известны только ниши с таким же числом уступов лишь в первом ярусе северного фасада церкви в Чанли Килисе (*Ousterhout*, 2005. P. 260–261. Ill. 27, 28). Обычно же ниши имеют два уступа, это касается как собственно византийских памятников, так и древнерусских памятников средневизантийского периода.

В соборе Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве, постройке уже начала XII в. (1108–1113 гг.), очень сильно подражающей Успенскому собору Печерского монастыря, тоже были ряды ниш и окон (*Комеч*, 1987. С. 275–280, *Івакін*, 1996; *Ивакин*, 1999; 2004). На чертеже И. В. Моргилевского 1930-х годов (илл. 39), опубликованном М. К. Каргером (*Каргер*, 1961. С. 279. Рис. 91), видно, что композиция окон и ниш в этом соборе примерно такая же, как и в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря, но здесь четвертый ярус ниш с окнами складывается в особый, четвертый ряд почти везде, кроме западных прясел, где видим отдельные арочные ниши; четыре яруса ниш и окон было и на западном фасаде собора, где появляются в уровне второго яруса и невысокие ниши-арки (*Холостенко*, 1976. С. 159).

Троицкая надвратная церковь Киево-Печерского монастыря начала XII в. (*Каргер*, 1961. С. 370–374; *Комеч*, 1987. С. 280–281) показывает, что в киевской архитектуре идея чередования рядов и ниш не только сохранилась на два-три десятилетия, но и получила некоторое развитие: мы видим фасад с четырьмя регистрами, из которых первый занимают собственно ворота, а три верхних ряда представляют собой правильное чередование ряда арочных ниш, ряда окон и еще одного, верхнего ряда ниш, в которое вписано и окно среднего прясла. Арочная форма ниш и окон, безусловно, перекликается с арочными пряслами храма.

И, наконец, собор Спасского монастыря на Берестове, сооруженный в конце XI — начале XII в. (*Каргер*, 1961. С. 374–391; *Асеев, Харламов*, 1979). Он сохранился частично, так что о количестве рядов ниш и окон на фасадах мы можем судить только по реконструкциям. Но то, что такие ниши рядами украшали и членили фасады храма, мы знаем достоверно — по декоративной обработке боковых частей нартекса, в том числе лестничной башни этого храма, где сохранилось два яруса арочных ниш. На реконструкциях окна и ниши расположены в три или даже в четыре ряда, но это только предположения.

Наиболее развитым вариантом устройства ярусов ниш и окон являются два киевских храма, Успенский собор Киево-Печерского монастыря и собор Михайлово-Златоверхого монастыря, где есть ярус глухих арочных ниш внизу. Этот

• **Илл. 39. Собор Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве. Южный фасад. По чертежу И. В. Моргилевского**

ярус начинает членение по вертикали, вводит тему арочных уступчатых форм, продолжающуюся выше. Именно к этим двум памятникам восходят подобные членения трех новгородских памятников первой четверти XII в. Эта небольшая киевская группа пока состоит из упомянутых двух памятников, к которым можно прибавить еще собор в Суздале, где у лестничной башни реконструирована арочная двухуступчатая ниша первого яруса (*Зыков*, 2008; 2010; 2019).

В двух других киевских памятниках система ярусных ниш неполная: сложные ниши собора Выдубицкого монастыря расположены высоко, то есть внизу отсутствует первый ярус, примерно то же видим и в Троицкой надвратной церкви Киево-Печерского монастыря, однако это пример не совсем частого типа постройки, а потому здесь могло быть определенное упрощение. Вероятно, подобных памятников в Киеве и областях, где каменные храмы сооружались киевскими мастерами-архитекторами, было больше.

Откуда же этот прием членения фасадов попал в Киев? Мы думаем, что непосредственно из Константинополя, но подобные регистры ниш и окон нам в собственно столичных памятниках неизвестны. Зато они есть в таком связанном со столичной школой храме, как Учайяк (илл. 40), датируемый XI веком (*Strzygowski*,

• **Илл. 40. Церковь в Учайяке. Южный фасад**

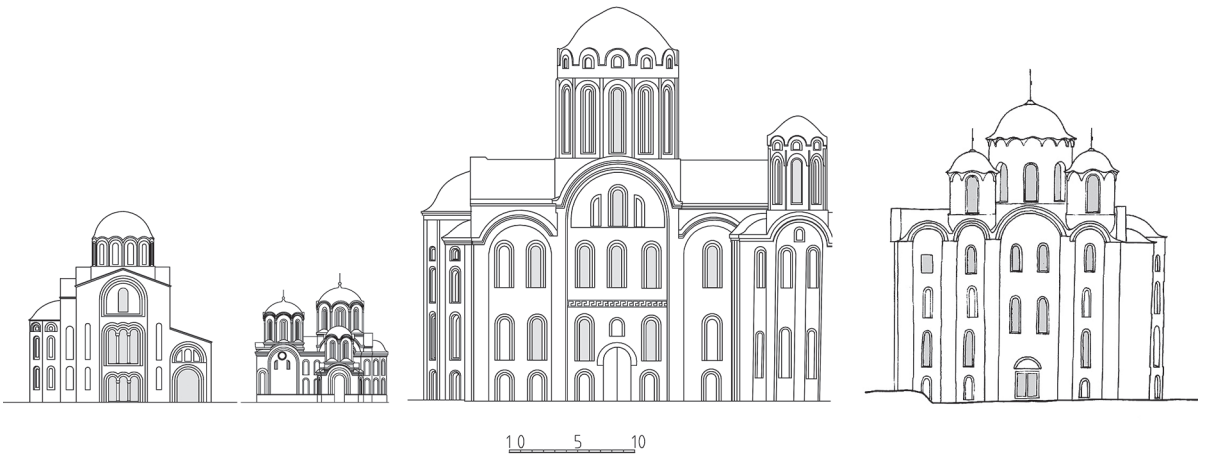
• **Илл. 41. Церковь монастыря Елеусы в Велюсе. Вид с востока**

1903. S. 32–41; *Eyice*, 1968; *Комеч*, 1987. С. 101–102; *Mihaljević*, 2014. P. 732–733, 738–739; *Виноградов, Ёлшин*, 2016; *Ousterhout*, 2019. P. 443–444).

Ниши на фасадах собственно храма (напомним, двойного храма) в Учайяке имеют всего один уступ, что говорит об упрощении, однако на абсидах этой же постройки ниши имеют два уступа. Но сами по себе ряды ниш впечатляют правильностью и достигаемым эффектом некоего порядка и слоистости стены. И на фасадах храма, и на его абсидах ниши устроены в два яруса.

Намного сложнее декорация фасадов безусловно столичной по происхождению церкви монастыря Елеусы в Велюсе, построенной в конце 1070-х годов и оконченной в 1080 г. (*Иванова*, 1926. С. 538–540; *Миљковиќ-Пепек*, 1981; *Ćurčić*, 2010. P. 406–407; *Ousterhout*, 2019. P. 409–410). Здесь на фасадах есть и двухуступчатые плоские ниши, и вогнутые ниши с уступчатой рамкой (илл. 41). Отчетливо выделяются два регистра, охватывающие все тело небольшого храма; на объем придела как будто переходят ниши первого, нижнего регистра. Архитектурная обработка Велюсы в принципе родственна тому, что мы видели в Киеве, и тому, что мы видим на фасадах Георгиевского собора Юрьева монастыря. Нет сомнения в том, что ниши первого яруса этого собора восходят к византийским образцам, как и вся описанная система ярусов окон и ниш.

Но расположение этих ниш в церкви в Новгороде иное. Они не образуют частых рядов или плотного пояса, они мерно расставлены на величественном и довольно «пустынном» фасаде — как это мы видим в Николо-Дворищенском соборе 1113 г. Здесь окна и ниши почти не входят в поле закомар, как это было в соборе Киево-Печерского и Михайлово-Златоверхого монастырей, они распределены на поле основного объема в четыре ряда: ряд ниш снизу, ряд окон, опять ряд ниш (в него с перебивкой вписаны парные окна боковых рукавов креста) и, наконец, верхний ряд окон. Система ясная, стройная, она переходит, как видим, и на алтарные абсиды, то есть распространяется по всему периметру здания.



• **Илл. 42. Чертеж боковых фасадов византийских и древнерусских храмов с ярусами ниш. Слева направо: церковь в Учайяке (северный фасад, реконструкция С. Эйдже); церковь монастыря Елеусы в Велюсе (южный фасад, по материалам П. Мильковик-Пепека); Успенский собор Киево-Печерского монастыря (северный фасад, реконструкция Н. В. Холостенко); Николо-Дворищенский собор в Новгороде (южный фасад, чертеж автора по материалам Г. М. Штендера)**

Эта система возникла, конечно же, в самой Византии в период правления Македонской династии. Она, казалось бы, наиболее полно позволяет «расчертить» тело храма в отсутствие ордера, придать ему соразмерность и правильность членений. Но ее распространение было не таким уж широким. Возможно, это связано с состоянием наших знаний и плохой сохранностью памятников, но вероятнее иное объяснение. В самой столице мы видим памятники, окруженные галереями и аркадами, что не позволяет применить эту систему ярусных аркад на боковых фасадах. Именно поэтому мы видим ниши, ярусы ниш, иногда чрезвычайно развитые, только на абсидах константинопольских храмов.

И только в тех случаях, когда храм получал обзор со всех сторон и его объем получал особое, обособленное и самостоятельное значение, схожее со скульптурой, требующей кругового обхода, система ниш распространялась на боковые и западные фасады, приобретая цельность и законченность. Именно к этому варианту принадлежат рассмотренные храмы в Учайяке и Велюсе.

Эта система на Руси распространилась в ряде памятников столичного, киевского круга конца XI — начала XII в., где приобрела необычную разработанность, как будто «скакнув» с двух ярусов до четырех. Но потом, в Новгороде, она получила особенное воплощение (илл. 42). Можно говорить о двух этапах перестройки системы на Руси: сначала она подстроилась под крупные фасады киевских храмов, а затем происходят одновременное упрощение, упорядочение и даже определенное развитие системы в связи с ее распространением на еще более высокие и, как уже было сказано, как будто пустынные фасады новгородских памятников начала XII в., где ниши и окна занимали гораздо меньше места, чем в Киеве, но где правильность этих рядов на плоскости фасада как будто возросла, как возросло и вообще значение этого организующего приема. На этом массивном фоне ниши почему-то уменьшились, и если не потерялись, то потому, что получили очень четкий ритм и очень большую «кучность» — например, на абсидах.

В развитии этого приема или системы организации фасадов внезапно наступил перерыв: как уже говорилось выше, по каким-то причинам в соборе Антониева монастыря ниши не были устроены вовсе. Их нет ни на боковых фасадах, ни на абсидах. И это упрощение симптоматично: кажется, что вся культура может отказаться от сложных приемов.

Но в Георгиевском соборе Юрьева монастыря ниши «вернулись», причем, отметим, забегая вперед, вернулись едва ли не в последний раз. В этом величественном соборе ниши и окна

• **Илл. 43. Чертеж боковых фасадов киевских и новгородских храмов. Слева направо: Успенский собор Киево-Печерского монастыря (северный фасад, реконструкция Н. В. Холостенко); собор Михайлово-Златоверхого монастыря в Киеве (южный фасад, по чертежу И. В. Моргилевского); Троицкая церковь Киево-Печерского монастыря (западный фасад, по Ю. С. Асееву); Николо-Дворищенский собор в Новгороде (южный фасад, чертеж автора по материалам Г. М. Штендера); собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде (северный фасад, чертеж автора по материалам Л. Е. Красноречьева и Г. М. Штендера); Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде (северный фасад, чертеж автора по материалам М. К. Каргера)**

организованы в четыре основных регистра, но в закомарах рукавов креста присутствуют еще и одиночные ниши, которые образуют небывалый пятый регистр.

Ниши и окна переходят и на абсиды, но не так, как в Николо-Дворищенском соборе, где верхние два ряда были отданы только нишам, причем в верхнем ряду уменьшенным. В Георгиевском соборе внизу и в третьем ряду проходит пояс ниш, а во втором и четвертом регистрах окна и ниши перемежаются. Ниши третьего ряда в этом соборе ниже ниш и окон других рядов, что напоминает второй ярус надвратной Троицкой церкви Киево-Печерского монастыря с его невысокими нишами.

Эта система обнимает собор по всему периметру, а при близком взгляде, в сильном ракурсе, она дает ощущение скрытой ордерности, архитектонического порядка, а также некой дозированной энергии подъема, что сродни тому чувству, которое охватывает зрителя в интерьере с его взлетом.

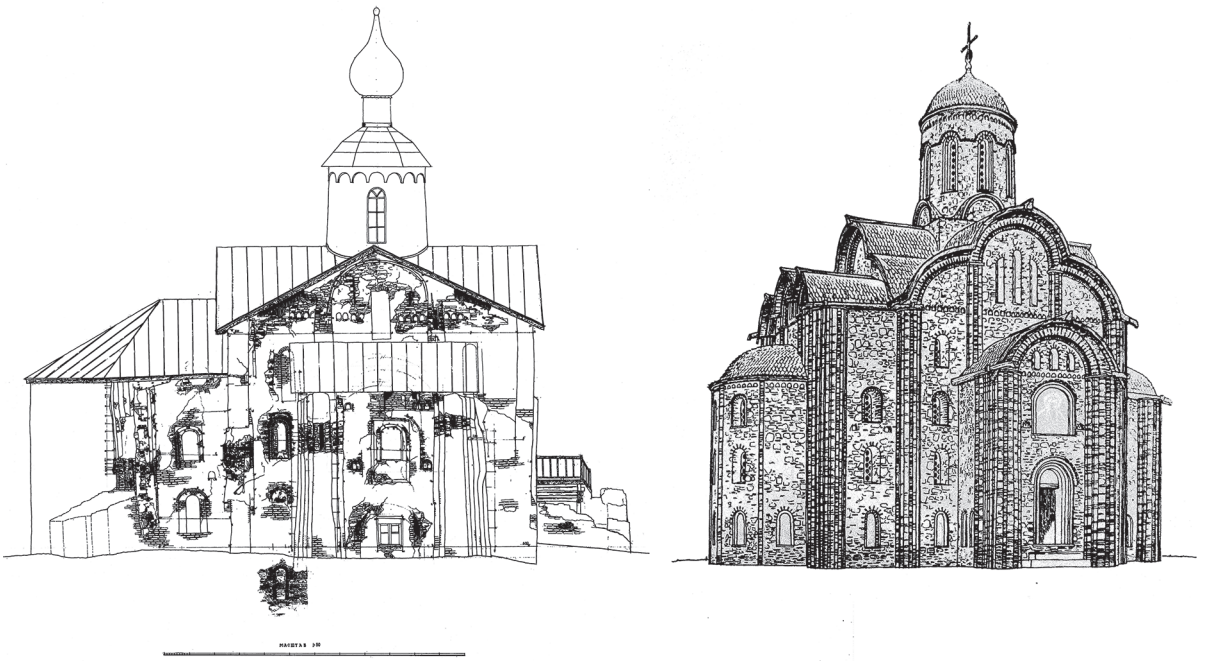
Мы представляем здесь ряд киевских и новгородских памятников с нишами и единственное исключение, собор Антониева монастыря, вставленный в построенную по хронологическому принципу цепочку фасадов (илл. 43). Здесь видно, что от начальной равномерности в расположении рядов окон и ниш мастера пришли к композициям если не динамическим, то подчеркивающим вертикализм новгородских соборов.

Та система организации фасадов киевских и новгородских памятников конца XI — начала XII в., о которой мы хотели рассказать, кончилась внезапно, как будто на взлете. Уже в памятниках первой трети XII в. никаких ниш на фасадах нет.

В архитектуре Новгорода настает время инертности стены, инертности как свободы от правильности, которая, кажется, нарастает, захватывая и интерьер. Одним из крайних и самых поздних примеров этой почти неорганизованной, почти стихийной выразительности простых и пластичных масс является церковь Спаса на Нередице (1198 г.).

В дальнейшем не только в новгородской, но и в киевской архитектуре рядов ниш мы больше не видим, но в Чернигове, Киеве и Смоленске появляются рецидивы, о которых следует сказать вкратце. В Борисоглебском соборе в Чернигове первой четверти XII в. (*Остапенко*, 1950; *Холостенко*, 1967) ниши образуют как бы укороченный третий регистр, переходящий на западный фасад, на котором есть еще и пара ниш «второго» регистра в среднем прясле. Ряд таких рудиментарных ниш видим в соборе в Каневе в уровне между первым и вторым светом, а также наверху абсид (*Юрченко, Асеев*, 1950). Ряды ниш наверху абсид находим в Успенском соборе Елецкого монастыря в Чернигове первой трети XII в. (*Моргилевський*, 1928; *Холостенко*, 1961).

Этот же сокращенный прием переходит из Чернигова в Смоленск, в церковь Петра и Павла середины XII в. (*Воронин, Раппопорт*,



• **Илл. 44. Церковь Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде. Слева — северный фасад по чертежу Г. М. Штендера с дополнением из другого его чертежа — с показанием раскопанной внизу ниши; справа — реконструкция храма по Г. М. Штендеру**

1979. С. 64–90), где ряды ниш украшают и разнообразят верх абсид и где отдельные арочные ниши встречаются даже в поле закомар. Это своеобразные осколки прежней системы, существующие в рамках уже новой, романской системы декорации фасада и на протяжении XII в. ни разу не собирающиеся в ясное и цельное множество.

Двухуступчатые арочные ниши вновь появляются и на рубеже XII–XIII вв., в церкви Михаила Архангела в Смоленске конца XII в. (*Подъяпольский*, 1979; *Каменева*, 2005), складываясь, как на южном боковом фасаде западного притвора, а также на западных фасадах северного и южного притворов, в два оторванных друг от друга яруса, каждый из которых состоит из трех ниш.

Есть случаи, как в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове начала XIII в. (*Барановский*, 1948; *Холостенко*, 1956; *Шуляк*, 1975; *Торшин*, 1999), когда мастера устраивают поясок ниш в среднем прясле боковых фасадов, а затем «пускают» очень похожий поясок по верху стен абсид. Кажется, что в древнерусской архитектуре на пороге XIII в. утраченная система хочет сложиться вновь, возродиться.

Но полного возрождения не настает, и лишь в одном памятнике, церкви Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде, сооруженной в 1207 г. (*Штендер*, 1964. С. 201–214; *Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 348–353), мы видим внизу храма пояс из арочных ниш с необычным валиковым обводом внутри (илл. 44). Эти ниши складываются в нижний пояс, проходящий по основанию храма и весь состоящий из одинаковых арочных ниш. Выше мы видим два и даже три яруса окон, что, вместе с поясом ниш, образует композицию с четырьмя регистрами.

Сначала кажется, что ниши церкви Пятницы на Торгу представляют собой сознательную реконструкцию, предпринятую мастерами начала XIII в. и как будто возвращающую на стены (пусть частично) фасадную систему, известную в Новгороде в начале XII в. Но при взгляде на остальные формы церкви Пятницы, сильно отличающиеся от форм храмов начала XII в., это кажется маловероятным. Скорее — перед нами след еще одного сильного влияния с юга, из Византии, где

подобные формы не исчезали из репертуара столичных и «околостоличных» мастеров.

Однако при общем взгляде на ситуацию с устройством церковных фасадов на Руси мы должны констатировать, что в Киеве и Новгороде (и, видимо, в Суздале) существовала особая система фасадной аранжировки, в которой ярусы ниш и окон играли заметную роль. У этой системы был киевский вариант с более крупными нишами и окнами, а также более плотным расположением элементов. Киевский вариант повлиял на новгородский вариант, который обособился благодаря изъятию из репертуара зодчих термальных окон и ниш, но в котором, одновременно, увеличилась ярусность, что было вызвано большей вертикальностью храмов. Эта ярусность была в Новгороде обострена благодаря выделению рядов на более разреженных в отношении декора фасадах.

Эта ярусная система артикуляции фасадов, повторимся, зародилась в Византии в начале или в середине XI в., она существовала в Киеве с 1070-х по 1110-е гг., тогда как в Новгороде она применялась с 1000-х по 1110-е или даже 1120-е гг. В дальнейшем в Киеве и Южной Руси эту первую систему устройства фасадов сменила вторая, связанная с романским влиянием. А в Новгороде, где романского влияния в XII в. не было, фасадное устройство упростилось, и ярусы ниш больше не устраивались. И только в начале XIII в. на волне нового усложнения архитектурного языка возникла церковь Пятницы на Торгу, в которой хотя бы часть прежней системы на миг возродилась.

В устройстве ярусов окон и ниш на фасадах древнерусская архитектура последней трети XI — первой трети XII в. следует за византийской архитектурой. Мы ощущаем это дыхание Византии, но видим саму эту систему в собственно византийской архитектуре в «околостоличных памятниках» середины — второй половины XI в., в Велюсе и Учайяке. В этих памятниках всего два яруса ниш, так что древнерусские памятники кажутся более сложными. Это и так, и не так. Не так потому, что мы можем предполагать существование византийских памятников с тремя или четырьмя ярусами ниш, причем основанием для такого предположения могут служить многоярусные композиции ниш на фасадах известных храмов XI в.

С другой стороны, попав на фасады киевских храмов последней трети XI в., «македонские ярусы ниш», как мы предлагаем их называть, могли стать крупнее и отчетливее. Кроме того, эти ярусы, играющие в известных нам двух византийских памятниках самостоятельную роль, в Киеве оказались вписаны в систему больших аркад фасада, то есть заняли второстепенное положение, не утратив структурности.

В Новгороде же ярусы ниш, встроенные, так же как и в Киеве, в большие аркады фасадов, стали играть едва ли не бóльшую роль, чем в южной столице Руси, поскольку на большой и ставшей более обнаженной, пустой плоскости новгородских фасадов они были заметнее, составляя вместе с лопатками некий сдерживающий и организующий архитектонический остов больших храмов, построенных по княжескому заказу.

Список литературы

Анкудинов И. Ю. Пригородные новгородские монастыри на планах Елизаветинского и Генерального межеваний // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород: Архив. упр. Новгородской обл., 2005. С. 227–295.

Асеев Ю. С. О стилевых чертах архитектуры древнего Киева второй половины XI — начала XII в. // Древние славяне и Киевская Русь / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1989. С. 161–168.

Асеев Ю. С., Харламов В. О. Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Киева. Дослідження і матеріали. Київ: Наукова думка, 1979. С. 84–90.

Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: изд-во АН СССР, 1961. 270 с.

Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР / ред. И. Э. Грабарь. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. С. 13–34.

Вейль Г. Симметрия / пер. с англ. Б. В. Бирюкова и Ю. А. Данилова. М.: Наука, 1968. 191 с.

Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д. Средневизантийский храм Учаяк и некоторые вопросы строительной техники в Малой Азии // Белградский сборник: к XXIII Междунар. конгр. византинистов (Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 года) / [науч. ред.: В. Н. Залесская, Ю. А. Пятницкий]. СПб.: изд-во ГЭ, 2016. С. 7–27. (Труды ГЭ; LXXX).

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 414 с.

Грабар А. Болгарскія Церкви-Гробницы // Известия на Българския Археологически институт. Т. I, связка I. 1921–1922. София: Държавна печатница, 1922. С. 103–135.

Зыков П. К характеристике строительства Владимира Мономаха и Ефрема Переяславского в Суздале (реконструкция планово-пространственной композиции собора в Суздале) // Наукові записки з української історії. Вип. 20. Переяслав-Хмельницкий, 2008. С. 229–236.

Зыков П. Л. Собор Владимира Мономаха в Суздале. Плановая и пространственная композиция. Материалы к реконструкции // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / [науч. ред. Д. Д. Елшин]. СПб.: изд-во ГЭ, 2010. С. 361–376. (Труды ГЭ; LIII).

Зыков П. Л. Реплики Успенского собора Киево-Печерского монастыря на северо-востоке Руси в XII в. // АА. 2019. № 1. С. 303–317.

Івакін Г. Ю. Нові дослідження Михайлівського Золотоверхого собору // Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень. Київ, 1996. С. 26–28.

Ивакин Г. Ю. Раскопки Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб.: изд-во ГЭ, 1999. С. 38–42.

Ивакин Г. Ю. Исследования Михайловского Златоверхого монастыря // Новгородские археологические чтения – 2 / ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2004. С. 271–280.

Иванова В. Стари църкви и монастири въ Българските земи (IV–XII в.) // Годишник на Народния музей за 1922–1925 год. София: Държавна печатница, 1926. С. 429–582.

Каменева Т. Е. Церковь Михаила Архангела в Смоленске. Основные итоги реставрации. М.: Палеотип, 2005. 55 с.

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. II. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. 661 с.

Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 79–85.

Килиевич С. Р., Харламов В. А. Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве // Древние славяне и Киевская Русь / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1989. С. 180–187.

Комеч А. И. Возникновение позакомарного завершения фасадов в храмах Киева второй половины XI — начала XII в. // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. I. М.: Стройиздат, 1975а. С. 9–21.

Комеч А. И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство. Зарубежные связи / ред.-сост. Г. В. Попов. М.: Наука, 1975б. С. 9–26.

Комеч А. И. Два направления в новгородской архитектуре начала XII в. // Средневековое искусство. Русь. Грузия / [ред. Г. В. Алибегашвили и др.]. М.: Наука, 1978. С. 45–62.

Комеч А. И. Роль византийской традиции в новгородском строительстве начала XII в. (Георгиевский собор Юрьева монастыря) // Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья / [ред. В. Д. Королюк и др.]. София: изд-во Болгарской акад. наук, 1982а. С. 263–281.

Комеч А. И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове и его отношение к столичной школе византийской архитектуры // XVI Internationalen Byzantinistenkongresses. Akten II/4. Wien, 1982б. S. 523–530. (Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik; 32/4).

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М.: Наука, 1987. 318 с.

Мавродинов Н. Еднокорабната и кръстовидната църква по Българските земи до края на XIV в. София: Държавна печатница, 1931. 188 с.

Мавродинов Н. Външната украса на старобългарскитѣ църкви // Известия на Българския Археологически Институт. VIII (1934). София: Придворна печатница, 1935. С. 262– 330.

Миљковиќ-Пепек П. Велјуса. Манастир св. Богородица Милостива во селото Велјуса крај Струмица. Скопје: Факултет за философско-историски науки на универзитетот «Кирил и Методиј», 1981. 315 с.

Михайлов С. П. Исследования собора Иоанна Предтечи во Пскове // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 74–79.

Михайлов С. П., Станюкович А. К. Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове (к вопросу о дате собора) // СА. 1983. № 3. С. 148–152.

Михайлов С. П. Первоначальное убранство интерьера собора Иоанновского монастыря во Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. / отв. ред.: А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М.: Наука, 1988. С. 95–100.

Миятев К. Архитектурата в средновековна България. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1965. 251 с.

Моргилевський І. Київська Софія в світлі нових спостережень // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926. С. 83–108.

Моргилевський И. Успеньска церква Елецького манастиря в Чернигові // Чернигів і Північне Лівобережжя. Киів, 1928. С. 197–200.

Остапенко М. А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові // Архітектурні пам'ятники. Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР, 1950. С. 64–72.

Подъяпольский С. С. Церковь Архангела Михаила // Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. С. 163–195.

Седов Вл. В. Византийский храм в Куршунлу // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. К 100-летию А. Н. Грабара (1896–1990) / [ред. Э. С. Смирнова и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 134–142.

Седов Вл. В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 556–575.

Седов Вл. В. Килисе Джами: Столичная архитектура Византии. М.: Индрик, 2008. 335 с.

Седов Вл. В. Церковь Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: материалы 5 (XXXVI) науч. конф. / отв. ред. В. Е. Анисимова. 2012. М., 2016. С. 124–153.

Седов Вл. В. Церковь Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры // Архитектурное наследство. Вып. 60. М.; СПб.: Коло, 2014. С. 11–26.

Седов Вл. В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // АА. 2019. № 1. С. 10–34, ил. I–XII (цв. вкл.).

Седов Вл. В. Архитектура собора Рождества Богородицы Антониева монастыря // Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2021. С. 109–143.

Секретарь Л. А. Георгиевский собор Новгородского Юрьева монастыря. Великий Новгород: Свято-Юрьев мужской монастырь, 2019. 57 с.

Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 596 с.

Сіткарьова О. В. Успенський собор Киево-Печерської Лаври. Київ: Видання Свято-Успенської Киево-Печерської Лаври, 2000. 230 с.

Торшин Е. Н. Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове и древнерусское зодчество рубежа XII–XIII вв. // Средневековая архитектура и монументальное искусство: Раппопортовские чтения. СПб.: изд-во ГЭ, 1999. С. 55–59.

Трифонова А. Н. «Резь на дереве» новгородских иконостасов // Новгородский архивный вестник. Вып. 15. Великий Новгород: Архив. ком. Новгородской обл., 2019. С. 22–52.

Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в Чернигове // СА. 1956. Т. 26. С. 271–292.

Холостенко Н. В. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3. М.: изд-во АН СССР, 1961. С. 51–67.

Холостенко Н. В. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. 1967. № 2. С. 188–210.

Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. Київ: Наукова думка, 1975. С. 107–170.

Холостенко М. В. Нові дослидження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Киево-Печерської Лаври // Археологічні дослідження стародавнього Киева. Київ: Наукова думка, 1976. С. 131–165.

Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. III. М.: Стройиздат, 1990. С. 6–18.

Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София: Издателство на Българската академия на науките, 1988. 231 с.

Штендер Г. М. «Архитектура домонгольского периода (XI–XII вв. — начало XIII в.)» // Новгород. К 1100-летию города / ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1964. С. 185–214.

Шуляк В. В. П'ятницька церква в Чернігові // Археологія. 1975. Т. 16. С. 118–121.

Юрченко П. Г., Асеев Ю. С. Канівський собор // Архітектурні пам'ятники. Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР, 1950. С. 86–89.

Argan G. C. L'architettura protocristiana, preromanica e romanica. Bari: Dedalo, 1978. 120 p.

Ćurčić S. Articulation of Church Facades during the First Half of the Fourteenth Century. A Study in the Relationship of Byzantine and Serbian Architecture // L'Art byzantin au début du XIVe siècle: Simposium de Gracanica, 1973. Beograd: Institut za Istoriju Umetnosti, 1978. P. 17–27.

Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London: Yale University Press, 2010. 913 p.

Eyice S. La ruine byzantine dite «Üçayak» (Utch-aïak) près de Kirşehir en Anatolie Centrale. Un monument architectural de la fin du Xe ou du XIe siècle // Cahiers archéologiques. XVIII. Paris, 1968. P. 137–155.

Grundmann S. The Architecture of Rome. An architectural history in 400 individual presentations. Stuttgart; London: Edition Axel Menges, 1998. 382 p.

Hallensleben H. Zu Annexbauten der Kilise camii in Istanbul // Istanbuler Mittelungen. 1964. Band 13/14 (1963/1964). S. 128–193.

Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven; London: Yale University Press, 1986. 553 p.

Mango C. Byzantine Architecture. Milano; New York: Electa: Rizzoli, 1978. 215 p.

Mathews T. F. Observations on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul // Dumbarton Oaks Papers. 1973. № 27. P. 115–127.

Mihaljević M. Change in Byzantine Architecture // Approaches to Byzantine Architecture and its Decoration: Studies in Honor of Slobodan Ćurčić / ed. by M. J. Johnson, R. Ousterhout, A. Papalexandrou. Farnham: Ashgate, 2012. P. 99–119.

Mihaljević M. Üçayak: a forgotten Byzantine church // Byzantinische Zeitschrift. 2014. 107, 2. S. 725–754.

Orlandos A. C. Monuments byzantins de Hios. Athenes: Hestia, 1930. 56 pl.

Ousterhout R. G. The architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1987. 292 p. (Dumbarton Oaks Studies; 25).

Ousterhout R. G. Some Notes on the Construction of Christos ho Pantepoptes (Eski Imaret Camii) in Istanbul // Deltion tēs Christianikēs Archaiologikēs Hetaireias. Vol. 16 (1991–1992). Athens, 1992a. P. 47–56.

Ousterhout R. G. Originality in Byzantine Architecture: The Case of Nea Moni // Journal of the Society of Architectural Historians. 1992б. Vol. 51, no. 1. P. 48–60.

Ousterhout R. G. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. 474 p.

Ousterhout R. G. Eastern Medieval Architecture. The Building Traditions of Byzantium and Neighboring Lands. Oxford: Oxford University Press, 2019. 783 p.

Schäfer H. Die Gül Camii in Istanbul. Ein Beitrag zur mittelbyzantinischen Kirechenarchitektur Konstantinopels. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth, 1973. 89 p.

Sinos S. Die Klosterkirche der Kosmosoteira in Bera (Vira). München: Beck, 1985. 244 p. (Byzantinishen Archiv; 16).

Striker C. L., Kuban Y. D. Kalenderhane in Istanbul. The Buildings, their History, Architecture and Decoration: Final Reports on the Archaeological Exploration and Restoration at Kalenderhane Camii 1966–1978. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1997. 150 p., 179 pl.

Strzygowski J. Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1903. 234 p.

Vocotopoulos P. L. The concealed course technique: further examples and a few remarks // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Band 28. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1979. S. 247–260.

Ward-Perkins J. B. Roman Imperial Architecture. London: Penguin Books, 1990. 532 p.

References

Ankudinov I. Yu. Prigorodnye novgorodskie monastyri na planakh Elizavetinskogo i General'nogo mezhevaniy // Novgorodskiy arkhivnyy vestnik. 5. Velikiy Novgorod: Arkhivnoe upravlnie Novgorodskoy oblasti, 2005. P. 227–295.

Argan G. C. L'architettura protocristiana, preromanica e romanica. Bari: Dedalo, 1978. 120 p.

Aseev Yu. S. O stilevykh chertakh arkhitektury drevnego Kieva vtoroy poloviny XI — nachala XII v. // Drevnie slavyane i Kievskaya Rus' / ed. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1989. P. 161–168.

Aseev Yu. S., Kharlamov V. O. Novi doslidzhennya tserkvi Spasa na Berestovi // Arkheologiya Kieva. Doslidzhennya i materiali. Kiev: Naukova dumka, 1979. P. 84–90.

Afanas'ev K. N. Postroenie arkhitekturnoy formy drevnerusskimi zodchimi. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 270 p.

Baranovskiy P. D. Sobor Pyatnitskogo monastyrya v Chernigove // Pamyatniki iskusstva, razrushennye nemetskimi zakhvatchikami v SSSR / ed. I. E. Grabar'. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. P. 13–34.

Chaneva-Dechevska N. Ts''rkovnata arkhitektura v B''lgariya prez XI–XIV vek. Sofiya: Izdatelstvo na B''lgarskata akademiya na naukite, 1988. 231 p.

Ćurčić S. Articulation of Church Facades during the First Half of the Fourteenth Century. A Study in the Relationship of Byzantine and Serbian Architecture // L'Art byzantin au début du XIVe siècle: Simposium de Gracanica, 1973. Beograd: Institut za Istoriju Umetnosti, 1978. P. 17–27.

Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London: Yale University Press, 2010. 913 p.

Eyice S. La ruine byzantine dite «Üçayak» (Utch-aïak) près de Kirşehir en Anatolie Centrale. Un monument architectural de la fin du Xe ou du XIe siècle // Cahiers archéologiques. XVIII. Paris, 1968. P. 137–155.

Grabar A. Bolgarskiya Tserkvi-Grobnitsy // Izvestiya na B''lgarskiya Arkheologicheski institut. I, I. 1921–1922. Sofiya: D''rzhavna pechatnitsa, 1922. P. 103–135.

Grundmann S. The Architecture of Rome. An architectural history in 400 individual presentations. Stuttgart; London: Edition Axel Menges, 1998. 382 p.

Hallensleben H. Zu Annexbauten der Kilise camii in Istanbul // Istanbuler Mittelungen. 1964. Band 13/14 (1963/1964). S. 128–193.

Ivakin G. Yu. Novi doslidzhennya Mikhaylivs'kogo Zolotoverkhogo soboru // Pam'yatki arkhitekturi i monumental'nogo mistetstva v svitli novikh doslidzhen'. Kiev, 1996. P. 26–28.

Ivakin G. Yu. Raskopki Mikhaylovskogo Zlatoverkhogo monastyrya v Kieve // Srednevekovaya arkhitektura i monumental'noe iskusstvo. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1999. P. 38–42.

Ivakin G. Yu. Issledovaniya Mikhaylovskogo Zlatoverkhogo monastyrya // Novgorodskie arkheologicheskie chteniya – 2 / ed. V. L. Yanin. Velikiy Novgorod, 2004. P. 271–280.

Ivanova V. Stari ts''rkvi i monastiri v'' B''lgarskite zemi (IV–XII v.) // Godishnik na Narodniya muzey za 1922–1925 god. Sofiya: D''rzhavna pechatnitsa, 1926. P. 429–582.

Kameneva T. E. Tserkov' Mikhaila Arkhangela v Smolenske. Osnovnye itogi restavratsii. Moscow: Paleotip, 2005. 55 p.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Karger M. K. Drevniy Kiev. Ocherki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda. II. Pamyatniki kievskogo zodchestva X–XIII vv. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 661 p.

Karger M. K. Pamyatniki drevnerusskogo zodchestva (Novye arkhitekturno-arkheologicheskie otkrytiya v Novgorode) // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1970. 9. P. 79–85.

Kholostenko N. V. Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya Pyatnitskoy tserkvi v Chernigove // Sovetskaya arkheologiya. 1956. 26. P. 271–292.

Kholostenko N. V. Arkhitekturno-arkheologicheskoe issledovanie Uspenskogo sobora Eletskogo monastyrya v Chernigove // Pamyatniki kul'tury. Issledovanie i restavratsiya. 3. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. P. 51–67.

Kholostenko N. V. Issledovaniya Borisoglebskogo sobora v Chernigove // Sovetskaya arkheologiya. 1967. 2. P. 188–210.

Kholostenko M. V. Uspens'kiy sobor Pechers'kogo monastirya // Starodavniy Kiiv. Kiev: Naukova dumka, 1975. P. 107–170.

Kholostenko M. V. Novi doslidzhennya Ioanno-Predtechens'koi tserkvi ta rekonstruktsiya Uspens'kogo soboru Kievo-Pechers'koi Lavri // Arkheologichni doslidzhennya starodavn'ogo Kieva. Kiev: Naukova dumka, 1976. P. 131–165.

Kholostenko N. V. Issledovaniya Spasskogo sobora v Chernigove // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury. III. Moscow: Stroyizdat, 1990. P. 6–18.

Kilievich S. R., Kharlamov V. A. Issledovanie khrama Votcha Fedorovskogo monastyrya XII v. v Kieve // Drevnie slavyane i Kievskaya Rus' / ed. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1989. P. 180–187.

Komech A. I. Vozniknovenie pozakomarnogo zaversheniya fasadov v khramakh Kieva vtoroy poloviny XI — nachala XII v. // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury. I. Moscow: Stroyizdat, 1975a. P. 9–21.

Komech A. I. Spaso-Preobrazhenskiy sobor v Chernigove // Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi / ed. G. V. Popov. Moscow: Nauka, 1975б. P. 9–26.

Komech A. I. Dva napravleniya v novgorodskoy arkhitekture nachala XII v. // Srednevekovoe iskusstvo. Rus'. Gruziya / [eds. G. V. Alibegashvili et al.]. Moscow: Nauka, 1978. P. 45–62.

Komech A. I. Rol' vizantiyskoy traditsii v novgorodskom stroitel'stve nachala XII v. (Georgievskiy sobor Yur'eva monastyrya) // Russko-balkanskie kul'turnye svyazi v epokhu Srednevekov'ya / [eds. V. D. Korolyuk et al.]. Sofiya: izdatel'stvo Bolgarskoy akademii nauk, 1982a. P. 263–281.

Komech A. I. Spaso-Preobrazhenskiy sobor v Chernigove i ego otnoshenie k stolichnoy shkole vizantiyskoy arkhitektury // XVI Internationalen Byzantinistenkongresses. Akten II/4. Wien, 1982б. S. 523–530. (Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik; 32/4).

Komech A. I. Drevnerusskoe zodchestvo kontsa X — nachala XII v. Moscow: Nauka, 1987. 318 p.

Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven; London: Yale University Press, 1986. 553 p.

Mango C. Byzantine Architecture. Milano; New York: Electa: Rizzoli, 1978. 215 p.

Mathews T. F. Observations on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul // Dumbarton Oaks Papers. 1973. № 27. P. 115–127.

Mavrodinov N. Ednokorabnata i kr''stovidnata ts''rkva po B''lgarskite zemi do kraya na XIV v. Sofiya: Derzhavna pechatnitsa, 1931. 188 p.

Mavrodinov N. V''nshnata ukrasa na starob''lgarskite ts''rkvi // Izvestiya na B''lgarskiya Arkheologicheski Institut. VIII (1934). Sofiya: Pridvorna pechatnitsa, 1935. P. 262–330.

Mihaljević M. Change in Byzantine Architecture // Approaches to Byzantine Architecture and its Decoration: Studies in Honor of Slobodan Ćurčić / ed. by M. J. Johnson, R. Ousterhout, A. Papalexandrou. Farnham: Ashgate, 2012. P. 99–119.

Mihaljević M. Üçayak: a forgotten Byzantine church // Byzantinische Zeitschrift. 2014. 107, 2. S. 725–754.

Miljković-Pepek P. Veljusa. Manastir sv. Bogoroditsa Milostiva vo seloto Veljusa kraj Strumitsa. Skopje: Fakultet za filosofsko-istoriski nauki na universitetot «Kiril i Metodij», 1981. 315 p.

Mikhaylov S. P. Issledovaniya sobora Ioanna Predtechi vo Pskove // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1982. 172. P. 74–79.

Mikhaylov S. P., Stanyukovich A. K. Golosnik iz sobora Ivanovskogo monastyrya v Pskove (k voprosu o date sobora) // Sovetskaya arkheologiya. 1983. 3. P. 148–152.

Mikhaylov S. P. Pervonachal'noe ubranstvo inter'era sobora Ioannovskogo monastyrya vo Pskove // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura X — pervoy poloviny XIII v. / eds. A. I. Komech, O. I. Podobedova. Moscow: Nauka, 1988. P. 95–100.

Miyatev K. Arkhitekturata v srednovekovna B''lgariya. Sofiya: Izdatelstvo na B''lgarskata Akademiya na naukite, 1965. 251 p.

Morgilevs'kiy I. Kiivs'ka Sofiya v svitli novikh sposterezhen' // Kiiv ta yogo okolitsya v istorii i pam'yatkakh. Kiev, 1926. P. 83–108.

Morgilevs'kiy I. Uspen'ska tserkva Elets'kogo manastirya v Chernigovi // Chernigiv i Pivnichne Livoberezhzhya. Kiev, 1928. P. 197–200.

Orlandos A. C. Monuments byzantins de Hios. Athenes: Hestia, 1930. 56 pl.

Ostapenko M. A. Doslidzhennya Borisoglibs'kogo soboru v Chernigovi // Arkhitekturni pam'yatniki. Kiev: Vidavnitstvo Akademii arkhitekturi Ukrains'koi RSR, 1950. P. 64–72.

Ousterhout R. G. The architecture of the Kariye Camii in Istanbul. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1987. 292 p. (Dumbarton Oaks Studies; 25).

Ousterhout R. G. Some Notes on the Construction of Christos ho Pantepoptes (Eski Imaret Camii) in Istanbul // Deltion tēs Christianikēs Archaiologikēs Hetaireias. Vol. 16 (1991–1992). Athens, 1992a. P. 47–56.

Ousterhout R. G. Originality in Byzantine Architecture: The Case of Nea Moni // Journal of the Society of Architectural Historians. 1992б. Vol. 51, no. 1. P. 48–60.

Ousterhout R. G. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington, D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2005. 474 p.

Ousterhout R. G. Eastern Medieval Architecture. The Building Traditions of Byzantium and Neighboring Lands. Oxford: Oxford University Press, 2019. 783 p.

Pod''yapol'skiy S. S. Tserkov' Arkhangela Mikhaila // Voronin N. N., Rappoport P. A. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. Leningrad: Nauka, 1979. P. 163–195.

Schäfer H. Die Gül Camii in Istanbul. Ein Beitrag zur mittelbyzantinischen Kirechenarchitektur Konstantinopels. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth, 1973. 89 p.

Sedov Vl. V. Vizantiyskiy khram v Kurshunlu // Drevnerusskoe iskusstvo: Vizantiya i Drevnyaya Rus'. K 100-letiyu A. N. Grabara (1896–1990) / [eds. E. S. Smirnova et al.]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1999. P. 134–142.

Sedov Vl. V. Sakral'noe prostranstvo drevnerusskogo khrama: arkhitekturnyy aspekt // Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi / ed. A. M. Lidov. Moscow: Indrik, 2006. P. 556–575.

Sedov Vl. V. Kilise Dzhami: Stolichnaya arkhitektura Vizantii. Moscow: Indrik, 2008. 335 p.

Sedov Vl. V. Tserkov' Ioanna na Opokakh v Novgorode kak primer pozdnesrednevekovoy arkhitektury // Lazarevskie chteniya. Iskusstvo Vizantii, Drevney Rusi, Zapadnoy Evropy: materialy 5 (XXXVI) nauchnoy konferentsii / ed. V. E. Anisimova. 2012. Moscow, 2016. P. 124–153.

Sedov Vl. V. Tserkov' Ioanna na Opokakh v Novgorode kak primer pozdnesrednevekovoy arkhitektury // Arkhitekturnoe nasledstvo. 60. Moscow; St. Petersburg: Kolo, 2014. P. 11–26.

Sedov Vl. V. Osnovnye rezul'taty raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v 2016–2017 gg.: arkheologiya i arkhitektura // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 10–34, il. I–XII (col. pl.).

Sedov Vl. V. Arkhitektura sobora Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyrya // Sobor Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyrya v Velikom Novgorode. Velikiy Novgorod, 2021. P. 109–143.

Sekretar' L. A. Georgievskiy sobor Novgorodskogo Yur'eva monastyrya. Velikiy Novgorod: Svyato-Yur'ev muzhskoy monastyr', 2019. 57 p.

Sekretar' L. A. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 596 p.

Sinos S. Die Klosterkirche der Kosmosoteira in Bera (Vira). München: Beck, 1985. 244 p. (Byzantinishen Archiv; 16).

Sitkar'ova O. V. Uspens'kiy sobor Kievo-Pechers'koi Lavri. Kiev: Vidannya Svyato-Uspens'koi Kievo-Pechers'koi Lavri, 2000. 230 p.

Striker C. L., Kuban Y. D. Kalenderhane in Istanbul. The Buildings, their History, Architecture and Decoration: Final Reports on the Archaeological Exploration and Restoration at Kalenderhane Camii 1966–1978. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1997. 150 p., 179 pl.

Strzygowski J. Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1903. 234 p.

Torshin E. N. Tserkov' Paraskevy Pyatnitsy v Chernigove i drevnerusskoe zodchestvo rubezha XII–XIII vv. // Srednevekovaya arkhitektura i monumental'noe iskusstvo: Rappoportovskie chteniya. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1999. P. 55–59.

Trifonova A. N. «Rez' na dereve» novgorodskikh ikonostasov // Novgorodskiy arkhivnyy vestnik. 15. Velikiy Novgorod: Arkhivnyy komitet Novgorodskoy oblasti, 2019. P. 22–52.

Shtender G. M. «Arkhitektura domongol'skogo perioda (XI–XII vv. — nachalo XIII v.)» // Novgorod. K 1100-letiyu goroda / ed. M. N. Tikhomirov. Moscow: Nauka, 1964. P. 185–214.

Shulyak V. V. P'yatnits'ka tserkva v Chernigovi // Arkheologiya. 1975. 16. P. 118–121.

Veyl' G. Simmetriya. Moscow: Nauka, 1968. 191 p.

Vinogradov A. Yu., Jolshin D. D. Srednevizantiyskiy khram Uchayak i nekotorye voprosy stroitel'noy tekhniki v Maloy Azii // Belgradskiy sbornik: k XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Belgrad, Serbiya, 22–27 avgusta 2016 goda) / [eds. V. N. Zalesskaya, Yu. A. Pyatnitskiy]. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2016. P. 7–27. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; LXXX).

Vocotopoulos P. L. The concealed course technique: further examples and a few remarks // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Band 28. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft, 1979. S. 247–260.

Voronin N. N., Rappoport P. A. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. Leningrad: Nauka, 1979. 414 p.

Ward-Perkins J. B. Roman Imperial Architecture. London: Penguin Books, 1990. 532 p.

Yurchenko P. G., Aseev Yu. S. Kanivs'kiy sobor // Arkhitekturni pam'yatniki. Kiev: Vidavnitstvo Akademii arkhitekturi Ukrains'koi RSR, 1950. P. 86–89.

Zykov P. K kharakteristike stroitel'stva Vladimira Monomakha i Efrema Pereyaslavskogo v Suzdale (rekonstruktsiya planovo-prostranstvennoy kompozitsii sobora v Suzdale) // Naukovi zapiski z ukrains'koi istorii. 20. Pereyaslav-Khmel'nitskiy, 2008. P. 229–236.

Zykov P. L. Sobor Vladimira Monomakha v Suzdale. Planovaya i prostranstvennaya kompozitsiya. Materialy k rekonstruktsii // Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vekov / [ed. D. D. Jolshin]. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2010. P. 361–376. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; LIII).

Zykov P. L. Repliki Uspenskogo sobora Kievo-Pecherskogo monastyrya na severo-vostoke Rusi v XII v. // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 303–317.

Illustrations

Colour plate I. Plan of Yuriev monastery, 1778. Russian State Archive of Ancient Documents. F. 1354. Op. 280

Colour plate II. Lithographed and painted plan of Yuriev monastery, 1826 (before the reconstruction by Archimandrite Photius). Russian State Archive of Ancient Documents. F. 1354. Op. 280

Colour plate III. N. A. Martynov. Panoramic view of Yuriev monastery in Novgorod. State Historical Museum, IR 6896

Colour plate IV. N. A. Martynov. Panoramic view of Yuriev Monastery in Novgorod (enlarged fragment of the panorama with a view of the monastery). State Historical Museum, IR 6896

Colour plate V. M. M. Prave. Drawings of St. George's cathedral of Yuriev monastery of 1827: ground level plan, plan of galleries, western, southern, eastern and northern facades. State Archive of the Novgorod Region. F. 526. L. 2

Colour plate VI. Plan of St. George's cathedral with explication. About 1827. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1689 (OPI NGM. F. R-12. Op. 2. D. 511)

Fig. 1. M. M. Prave. Facade and plan of the iconostasis of St. George's cathedral of Yuriev monastery. State Archive of the Novgorod Region. F. 526. L. 1

Fig. 2. Panoramic view of the iconostasis of St. George's cathedral of Yuriev monastery. Photo of the second half of the 19th century.

Fig. 3. St. George's cathedral of Yuriev monastery in the middle of the 19th century. View from the northwest. Drawing from an album of the middle of the 19th century. L. 35

Fig. 4. St. George's cathedral of Yuriev monastery at the beginning of the 20th century. View from the northwest. Photography (State Tretyakov Gallery, photo library)

Fig. 5. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Plan based on the results of the research conducted by M. K. Karger. Original. State Novgorod Museum-reservation, KP-38025-796

Fig. 6. St. George's cathedral of Yuriev monastery. View from the southwest during the dismantling of the western forechurch and the southern extension. Mid 1930s. Photography (State Tretyakov Gallery, photo library)

Fig. 7. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Niche with painting on the southern (?) facade (State Tretyakov Gallery, photo library)

Fig. 8. St. George's cathedral of Yuriev monastery. View of the western facade. Second half of the 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-38025-685

Fig. 9. St. George's cathedral of Yuriev monastery. View from the south after the Great Patriotic War. 1944–1945 (?). State Novgorod Museum-reservation

Fig. 10. St. George's cathedral of Yuriev monastery. The western facade after the destruction of the extensions. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1700

Fig. 11. St. George's cathedral of Yuriev monastery. The southern facade after the destruction of the extensions. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1699

Fig. 12. St. George's cathedral of Yuriev monastery. The eastern facade after the destruction of the extensions. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1701

Fig. 13. St. George's cathedral of Yuriev monastery. The northern facade after the destruction of the extensions. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1698

Fig. 14. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Reconstruction of the original plan with added parts and indication of additions to the pillars. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1696

Fig. 15. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Reconstruction of the western facade. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1695

Fig. 16. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Reconstruction of the southern facade. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1694

Fig. 17. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Reconstruction of the eastern facade. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1692

Fig. 18. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Reconstruction of the northern facade. 1930s. State Novgorod Museum-reservation, KP-30131-1693

Fig. 19. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Diagrammatical reconstruction. 1930s. Western facade. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. R. 1. D. 1298. L. 02

Fig. 20. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Diagrammatical reconstruction. 1930s. Southern facade. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. R. 1. D. 1298. L. 01

Fig. 21. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Diagrammatical reconstruction. 1930s. Eastern facade. Option. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. R. 1. D. 1298. L. 04

Fig. 22. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Diagrammatical reconstruction. 1930s. East facade. Option. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. R. 1. D. 1298. L. 21

Fig. 23. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Diagrammatical reconstruction. 1930s. Northern facade. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. R. 1. D. 1298. L. 03

Fig. 24. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Western facade. Measurement drawing by D. M. Fedorov. 1952

Fig. 25. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Southern facade. Measurement drawing by D. M. Fedorov. 1952

Fig. 26. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Eastern facade. Measurement drawing by D. M. Fedorov. 1952

Fig. 27. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Northern facade. Measurement drawing by D. M. Fedorov. 1952

Fig. 28. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Plan based on the results of excavations 2013–2016. Drawing by Yu. S. Fomicheva based on the materials of the author

Fig. 29. Southern facades of ancient Russian churches of the early 12th century. From left to right: Cathedral of St. Michael's Golden-Domed monastery in Kyev, 1108–1113; St. Nicholas cathedral in Novgorod, 1113; St. George's cathedral of Yuriev monastery, 1119

Fig. 30. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Lengthwise cut. Drawing by Yu. S. Fomicheva based on the materials of the author

Fig. 31. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Axonometric drawing by E. N. Prorokova based on the materials of the author

Fig. 32. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Niche of the first tier in the eastern section of the northern facade. Excavations 2015

Fig. 33. St. George's cathedral of Yuriev monastery. A niche in the middle arched gable of the western facade. Research by G. M. Shtender in the 1970s

Fig. 34. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Fragment of the facade of the middle drum. Research by G. M. Shtender in the 1970s

Fig. 35. Drawings of facades of Byzantine churches with niches tiers. From left to right: the Church in Uchayak (northern facade); church in Veljusa (southern facade); three temples of the monastery of the Pantokrator in Constantinople (eastern facade); Church of Our Lady of Peace in Pherae (south facade); St. Nicholas' church in Kursumlia (southern facade); Church of the Holy Saviour in Chora in Constantinople (eastern facade)

Fig. 36. Church of the monastery of Rocelletta in Squillace near Catanzaro in Calabria. Eastern facade

Fig. 37. Assumption cathedral of the Kiev Caves monastery. Fragment of the northern facade. According to the drawing by N. V. Kholostenko

Fig. 38. Assumption Cathedral of the Kiev Caves monastery. Reconstruction of the northern facade. According to the drawing by N. V. Kholostenko

Fig. 39. Cathedral of St. Michael's Golden-Domed monastery in Kiev. Southern facade. According to the drawing of I. V. Morgilevsky

Fig. 40. Church in Uchayak. Southern facade

Fig. 41. Church of the Eleusa monastery in Veljusa. View from the east

Fig. 42. Drawing of the side facades of Byzantine and Old Russian churches with niches tiers. From left to right: the church in Uchayak (northern facade, reconstruction by S. Eyce); the church of the Eleusa monastery in Veljusa (southern facade, based on materials by P. Milkovik-Pepek); Assumption Cathedral of the Kiev Caves monastery (northern facade, reconstruction by N. V. Kholostenko); St. Nicholas cathedral in Novgorod (southern facade, drawing by the author based on the materials of G. M. Shtender)

Fig. 43. Drawing of the side facades of Kiev and Novgorod churches. From left to right: Assumption Cathedral of the Kiev Caves monastery (northern facade, reconstruction by N. V. Kholostenko); Cathedral of St. Michael's Golden-Domed monastery in Kyev (south facade, according to the drawing of I. V. Morgilevsky); Trinity Church of the Kiev Caves monastery (western facade, according to Yu. S. Aseev); St. Nicholas cathedral in Novgorod (southern facade, drawing by the author based on the materials of G. M. Shtender); Church of the Nativity of the Theotokos of Antonyev monastery in Novgorod (northern facade, drawing by the author based on the materials of L. E. Krasnorechev and

G. M. Shtender); St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod (northern facade, drawing by the author based on the materials of M. K. Karger)

Fig. 44. Church of St. Paraskevi in Novgorod. On the left is the northern facade according to the drawing of G. M. Shtender with an addition from his other drawing showing the niche excavated at the bottom; on the right is the reconstruction of the temple according to G. M. Shtender

Vl. V. Sedov. The architecture of St. George's cathedral of Yuriev monastery and the first system of facades organisation in the Old Russian architecture: tiers of windows and arched niches

Abstract. The article deals with a special architectonic system of organising the facades of St. George's cathedral of Yuriev monastery. Along with a large arcade of curtain walls there, one can also observe tiers of windows and two-stage arched niches that create registers. Due to this, the facades become more organised. This system came to Novgorod from Kyev at the very beginning of the 12th century and then became more complicated, reaching its apogee in St. George's cathedral. This system came to Kyev from Byzantine architecture. There are two monuments of the middle to the second half of the 11th century in Byzantium — temples in Veljusa and Uchayak — in which the tiers of niches had already formed a certain order. These temples have only two tiers of niches; probably, there were temples with a large number of tiers. In Kyev, one can observe four tiers of windows and niches, with already five tiers in St. George's cathedral. After St. George's cathedral, niches were used only sporadically and rudimentarily, and an attempt to re-fold this system is observed in ancient Russian churches at the turn of the 12th–13th centuries. Among them the Church of St. Paraskevi in Novgorod (1207) stands out.

Keywords: Old Russia, Novgorod, architecture, St. George's cathedral, Yuriev monastery, facades, windows, niches, tiers, arcades, facade system, Byzantine origin, Old Russian tradition.

Sedov Vladimir Valentinovich, doctor of art studies, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru.

Материалы по иконографии фресок XII в. из наоса Георгиевского собора Юрьева монастыря (предварительные наблюдения) *

О. Е. Этингоф

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.49-67

Аннотация. В статье предложен ряд заключений по иконографии фресок наоса Георгиевского собора, и лишь немногие из этих выводов окончательны, поскольку мы располагаем данными фрагментов, оторванных от контекста. Вместе с тем, несомненно, программа декорации и состав циклов соответствовали принципам, общим для храмов первой половины XII в. в Византии и Новгородской земле. В барабане главного купола были размещены пророки, в верхних зонах располагались крупные образы, большая часть остальных изображений — небольшого размера. Программа включала несколько регистров, вероятно, до шести. Две иконы из Государственной Третьяковской галереи, «Устюжское Благовещение» и «Св. Георгий», вероятно, служили патрональными образами князя-ктитора Всеволода-Гавриила и всего собора. Их создание могло совпадать с посвящением боковых апсид: северной — Благовещению, а южной — св. Георгию. В южной апсиде мог находиться пространный житийный цикл святого.

Ключевые слова: Георгиевский собор, фрески, раскопки, иконография, программа росписей, посвящение, Благовещение, святой Георгий.

Этингоф Ольга Евгеньевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Лаборатория архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, etinhof@mail.ru.

Прошло три года после публикации нашей обзорной статьи по археологическим находкам фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря (*Этингоф*, 2018. С. 190–201)[1]. За это время (в 2019–2020 гг.) экспедицией под руководством Вл. В. Седова обнаружено уже немного фрагментов. Однако расчистка фресок, их сортировка и систематизация, а также сборка изображений из осколков в мастерской реставрации монументальной живописи НГОМЗ Т. А. Ромашкевич значительно продвинулись[2]. Благодаря этому можно дополнить некоторые из старых версий по реконструкции изображений, их иконографии, системе декорации храма, а также обсуждать новые. Почти все версии носят гипотетический характер, иногда их несколько, многое остается на уровне догадок, они будут еще корректироваться и дополняться. На стенах наоса, кроме орнаментальной декорации в нижнем регистре и в откосах окон, почти ничего не сохранилось. Мы располагаем

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

1 Там же приведена более подробная библиография.

2 Пользуясь случаем, автор выражает огромную благодарность Т. А. Ромашкевич и А. В. Шевцовой (Солодковой) за постоянную помощь, советы и консультации.

крайне скудными данными по иконографии, поскольку найденные фрагменты фресок оторваны от контекста, раздроблены и перемещены. По поводу программы декорации приходится вставать на зыбкий путь правдоподобных допущений. В рамках этой статьи мы комментируем лишь самые заметные находки.

Фрагменты древних фресок были найдены внутри храма в четырех зонах: в центральной, северной, южной апсидах, а также в пространстве центрального нефа перед алтарем, то есть в зоне амвона или солеи. Комментируя иконографию, мы учитываем место находки, однако заметим, что в XIX в., когда устраивали подсыпку под полы и солею, обломки фресок передвигали. При сборке фрагментов реставраторы нередко соединяют осколки, найденные в разных зонах храма.

А. Н. Трифонова на основании описей Юрьева монастыря допускает, что древняя живопись Георгиевского собора была поновлена уже в начале XVIII в. (Опись…, 2005. С. 185). Это подтверждается находками в наосе фрагментов со штукатуркой и росписью XVIII в. Кроме того, при раскопках 1930-х гг. в центральном членении западной стены были раскрыты остатки наружной росписи, которую М. К. Каргер датировал не позднее конца XVIII в. (*Каргер*, 1946. С. 190). Таким образом, какие-то живописные работы проводились в соборе и в XVIII столетии.

В 1825–1827 гг. при архимандрите Фотии были проведены укрепление собора и новая роспись. Древние фрески были сбиты крепостными крестьянами-иконописцами братьями В. и И. Сапожниковыми, а вместо них выполнена новая декорация. Вопреки договору, домонгольская роспись была полностью уничтожена без предварительной фиксации на бумаге иконографической программы. Фотию пришлось самому составлять новую программу декорации. В ходе работы Сапожниковы использовали иконописные подлинники (*Маслов*, 1998. С. 77). «Архимандрит дал для плана на всю церковь две иконы древние: 1ая Премудрость, 2ая Веру, а сверх этого из представленных Библий избрал: Блаженства и Отче наш. А по стенам назначил писать всех святых, прежде написанных в церкви, и приличные штуки». В росписи 1820-х гг. в куполе было изображено «Вознесение», в алтаре — «София Премудрость Божия» (*Сарабьянов,* 2012а. С. 360–363[1]). Т. К. Федоренко сообщает о последующих упреках в адрес Сапожникова: на столбах он разместил слишком крупные фигуры святых, облегчая себе работу, в жертвеннике сократил количество образов с двухсот до десяти, а в дьяконнике и других зонах храма не выполнил необходимых изображений (*Федоренко*, 2015. С. 69–79).

Роспись 1820-х гг. оказалась нестойкой, к концу XIX в. возникла необходимость следующего поновления живописи Георгиевского собора, для него были приглашены владимирские мастера во главе с Н. М. Софоновым, работы были выполнены в 1900–1902 гг. Артель Н. М. Софонова создала следующую программу. Таким образом, в поздних росписях не могло сохраниться ничего от домонгольской декорации.

Некоторые скупые сведения о посвящении приделов Георгиевского собора до поновления Сапожниковыми содержатся в письменных источниках. В Описи Новгорода 1617 г. говорится об одном приделе на хорах собора и о его посвящении Вознесению (Опись…, 1984. Ч. 2. С. 325). Известие только этой древнейшей из сохранившихся описей может свидетельствовать о наличии такого придела в XII в. Там же сообщается, что Юрьев монастырь очень пострадал во время шведского завоевания начала XVII в.: «И в том монастыре стоял неметцкой воевода Самуйло Кобрин с неметцкими людми. И монастырь от неметцких людей разорен. В церквах // и в трапезе, в стенах и в столпех выломано…» (Опись…, 1984. Ч. 1. С. 87).

Начиная с середины XVII в. установилась другая традиция: упоминать на хорах два придела, в том числе посвященный Благовещению. Так, по сообщению Павла Алеппского, посетившего Новгород в 1655 г., на хорах были приделы Благовещения и Св. Духа[2] (*Павел Алеппский*, 2005. С. 468). В описи монастыря 1685 г. говорится о приделах Благовещения и Всех Святых, что повторяется и в последующих документах (*Макарий (Миролюбов)*, 1860.

---

[1] В. Д. Сарабьянов ссылается на Дело о возобновлении Георгиевского собора Юрьева монастыря 1825–1827 гг. (ГИАНО. Ф. 526. № 7. Л. 3 — 5 об.) и Опись Юрьева монастыря 1827 г. (ГИАНО. Ф. 526. № 10. Л. 7 — 69 об.).

[2] Автор благодарит Н. Хелу за консультацию по поводу перевода арабского текста, она подтвердила корректность перевода Г. Муркоса.

С. 408; *Валентин (Ключарев)*, 1893. С. 84). А. Н. Трифонова полагает, что в период между 1617 и 1685 гг. придел Вознесения был упразднен, а вместо него после капитального ремонта храма первой половины XVII в., вследствие шведского разорения, и были устроены два новых — Благовещения и Всех Святых[1] (Опись…, 2005. С. 87).

В описях монастыря конца XVIII в. имеются и описания фресковой декорации до фотиевского поновления. В описи 1772 г. сообщается: «По всей церкви и в олтаре настенное письмо с изображением священных событий и ликов разных святых, писанное красками… Свод храма покоится на четырех массивных, четырехгранной формы, столпах, расписанных со всех сторон изображениями святых» (*Валентин (Ключарев)*, 1893. С. 83–84). В описи 1784 г. говорится, что «церковь исписана вся по стенам внутре древним писанием иконописным разных святых и ветхозаветных левитских служений» (*Сарабьянов*, 2012а. С. 358).

Раскопками М. К. Каргера были обнаружены семь двухуступчатых ниш с полуциркульным завершением в нижней зоне восточного фасада собора: три на центральной апсиде, по две — на боковых. В северной нише центральной апсиды в 1930-х гг. еще сохранялось поясное изображение Богоматери Дексиократусы с благословляющим младенцем, сидящим на правой руке, а под ним — изображение плата. В южной нише северной апсиды сохранялся плохо различимый образ Спаса на убрусе. На южном фасаде и на башне были раскрыты аналогичные ниши. В восточной нише южного фасада сохранялся образ Христа Пантократора, а под ним полотенца (*Каргер*, 1946. С. 180–197. Ил. 3, 6–7, 14; Выставка…, 2019. С. 17. Ил. 18). Тем самым в экстерьере собора был целый цикл ниш с живописными образами, который опоясывал храм с четырех (?) сторон. Можно допустить, что в центральной нише центральной апсиды был еще один образ Богоматери, тронной с младенцем на коленях. В южной нише симметрично северной мог располагаться образ Девы Марии, обращенной влево к центру, с полулежащим младенцем, образом жертвы. Такого рода комбинации трех образов Богоматери известны по храмам XI в., в частности, по интерьеру кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде (*Этингоф*, 2000. С. 56–58. Ил. 34–39). К образу Спаса на убрусе, вероятно, был парный — Спаса на черепии.

Декорация интерьера Георгиевского собора около 1130 г. (?) должна была соответствовать общим принципам иконографической программы Византии и домонгольской Руси и отражать посвящение храма Св. Георгию. Программа храма отражала значимость княжеского заказа Всеволода-Гавриила, участие в нем игумена Кириака, предназначение храма в качестве одного из первых монастырских в Новгороде, просветительский характер декорации, важной для христианизации русского севера. Учитывая все эти факторы, а также огромный масштаб, обширную поверхность стен собора, можно полагать, что повествовательная и символическая программа была незаурядно подробной и развернутой.

Как явствует из описи Георгиевского собора 1772 г., все стены (включая алтарь) и столбы были расписаны. Вероятно, декорация наоса включала несколько регистров (до шести?) с многочисленными циклами. Аналогичным образом роспись всех трех апсид также была разбита на несколько регистров. Это подтверждается сравнительно небольшими размерами большинства изображений на найденных фрагментах. Можно осторожно сопоставлять элементы этой росписи с другими новгородскими памятниками XII в. В соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря, около 1125 г., реконструируется шесть регистров, аналогичным образом построена сохранившаяся программа в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря в Пскове, около или до 1142 г., следующем крупном монастырском храме Новгородской земли (*Лифшиц и др.*, 2004. С. 731–773; *Этингоф*, 2002. С. 413–441; *Сарабьянов*, 2012б. С. 223–261). Другой важный для сопоставления памятник — церковь Георгия в Старой Ладоге (*Сарабьянов*, 2002)[2]. Однако все

[1] Иеромонах Валентин упоминает еще два варианта интерпретации посвящения второго придела на хорах: Воскресения Христова либо Бориса и Глеба (*Валентин*, 1893. С. 10).

[2] Мы намеренно не конкретизируем дату росписи Георгиевской церкви, поскольку есть разногласия. В. Н. Лазарев датировал ее концом 1160-х гг. (*Лазарев*, 1960), В. Д. Сарабьянов — концом XII в. (*Сарабьянов*, 2002). Мы придерживаемся датировки третьей четвертью XII в. В любом случае это памятник второй половины столетия.

эти храмы — иных архитектурных типов, они скромнее по масштабам и значимости, и заказчики их другие.

В барабане центрального купола Георгиевского собора восемь окон, это, безусловно, означает, что в простенках между ними были изображены пророки, простенки довольно широкие, не исключены и попарные изображения фигур, как в Мирожском соборе, тогда их было бы ровно шестнадцать. Окна в барабане высокие, вытянутых пропорций, между окнами и скуфьей, кажется, остается немного места для размещения в рост фигур полного второго регистра, как в Мирожском храме, где над пророками находятся апостолы — часть композиции «Вознесения». В церкви Георгия в Старой Ладоге в куполе также представлено «Вознесение» (*Сарабьянов*, 2002. С. 127–192). Как уже говорилось, в росписи 1820-х гг. в куполе было изображено именно «Вознесение». Нельзя исключить, что Фотий хотя бы в этом следовал домонгольской декорации, в таком случае в псковском храме повторяли купольную программу Георгиевского собора. Однако если придел на хорах собора существовал с древности, то композиция «Вознесение» была изображена там.

В первоначальной декорации купола Софийского собора в Новгороде 1108–1109 гг. в скуфье был помещен медальон с образом Христа Пантократора, окруженный четырьмя фигурами архангелов и четырьмя херувимами, к концу XIX в. фигуры херувимов и архангелов были почти утрачены, они читаются на прорисях В. В. Суслова (*Лифшиц и др.*, 2004. С. 383–403; *Попова, Сарабьянов*, 2007. С. 497). Возможно, в Георгиевском соборе была именно такая иконография купола. Подобная декорация стала одной из устойчивых новгородских традиций, повторявшихся в большинстве храмов XIV в. Роспись Георгиевского собора 1900–1902 гг. следовала ей. Если в куполе домонгольской программы был образ Пантократора, то «Вознесение» могло быть размещено и на своде вимы, что обычно для средневизантийских храмов.

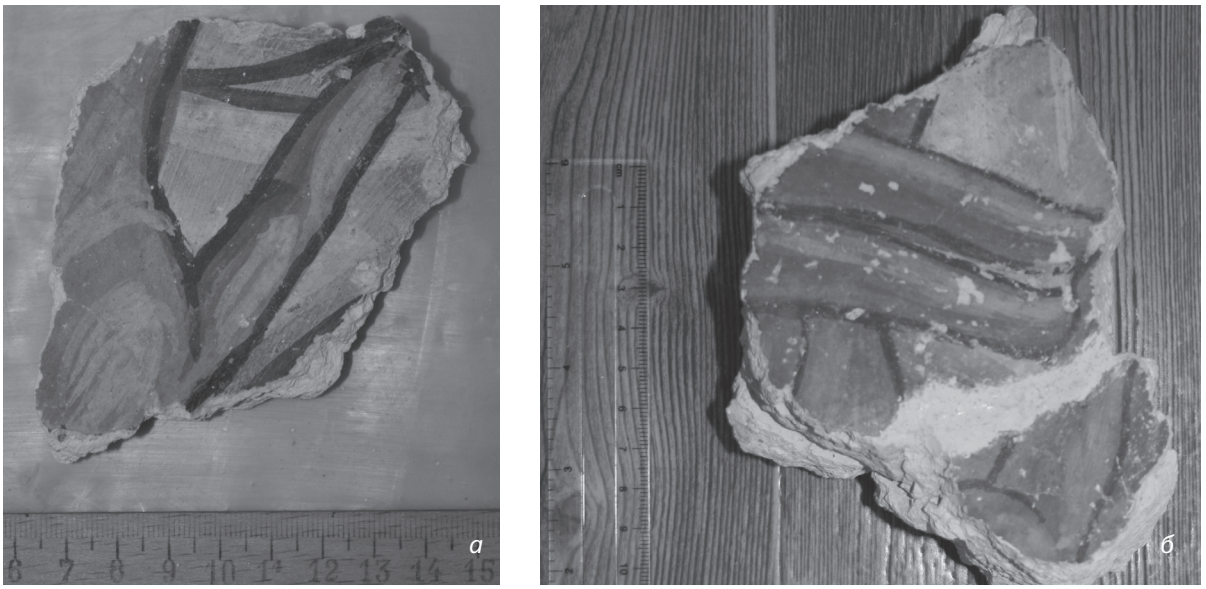
По поводу масштаба фигур в Георгиевском соборе делать заключения трудно, но найденные осколки фресок дают о нем некоторое представление. Сохранилось несколько крупных фрагментов голов и фигур, которые могли находиться в верхних зонах, где и должны были располагаться самые масштабные образы.

Чрезвычайно важно замечание в описи Георгиевского собора 1784 г. о наличии в древних росписях изображений «ветхозаветных левитских служений». Оно свидетельствует о наличии в древней программе образов ветхозаветных первосвященников, что не было редкостью в домонгольских памятниках, в частности, в Мирожском соборе, где они размещены на подкупольных арках. Возможно, это известие служило и указанием на циклы ветхозаветных прообразов, которые могли располагаться в разных зонах храма и быть связаны как с христологическим, так и с богородичным циклами, а также с литургическими аллюзиями декорации апсиды.

В пространстве амвона найдены осколки, из которых собран крупный фрагмент правой половины головы старца с длинными вьющимися седыми волосами, бородой и с розовым воротом (илл. VII: *а* на цветной вклейке). Обычно так изображались именно ветхозаветные старцы, пророки или первосвященники. Такие фигуры могли быть расположены в барабане купола, на восточных столбах, на стенах вимы или на подпружных арках. Найдены и другие сходные фрагменты седых волос (в частности, в северной апсиде), от образов ветхозаветных (?) старцев. Другой довольно крупный лик старца, драматически трактованный, собран из осколков, найденных в центральной апсиде (илл. VII: *б* на цветной вклейке). Он также мог относиться к ветхозаветным образам, пророков или первосвященников. Не исключено, что это мог быть и образ святителя (?).

Среди находок центральной апсиды — два больших фрагмента ликов, которые могли принадлежать херувимам, серафимам или ангелам (?) (илл. VII: *в–г* на цветной вклейке). Это безбородые лики разного письма: один, округлый, окружен пурпурными кудрями, другой — собран из трех крупных фрагментов. Они могут происходить из декорации купола (?), сводов, конхи апсиды (?).

В центральной, а также северной апсидах найдено большое количество фрагментов с изображением крупных пучков перьев на зелено-бирюзовом и синем фонах (илл. VIII: *а–б* на цветной вклейке). Это крылья ангельских сил. Они как раз могли принадлежать херувимам, серафимам или ангелам из купола, а также из других зон: конхи апсиды, либо от фигуры архангела в «Благовещении» на западной грани северо-восточного



• **Илл. 1. Фрагменты фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря с изображением благословляющей десницы. Около 1130 г. Найдены в северной (*а*) и южной (*б*) апсидах. Фото автора**

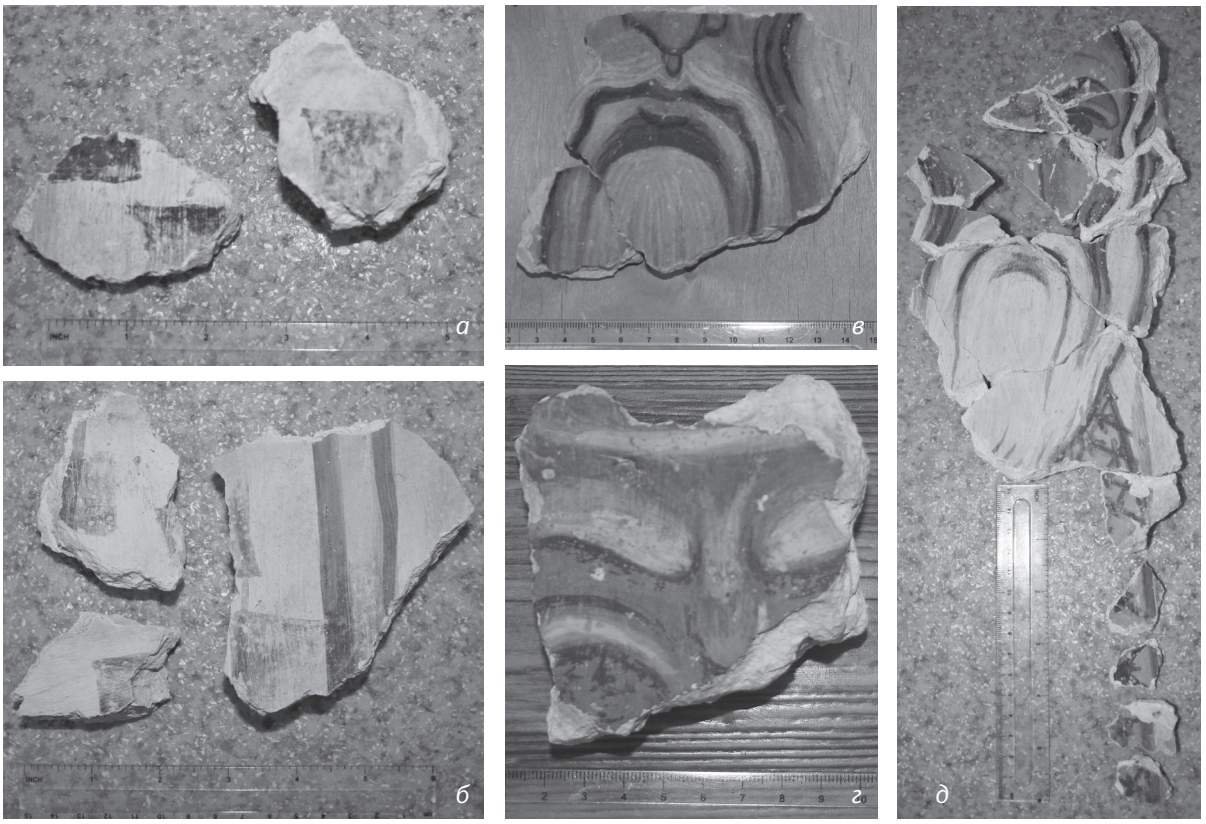
столба. В церкви Георгия в Старой Ладоге в конхах двух боковых апсид представлены полуфигуры архангелов, Гавриила и Михаила (*Лазарев*, 1960. С. 28–32; *Сарабьянов*, 2002. С. 127–192). Теоретически обе конхи северной и южной апсид в Георгиевском соборе могли быть декорированы аналогично. Однако фрагментов крыльев в южной апсиде найдено не было, так что находками подобное допущение не подкрепляется.

В парусах вокруг главного купола, несомненно, были помещены образы четырех евангелистов. Где мог располагаться в домонгольской росписи праздничный цикл? Почти с уверенностью можно полагать, что двунадесятые праздники были размещены на сводах и в люнетах южного, западного и северного рукавов крестообразного пространства. Такое размещение реконструируется в Рождественском соборе Антониева монастыря, аналогичная декорация сохранилась в Мирожском соборе. При таком расположении в рукавах креста могут быть размещены девять композиций, по три в люнетах, шесть — на склонах сводов. Еще три сцены могли быть выделены из цикла: «Благовещение» должно было оказаться на западных гранях восточных столбов, а сцены «Рождество Христово» и «Успение Богоматери» — на стенах наоса, как во многих средневизантийских и домонгольских храмах, в том числе киевских и новгородских (*Этингоф*, 2000. С. 205–228). Поскольку восточная стена в Георгиевском соборе не выявлена, и боковые апсиды открыты в пространство наоса, то эта пара композиций могла быть размещена не на восточной стене, а на южной и северной, подобно Рождественскому собору Антониева монастыря и церкви Благовещения на Мячине.

В большинстве новгородских храмов домонгольской эпохи в конхе апсиды размещалась фигура Богоматери, одна или с двумя архангелами. В частности, образ Богоматери в рост, фланкированный фигурами архангелов, реконструируется в Георгиевской церкви в Старой Ладоге (*Сарабьянов*, 2002. С. 127–192). Можно предполагать, что аналогичная декорация была и в Георгиевском соборе, что соответствует и огромному масштабу храма. Однако в псковском Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря в конхе апсиды изображен Деисус. Не исключено, что в качестве образца при украшении этого храма ориентировались на Георгиевский собор.

Ниже конхи апсиды должен был располагаться регистр с изображением «Евхаристии», согласно нормам средневизантийской программы и параллелям новгородских памятников первой половины XII в.

Из центральной, северной и южной апсид происходят фрагменты изображений пальцев, сложенных в благословляющем перстосложе-

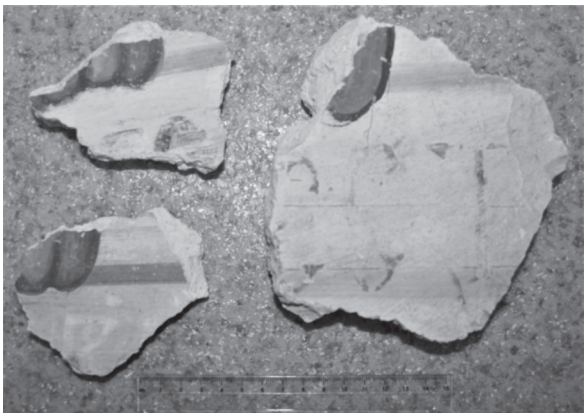


• **Илл. 2. Фрагменты фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря. Около 1130 г. Фото автора.**
а–б **— крестчатые ризы святителей, найдены в центральной апсиде (*а*) и пространстве амвона (*б*);**
в–г **— два фрагмента голов старцев из центральной апсиды, предположительно святителей;**
д **— голова святителя и предполагаемая реконструкция епитрахили, найдена в южной апсиде**

нии десницы, некоторые очень крупного масштаба, они принадлежали огромным фигурам, расположенным наверху: в куполе, на сводах, в апсиде (илл. 1: *а–б*).

В пространстве амвона и в центральной апсиде найдены мелкие фрагменты черных крестов на белом фоне (некоторые с зелеными полосками) (илл. 2: *а–б*). Это осколки изображений крестчатых риз иерархов. В нижней зоне апсиды, несомненно, был святительский чин, как и в большинстве ранних новгородских храмов, многофигурный, скорее всего, в два регистра. Вероятно, святители были изображены в ряд стоящими анфас, «Поклонение жертве» («Служба святых отцов») в церквах Новгородской земли первой половины XII в. не встречается (в соборах Николо-Дворищенском, около 1120 г. (?), Рождественском Антониева монастыря, Спасо-Преображенском Мирожского монастыря). Два фрагмента старческих ликов, представленных анфас и найденных в центральной апсиде, по месту находки могут быть, предположительно, отнесены к числу образов святителей (илл. 2: *в, г*).

Образы святителей могли располагаться не только в центральной апсиде. В южной апсиде найдены фрагменты головы старца, белое облачение которого, вероятно, можно определить как святительское (илл. 2: *д*). Голова собрана из двух основных частей, левой половины лика с облысевшим лбом и широкой седовласой бороды. «Стыка» штукатурки между ними, к сожалению, нет, однако сомнений в том, что это части одного образа, не возникает. Возле шеи старца сохранились фрагменты полосы орнамента в виде коричневых ромбов с крестиками на фоне желтой охры. Полоса могла быть украшением ворота фелони или, скорее, епитрахили. Осколков с таким орнаментом в храме найдено множество,



• Илл. 3. Три фрагмента фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря с изображением рук, держащих свитки. Около 1130 г. Найдены в северной апсиде. Фото автора

в том числе и в той же апсиде. В этом случае не исключена реконструкция изображения епитрахили во всю длину. В нижнем регистре южной апсиды мог быть представлен регистр со святителями, подобно тому, как они размещены в медальонах в церкви Георгия в Старой Ладоге (*Сарабьянов*, 2002. С. 127–192).

Возможно, к образам святителей относятся и фрагменты изображений разлинованных листов свитков, зажатые пальцами рук. Таких фрагментов найдено, по крайней мере, три, все в северной апсиде (илл. 3). На свитках различимы остатки букв, на одном из них читается слово (… ЕСТ…)[1]. Фрагменты могли также принадлежать и образам пророков, иереев протоевангельского цикла или святых, держащих свитки, в разных частях храма.

В нижней зоне северной апсиды над отграникой, отделяющей регистр полилитии, различимо плохо сохранившееся изображение двух (?) ступней: на фоне зеленого позема читается правая стопа и часть коричневой обводки левой (*Федоренко*, 2015. Ил. 16) (илл. 4: *б*). Вероятно, в нижнем регистре располагалась группа фигур в рост, возможно, святителей или апостолов.

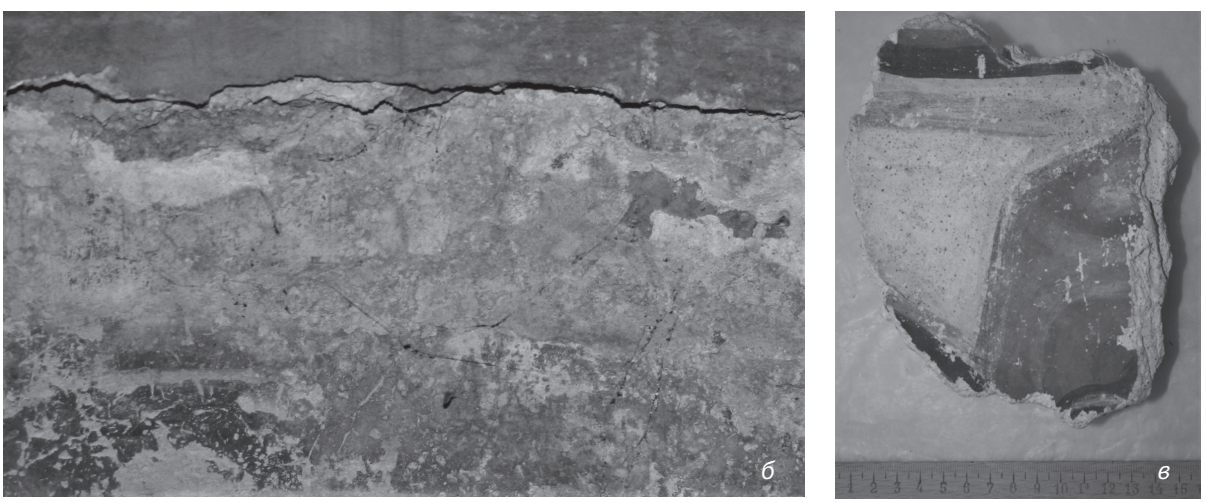
Из осколков, происходящих в основном из северной апсиды, в 2021 г. удалось собрать фрагмент крупной фигуры с двумя ногами (хорошо сохранилась одна), обнаженными почти по колено, над которыми изображены складки драпировок хитона (?) или длинной набедренной повязки (илл. 4: *а*). Так мог быть представлен кто-то из ветхозаветных пророков в барабане центрального купола. Это могло быть и изображением персонажа протоевангельского цикла или святого, а также благоразумного разбойника, которого представляли полуобнаженным, его образ в позднейшей русской традиции связывали именно с пространством северной апсиды.

Комментируя предполагаемую иконографию фресковых циклов Георгиевского собора, необходимо учитывать две важнейшие иконы, происходящие из этого храма: «Устюжское Благовещение» и «Св. Георгий» из ГТГ (Государственная Третьяковская галерея, 2020. С. 144–217. Кат. № 6–7). «Устюжское Благовещение», согласно сообщениям источников и научной традиции, происходит именно из Юрьева монастыря и находилось там со времени основания обители, то есть икона была создана около 1130 г. Об этом сообщают Новгородская вторая летопись и Дело дьяка Висковатого, где говорится, что икона принесена в Юрьев «лет тому с 500 или боле» (Новгородские летописи, 1879. С. 93; Розыск…, 1858. С. 248). Тем самым у нее есть *terminus post quem*. Стилистически икона также очень близка именно юрьевским фрескам (*Этингоф*, 2019. С. 225–233). Крестильное имя князя — ктитора собора Всеволода Мстиславича — Гавриил, архангел был его небесным патроном. Эта огромная икона могла и быть патрональным образом Всеволода. Соответственно в христологическом и особенно протоевангельском или архангельском циклах фресок Георгиевского собора тема Благовещения должна была быть подробно развернута.

В северной апсиде найден довольно крупный женский образ, который надежно отождествляется с Богоматерью (илл. IX: *б* на цветной вклейке). Т. Ю. Царевская на основании этой находки допускает наличие там богородичного протоевангельского цикла (*Царевская*, 2016. С. 200–201). Протоевангельский цикл именно так размещен и в других храмах Новгородской земли: Рождественском соборе Антониева монастыря, в церквах Георгия в Старой Ладоге и Благовещения на Мячине, а также в Спасо-Преображенском соборе на Нередице (*Лазарев*, 1960. С. 31; *Лифшиц и др.*, 2004. С. 780–773).

[1] Автор благодарит А. А. Гиппиуса за любезную консультацию.

Голова Богоматери представлена на юрьевском фрагменте в трехчетвертном повороте, лик обращен влево, то есть в том ракурсе, в котором обычно Дева Мария (изображенная справа) оборачивается к архангелу в момент Благовещения. Здесь уместно вспомнить о сообщениях источников, упоминавших на хорах Георгиевского собора Благовещенский придел, возникший лишь в XVII в., после разорения храма шведами. Посвящение второго придела варьировалось, но именно Благовещенский придел оставался неизменным вплоть до XX в., это означает, что он в соборе был очень важен. Можно гипотетически предположить, что этот придел в XVII в. был устроен потому, что нижние зоны храма сильно пострадали и их полное восстановление было невозможно. Посвящение Благовещению изначально могло быть связано именно с северной апсидой. Такая версия правдоподобна, учитывая крестильное имя князя, наличие патрональной иконы «Благовещения» и прямую связь Георгиевского собора с посвящением церкви Благовещения на Городище, основанной Мстиславом Владимировичем на противоположном берегу Волхова по случаю рождения сына — Всеволода. На взаимосвязь двух храмов обратила внимание Э. С. Смирнова (*Смирнова*, 2019). Фрагменты с изображением крыльев, найденные в северной апсиде, также позволяют допускать наличие там



• **Илл. 4. Фрагменты фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря. Около 1130 г. Фото автора.**
а **— фрагмент мужской фигуры с обнаженными до колен ногами;** *б* **— остатки росписи нижнего регистра с двумя (?) ступнями на зеленом поземе;** *в* **— фрагмент обнаженного торса младенца или мужчины**

цикла деяний архангела Гавриила и истории Благой вести.

Георгиевский собор расписывали около 1130 г., это период, современный созданию в Константинополе двух списков иллюстрированных рукописей Гомилий Иакова Коккиновафского, посвященных Богоматери, второй четверти XII в. В пятой Гомилии, посвященной Благовещению, в Парижской рукописи (Париж, НБФ, gr. 1208) представлено девять сцен благовещенского цикла, начиная с эпизода полета Гавриила с небес в Назарет к Деве Марии и вплоть до его возвращения на небеса к божественному престолу. Цикл включает композиции явления архангела через окно, Благовещения у колодца, пять эпизодов диалога Гавриила и Девы (Париж, НБФ, gr. 1208, fol. 153 v, 157, 159 v, 160 v, 165 v, 168 v, 171 v, 173 v, 177 v)[1] (*Anderson*, 1991. P. 69–120). Возможно, что в храме, заказанном князем из рода Мономаховичей, тесно связанного с Константинополем, отразилась иконография подробного византийского благовещенского цикла в соответствии с почитанием небесного патрона князя.

Можно с осторожностью допустить, что фрагмент с изящно очерченным безбородым ликом, обращенным вправо, был образом ангела или даже самого архангела Гавриила (?) (илл. IX: *а* на цветной вклейке). Он представлен в том ракурсе, в котором архангел подходит в Деве Марии в момент Благовещения. Половина головы ангела с фиолетовыми кудрями, обращенной влево, также могла быть связана либо с благовещенским циклом, либо с эпизодами Благовестия Иоакиму или Анне, где ангел подлетает справа, подобно миниатюрам Гомилий Иакова Коккиновафского (Париж, НБФ, 1208, fol. 14 v, 21 v) (илл. IX: *в* на цветной вклейке). Оба фресковых фрагмента происходят из северной апсиды.

Крупный фрагмент фигуры, найденный там же, — фрагмент фигуры старца анфас с короткой острой бородой (илл. IX: *г* на цветной вклейке). Поверх светло-голубого хитона на груди различим светло-серый плащ с желтой каймой, украшенной двумя рядами жемчужин, он застегнут круглой фибулой. Так обычно представляли ветхозаветных первосвященников в ефоде. Подобным образом мог быть представлен и иерей в протоевангельском или благовещенском цикле. Из северной апсиды происходит другой сравнительно крупный фрагмент образа старца с длинной бородой в светло-сером плаще со складками, намеченными зеленым (илл. IX: *д* на цветной вклейке). Судя по облачению и трактовке лика, это не апостол и не святитель. В северной апсиде найдено больше всего образов старцев: еще семь фрагментов старческих голов — половина левой части лика с белой бородой, четырех кудрявых, двух монохромно трактованных, а также и фрагменты седых волос (илл. IX: *е–л* на цветной вклейке). Изображения всех этих старцев не противоречат предполагаемому посвящению придела протоевангельскому или благовещенскому циклу.

В связи с темой Благовещения плодотворно обсудить один из ликов, недавно собранный из осколков, происходящих из южной апсиды (илл. 5: *а*). Это образ бородатого средовека, типичный для новозаветных персонажей, особенно апостолов, слева от лика сохранился золотистый фон, то есть он был окружен нимбом. Экспрессивно трактованный лик с крупными чертами, подчеркнутой правой скулой и чуть впалой правой щекой, нахмуренным лбом близок по физиогномическому типу евангелисту Луке. Такому типу находится много аналогий в памятниках XII в., в частности, на миниатюре Трапезундских евангелий середины XII в. из Художественного музея Уолтерса в Балтиморе, Ms. W.531, fol. 103 r., и в росписях церкви Св. Георгия в Курбиново 1191 г. (*Parpulov*, 2004; *Grozdanov*, 2006. С. 242) (илл. 5: *б–в*). Рискнем осторожно предположить: в Георгиевском соборе этот лик мог быть фрагментом фигуры Луки либо из северо-западного (?) паруса, как в Мирожском соборе, либо из «Евхаристии» в апсиде, из «Вознесения» (или из иной зоны?). Трехчетвертной ракурс головы, обращенной вправо, соответствует такому расположению образа. Важно подчеркнуть, что Евангелие от Луки — единственный канонический текст, в котором описано Благовещение. В миниатюрах рукописей XII в. над портретом евангелиста нередко изображался именно этот евангельский эпизод, в частности, в Евангелии апракос XII в. из ГИМ и в Кодексе Эбнерианус середины XII в. (ГИМ, Син. греч. 519, л. 157 v; Оксфорд, ББ,

[1] Все листы рукописи с миниатюрами доступны на сайте НБФ: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55013447b/f1.planchecontact.r=grec%201208

• **Илл. 5.** *а* **— фрагмент фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря. Голова средовека, возможно, евангелиста Луки. Около 1130 г. Фото автора.** *б* **— Трапезундские евангелия. Художественный музей Уолтерса в Балтиморе, Ms. W.531, fol. 103 r. Евангелист Лука. Середина XII в. Фото: https://www.thedigitalwalters.org/Data/WaltersManuscripts/W531/data/W.531/sap/W531_000213_sap.jpg** *в* **— церковь Св. Георгия в Курбиново, Македония. Роспись восточной стены. «Вознесение», фрагмент, евангелист Лука. 1191 г. Фото: https://fotoload.ru/fotoset/2569/?fid=1127151**

MS. Auct. T. inf. 1. 10, fol. 118 v1) (Древности…, 2004. II. № 12. С. 141, 145; Meredith, 1966. P. 419–424). Иногда портрет евангелиста и «Благовещение» размещались на одном развороте, как в Трапезундских евангелиях (fol. 102 v — 103 r). Если в Георгиевском соборе благовещенская тема была развернута и акцентирована, образ евангелиста Луки приобретал особое значение.

В северной апсиде также обнаружено несколько фрагментов ликов средовеков с темными усами и бородой, отождествить их с какими-либо персонажами невозможно. Большинство из них мелкого масштаба. Самый крупный из них — светлого колорита с рыжей бородой, возможно, связан с образом Христа (?) (илл. IX: *м* на цветной вклейке).

Редкий фресковый фрагмент происходит из той же северной апсиды. Это небольшое изображение обнаженного правого плеча и груди, части торса детской или молодой мужской фигуры, представленной так, что не выделено очертание правой руки, прижатой к боку, хотя отчетливо намечены мышца груди и округлость живота (илл. 4: *в*). На животе какая-то темная деталь неясного характера. Серо-голубым и черно-коричневым обозначены разгранка и фон. Иконография фрагмента остается неясной. Возможно, это часть «Омовения младенца» в цикле Рождества Богоматери, подобно Гомилиям Иакова Коккиновафского (Париж, НБФ, 1208, fol. 38 v).

Во всех четырех раскопанных зонах храма найдено большое количество фрагментов изображений воинских доспехов, особенно много их в южной апсиде (илл. X: *а–г*; XI: *а* на цветной вклейке). Это неудивительно, воинская тема — одна из важнейших в контексте посвящения собора Св. Георгию. Во фресках этой группы

[2] Доступно на сайте ББ: https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/294166e2-64d5-4a44-9a11-c6f710cfd95c/surfaces/18affc11-8bod-4ce8-9794-86e829a6b6ed/

вычленяется несколько видов деталей доспехов: варианты мелких и крупных металлических пластин, которые составляли как верхнюю часть облачения воина на груди и на плечах, так и нижнюю — подобие короткой юбки вокруг бедер. Среди находок — варианты трактовки кольчуги из округлых колец и полуколец, такие чешуйки встречаются коричнево-охристого и сине-голубого цветов (илл. XI: *а–в* на цветной вклейке). Имеются также орнаменты, которые могли располагаться на металлических и неметаллических частях облачения воинов на плечах, бедрах и щитах. Предположительно, собираются три варианта фрагментов декорации щитов (в северной и южной апсидах, в пространстве амвона), один из них не круглый, возможно, миндалевидной (?) формы (из южной апсиды) (илл. XII: *а–в* на цветной вклейке).

Византийские воинские доспехи в последние десятилетия систематично изучаются исследователями. В частности, выделяются варианты облачения с панцирем на груди и на бедрах из металлических пластин, кольчуги на груди, кольчуги, закрывающей корпус с неметаллическими частями на плечах и бедрах. Все вариации доспехов наглядно представлены в памятниках искусства: в мозаиках и росписях XII в. Михайловского Златоверхого собора в Киеве, церквей Св. Пантелеймона в Нерези, Св. врачей и Николы Каснитци в Касторье и Св. Георгия в Курбиново, в миниатюрах рукописей, на иконах из слоновой кости и стеатита. (*Kolias*, 1988; *Баранов*, 2010. С. 199–202; 2011. С. 140–146; *Grotowski*, 2010). Находки юрьевских фресок вполне соответствуют основным классификациям доспехов средневизантийского периода; к сожалению, не удается реконструировать целостные комплексы облачения, поскольку мы располагаем лишь разрозненными и небольшими фрагментами.

Очевидно, что в Георгиевском соборе должен был находиться патрональный образ (или даже несколько образов) самого святого, возможно, на западной грани юго-восточного столба, на южной стене или еще где-то. Он мог быть представлен и в патрицианских одеждах (как в главе башни собора), и в воинских доспехах (на иконе Георгия из ГТГ). Южная апсида могла быть посвящена св. Георгию, подобно церкви Георгия в Старой Ладоге (*Седов*, 2015; *Царевская*, 2016. С. 199–200, 207). И юрьевский, и ладожский храмы имеют одинаковое посвящение; естественно, если в Старой Ладоге следовали традиции первого Георгиевского храма Новгородской земли. К сожалению, кроме доспехов, пока нет материальных данных по изображению на фресках наоса самого св. Георгия и других святых воинов.

Здесь необходимо упомянуть икону «Святой Георгий» из ГТГ, которая дает наглядное представление как о воинских доспехах, которые могли быть представлены и на фресках собора, так и о самом предполагаемом патрональном образе святого в росписи. Здесь же можно коснуться и орнамента в виде кринов на фиолетовом фоне, найденного в центральной апсиде собора, и сходного с аналогичным орнаментом на красном плаще святого на иконе из ГТГ (Государственная Третьяковская галерея, 2020. С. 190–217. Кат. № 7) (илл. XIII на цветной вклейке).

Несомненно, в храме был изображен обширный цикл образов других святых воинов, в частности св. Феодора, патрона князя Мстислава Владимировича. Даже во фрагментарно сохранившихся росписях церкви Св. Георгия в Старой Ладоге прослеживается воинский цикл в арке южной апсиды и на южной стене под хорами: образы Саввы Стратилата, Евстафия Плакиды, Христофора, Агафона, Иакова Перского (Персидского) (*Сарабьянов*, 2002. С. 127–192). Некоторые из них представлены именно в доспехах. Подобный цикл святых воинов мог располагаться в соборе Юрьева монастыря в южной апсиде и на примыкающей южной стене, как в Старой Ладоге, либо в регистре святых в нижних зонах храма на северной, южной и западной стенах, а также на столбах, если он был подобен Мирожскому храму.

В конхе южной апсиды мог быть представлен поясной образ Георгия, как в киевском Софийском соборе (*Попова*, 2007. С. 238. Ил. 188). В конхе северной апсиды, где также обнаружены фрагменты доспехов, мог располагаться образ архангела Гавриила. В воинском облачении он мог быть изображен и в сценах архангельских деяний.

В южной апсиде, помимо самого большого количества фрагментов, которые без сомнения интерпретируются как доспехи, были найдены многочисленные изображения синих чешуек на голубом фоне и часть надписи (...[ПО]ВЕЛЕ Ц(А)РЬ...), что позволило Вл. В. Седову и Т. Ю. Царевской предположить там изображение змея, то есть раз-

• **Илл. 6. Икона «Георгий в житии».**
ГРМ. Первая половина XIV в. Фото ГРМ:
https://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=556

мещение сцены «Чуда Георгия о змие», аналогично церкви Св. Георгия в Старой Ладоге (илл. XI: *б–в* на цветной вклейке). Версию исследователей можно развить и дополнить. Действительно, в тексте Чуда Георгия о змие конца XII — начала XIII в. неоднократно повторяется с вариациями формулировка о повелении царя именно в связи с решением приносить человеческие жертвы змею: «повелѣние царево», «царь… повелѣ» «повелѣ». (Библиотека…, 1997. С. 448–455).

Примечательно, что на многих фрагментах фресок с голубыми чешуйками из южной апсиды изображены также полосы (ремни?) желто-охристого и коричневого цветов (илл. XI: *в* на цветной вклейке). Этот факт можно вновь связать с текстом Чуда. В нем говорится, что Георгий велел царевне Елисаве обвязать змея, чтобы вести за собой в город: «И глагола святый и великий мученикъ Георгий отроковицы: “Отрешивши поясъ твой и уже узды коня моего и свяжи змия за главу; влецы его и поиди во град”» (Библиотека…, 1997. С. 452–453).

Однако наличие ремней (?) на синих чешуйках из южной апсиды Георгиевского собора может означать и совсем другое: что они связаны не с изображением змея, но с одним из вариантов доспехов, кольчуги сине-голубого цвета, что также многократно встречается в монументальной живописи XII в. Изображение синих чешуек почти тождественно трактовке чешуек коричнево-охристых цветов, найденных в центральной апсиде и зоне амвона, которые невозможно интерпретировать иначе, чем фрагменты кольчуги воина (илл. X: *б*; XI: *а* на цветной вклейке). Кроме того, в близких по времени и по княжескому заказу росписях нартекса новгородского Николо-Дворищенского собора, во фрагментах «Страшного суда» крупные оливковые чешуйки чудовища-сатаны (?) иной формы, и трактованы они иначе. Очертания чешуек змей, терзающих грешников, в том же храме черные, а не синие (*Лифшиц и др.*, 2004. С. 490, 492). В церкви Георгия в Старой Ладоге змей изображен со сложными тональными переходами: от почти белого на брюхе к темно-синему на спине. Найденные в Георгиевском соборе синие чешуйки почти единообразны по интенсивности и тону. В Старой Ладоге в сцене «Чуда Георгия о змие» святой, сидящий на коне, представлен облаченным в обширную кольчугу золотисто-охристого цвета, которая закрывает и грудь, и бедра. Нельзя исключить, что синие чешуйки в Юрьеве — это фрагменты доспехов самого Георгия (?), но холодного колорита.

Независимо от интерпретации фрагментов с синими чешуйками, нет оснований отвергать версию о посвящении южной апсиды святому Георгию. В церкви Георгия в Старой Ладоге исследователи реконструируют первоначальный житийный цикл мученика как состоявший из трех сцен, из них сохранилась лишь одна: «Чудо Георгия о змие» (*Лазарев*, 1960. С. 32–34; *Сарабьянов*, 2002. С. 127–192). От двух других читается лишь позем и ступни ног. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря пространство южного алтаря гораздо более высокое, чем в ладожском храме, в нем мог разместиться обширный цикл, включающий не три, а несколько (много?) сцен жития св. Георгия, расположенных в нескольких регистрах росписи.

Здесь необходимо обратиться к позднейшим и предшествующим памятникам, содержащим

житие святого. Следующий после Старой Ладоги новгородский георгиевский цикл представлен в житийной иконе мученика начала или первой половины XIV в. из ГРМ (бывшее собрание М. П. Погодина) (*Смирнова*, 1976. С. 188–195, 294–297) (илл. 6). В ней пятнадцать сцен, включая «Чудо Георгия о змие» в среднике. Это древнейшая из известных икон такого типа в Новгородской земле, ее иконография могла восходить к циклу первого и самого крупного Георгиевского храма в Новгороде. В нескольких клеймах иконы («Взятие мученика под стражу», «Проповедь перед царем Диоклетианом», «Заключение в темницу», «Усекновение главы» — клейма 2, 3, 4, 14) изображены воины и стражники в доспехах. Тем самым и в предполагаемом житийном цикле святого Георгиевского собора могли быть представлены доспехи не только самого Георгия и других святых воинов, но и персонажей, участвовавших в его мучениях.

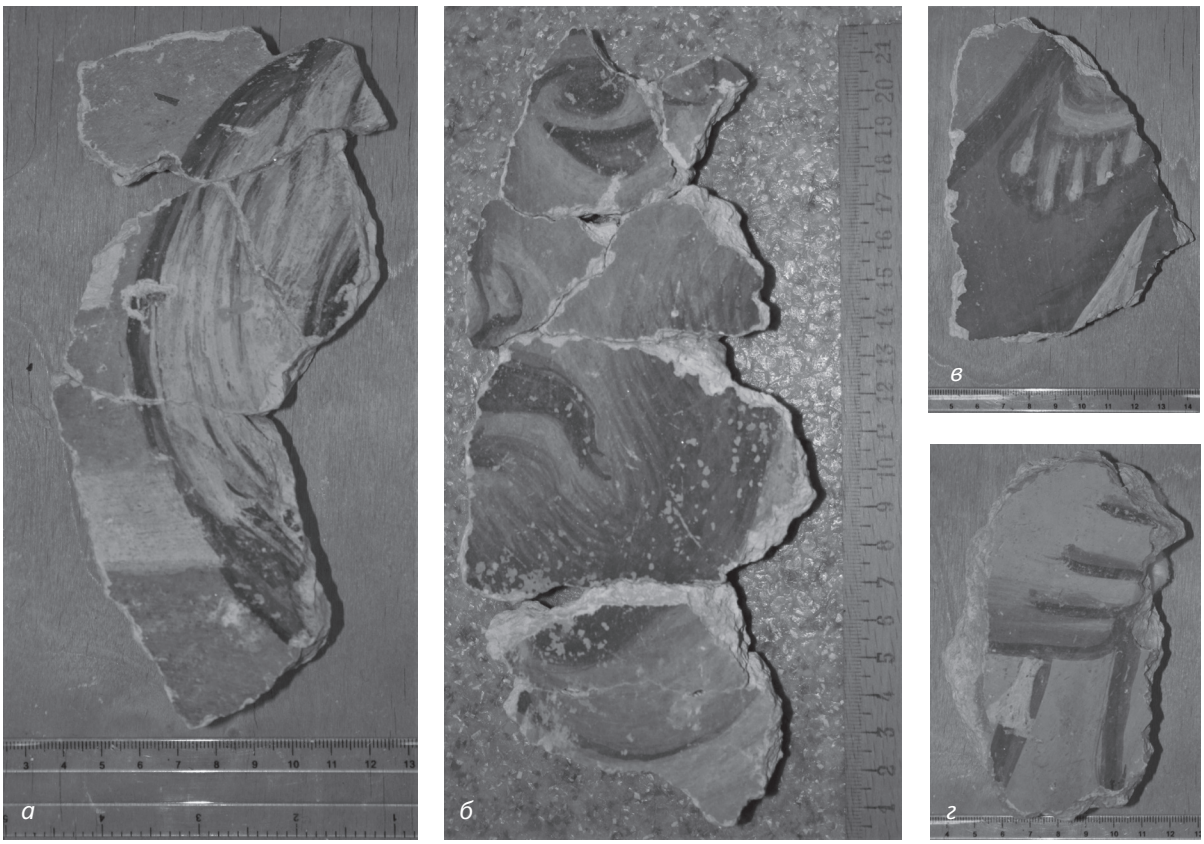
Иконография георгиевского цикла в Новгородской земле восходит к традициям Киева. В киевском Софийском соборе исследователи насчитывают восемь сцен жития святого: четыре эпизода проповеди христианства и четыре сцены мучений (*Попова*, 2007. С. 232–233, 239. Ил. 189). В сценах софийского цикла также фигурируют воины в доспехах. В Киеве был известен и другой житийный цикл святого: в Георгиевском соборе Георгиевского монастыря. Вероятно, в этом храме он был еще более развернутым, учитывая, что Георгий был небесным патроном Ярослава Мудрого. Раскопки подтвердили, что в этом соборе были фрески, а возможно, и мозаики, поскольку отмечали находки смальты (*Каргер*, 1961. С. 232–237; *Pannonopm*, 1982. С. 14–15. № 14).

В той же южной апсиде новгородского Георгиевского собора найдены фрагменты фресок трех (?) образов царей: почти полностью собранная голова царя-средовека с усами и бакенбардой на правой щеке, в короне, унизанной жемчужинами, на зеленом фоне, а также маленький фрагмент образа средовека с глазом, каштановыми волосами и частью аналогичной короны (илл. XIV: *а* на цветной вклейке). И, наконец, собран фрагмент жемчужного венца на волосах оливкового колорита, который также мог быть изображением короны на мужской голове (илл. XIV: *б* на цветной вклейке). У фрагмента сохранился фон золотистой охры, то есть этот персонаж был представлен с нимбом. С осторожностью можно допустить, что собранная правая половина лика средовека аналогичного оливкового колорита могла быть связана с этим венцом, волосами и нимбом. Это означает, что в росписях гипотетического Георгиевского придела (?) было, по крайней мере, три изображения мужских персонажей в царской короне.

В этом контексте возможны несколько интерпретаций для трех (?) образов царей. Если допускать наличие в Георгиевском соборе сцены «Чуда Георгия о змие», то здесь мог быть представлен царь, отец царевны Елисавы. Однако в староладожском храме и в новгородской иконе из ГРМ (обычно и в других памятниках) его изображение вместе с царицей помещено в башне справа от основной сцены Чуда, соответственно, его голова обращена влево, а не вправо.

Можно предполагать в Георгиевском приделе в качестве одного из основных эпизодов жития — проповедь христианства Георгием перед царем Диоклетианом (Дадианом?). В росписях киевского Софийского собора, на деревянной рельефной иконе XIII в. из Мариуполя (клеймо 1) и в росписях собора Христа Пантократора монастыря в Дечанах, до 1350 г., в соответствующей сцене царь представлен слева именно в том ракурсе, что и на фрагменте с зеленым фоном из Юрьева, с головой, обращенной вправо (*Попова*, 2007. С. 239. Ил. 189; *Этингоф*, 2005. С. 624–630. Кат. № 23; *Петковиħ*, 1930. С. 7–11. Т. I–IV). Примечательно, что в киевском Софийском соборе царь в этой сцене изображен с нимбом, как и жемчужный венец из юрьевских находок. И, наконец, царь в короне (Диоклетиан?) может также присутствовать в эпизоде низвержения идолов, как на новгородской иконе из ГРМ (клеймо 6). Учитывая однотипность трактовки короны на первых двух фресковых фрагментах Георгиевского собора, можно допустить, что это были два изображения одного персонажа, возможно, царя Диоклетиана.

Нельзя исключить и какого-то иного контекста, с которым были связаны фрагменты царских образов из Георгиевского собора, в частности, ветхозаветного. Молодым цветущим средовеком обычно изображался царь Соломон, хотя, как правило, с нимбом, и если с цветным, то никогда (?) не с зеленым. Цари могли быть представлены в композициях всех святых, в цикле Страшного суда, в «Сошествии во ад». Если третий фрагмент венца с нимбом и часть лика отно-



• **Илл. 7. Фрагменты фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря из южной апсиды. Около 1130 г. Фото автора.** *а* **— седые волосы и крещатый нимб, Ветхий деньми (?);** *б* **— лик средовека, Христа (?);** *в* **— ножка младенца, Христа (?);** *г* **— рука, держащая крест**

сятся к единому изображению, то это мог быть и один из образов Христа.

В южной апсиде были найдены фрагменты, из которых собрана голова юного персонажа с кудрявыми длинными прядями волос, спускающимися сзади на шею (илл. XV на цветной вклейке). Он представлен без нимба, в трехмерно трактованном интерьере (?), обозначенном голубыми разгранками, синим и серым фонами. Поскольку нимба нет, скорее всего, это не ангел и не Георгий. Возможно, здесь изображен кто-то из персонажей житийного цикла святого.

Хотя небольшой фрагмент изображения торса, о котором шла речь выше, найден вдали от южной апсиды, гипотетически можно допустить, что это часть одной из многочисленных сцен мучений в житийном цикле св. Георгия (илл. 4: *в*). В таком случае темная деталь на животе персонажа может быть фрагментом орудия пыток, колеса (?). В связи с трактовкой плеча без выделения правой руки можно отметить, что в иконе из ГРМ в эпизоде мучения Георгия пилой святой изображен, как полагает Э. С. Смирнова, с обрубками (?) вместо обеих рук (клеймо 12). (*Смирнова*, 1976. С. 188–195, 294, 297). Иногда в сценах мучения Георгий представлен со связанными за спиной руками, которые плотно прижаты к торсу и видны лишь до локтя. Таково изображение сцены бичевания в соборе монастыря в Дечанах. Вместе с тем фрагмент с торсом может относиться и к какому-то иному контексту, к образу обнаженного отшельника (?), а черная деталь на животе может оказаться бородой.

Из осколков, найденных в южной апсиде, собрана правая часть лика средовека с рыжей бородой, возможно, Христа (?) (илл. 7: *б*). Один из интересных фрагментов, происходящих оттуда же, — изображение части седовласой головы (без лика) с ветвью крестчатого нимба. Так мог быть представлен Ветхий деньми (?) (илл. 7: *а*).

Примечателен фрагмент с изображением части правой стопы на ярко-синей ткани (?) с пурпурными полосками и охристым фоном слева (илл. 7: *в*). Ножка пухлая, а у пальцев не намечены ногти или ремни от сандалий. Здесь мог быть изображен младенец Христос на фоне синего хитона Богоматери или над престолом с тканевым покровом. Один из фрагментов позволяет рассмотреть кисть левой руки, держащей нижнюю ветвь креста белого цвета, вероятно, имитировавшего серебро (илл. 7: *г*).

Гипотетически можно допустить, что в Георгиевском соборе был представлен цикл «Страшного суда», подобно Николо-Дворищенскому собору и церкви Георгия в Старой Ладоге. Скорее всего, он мог быть размещен в нартексе, как в Никольском соборе, близком по времени и по характеру заказа: его ктитор — Мстислав Владимирович, отец Всеволода. Однако никакими материальными данными или упоминаниями письменных источников о «Страшном суде» мы не располагаем.

Большая часть остальных фрагментов из разных зон храма мелкого масштаба. Среди находок — многочисленные части безбородых ликов, младенческих, юношеских или ангельских. Собраны образы старцев и средовеков. Находки женских ликов единичны. Наконец, предстоит систематизация большого количества орнаментов на стенах храма и среди найденных фрагментов.

Подытоживая, можно отметить, что лишь немногие выводы по иконографии фресковых фрагментов наоса Георгиевского собора могут быть окончательными, поскольку мы располагаем данными фрагментов, оторванных от контекста. Вместе с тем, несомненно, программа декорации и состав циклов соответствовали принципам, общим для храмов первой половины XII в. в Византии и Новгородской земле. Нет сомнений, что в барабане главного купола были размещены фигуры пророков. В верхних зонах собора располагались крупные образы, фрагменты которых сохранились. Большая часть изображений сравнительно небольшого размера. Это означает, что подробная программа вмещала несколько регистров, вероятно, до шести. Можно не сомневаться в наличии образов первосвященников, а возможно, и других ветхозаветных сюжетов. В центральной апсиде был святительский чин, он мог продолжаться и в южной апсиде. В соборе были изображения ангельских сил, сохранились их лики и фрагменты крыльев. Они располагались в основном в центральном нефе и в северной апсиде. Судя по фрагментам с изображением воинских доспехов (кирас, кольчуг, щитов), ясно, что воинская тема была широко представлена во всех компартиментах храма — в соответствии с посвящением собора св. Георгию. Можно отметить также наличие фигур в рост (в северной апсиде), держащих свитки с текстами, святых с крестами в руках, крупных фигур с благословляющей десницей. Был цикл образов Христа, в том числе младенца и Ветхого деньми.

В куполе, скорее всего, было изображение Христа Пантократора, «Вознесение», вероятно располагалось в приделе на хорах, а также, возможно, на своде вимы. В парусах должны были находиться образы евангелистов, на сводах и в люнетах южного, западного и северного рукавов креста — праздничный цикл. «Благовещение» должно было занимать западные грани восточных столбов, а «Рождество Христово» и «Успение Богоматери» могло располагаться на южной и северной стенах. Две знаменитые иконы из ГТГ, «Устюжское Благовещение» и «Св. Георгий», вероятно, служили патрональными образами, князя-ктитора Всеволода-Гавриила и всего собора. Их создание могло совпадать и с первоначальным посвящением боковых апсид: северная могла быть посвящена Благовещению, а южная — св. Георгию. В южной апсиде, вероятно, был расположен пространный житийный цикл святого, включавший неоднократное изображение царя, возможно, Диоклетиана (?).

Список литературы и источников

Баранов Г. В. Три вида λωρικια Константина Багрянородного и доспехи святых воинов на стеатитовых иконах из раскопок средневекового Херсонеса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 2. Симферополь; Тюмень, 2010. С. 199–202.

Баранов Г. В. Об одном типе неметаллической защиты византийской армии // Военная археология. Вып. 2. М.: Русская панорама, 2011. С. 140–146.

Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 1997. 527 с.

Валентин (Ключарев, иеромонах). Юрьев Новгородский первоклассный монастырь: история его и описание. Новгород: изд. монастыря, 1893. 238 с.

Выставка «Новые открытия Древнего Новгорода. Церковь Благовещения на Городище. Георгиевский собор Юрьева монастыря. К 900-летию Георгиевского собора» / авт.-сост.: Е. В. Игнашина, Л. И. Яковлева. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019. 27 с.

Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Т. 3. Древнерусская живопись XII–XIII веков. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2020. 608 с.

Древности монастырей Афона X–XVII веков в России: из музеев, библиотек, архивов Москвы и Подмосковья: каталог выставки, 17 мая — 4 июля 2004 года (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева) / сост. и отв. ред.: Б. А. Фонкич, Г. В. Попов, Л. М. Евсеева. М.: Северный паломник, 2004. 316 с.

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 2. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1961. 661 с.

Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладоги. М.: Искусство, 1960. 216 с.: ил.

Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI — первая четверть XII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 888 с.: ил.

Макарий (Миролюбов Н. К.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М.: тип. В. Готье, 1860. 645 с.

Маслов К. И. К истории обновления Юрьево-Новгородского монастыря архимандритом Фотием // Материальная база сферы культуры. Вып. 4. Чтения памяти Л. А. Лелекова. М., 1998. С. 74–90.

Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Археографическая комиссия, 1879. XXIV, 448, 115 с.

Опись Новгорода 1617 года / ред.: В. Л. Янин, М. Е. Бычкова. М.: Ин-т истории СССР, 1984. 2 ч. (370 с.). (Памятники отечественной истории; вып. 3).

Опись Юрьева монастыря 1723 г. / подгот. А. Н. Трифонова // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород: Архив. упр. Новгородской обл., 2005. С. 183–222.

Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским (По рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел) / пер. с араб. Г. А. Муркоса. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 728 с.: ил.

Петковић В. Циклус слика из легенде св. Ђорђа у Дечанима // Старинар. III/6. Београд, 1930. С. 7–11, табл. I–IV.

Попова О. С., Сарабьянов В. Д. Живопись второй половины XI — первой четверти XII века // История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первой четверти XII века. М.: Северный паломник, 2007. С. 414–536.

Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1–47).

Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон Диака Ивана Михайлова сына Висковатого в лето 7062 / публ. О. Бодянский // ЧОИДР. Кн. 2 (апрель – июнь). М.: в Унив. тип., 1858. С. 1–42 (отд. 3: Материалы Славянские).

Сарабьянов В. Д. Церковь св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески: монографическое исследование памятника XII века. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 448 с.

Сарабьянов В. Д. О судьбе древних росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: материалы конф. (25–28 мая 2010 года, ГТГ). М.: Инико, 2012а. С. 357–366.

Сарабьянов В. Д. Живопись середины 1120-х — начала 1160-х годов // История русского искусства. Т. 2, 1. Искусство 20–60-х годов XII века / отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012б. С. 159–335.

Седов Вл. В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. 1 (78). С. 175–185.

Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М.: Наука, 1976. 392 с.

Смирнова Э. С. О художественных связях церкви Благовещения на Городище и Юрьева монастыря // АА. 2019. № 1. С. 273–281.

Федоренко Т. К. Предварительные итоги исследования фрагментов росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря (по материалам работ 2014 года) // Альманах: Культура. Искусство. Реставрация. СПб., 2015. 1, ч. 1: Реставрация. С. 69–79.

Царевская Т. Ю. Новые данные о первоначальной росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // Искусство христианского мира. Вып. 13. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2016. С. 195–207.

Этингоф О. Е. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 312 с.: ил.

Этингоф О. Е. К вопросу о датировке росписей Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век / отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 413–441.

Этингоф О. Е. Византийские иконы VI — первой половины XIII века в России. М.: Индрик, 2005. 766 с., [56] л. ил.

Этингоф О. Е. О фресках наоса Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Opus Mixtum. № 6. Киев, 2018. С. 190–201.

Этингоф О. Е. Икона «Устюжское Благовещение» и фрески церкви Благовещения на Городище и наоса Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // АА. 2019. № 1. С. 225–233.

Anderson J. C. The Illustrated Sermons of James the Monk: Their Dates, Order and Place in the History of Byzantine Art // Viator. 1991. Vol. 22. P. 69–120.

Grotowski P. Ł. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston: Brill, 2010. XXV, 483 p.

Grozdanov C. Kurbinovo and other studies on Prespa frescoes. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2006. 354 p.

Kolias T. G. Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 285 S, 29 Taf. (Byzantina Vindobonensia; 17).

Meredith C. The Illustration of Codex Ebnerianus // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1966. Vol. 29. P. 419–424.

Parpulov G. A Catalogue of Greek Manuscripts at the Walters Art Museum // Journal of the Walters Art Museum. 2004. Vol. 62. P. 71–189.

References

Anderson J. C. The Illustrated Sermons of James the Monk: Their Dates, Order and Place in the History of Byzantine Art // Viator. 1991. 22. P. 69–120.

Baranov G. V. Tri vida λωρικια Konstantina Bagryanorodnogo i dospekhi svyatykh voinov na steatitovykh ikonakh iz raskopok srednevekovogo Khersonesa // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. 2. Simferopol'; Tyumen', 2010. P. 199–202.

Baranov G. V. Ob odnom tipe nemetallicheskoy zashchity vizantiyskoy armii // Voennaya arkheologiya. 2. Moscow: Russkaya panorama, 2011. P. 140–146.

Biblioteka literatury Drevney Rusi / eds. D. S. Likhachev [et al.]. 5. XIII vek. St. Petersburg: Nauka, 1997. 527 p.

Etingof O. E. Obraz Bogomateri. Ocherki vizantiyskoy ikonografii XI–XIII vv. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 312 p.: il.

Etingof O. E. K voprosu o datirovke rospisey Spaso-Preobrazhenskogo sobora Mirozhskogo monastyrya v Pskove // Drevnerusskoe iskusstvo. Rus' i strany vizantiyskogo mira. XII vek / ed. O. E. Etingof. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2002. P. 413–441.

Etingof O. E. Vizantiyskie ikony VI – pervoy poloviny XIII veka v Rossii. Moscow: Indrik, 2005. 766 p., [56] l. il.

Etingof O. E. O freskakh naosa Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Novgorode // Opus Mixtum. 6. Kiev, 2018. P. 190–201.

Etingof O. E. Ikona «Ustyuzhskoe Blagoveshchenie» i freski tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche i naosa Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Novgorode // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 225–233.

Fedorenko T. K. Predvaritel'nye itogi issledovaniya fragmentov rospisi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya (po materialam rabot 2014 goda) // Al'manakh: Kul'tura. Iskusstvo. Restavratsiya. St. Petersburg, 2015. 1, 1: Restavratsiya. P. 69–79.

Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya: katalog sobraniya. 3. Drevnerusskaya zhivopis' XII–XIII vekov. Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, 2020. 608 p.

Grotowski P. Ł. Arms and Armour of the Warrior Saints: Tradition and Innovation in Byzantine Iconography (843–1261). Leiden; Boston: Brill, 2010. XXV, 483 p.

Grozdanov C. Kurbinovo and other studies on Prespa frescoes. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2006. 354 p.

Drevnosti monastyrey Afona X–XVII vekov v Rossii: iz muzeev, bibliotek, arkhivov Moskvy i Podmoskov'ya: katalog vystavki, 17 maya — 4 iyulya 2004 goda (Tsentral'nyy muzey drevnerusskoy kul'tury i iskusstva im. Andreya Rubleva) / eds. B. A. Fonkich, G. V. Popov, L. M. Evseeva. Moscow: Severnyy palomnik, 2004. 316 p.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Karger M. K. Drevniy Kiev. Ocherki po istorii material'noy kul'tury drevnerusskogo goroda. 2. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 661 p.

Kolias T. G. Byzantinische Waffen. Ein Beitrag zur byzantinischen Waffenkunde von den Anfängen bis zur lateinischen Eroberung. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1988. 285 S., 29 Taf. (Byzantina Vindobonensia; 17).

Lazarev V. N. Freski Staroy Ladogi. Moscow: Iskusstvo, 1960. 216 p.: il.

Lifshits L. I., Sarab'yanov V. D., Tsarevskaya T. Yu. Monumental'naya zhivopis' Velikogo Novgoroda. Konets XI — pervaya chetvert' XII veka. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2004. 888 p.: il.

Makariy (Mirolyubov N. K.). Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh. 1. Moscow: tipografiya V. Got'e, 1860. 645 p.

Maslov K. I. K istorii obnovleniya Yur'evo-Novgorodskogo monastyrya arkhimandritom Fotiem // Material'naya baza sfery kul'tury. 4. Chteniya pamyati L. A. Lelekova. Moscow, 1998. P. 74–90.

Meredith C. The Illustration of Codex Ebnerianus // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1966. 29. P. 419–424.

Novgorodskie letopisi (tak nazvannye Novgorodskaya vtoraya i Novgorodskaya tret'ya letopisi). St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1879. XXIV, 448, 115 p.

Opis' Novgoroda 1617 goda / eds. V. L. Yanin, M. E. Bychkova. Moscow: Institut istorii SSSR, 1984. 370 p. (Pamyatniki otechestvennoy istorii; 3).

Opis' Yur'eva monastyrya 1723 g. / ed. A. N. Trifonova // Novgorodskiy arkhivnyy vestnik. 5. Velikiy Novgorod: Arkhivnoe upravlenie Novgorodskoy oblasti, 2005. P. 183–222.

Pavel Aleppskiy (arkhidiakon). Puteshestvie antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom arkhidiakonom Pavlom Aleppskim (Po rukopisi Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del). Moscow: Obshchestvo sokhraneniya literaturnogo naslediya, 2005. 728 p.: il.

Petkovi̇ћ V. Tsiklus slika iz legende sv. Ђorђa u Dechanima // Starinar. III/6. Beograd, 1930. P. 7–11, tabl. I–IV.

Popova O. S., Sarab'yanov V. D. Zhivopis' vtoroy poloviny XI — pervoy chetverti XII veka // Istoriya russkogo iskusstva. 1. Iskusstvo Kievskoy Rusi IX — pervoy chetverti XII veka. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. P. 414–536.

Rappoport P. A. Russkaya arkhitektura X–XIII vv.: katalog pamyatnikov. Leningrad: Nauka, 1982. 136 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov; E1–47).

Rozysk ili spisok o bogokhul'nykh strokakh i o sumnenii svyatykh chestnykh ikon Diaka Ivana Mikhaylova syna Viskovatogo v leto 7062 / publ. O. Bodyanskiy // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh. 2 (aprel' – iyun'). Moscow: v Universitetskoy tipografii, 1858. P. 1–42 (otd. 3: Materialy Slavyanskie).

Sarab'yanov V. D. Tserkov' sv. Georgiya v Staroy Ladoge: Istoriya, arkhitektura, freski: monograficheskoe issledovanie pamyatnika XII veka. Moscow: Progress-Traditsiya, 2002. 448 p.

Sarab'yanov V. D. O sud'be drevnikh rospisey Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode // Istoriya sobiraniya, khraneniya i restavratsii pamyatnikov drevnerusskogo iskusstva: materialy konferentsii (25–28 maya 2010 goda, GTG). Moscow: Iniko, 2012a. P. 357–366.

Sarab'yanov V. D. Zhivopis' serediny 1120-kh — nachala 1160-kh godov // Istoriya russkogo iskusstva. 2, 1. Iskusstvo 20–60-kh godov XII veka / ed. L. I. Lifshits. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2012б. P. 159–335.

Sedov Vl. V. Arkheologicheskie nakhodki 2014 goda v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya // Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2015. 1 (78). P. 175–185.

Smirnova E. S. Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII — nachalo XV veka. Moscow: Nauka, 1976. 392 p.

Smirnova E. S. O khudozhestvennykh svyazyakh tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche i Yur'eva monastyrya // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 273–281.

Tsarevskaya T. Yu. Novye dannye o pervonachal'noy rospisi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode // Iskusstvo khristianskogo mira. 13. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet, 2016. P. 195–207.

Valentin (Klyucharev, ieromonakh). Yur'ev Novgorodskiy pervoklassnyy monastyr': istoriya ego i opisanie. Novgorod: izdanie monastyrya, 1893. 238 p.

Vystavka «Novye otkrytiya Drevnego Novgoroda. Tserkov' Blagoveshcheniya na Gorodishche. Georgievskiy sobor Yur'eva monastyrya. K 900-letiyu Georgievskogo sobora» / comp.: E. V. Ignashina, L. I. Yakovleva. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2019. 27 p.

Illustrations

Colour plate VII. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery. Around 1130. Author's photo. *а* — the head of an Old Testament (?) elder, found in the space of the amvon; *б* — the head of an elder, found in the central apse; *в–г* — two heads of cherubs or seraphim, found in the central apse

Colour plate VIII. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting angel wings. Around 1130. Found in the central (*а*) and northern (*б*) apses. Author's photo

Colour plate IX. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery, found in the northern apse. Around 1130. Author's photo. *а* — the head of an angel or archangel, Gabriel (?); *б* — the head of the Mother of God; *в* — the head of an angel; *г* — a fragment of the figure of the chief priest or priest; *д* — the head of an elder; *е* — a fragment of the left side of the elder's holy face; *ж–и* — three fragments of holy faces of curly-haired elders; *к–л* — two holy faces of old men; *м* — the holy face of a middle-aged man, Christ (?)

Colour plate X. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting military armour from the space of the amvon (*а*), central (*б*), northern (*в*) and southern (*г*) apses. Around 1130. Author's photo

Colour plate XI. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting scales. Around 1130. Author's photo

Colour plate XII. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery with depicting alleged decoration of military shields from the space of the amvon (*а*), northern (*б*) and southern (*в*) apses. Around 1130. Author's photo

Colour plate XIII. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting an ornament in the form of a lily. Around 1130. Author's photo

Colour plate XIV. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting the heads of the kings from the southern apse. Around 1130. Author's photo

Colour plate XV. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting a young man in the interior (?). Around 1130. Author's photo

Fig. 1. Fragments of the frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting a blessing right hand. Around 1130. Found in the northern (*а*) and southern (*б*) apses. Author's photo

Fig. 2. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery. Around 1130. Author's photo. *а–б* — cruciform vestments of saints, found in the central apse (*а*) and the amvon space (*б*); *в–г* — two fragments of heads of elders from the central apse, presumably saints; *д* — the head of the saint and the alleged reconstruction of the epitrachilion, found in the southern apse

Fig. 3. Three fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery depicting hands holding scrolls. Around 1130. Found in the north apse. Author's photo

Fig. 4. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery. Around 1130. Author's photo. *а* — a fragment of a male figure with legs naked to the knees; *б* — remains of lower register painting depicting two (?) feet on green ground; *в* — a fragment of the naked torso of an infant or a man

Fig. 5. *а* — a fragment of the frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery. Head of an old-aged man, possibly the Evangelist Luke. Around 1130. Author's photo; *б* — Trebizond gospels. Walters Art Museum in Baltimore, Ms. W.531, fol. 103 r. Evangelist Luke. Mid 12th century Photo: https://www.thedigitalwalters.org/Data/WaltersManuscripts/W531/data/W.531/sap/W531_000213_sap.jpg; *в* — Church of St. George in Kurbinovo, Macedonia. Painting on the east wall. «Ascension», fragment, Evangelist Luke. 1191 Photo: https://fotoload.ru/fotoset/2569/?fid=1127151

Fig. 6. Icon «George in life». State Russian museum. First half of the 14th century. Photo from RSM: https://www.icon-art.info/hires.php?lng=ru&type=1&id=556

Fig. 7. Fragments of frescoes in St. George's cathedral of Yuriev monastery found in the southern apse. Around 1130. Author's photo. *а* — grey hair and a cruciform halo, Ancient of Days (?); *б* — the face of a middle-aged man, Christ (?); *в* — the leg of the baby, Christ (?); *г* — hand holding a cross

O. E. Etingof. Materials on the iconography of frescoes dating back to the 12th century from the naos of St. George's cathedral of Yuriev monastery (preliminary observations)

Abstract. The article proposes a number of conclusions on the iconography of the frescoes found in the naos of St. George's cathedral. We are to note that only a few of these conclusions are final, as the data we possess are fragmentary and taken out of context. At the same time, undoubtedly, the decoration program and the composition of the cycles corresponded to the principles common to churches dating back to the first half of the 12th century in Byzantium and Novgorod land. Prophets were depicted in the drum of the main dome, large images were located in the upper zones, most of the other images were small. The program included several registers, probably up to six. Two icons from the State Tretyakov Gallery, «Annunciation of Ustyug» and «St. George», probably served as patron images of the Prince-ktitor Vsevolod-Gabriel and all the cathedral. Their creation could coincide with the dedication of the side apses: the northern one to the Annunciation, and the southern one to St. George. In the southern apse there could be depicted a lengthy life cycle of the saint.

Keywords: St. George's cathedral, frescoes, excavations, iconography, murals program, dedication, Annunciation, St. George.

Etingof Olga Evgenievna, doctor of art studies, leading research fellow, Laboratory of Architectural Archaeology and Interdisciplinary Study of Architectural Monuments, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, etinhof@mail.ru.

Фундаменты Георгиевского собора Юрьева монастыря по материалам архитектурно-археологических исследований*

М. В. Вдовиченко

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.68-83

Аннотация. Архитектурно-археологические работы разных лет на территории Юрьева монастыря дали возможность исследовать фундаменты значительнейшего древнерусского каменного сооружения — Георгиевского собора, ставшего в силу своего архитектурного образа одним из символов домонгольского Новгорода княжеского периода. В статье характеризуются фрагменты фундаментов, исследованные в 1930-е, 1980-е и в 2014–2020 гг., делаются авторские реконструкции древних фундаментных конструкций и описываются кладки, приложенные к ним в XVIII–XIX вв. и укрепившие их. В результате изучения фундаменты домонгольского памятника предстают стабильными конструкциями, выполненными древними мастерами с большим мастерством, на пределе технологических возможностей XII в.

Ключевые слова: домонгольская новгородская архитектура, Георгиевский собор, древнерусское строительство, фундаменты каменных сооружений, ленточные фундаменты, графическая реконструкция, архитектурно-художественный образ.

Вдовиченко Марина Викторовна — кандидат искусствоведения, ученый секретарь, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, zakomara@yandex.ru.

Фундаментные конструкции принадлежат к той части здания, которая в словесной «формуле архитектуры» Витрувия *«Польза-прочность-красота»* отвечает за её вторую составляющую. Закладка фундаментов происходит в процессе нулевого цикла строительства. Эта важнейшая конструктивная часть практически всегда скрывается под землей сразу после начала возведения стен, поэтому она не играет никакой роли в целостном восприятии образа здания и, как считается, не может обладать никакой эстетической ценностью. Однако именно в фундамент закладывается тот предел прочности, который придает художественную выразительность зданию, поэтому знать фундаментные характеристики — значит, по крайней мере, *дополнять* архитектурный образ здания.

Исследовать субструкции исторических зданий затруднительно, и далеко не всегда получается сделать это со всей возможной полнотой. Чаще всего сведения о них фрагментарны и собираются из разрозненных источников, хотя на основе их анализа получить целостную картину субструкций вполне возможно. Реконструк-

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

ции фундаментов XII в. Георгиевского собора Юрьева монастыря и описанию фундаментных конструкций более позднего времени, зафиксированных в процессе археологических работ, посвящена эта статья.

До работ последних лет, 2014–2020 гг., Георгиевский собор был археологически исследован М. К. Каргером в 1930-х гг. (*Каргер*, 1941; 1946). Сведения о фундаментах храма, которые можно извлечь из его опубликованных материалов, ограничиваются двумя эпизодами. В процессе работ 1930-х гг. лишь в парной плинфяной гробнице в северо-западном компартименте был зафиксирован фрагмент валунной ленты, идущей от западной стены к северо-западному столбу. На чертежах отчётливо видно, что фасад фундаментной ленты был приспособлен в качестве южной стены южной гробницы парного склепа, при этом, как писал М. К. Каргер, стенка была оштукатурена (*Каргер*, 1946. С. 207). Других данных об этом участке нет.

Можно было бы ожидать сведений о фундаментах из раскопок М. К. Каргера в южном нефе собора, но там оказалась особая ситуация. Практически вплотную к стене были установлены саркофаги, крышки которых находились в уровне первоначального пола храма (*Каргер*, 1946. С. 200–206). Таким образом, раскрыть фундаменты под южной стеной оказалось невозможно.

Субструкции Георгиевского собора М. К. Каргер упоминает ещё в одном месте — во время исследования и восстановления арочных ниш на абсидах он сделал наблюдение о том, что в уровне первоначальной дневной поверхности XII в. к абсидам примыкает толстый слой известково-цемяночной заливки, выполняющей функцию гидроизоляции, под которым начинается фундамент из крупных валунов на известковом растворе с примесью толчёного кирпича (*Каргер*, 1946. С. 180, 183). Исследователь в процессе работ расчистил нижние ниши на абсидах, поэтому сейчас, отталкиваясь от его высотных размеров, можно реконструировать уровень залегания валунного фундамента под южной нишей северной абсиды, хотя чертежей этого шурфа в нашем распоряжении нет, и уверенности в том, что речь в статье 1946 г. идет именно об этом участке, а не участке под центральной абсидой, тоже нет. Привязав ниши к современной вертикальной шкале, получим уровень верха валунного фундамента, приблизительно равный отметке –85 – –90 см.

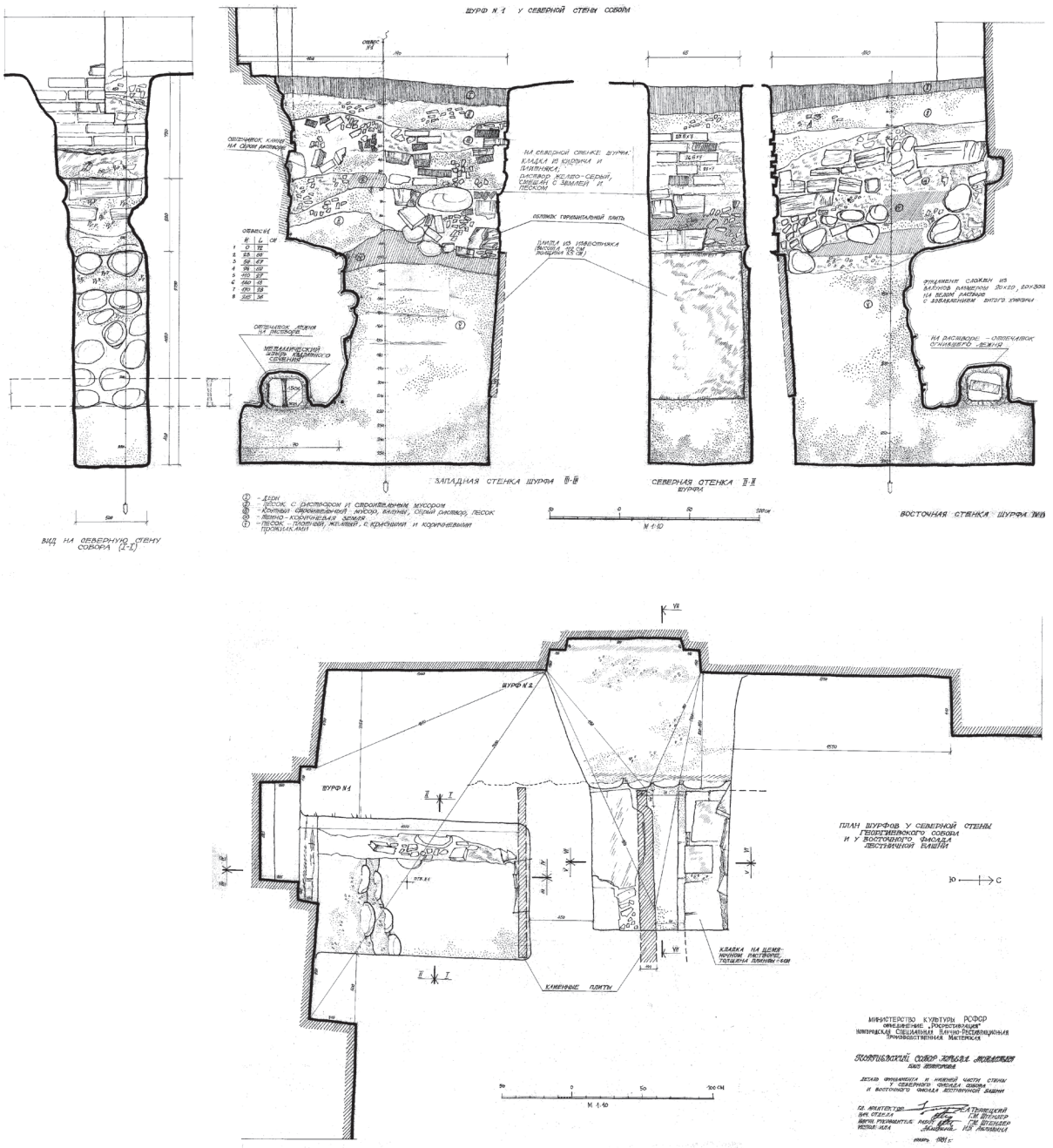
Других *опубликованных* данных о субструкциях Георгиевского собора по исследованиям 1930-х гг. нет. Но в Научном архиве ИИМК РАН сохранились документы 1933–1936 гг., которые впервые публикуются в настоящем сборнике[1]. В них существует упоминание М. К. Каргера о фундаментах, зафиксированное в стенограмме его доклада о раскопках в Георгиевском соборе. Исследователь говорил о глубине залегания фундамента, равной 1–1,5 м. Выступая в прениях по поводу этого доклада, К. К. Романов называл эту глубину «преувеличенной», по всей видимости, основываясь на известных ему аналогиях.

Следующее обращение к исследованию архитектуры собора, в том числе и его фундаментов, произошло в 1980-х гг. в процессе работ на храме, проведенных под руководством Г. М. Штендера[2] (*Штендер*, 1986). Для изучения основания собора архитектор-реставратор заложил шурфы возле северной стены ближе к лестничной башне — непосредственно под ее западной нишей, и к северу от первого шурфа, напротив ниши восточной стены лестничной башни (илл. 1). На фиксационном чертеже Г. М. Штендера в шурфе 1 виден фрагмент фундамента, нижняя валунная часть которого по высоте равна около 128 см. Валунная часть примерно на 50 см выступает за цокольную часть, состоит из 6–7 рядов средних валунов (20 × 30 см), в основании которых лежат деревянные лежни диаметром около 15 см. Лежни скреплены между собой железными штырями квадратного сечения. Вся валунная часть, по чертежам, заглублена в слой плотного желтого песка с красными и коричневыми прожилками. При совмещении с небольшой погрешностью чертежей 1980-х гг. с современной вертикальной шкалой и приведении всех чертежей к единой высотной шкале получаем отметку верха валунной части между –80 и –100 см, а подошвы фундамента под северной стеной на уровне около –218 см.

В шурфе 2 исследователем раскрыт фрагмент фундамента под восточной стеной лестничной башни. Его валунная часть сложена из таких же валунов, что и под северной стеной, на

[1] См. статью М. В. Медведевой и Д. Д. Ёлшина в настоящем сборнике.

[2] Документы хранятся в архиве ННРУ.

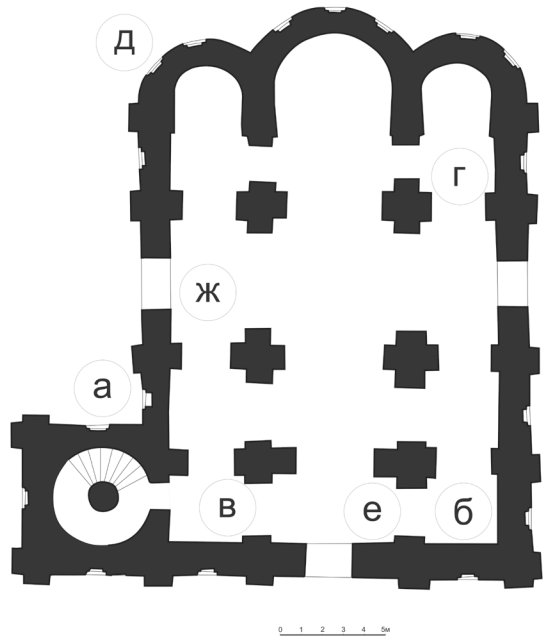


• Илл. 1. Георгиевский собор Юрьева монастыря близ Новгорода. Деталь фундамента и нижней части стены у северного фасада собора и восточного фасада лестничной башни. Главный архитектор Е. А. Терлецкий, научный руководитель работ Г. М. Штендер, исполнила чертеж И. Б. Аблизина. 1981 г. Архив ННРУ

таком же известково-цемяночном растворе, отличающемся меньшим содержанием цемянки по сравнению с кладочным раствором в стенах. Подошва фундамента в этом месте зафиксирована не была, а выступ валунной части от обреза стены составил 80 см. Фундаменты собора Г. М. Штендером были раскрыты только в этих местах. В результате фиксации этих шурфов мы имеем представление о внешних обрезах фундамента собора под северной стеной и лестничной башней.

Работы возле Георгиевского собора Новгородского архитектурно-археологического отряда Института археологии РАН под руководством Вл. В. Седова происходили планомерно, начиная с 2014 г., на значительно бóльших площадях, чем это было до этого. Казалось бы, можно было ожидать полных данных обо всех подземных конструкциях XII в. Но и эти исследования оказались существенно ограничены: практически все внешние раскопы ни в одном месте не подошли к фундаментам здания XII в. из-за риска нарушения стабильности конструкции здания. Ни раскопы вдоль северного фасада, ни квадраты вдоль южного не предоставили возможность изучения древних фундаментов, так как для этого надо было ликвидировать фундаментные конструкции пристроек XIX в., приложенных вплотную к стенам собора и закрепляющих их каменным «корсетом».

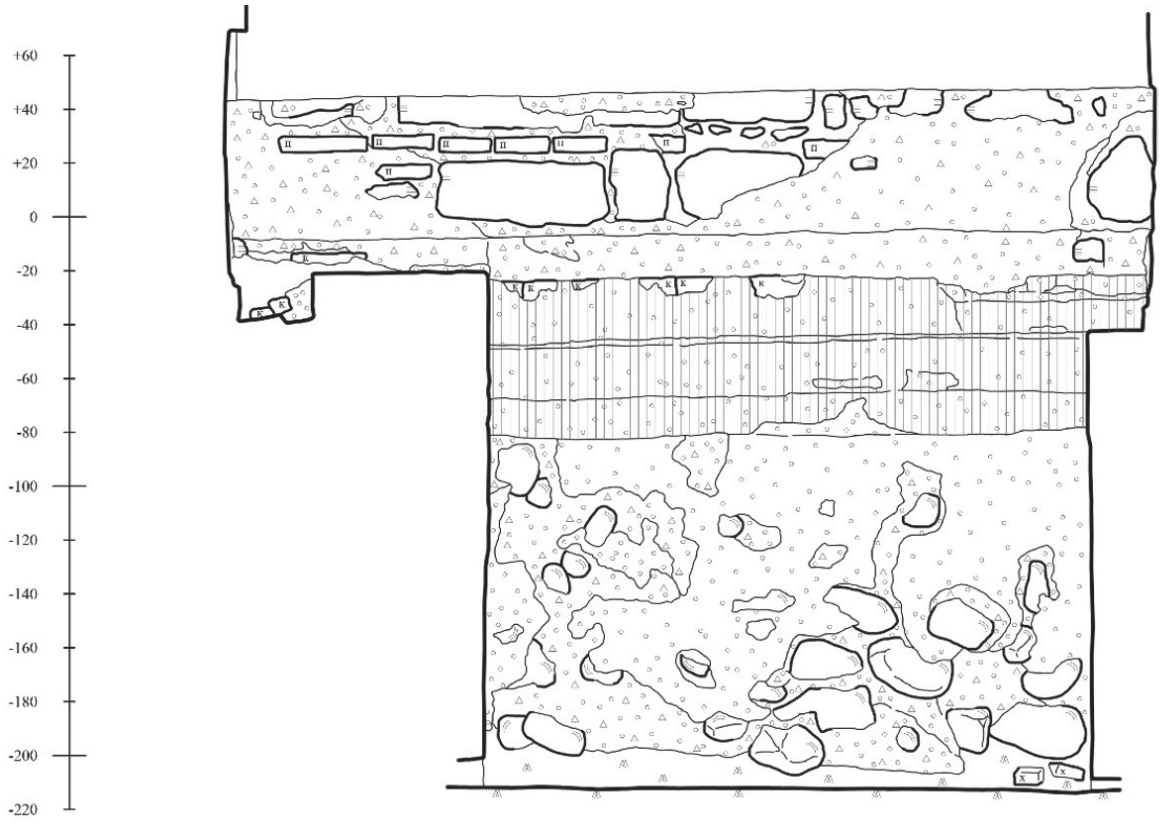
Только в 2020 г. небольшой шурф возле северной абсиды собора позволил сделать собственные наблюдения относительно внешних фасадов фундаментов памятника XII в. Работы же 2014–2017 гг. дали сведения о подземных частях здания в его интерьере, в том числе о внутренних фасадах фундамента (илл. 2). Они раскрыли субструкции под западным отрезком южной стены, участки ленточного фундамента между западными столбами и западной стеной, между столбом и северной стеной, небольшой фрагмент ленты между восточным столбом и южной стеной. Верх фундамента под северной стеной зафиксирован при расчистке гробницы святителя Феоктиста у северного портала собора. Ниже уровня раскрытого раскопками древнего пола археологические работы практически не проводились — все подобные фрагменты были зафиксированы только в тех местах, где были обнаружены какие-либо древние погребальные конструкции.



• **Илл. 2. Георгиевский собор. План с обозначением мест изучения фундаментов: *а* — под северной стеной по материалам Г. М. Штендера 1981 г.; *б* — под южной стеной по раскопкам Вл. В. Седова 2014–2017 гг.; *в* — участок ленточного фундамента между северо-западным столбом и западной стеной с реконструкцией по раскопкам Вл. В. Седова 2014–2017 гг.; *г* — фрагмент ленты между юго-восточным столбом и южной стеной по раскопкам Вл. В. Седова 2014–2017 гг.; *д* — под северной абсидой собора по раскопкам Вл. В. Седова 2020 г.; *е* — участок ленточного фундамента между юго-западным столбом и западной стеной по раскопкам Вл. В. Седова 2014–2017 гг.; *ж* — под северной стеной по раскопкам Вл. В. Седова 2015 г.**

Фундаменты под стенами

Шурф в юго-западном компартименте раскрыл фрагмент внутреннего фасада фундамента под южной стеной (илл. 3). Основание южной стены было исследовано впервые (*Седов, Вдовиченко*, 2017. С. 45–46; 2019. С. 58–59, илл. на с. 58), но его общие характеристики совпадают с данными чертежа Г. М. Штендера, зафиксировавшего внешний обрез фундамента под северной стеной. Выступ валунной части фундамента от обреза стены в западном прясле южной стены составляет 45–50 см. Ряды внутри фундаментной кладки читаются плохо

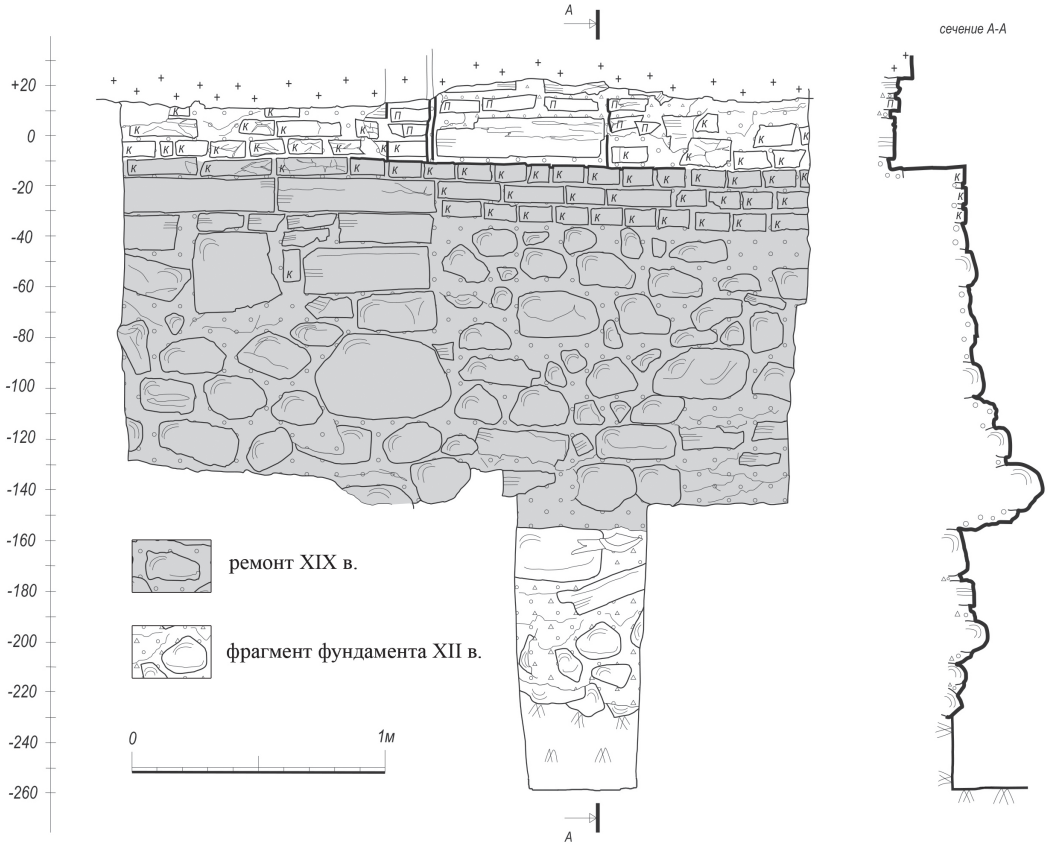


• **Илл. 3. Георгиевский собор. Фрагмент внутреннего фасада фундамента в юго-западном компартименте. Чертеж Е. С. Жуковой, 2017 г.**

из-за большого количества раствора, и порядовку поэтому проследить трудно, хотя приблизительно те же самые 6–7 рядов валунов насчитать возможно, но зафиксировать точную высоту валунной части в этом месте не получилось. Верхние отметки валунов находятся на уровне около –70 – –80 см. Этот фрагмент фасада покрывают два слоя раствора — более светлый первоначальный и серый, по всей видимости, относящийся к более позднему времени (XIX в.), возможно, ко времени приспособления компартимента к погребальному склепу семьи Орловых.

В кладке использованы валуны немного бóльших размеров (25–30 × 35–45 см), чем были зафиксированы Г. М. Штендером под северной стеной. Весь юго-западный компартимент был засыпан смесью из песка со строительным мусором с большим количеством фрагментов фресок и штукатурки, возможно, засыпка частично была осуществлена во время раскопок М. К. Каргера или в послевоенный период. Слой засыпки фиксировался до отметок –198, –205 см, ниже него начинался материковый чистый желтый песок, обычный для территории Юрьева монастыря. Раскопки были остановлены на отметках –215 см, при этом подошва фундамента под южной стеной была зафиксирована на отметках –200 – –205 см.

Заглубление фундаментной кладки в материк определяется по внешним квадратам, раскопанным вокруг Георгиевского собора (*Седов, Вдовиченко*, 2020. С. 45–59). Материковый песок вокруг храма залегает приблизительно на глубине от –85 до –120 см, если не нарушен могильными ямами. Самая высокая отметка материка у западного прясла южной стены зафиксирована на уровне –118 см, в шурфе у северной стены Г. М. Штендер отметил материк на уровне –120 см (внутри южной абсиды собора уровень материка отме-



• **Илл. 4. Георгиевский собор. Фрагмент внешнего фасада фундамента под северной абсидой. Чертеж Е. Н. Пророковой, 2020 г.**

чен на отметке –85 см). Эти данные позволяют утверждать, что при закладке фундаментов Георгиевского собора практически вся его валунная часть высотой 100–115 см была устроена в материковом слое, представляющем собой желтый очень плотный мелкий песок с бурыми прожилками внутри.

Раскопки 2020 г. (*Седов*, 2020) позволили исследовать фрагмент фундамента под северной боковой абсидой Георгиевского собора (илл. 4). В этом месте был раскрыт фасад кладки шириной 270 см и высотой около 140 см, лицевая сторона которого была почти полностью вычинена, по всей видимости, во время ремонта 1820-х гг. — характер кладки и раствора однозначно говорит об этом. Ниже этого фрагменты был заложен небольшой зондаж шириной 50 см, позволивший проследить всю высоту фундаментной кладки, дойдя до ее подошвы, зафиксированной на глубине –230 см, что на 12–25 см ниже уровня подошв южной и северной стен. Общая высота валунной части фундамента под северной абсидой составляет 200 см, но высоту древней ее части определить невозможно из-за вычинки XIX в., составляющей всю верхнюю часть раскрытого фрагмента. При этом цоколя в виде смешанной кладки из каменных блоков и плинфы в этом месте мы не видим вообще — из-за этих поздних ремонтов. Необходимо отметить и то, что фундамент под абсидой не имеет никакого выступа относительно обреза стены: нижняя, предположительно первоначальная часть XII в. выступает за стену на 20 см — практически на величину выступа цоколя под северной стеной, а выступа валунной части мы здесь вовсе не наблюдаем.

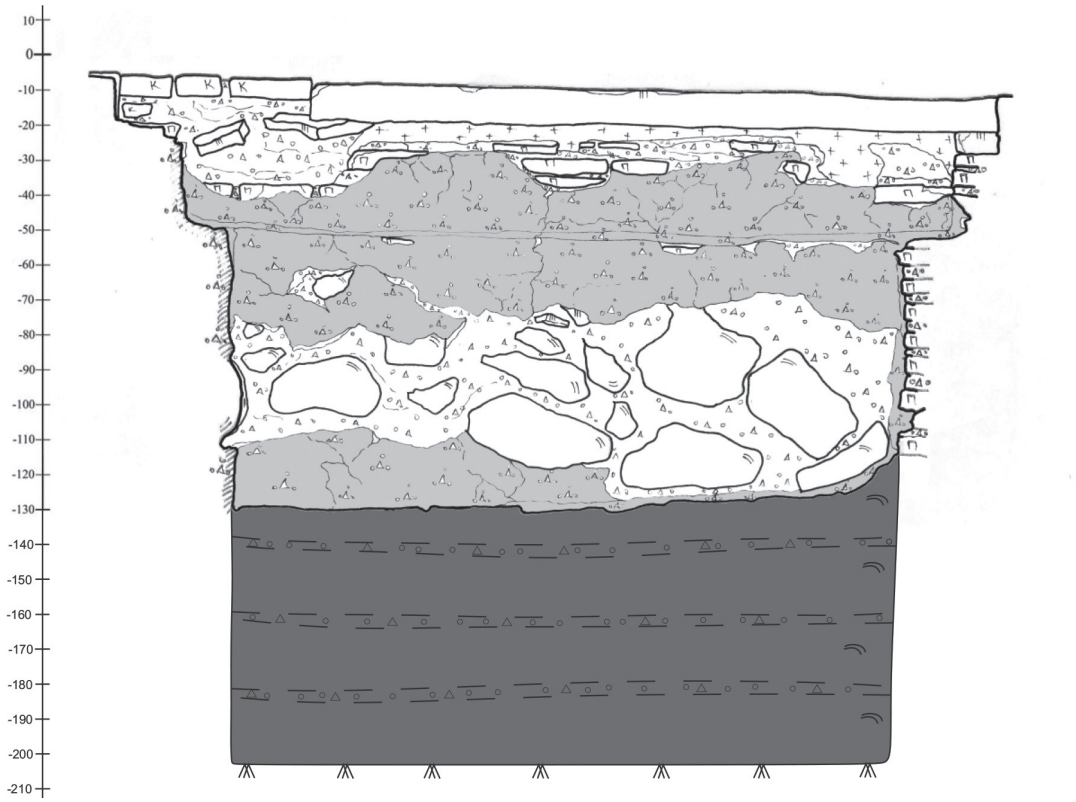
Напомним, что М. К. Каргером был описан шурф у северной абсиды (*Каргер*, 1946. С. 180, 183), под ее южной нишей, дошедший, по словам исследователя, до верха валунной части фундамента. Этот шурф должен был

практически вплотную примыкать к раскопанному в 2020 г. шурфу. Описание южной ниши практически полностью соответствует сведениям, извлеченным из шурфа 2020 г. Ее высота в 255 см равна полной высоте раскрытой в 2020 г. северной ниши, хотя по данным шурфа 2020 г. твердой уверенности в определении такой высоты как первоначальной нет, так как в основании ниши положены кирпичи XIX в. Но если далее отталкиваться от данных М. К. Каргера, а также учесть, что в шурфе под южной нишей валунный фундамент начинался на 72 см ниже, а подошва фундамента в шурфе 2020 г. фиксировалась на отметке –230 см, то можно заключить, что верхние валуны должны были располагаться на уровне –75 – –80 см, и высота первоначальной валунной части под абсидами составляла примерно 150–155 см. Это примерно на 35–40 см больше валунной части под северной стеной.

Внутренние фундаментные ленты

При раскопках в интерьере собора были обнаружены субструкции, соединяющие столбы со стенами и столбы между собой. Продольные валунные ленты, идущие от западной стены к столбам, зафиксированы в двух местах — в обоих случаях их фасады использованы в качестве стенок в плинфяных саркофагах. Были расчищены лишь верхние части лент, составляющие два или три ряда валунов, подошву ленточных фундаментов в обоих случаях зафиксировать не удалось из-за необходимости сохранить дно плинфяных саркофагов.

Лента, идущая к юго-западному столбу, зафиксирована в продольном направлении в погребении 7 (илл. 5). Поперечная лента, идущая от юго-западного столба к южной стене, своим небольшим фрагментом попала в зондаж XIX в. в кирпичной кладке восточной стены «склепа»



• **Илл. 5. Георгиевский собор. Фасад ленты от юго-западного столба к западной стене с реконструкцией нижних рядов. Чертеж Е. С. Жуковой, 2017 г.**

в юго-западном компартименте храма (*Седов, Вдовиченко*, 2016. С. 66–67).

Ее продольный фасад попал в саркофаг практически целиком, исключая небольшой западный фрагмент, ширину которого можно определить, так как кладка гробницы выполнена из плинфы размером 4,5–5 × 23–24 × 37–38 см. Толщина западного фасада саркофага, таким образом, равна 37–38 см, что и составляет недостающую ширину продольной ленты и, скорее всего, расстояние до обреза валунного фундамента западной стены храма. На востоке лента плавно заворачивает к северо-западному столбу, и участок от поворота зафиксирован лишь на коротком расстоянии, так как расчистки к северу от погребения 7 не проводилось. Верхние отметки валунной кладки зафиксированы на уровне –50 см. Продольная и поперечная ленты выходят за границы кладки столба на 40–45 см, образуя широкое валунное перекрестие, на котором возвышается столб.

Продольная лента к северо-западному столбу также использована в качестве одной из стенок (южной) парного погребения (№№ 5 и 6), устроенного в угловом компартименте храма (*Седов, Вдовиченко*, 2016. С. 65–66). Из этой кладки расчищены сверху 2–3 валунных ряда. Как в предыдущей ленте, она шире обреза кладки столба на 40–45 см, ее верхний уровень фиксируется на отметках –48 – –50 см. И эта лента плавно заворачивает к северу и соединяет северо-западный столб с северной стеной храма. Поперечная лента видна в восточных фасадах двух гробниц, поэтому зафиксирована на бóльшее расстояние, чем в предыдущем случае.

В южной абсиде (дьяконнике) чуть ниже отметок верха ленточных фундаментов западных компартиментов, там, где можно было ожидать раскрытие верха валунной кладки, были расчищены крупные блоки известняка (*Седов, Вдовиченко*, 2016. С. 59–61). Они отмечены на высоте –84 см, имеют длину не менее 65 см и высоту не менее 25 см, и уложены в направлении север — юг от восточной лопатки южной стены к юго-восточному подкупольному столбу без выступа за обрез лопаток. Проследить глубже эту белокаменную кладку не удалось, однако плитняк в кладке лент в западной части храма не встречается. Можно было предположить, что эта особенность связана с устройством в абсидах фундаментной платформы, обнаруженной в Никольском соборе на Дворище (1113 г.) и Рождественском — в Антониевом монастыре (1117 г.). Однако в обоих храмах зафиксированные платформы представляли собой массив валунной, а не белокаменной кладки. В Георгиевском соборе практически все пространство алтаря сохранило первоначальный известково-цемяночный пол, из-за которого опускаться ниже было нельзя. В дьяконнике верх конструкции из известняковых плит обнаружен из-за устройства там трёх ярусов детских погребений, из-за которых цемяночный пол был прорублен ещё в древности.

Утверждать, что обнаруженная кладка является частью общей алтарной платформы, конечно, преждевременно. Однако восточнее ее на небольшом расстоянии на отметке –123 см зафиксирована некая известняковая горизонтальная поверхность. Возможно, это продолжение платформы, но не исключено, что платформа располагается восточнее — на линии западных окончаний межабсидных стенок, а обнаруженная поверхность — еще одна известковая подготовка под пол XII в. Блоки известняка могли быть использованы в фундаментной ленте, соединяющей южную стену с подкупольным столбом. Скорее всего, они выполняли роль плинта — выравнивающего ряда, положенного на верхний ряд неровной валунной кладки, или составляли верхнюю часть фундаментной ленты. Похожий прием отмечали исследователи в устройстве фундамента Никольского собора на Дворище, где, правда, были использованы блоки меньших размеров — 10–15 × 10–20 см, 10 × 40 см (*Арциховский*, 1949. С. 166). Появление крупных блоков плитняка в восточной фундаментной ленте Георгиевского собора очень примечательно — заказчик не скупился на использование в субструкциях Георгиевского храма дорогостоящих строительных материалов.

При расчистке гробницы XVIII в. святого Феоктиста, архиепископа Новгородского, непосредственно под северным порталом в интерьере собора был обнаружен верхний ряд валунов фундамента северной стены (*Седов, Вдовиченко*, 2016. С. 62–63). Он зафиксирован на отметках –70 – –80 см. Примерно на этом уровне было совершено погребение святителя в 1786 г. при переносе останков из Благовещенского монастыря на Мячине. Раскопки в этом месте были остановлены на уровне –100 см, но этот фрагмент предоставил небольшую информацию

о фундаментах — здесь зафиксирован меньший внутренний отступ от вертикали стены, чем на южном и западном фасадах — всего лишь около 25 см.

Реконструкция древних фундаментов

На основе описанных участков оказалось возможным реконструировать систему фундаментов Юрьевского собора XII в. (илл. 6). Первоначальный вариант графической реконструкции был опубликован в сборнике «Архитектурная археология» № 1 (*Вдовиченко*, 2019. С. 78, ил. 7), но по итогам последних исследований он корректируется.

Валунные и плитняковые субструкции обнаружены в Георгиевском соборе под стенами и в виде лент, протянутых в поперечном и продольном направлении от столбов к стенам. Наличие лент зафиксировано для западных компартиментов храма, а также для перевязки между продольными стенами и восточными столбами. Определённо ленты должны существовать между столбами в центральном подкупольном пространстве, поскольку здесь под полом XIX в. были расчищены валунные ленты времени реконструкции собора 1820-х гг., которые должны лежать на древних валунных основаниях. Их наличие между средней парой столбов не зафиксировано, эту поперечную ленту реконструируем по аналогии с другими домонгольскими новгородскими храмами. Платформа в алтарной части Юрьевского храма не определена археологически, но по аналогии с Николо-Дворищенским и собором Антониева монастыря ее существование вероятно. Верх платформы отмечаем на уровне от –115 до –123 см.

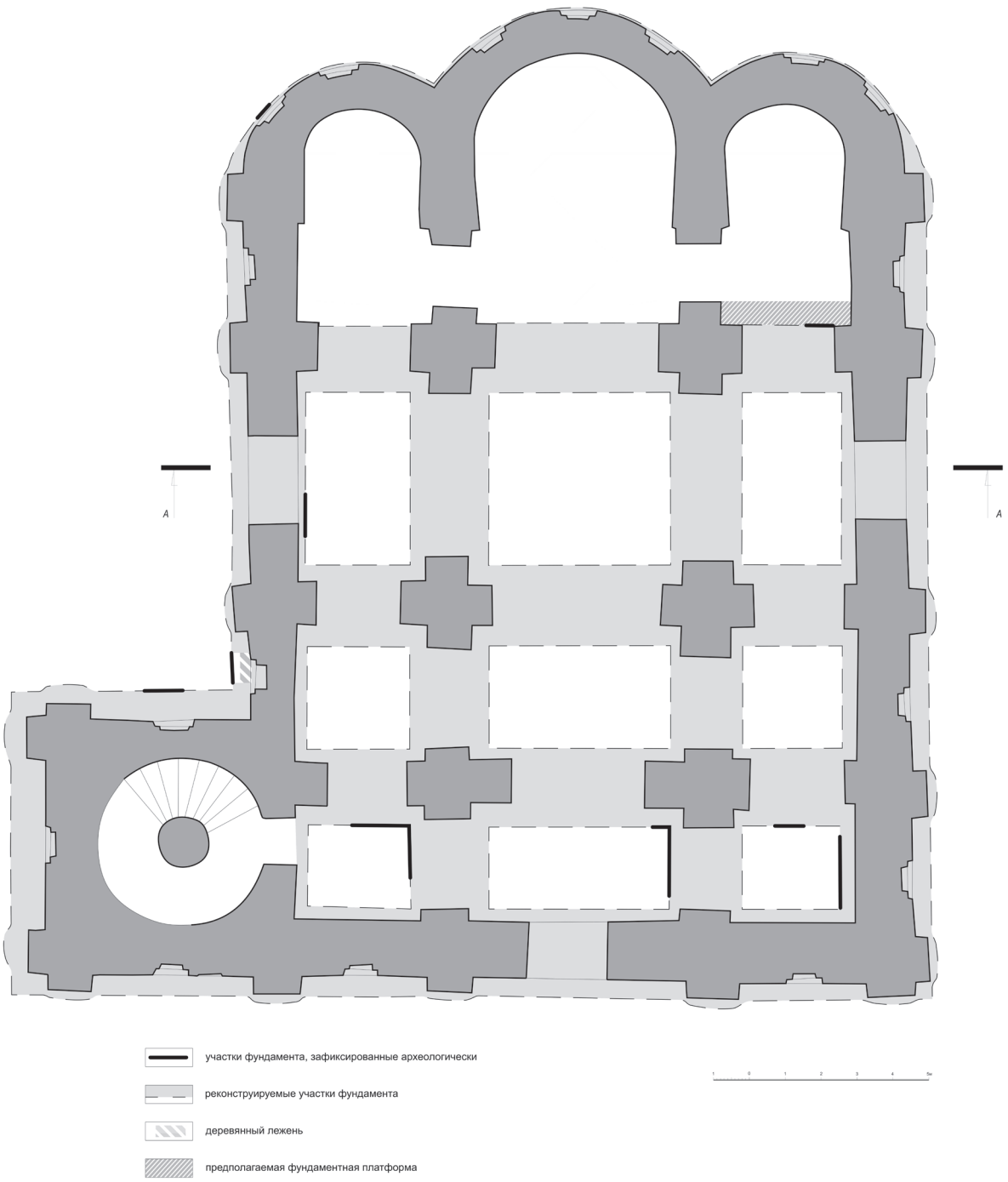
Ширина фундаментных лент под стенами и внутри храма составляет от 1 м 80 см до 2 м 20 см. Фундамент двухчастный, состоит из валунного основания, сложенного из 6–7 рядов валунов, что равно 130–140 см по высоте, и цоколя, первоначальная кладка которого смешанная, выполненная из плитняка и плинфы, впоследствии многократно вычиненная кирпичом и блоками белого камня. Практически весь валунный фундамент был, по нашим данным, заложен в материковом плотном песке. В качестве плинта на валуны положен ряд плинфы, а в ленте в восточной части храма обнаружен верхний ряд плитняка.

Георгиевский храм занимает самую верхнюю точку небольшой возвышенности. Его валунные фундаменты закладывались в вертикальные траншеи в материковый плотный песок, обильно проливались известково-цемяночным раствором с небольшим количеством битого кирпича, а верхний ряд валунов поднимался над дневной поверхностью земли. Валунные кладки выравнивались при помощи плинта, выложенного из плинфы или, возможно, плитняка, площадка нивелировалась под черновые полы. На таком основании начинали возводиться стены и столбы.

К северу и югу от боковых порталов храма был обнаружен обширный монастырский некрополь, первые захоронения в котором были осуществлены в домонгольский период (*Седов, Вдовиченко*, 2017. С. 33–46; 2021. С. 66–75): вещи из саркофага № 4 датируют его первое погребение серединой — второй половиной XII в. Непосредственно перед боковыми входами в храм были расположены несколько надгробных плит и четыре каменных сборных саркофага, свидетельствующих об исключительном социальном положении погребенных в них[1]. Погребения в саркофагах совершали подряд несколько десятилетий, подзахоранивая умерших к положенным в них ранее. По нашему мнению, каменные крышки саркофагов должны были располагаться в уровне дневной поверхности земли, чтобы осуществлять подзахоронения. Исходя из этого, был сделан вариант реконструктивного сечения нижней части собора с прилегающей территорией по боковым порталам (илл. XVI на цветной вклейке). В чертеже есть допущения, но основные графические сведения основаны на археологических данных.

Дневную поверхность XII в. можно реконструировать на отметках верха крышек саркофагов — на уровне –50 – –60 см по современной вертикальной шкале. Саркофаг № 4 и надгробная плита возле северного портала имеют отметки –61 и –62 см, крышки саркофагов возле южного фасада расположены в виде лесенки, ведущей ко входу в храм, и имеют отметки –51, –65, –88 см. Об этом же уровне древней дневной поверхности

[1] Всего на данный момент в некрополе вокруг Георгиевского собора насчитывается 12 каменных саркофагов и 8 саркофагов внутри храма, 3 из которых плинфяные. Однако по вещевому комплексу возможна датировка только отдельных погребений.



• Илл. 6. Георгиевский собор. Вариант реконструкции плана фундаментов XII в. Реконструкция автора. Чертила Е. Н. Пророкова. Сечение А–А — илл. XVI на цветной вклейке

свидетельствует в отдельных случаях и стратиграфия вокруг собора. Однако земля вокруг храма сильно перемешана существовавшим несколько веков кладбищем, поэтому тонкий культурный слой периода строительства, смешанный с дерном, покрывающий предматериковый светлый песок и темный материковый песок, прослеживается не везде, но реконструировать его поверхность на уровне около –55 см возможно.

Первоначальные пороги боковых входов в собор реконструируются по наличию в современной кладке легко опознаваемых порожных плит, заложенных позднее при многочисленных ремонтах храма. Их уровень находится на отметках около +10 см, то есть с уровня земли в собор должны были вести три ступеньки высотой приблизительно 20 см, возможно, деревянного крыльца, хотя остатков таких конструкций не найдено. Г. М. Штендер при реконструкции церкви Спаса на Нередице похожим образом оформил входы в церковь, только на Нередице крыльца получились намного выше, что должно свидетельствовать о более интенсивном формировании культурного слоя вокруг церкви. Возможно, именно наличие в уровне земли каменных крышек саркофагов сохраняло более длительное время уровень первоначальной дневной поверхности.

Первоначальный пол Юрьевского собора из гигантских (до 160 × 265 см) белокаменных плит (*Седов и др.*, 2017) был устроен на 10–15 см ниже уровня порогов и фиксируется на отметках от +5 до –12 см на различных участках в интерьере. Плиты по высоте доходили до 10 см, под ними была сделана многоуровневая подготовка под пол, состоящая из известково-цемяночной проливки, песка и еще двух известковых подготовок, чередующихся с песчаными прослойками. Уровень первоначального пола был расчищен практически на всей площади храма: в западной части — в 1930-х гг. работами М. К. Каргера, в восточной — работами 2010-х гг. под руководством Вл. В. Седова. Но не везде сохранились первоначальные плиты пола, и там, где они утрачены, была отмечена известково-цемяночная заливка под плиты с их отпечатками в заливке.

Внутри собора были устроены подпольные погребения в каменных и плинфяных саркофагах, верхние уровни которых на период исследования 2010-х гг. находились ниже уровня первоначального пола на 10–20 см. Интерьерные погребальные сооружения по своему уровню заглублены менее внешних саркофагов № 4 и № 7 — ближайших к собору с северной и южной сторон. Определено, что каменный саркофаг погребения 3, где предположительно был похоронен в 1233 г. 13-летний княжич Федор Ярославич, брат Александра Невского, был установлен на известково-цемяночную заливку, обнаруженную на отметках –88, –95 см. Сам саркофаг княжича при раскопках 2010-х гг. обнаружен не был. На фотографиях работ М. К. Каргера на саркофагах у южной стены видны белокаменные крышки, к 2010-м гг. отсутствовавшие, то есть саркофаги либо имели собственные, отдельные от плит пола, крышки, либо, что вероятнее, первоначально эти закрывающие плиты находились в уровне пола храма, а позднее под собственным весом саркофаги немного опустились и были перекрыты сверху более поздними плитами. Участки пола, на которых находились погребения, должны были быть приспособлены таким образом для подзахоронения в саркофагах — в частности, в 1198 г. в саркофаге, поставленном у южной стены ранее, а возможно, и при строительстве храма, были положены умершие один за другим сыновья князя Ярослава Владимировича, а в 1241 г. к саркофагу своего сына Федора, умершего в 1233 г., был поставлен саркофаг его матери княгини Феодоры.

При исследованиях фундаментов XII в. представилась возможность в трех местах расчистить нижние части первоначальных фасадных ниш под современной дневной поверхностью (илл. XVII, XVIII на цветной вклейке). В шурфе возле северной абсиды основание северной ниши, находящееся на уровне –10 см, было вычинено кирпичом XIX в., поэтому его первоначальный уровень неизвестен. М. К. Каргер писал об общей высоте раскрытой им абсидной ниши, которая составляла 255 см, но была ли это наша ниша или соседняя, неизвестно (*Каргер*, 1946. С. 180, 183).

Нижняя часть восточной ниши северного фасада была обнаружена в процессе археологических работ 2015 г. Эта ниша дает наиболее полные сведения для реконструкции на XII в. Раскрытая часть наполовину была заложена кирпичом, но прослеживаются очертания выложенного из плинфы уступа, основание которого отмечено на уровне –45 см. Общая высота арки от замка до подошвы составила, таким образом, 250 см, арка была поставлена на цоколь собора

без перспективного горизонтального уступа, «вырастала» непосредственно из него.

Данные о западной нижней нише северного фасада были получены в результате исследований Г. М. Штендера. В его шурфе горизонтальный уступ (основание ниши) определен на отметке +30 см, однако совершенно очевидно, что низ ниши был вычинен поздним кирпичом, поэтому ее подошву мы здесь не видим, но предполагаем, что цоколь должен был иметь верхнюю отметку на уровне –45 – –50 см и арка должна была «вырастать» из него.

Сравнивая основные характеристики фундаментов четырех так называемых княжеских соборов XII в.: храма Благовещения на Городище, Николо-Дворищенского, Рождественского в Антониевом монастыре и Георгиевского соборов, отметим их схожесть в главном — высоте и ширине валунной части, наличии единой фундаментной ленточной конструкции, использовании валунов в качестве строительного материала. Вариации этих характеристик имеются, но они незначительны. Глубина залегания фундаментных валунов в материк, которая варьируется, по всей видимости, зависела от выбранного для строительства участка и характера материковых отложений на нем.

Если храм закладывался на территории с выраженным культурным слоем, то строителям приходилось прорезать рыхлый слой культурных отложений, чтобы дойти до плотных материковых слоев. В этих случаях только самые нижние валуны заглублялись в материк, и, по всей видимости, это считалось достаточным при использовании ленточной фундаментной системы. Такая ситуация наблюдается в Городищенском храме, Николо-Дворищенском и Антониевом соборах. На территории же Юрьева монастыря культурный слой на момент строительства был незначительным (участок строительства был выбран в стороне от поселения), поэтому фундаменты храма были устроены практически целиком в плотном песке.

В общих чертах характеристики субструкций княжеских соборов были определены техникой фундаментной кладки первого каменного княжеского храма Новгорода XII в. — церкви Благовещения на Городище, но некоторые частные признаки основания Юрьевского храма, возможно, субъективного плана, говорят о сложно уловимом для глаза различии. Фундаменты Георгиевского собора сложены чуть менее аккуратно, чем ленточные субструкции первого княжеского памятника на Городище. Использованные валуны заметно крупнее, уложены они немного менее регулярно в ленты, отступы сделаны менее тщательно, хотя эти недочеты вполне можно отнести на счет многочисленных ремонтов здания.

При практически одинаковых параметрах фундамента Георгиевский собор серьезно крупнее по своим габаритам, а все сооружение несравнимо выше остальных княжеских храмов. Ленточная основа Георгиевского собора позволила ему дожить до наших дней, а церковь на Городище, обладавшая практически такими же характеристиками фундамента, но значительно меньшая по размерам, в том числе и высотным, разрушилась еще в XIV в., хотя, скорее всего, по желанию московского правителя, а не по ветхости. Общие свойства и масштаб фундаментных конструкций XII в., а также достигнутая благодаря им в Георгиевском соборе предельная высота здания позволяют говорить об исключительном мастерстве и своеобразном дерзновении зодчих.

Фундаментные конструкции XIX в.

Прочное ленточное основание столбов и стен XII в. было усилено извне фундаментами различных пристроек к собору XVIII–XIX вв., а также целенаправленным укреплением фундаментов во время ремонта собора 1820-х гг.

Ко времени написания статьи археологические работы вокруг собора раскрыли дополнительные фундаментные конструкции с северной и южной сторон. Участки к западу и к востоку от храма, за исключением небольшого участка северной абсиды, не были затронуты раскопками, поэтому археологических сведений о фундаментном «корсете» этих фасадов мы не имеем (о небольшом участке восточного имеем), но знаем об их существовании из письменных и изобразительных источников.

В 1825–1827 гг. Георгиевский собор ремонтировался при знаменитом архимандрите Фотии на средства А. А. Орловой-Чесменской. Были проведены масштабные работы, изменившие как интерьер, так и внешний облик здания. В процессе археологических и реставрационных работ М. К. Каргера в 1930-х гг. все дополнительные

объемы, пристроенные в XIX в., были разобраны, и собор святого Георгия предстал в том виде, в котором он был задуман и воплощен в XII в. Но в земле под ее современным уровнем существуют массивные фундаментные кладки поздних пристроек, не оставляющие практически ни одного метра древних субструкций свободным. Таким образом, древние фундаменты серьезно укреплены обходящими их валунными фундаментами с остатками кирпичных стен XIX в.

С севера от храма в земле осталось валунно-кирпичное основание придела святого Феоктиста, пристроенного в 1820-х гг. (илл. 7). Лестничная башня укреплена по периметру валунным полем, положенным, как представляется, в то же время в качестве укрепления стен и фундаментов. С той же целью с восточной стороны храма с небольшим отступом от фундаментной кладки устроена конструкция из огромных валунов на растворе, усиливающая грунт с восточной стороны здания, — своеобразная валунная ограда круглящихся абсид. Хотя с восточной стороны раскопан лишь небольшой шурф, можно предполагать, что обходящая валунная конструкция продолжается и вдоль центральной и южной абсид.

С южной стороны здание укреплено фундаментными кладками одноэтажной ризницы, тянувшейся вдоль всего фасада. Возможно, в земле сохранились и остатки предшествующей ризницы, сооруженной на этом же месте в 1745 г. Весь южный фасад храма в основании серьезно укреплен кладками этих пристроек. В восточной части участка было обнаружено целое «валунное поле» на отлично сохранившемся известковом растворе, возможно, связанное с постройкой XVIII в. или укреплением собора 1820-х гг. С запада к храму были последовательно пристроены обширные каменные паперти со сводчатыми перекрытиями, подразумевающие крепкие и глубокие фундаменты. В 1706 г. была построена первая паперть (хотя не исключено, что и в XII в. западный вход в собор был оформлен небольшим каменным притвором), а в 1820-х гг. она была заменена на новую широкую паперть с колонным портиком. Остатки этих сооружений находятся в земле перед западным фасадом, укрепляя фундамент здания с этой стороны.

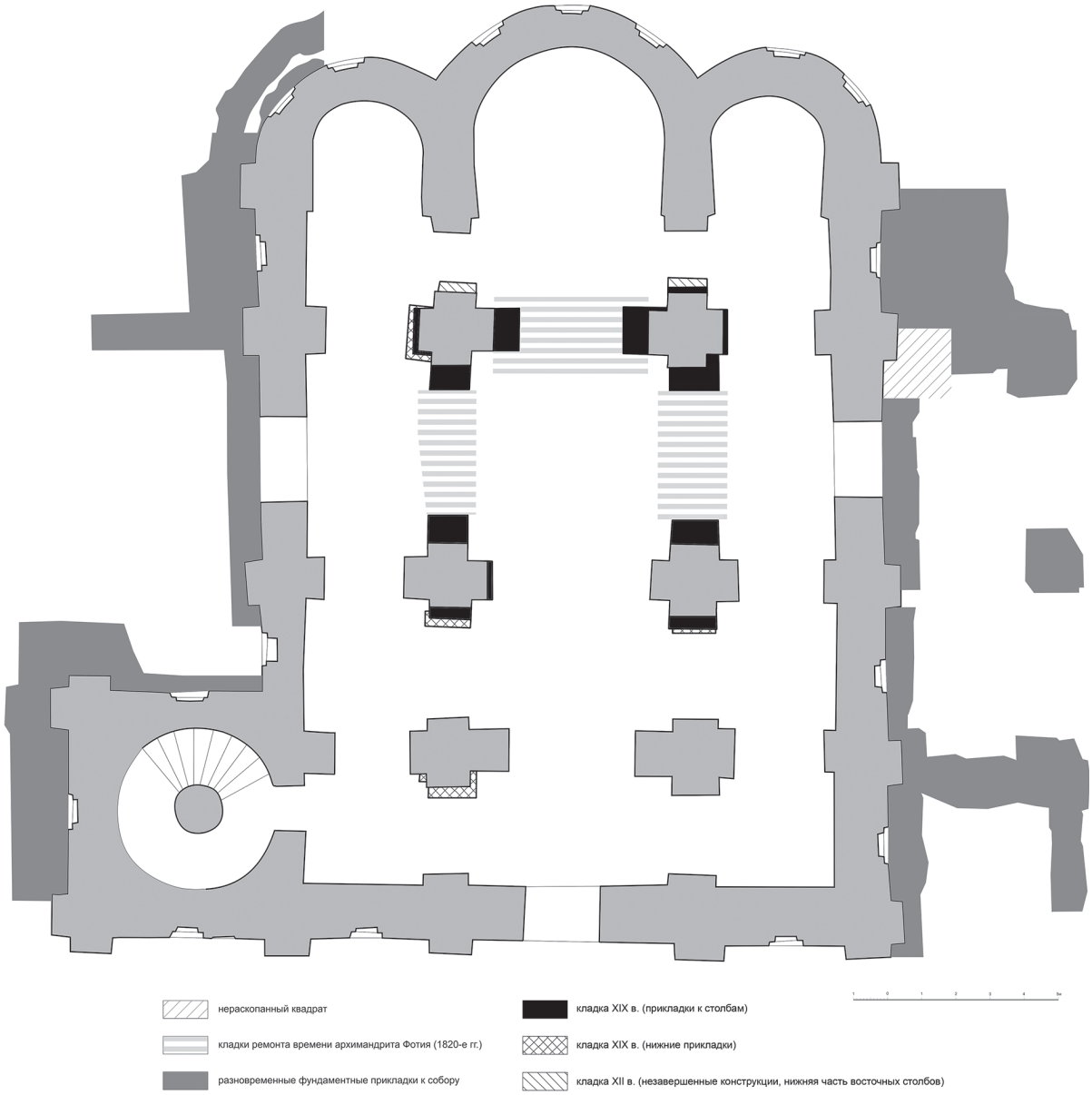
Внутри Георгиевского собора при перестройках 1820-х гг. подкупольные столбы были дополнительно перевязаны между собой п-образной валунной лентой. Это повлекло значительное увеличение ширины и высоты солеи. Лента с западной стороны не была положена, по всей видимости, из-за необходимости размещения лестницы, ведущей с солеи в пространство наоса. Все подкупольные столбы укреплены кирпичными прикладками с разных сторон.

Ленточная фундаментная сетка сохранила огромное средневековое здание в удовлетворительном состоянии до XIX в. и, несмотря на многочисленные трещины, описываемых в документах времени Фотия, позволила в этих же документах констатировать, что «сами по себе стены и своды были весьма крепки, и так, что как бы были литыя из одного металла» (*Секретарь*, 2011. С. 445). При помощи дополнительных поздних фундаментных добавлений Георгиевский собор обеспечен запасом прочности и сейчас, хотя реставрационные работы на памятнике не проводились давно, и при помощи современных материалов и технологий его конструкциям можно было бы придать еще больше стабильности.

Скрытые под землей конструкции фундаментов в буквальном смысле закладывают художественную выразительность здания — определяют тот предел выразительности, который может быть достигнут наземными конструкциями. Умно и сложно организованная сетка фундаментов Георгиевского собора позволила огромную инертную массу стен одухотворить исключительной высотой, и при этом прочность сооружения не была нарушена. Все это говорит о высокой строительной культуре мастеров, сотворивших Георгиевский собор, восходящей к византийским строительным навыкам, а в еще более далекой перспективе — к традициям античного строительного производства. В домонгольской архитектуре Новгорода и во всей древнерусской архитектуре Юрьевский храм занимает особое место — одного из самых искусных произведений в силу сохранности, сложности и дерзновенности конструкций, совершенных на пределе технологических возможностей средневековых строителей.

Список литературы

Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I / ред. Н. Н. Воронин. М.: изд-во АН СССР, 1949. С. 152–176. (МИА; № 11).



• **Илл. 7. Георгиевский собор. План с прикладками XIX в., выявленными в ходе археологических работ. Реконструкция автора. Чертила Е. Н. Пророкова, 2021 г.**

Вдовиченко М. В. Фундаменты древней церкви Благовещения на Городище в контексте новгородского и южнорусского строительства рубежа XI–XII вв. // АА. 2019. № 1. С. 70–81.

Каргер М. К. Новгород. Юрьев монастырь // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1941. С. 24–25.

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Седов Вл. В. Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований (раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой ансамбля Юрьева монастыря», XII–XIX вв. на территории объекта культурного наследия федераль-

ного значения «Юрьев монастырь», XII–XIX вв. Новгородская область, г. Великий Новгород, Юрьевское ш., д. 10 в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 68595.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Пантелеймоновом монастыре в 2015 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 26–28 января 2016 г. / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 58–73.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в церкви Благовещения на Городище, Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в церкви Андрея на Ситке в 2016 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода / отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.; Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 33–46.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в церкви Благовещения на Городище и Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 2017 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Материалы XXXII научной конференции, посвященной памяти Н. Н. Гринева / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2019. С. 40–59.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Архитектурно-археологические работы в Юрьеве монастыре в 2018 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 33 / отв. ред. Е. А. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2020. С. 45–59.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Архитектурно-археологические работы в Юрьеве монастыре в 2019 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 34. Материалы XXXIV научной конференции, посвященной памяти Е. Н. Носова / отв. ред. Е. А. Рыбина. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2021. С. 65–76.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Кадейшвили Е. А. Первоначальный пол Георгиевского собора Юрьева монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 9 / отв. ред. А. Б. Бодэ. СПб.: Коло, 2017. С. 11–20.

Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.

Штендер Г. М. Древняя строительная техника как метод изучения русского зодчества // Архитектурное наследие и реставрация (реставрация памятников истории и культуры России). Вып. 2 / под общ. ред. В. М. Дворяшина. М.: Объединение «Росреставрация», 1986. С. 9–31.

References

Artsikhovskiy A. V. Raskopki vostochnoy chasti Dvorishcha v Novgorode // Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov. I / ed. N. N. Voronin. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. P. 152–176. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; 11).

Karger M. K. Novgorod. Yur'ev monastyr' // Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya / red. V. V. Gol'msten. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. P. 24–25.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Sedov Vl. V. Otchet o provedenii arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniy (raskopok) na territorii vyyavlennogo ob''ekta arkheologicheskogo naslediya «Kul'turnyy sloy ansamblya Yur'eva monastyrya», XII–XIX vv. na territorii ob''ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Yur'ev monastyr'», XII–XIX vv. Novgorodskaya oblast', g. Velikiy Novgorod, Yur'evskoe sh., d. 10 v 2020 g. // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 68595.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya i v Panteleymonovom monastyre v 2015 godu // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika, Velikiy Novgorod, 26–28 yanvarya 2016 g. / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2016. P. 58–73.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche, Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya i v tserkvi Andreya na Sitke v 2016 godu // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 31. Materialy XXXI nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda / ed. E. N. Nosov. St. Petersburg; Velikiy Novgorod: Lyubavich, 2017. P. 33–46.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche i Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v 2017 godu // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 32. Materialy XXXII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati N. N. Grineva / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2019. P. 40–59.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkhitekturno-arkheologicheskie raboty v Yur'eve monastyre v 2018 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 33 / ed. E. A. Rybina. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2020. P. 45–59.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkhitekturno-arkheologicheskie raboty v Yur'eve monastyre v 2019 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 34. Materialy XXXIV nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati E. N. Nosova / ed. E. A. Rybina. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2021. P. 65–76.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V., Kadeyshvili E. A. Pervonachal'nyy pol Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury. 9 / ed. A. B. Bode. St. Petersburg: Kolo, 2017. P. 11–20.

Sekretar' L. A. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 656 p.

Shtender G. M. Drevnyaya stroitel'naya tekhnika kak metod izucheniya russkogo zodchestva // Arkhitekturnoe nasledie i restavratsiya (restavratsiya pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii). 2 / ed. V. M. Dvoryashin. Moscow: Ob''edinenie «Rosrestavratsiya», 1986. P. 9–31.

Vdovichenko M. V. Fundamenty drevney tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v kontekste novgorodskogo i yuzhnorusskogo stroitel'stva rubezha XI–XII vv. // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 70–81.

Illustrations

Colour plate XVI. St. George's cathedral. Reconstructive section taken through the line A–A. Author's reconstruction. Drawn by E. N. Prorokova

Colour plate XVII. St. George's cathedral. North facade. Reconstruction with lower parts. Author's reconstruction. Drawn by E. N. Prorokova

Colour plate XVIII. St. George's cathedral. South facade. Reconstruction with lower parts. Author's reconstruction. Drawn by E. N. Prorokova

Fig. 1. St. George's cathedral of Yuriev monastery (Novgorod). Fragment of the foundation and the lower part of the wall at the northern facade of the cathedral and the eastern facade of the staircase tower. The chief architect is E. A. Terletsky, the scientific supervisor of research works is G. M. Shtender, drawn by I. B. Ablizina. 1981, Archive of the Novgorod Research and Restoration Office

Fig. 2. St. George's cathedral. Plan indicating the sections where the studies were carried out: *а* — under the northern wall, based on G. M. Shtender's materials, 1981; *б* — under the southern wall, based on Vl. V. Sedov's excavations, 2014–2017; *в* — section of the strip foundation between the northwestern pillar and the western wall with a reconstruction, based on Vl. V. Sedov's excavations, 2014–2017; *г* — fragment of a strip foundation between the southeastern pillar and the southern wall, based on Vl. V. Sedov's excavations, 2014–2017; *д* — under the northern conch of the cathedral, based on Vl. V. Sedov's excavations, 2020; *е* — section of the strip foundation between the southwestern pillar and the western wall, based on Vl. V. Sedov's excavations, 2014–2017; *ж* — under the northern wall, based on Vl. V Sedov's excavations, 2015

Fig. 3. St. George's cathedral. Fragment of the inner facade of the foundation in the southwestern compartment. Drawn by E. S. Zhukova, 2017

Fig. 4. St. George's cathedral. Fragment of the outer facade of the foundation under the northern conch. Drawn by E. N. Prorokova, 2020

Fig. 5. St. George's cathedral. Facade of the strip foundation from the southwestern pillar to the western wall with reconstruction of lower rows. Drawn by E. S. Zhukova, 2017

Fig. 6. St. George's cathedral. Version of the reconstruction plan of the foundations of the XII century. Author's reconstruction. Drawn by E. N. Prorokova

Fig. 7. St. George's cathedral. Plan with 19th-century appliqués found during archaeological work. Author's reconstruction. Drawn by E. N. Prorokova, 2021

M. V. Vdovichenko. Foundations of St. George's cathedral of Yuriev monastery based on the materials of architectural and archaeological research

Abstract. Architectural and archaeological research, conducted by a number of scientists on the territory of the Yuriev monastery, made it possible to explore the foundations of the most significant ancient Russian stone building. St. George's cathedral in Novgorod became one of the symbols of pre-Mongolian period due to its architectural appearance. The article characterizes the fragments of foundations explored in the 1930s, 1980s, and 2014–2020, provides the author's reconstructions of ancient foundation structures, and describes the masonry applied to them in the 18th–19th centuries and strengthened them. As a result of the study, the foundations of the pre-Mongolian monument appear as stable structures made by ancient masters with great skill, at the full of the technological capacities of the 12th century.

Keywords: pre-Mongolian Novgorod architecture, St. George's cathedral, Old Russian construction, foundations of stone structures, strip foundations, graphic reconstruction, architectural-artistic appearance.

Vdovichenko Marina Viktorovna, candidate of art studies, academic secretary, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, zakomara@yandex.ru.

Строительные материалы и особенности техники кладки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря*

Е. Г. Яновская

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.84-97

Аннотация. В статье представлены строительно-технологические особенности Георгиевского собора Юрьева монастыря. Рассмотрен вопрос о сортаменте плинфы и применении разных ее форматов в определенных архитектурных конструкциях. Основное внимание уделено системам кладок: кладка со скрытым рядом, кладка типа *opus mixtum* и кладка типа *cloisonné*. Системы кладок были прослежены по результатам натурных исследований 2021 г., а также по материалам исследований и раскопок прошлых лет.

Ключевые слова: архитектурная археология, Великий Новгород, каменные храмы, система кладок, плинфа, кирпич, размеры, Юрьев монастырь, Георгиевский собор.

Яновская Екатерина Геннадьевна — лаборант, Лаборатория архитектурной археологии и междисциплинарного изучения архитектурных памятников, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; студент 1 курса магистратуры кафедры археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, katherinyanovskaya@gmail.com.

Георгиевский собор Юрьева монастыря — один из храмов Великого Новгорода так называемого «княжеского» периода, хорошо сохранивший свои первоначальные формы до наших дней *(Каргер*, 1954, *Комеч*, 2007). За девять веков бытования он несколько раз достраивался и обновлялся. Однако при тщательном исследовании мы довольно легко сможем увидеть под поздними наслоениями исходный замысел его заказчиков и зодчего.

В данной статье будет анализироваться строительно-технологическая сторона собора, которая некоторыми исследователями отделяется от художественного образа памятника (*Новосёлов*, 2002. С. 14–15). Это утверждение может быть верным, если рассматриваются исключительно технические приемы — такие как способ производства кирпича или состав растворов. Однако если включить в технологический аспект системы кладок, то их художественная составляющая оказывается неразрывно связанной с общим образом постройки.

Архитектура Северо-Запада Руси характеризуется многими исследователями вертикализмом, лаконичностью форм и строгостью

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

пропорций. Величественные храмы начала XII в. в Новгороде все еще несут в себе основные черты храмов киевских, являясь при этом несколько упрощенным, провинциальным вариантом провинциальной же (относительно Византии) южнорусской архитектуры (*Комеч*, 2007. С. 398–415). С этой точки зрения Георгиевский собор — один из последних больших храмов указанного периода, своими размерами превосходящий все предшествующие каменные строения Новгорода. В нем экстенсивно и одномоментно продолжились формы, заложенные еще при постройке храма Благовещения на Городище (*Седов*, 2019. С. 27–30). После его возведения наступает время упадка княжеского строительства с еще большим упрощением схем планировки и сокращением общих пропорций (*Каргер*, 1954. С. 30). «Упрощенность» новгородских храмов относительно киевских прототипов виделась исследователями в удешевлении технологических приемов строительства: использование большого количества природного, плохо обработанного камня, отсутствие кирпичного декора и регулярности кладок. Высказывалось и предположение о недостатке на севере Руси квалифицированных кадров. Все это могло отразиться на тектонике стеновых плоскостей и декоративной составляющей храма (*Новоселов*, 2014. С. 38, 45–46).

Однако мы должны учитывать тот факт, что наши знания о первоначальном облике построек не всегда полны. Георгиевский собор, при своей хорошей сохранности, все еще скрыт от нас поздними штукатуркой и росписями. Задачей данной статьи станет попытка описать некоторые особенности строительных приемов, доступных для осмотра в раскрытых участках фасадов и в интерьере. Основой для статьи послужили натурные обмеры, проведенные Новгородским архитектурно-археологическим отрядом (далее НААО ИА РАН) под руководством Вл. В. Седова в 2013–2021 гг., а также материалы реставрационных исследований послевоенного периода и 70–80-х гг. XX в.[1]

Архитектурно-археологическое изучение Георгиевского собора Юрьева монастыря ведется уже без малого целое столетие. Первые работы были проведены с 1931 по 1935 г. под руководством М. К. Каргера в процессе масштабной реставрации и возвращения постройке ее первоначальных форм. Были проведены археологические раскопки внутри и около собора, открывшие погребения в южной и западной частях храма. Устранение закладок и достроек XIX в. открыло пояса ниш и окон на фасадах, что кардинально изменило представление о тектонике стен, а вместе с тем — об общем художественном образе памятника. Наряду с этим были восстановлены порталы, сбита поздняя штукатурка, раскрыты и обследованы участки стеновой росписи, а под чугунным полом XIX в., времени архимандрита Фотия, были обнаружены сбитые со стен фрагменты фресковой росписи XII в. (*Каргер*, 1946. С. 175–224).

В. Л. Янин в своей книге «Некрополь Новгородского Софийского собора» проанализировал полученные М. К. Каргером материалы, уделив при этом основное внимание погребениям собора и персоналиям, которые в них покоились (*Янин*, 1988. С. 89–118).

Во время Великой Отечественной войны памятник достаточно серьезно пострадал: было утрачено металлическое покрытие куполов, повреждены каркасы глав, кресты, кровля, закопчены фрески XII в. в капелле над лестничной башней, в стенах имелись пробоины от снарядов (*Седов, Вдовиченко*, 2014. С. 296). В процессе работ по консервации и ремонту здания в 1950-е гг. под руководством Л. М. Шуляк выявлены новые особенности кладки соборов, еще раз опровергающие теорию о суровости и аскетизме новгородской архитектуры. Так, на восточных закомарах обнаружены остатки декоративного зубчатого обрамления, которое образовывало парапет над сводами, обмазанный сверху цемяночным раствором. Также зубчатый декор прослежен в обрамлении кокошников барабанов (*Гладенко и др.*, 1964. С. 189–190). В 1970–1980-е гг. в процессе очередной реставрации, под руководством Г. М. Штендера, были проведены многочисленные архитектурно-археологические обмеры собора.

В 1982 г. на территории Юрьева монастыря проводились разведочные работы под руководством В. А. Булкина, заложившего 13 шурфов на

[1] Материалы архитектурно-археологических обмеров 70-80-х гг. Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской объединения «Росреставрация» хранятся в архиве ГБУК «Новгородское научно-реставрационное управление».

территории монастырского сада к югу от собора. В шурфах, помимо бытовых находок, украшений и разнообразных строительных материалов разных эпох, обнаружена ремесленная часть монастырского подворья. Однако для нас наиболее важным в этом исследовании является тот факт, что даже на таком отдаленном расстоянии от собора были найдены фрагменты настенной росписи XII в. и цемяночный раствор. И хотя автор делает вывод о том, что на данной территории могла существовать еще какая-то постройка домонгольского времени, вероятнее всего, описанные находки относятся непосредственно к собору (*Булкин и др.*, 1985. С. 127–128).

С 2013 г. и по настоящее время археологические раскопки на территории монастыря ведутся Архитектурно-археологическим отрядом Института археологии РАН под руководством Вл. В. Седова. Исследована большая площадь как внутри собора, так и за его стенами. В интерьере собора был обнаружен первоначальный пол из прямоугольных известняковых плит, скамья в центральной апсиде (синтрон) с остатками епископского места, три престола (во всех трех апсидах). При производстве этих работ найдены многочисленные фрагменты фресковых росписей, служившие подсыпкой под пол 20-х годов XIX в. Из этих находок составлены обширные коллекции, переданные в реставрационную мастерскую Новгородского объединенного музея-заповедника. Помимо художественных композиций и орнаментов были обнаружены надписи-граффити, дополнившие общий свод письменных источников. Важным итогом работ стало уточнение топографии и истории погребений как внутри собора, так и по его периметру (*Седов*, 2014; *Седов и др.*, 2016; *Гиппиус, Седов*, 2015; *Седов, Вдовиченко*, 2015; *Седов и др.*, 2017*, Седов*, 2018).

В 2021 г. Новгородским архитектурно-археологическим отрядом были проведены обмеры плинфы и фиксация раскрытых участков кладки Георгиевского собора, которые, наряду с материалами прошлых лет и архивными материалами, легли в основу настоящей статьи.

Сортамент плинфы. Описание и промеры плинфы Георгиевского собора представлены в работах исследователей новгородских строительных материалов довольно скромно. В основном плинфа была промерена по образцам *in situ* на раскрытых фрагментах кладки, что, с одной стороны, важно, а с другой — не всегда дает возможность снять все промеры с образца.

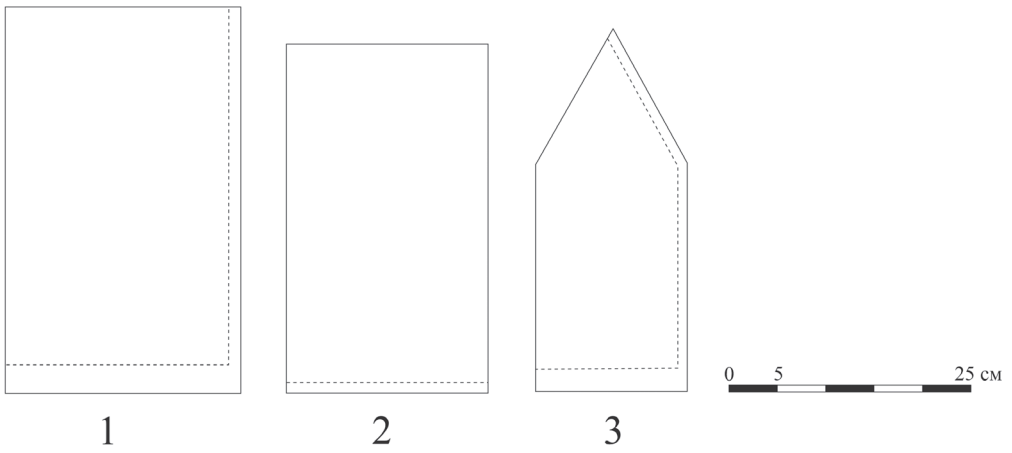
М. К. Каргер выделил два формата, которые не фиксируются в работах последующих исследователей: основной, 5 × 25 × 25 см, и плинфу сводов, 5 × 50 × 50 см (*Каргер*, 1946. С. 195).

Г. М. Штендер и П. А. Раппопорт выделяли в своих работах один основной формат — 4,5–5 × 21,5 × 35,5–38 см, основываясь, вероятно, на материалах реставрационных работ послевоенного периода (*Штендер*, 1980. С. 86; *Раппопорт*, 1982).

А. В. Жервэ также указывает на тот факт, что при исследовании плинфы собора приходится опираться на ее промеры на памятнике. Он выделяет единственный формат — 4–5 × 21–22 × 32 см, говоря при этом о том, что встречаются плинфы до 36 см длиной (*Жервэ*, 2002. С. 81). О возможности исследовать плинфу только в раскрытых участках собора пишет и Н. В. Новоселов. Автор тоже знает только один формат (4–5 × 20–21,5 × ? см) и говорит о схожести ее с плинфой Николо-Дворищенского собора (табл. 1) (*Новоселов*, 2002. С. 24).

Д. Д. Ёлшин в статье, посвященной новгородской плинфе, говорит о преемственности технологии производства новгородскими мастерами от мастеров киевских в начале XII в. (*Ёлшин*, 2013. С. 212). В другой его работе выявлена схожесть форматов лекальной плинфы зубчика в таких новгородских храмах, как Николо-Дворищенский собор, Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря и Георгиевский собор Юрьева монастыря. Автор также говорит о том, что все они были изготовлены в специальной форме, а не вырезаны из обычной прямоугольной плинфы (*Ёлшин*, 2017. С. 175–176).

Более подробно сортамент плинфы приведен в работах А. В. Чернова, который выделяет три типа, основываясь на ее размерах: 4,5–5 × 20–21,5 × 35–36,5 см, 4,5–5,5 × 22,5–24 × 37–38 см, 4–5 × 15–16 × 32 см (лекальная плинфа-«зубчик»). Основным форматом называется первый (меньший) формат (*Чернов*, 2016. С. 154). Стоит оговориться, что автор тоже был вынужден опираться на материал промеров в раскрытых фрагментах кладки на памятнике. На данный момент открытыми являются участки с круглящимися элементами — ниши, порталы, синтрон; а также участки столбов и внутренних лопаток стен и столбов. Как мы знаем из комплексных ис-



• **Илл. 1. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Пропорции плинфы. Промеры 2021 г.** *1* **— 4,5–5 × 23,5–24 × 37–40 см (больший формат);** *2* **— 4,5–6 × 21,5 × 35–36 см (меньший формат);** *3* **— 4,5–6 × 21,5 × 35–36 см (плинфа-зубчик). Штриховкой показан меньший размер**

следований других новгородских памятников, в таких случаях кладка велась с применением именно меньшего формата плинфы (вероятно, для удобства выполнения более ровной кладки на ответственных участках постройки). В настоящее время (пока у нас нет возможности обследовать значительные участки стеновой кладки) мы не можем сказать — являлся ли меньший формат преобладающим.

Само понятие «основной формат» появилось в исследованиях строительных материалов с работ П. А. Раппопорта, который вывел зависимость формата плинфы от даты постройки сначала для смоленских, а потом и для новгородских памятников. Однако дальнейшие исследования показали, что сортамент в древнерусских постройках более разнообразен и выделения только одного формата часто недостаточно для понимания общей картины. Мы рискнем предположить, что понятие «основной формат» если и может использоваться, то только тогда, когда уже произведены большие выборки на разных участках здания, где преобладание одного из форматов будет показано математически. Более правильным представлением сортамента плинфы является разделение ее на группы по ряду признаков с указанием применения тех или иных групп в определенных типах конструкций. Такое комплексное исследование представлено в работе Д. Д. Ёлшина на материалах церкви Благовещения на Городище (*Ёлшин*, 2019. С. 82–90).

В данный момент нет возможности представить весь сортамент плинфы Георгиевского собора и выделить отдельные ее типы по различным признакам (использование определенного типа рамки, состав теста, подрезанность закраин и пр.). Однако некоторые предварительные данные у нас все же имеются.

На раскрытых участках кладки фиксируется два формата прямоугольного кирпича-плинфы — 4,5–6 × 21,5 × 35–36 см и 4,5–5 × 23,5–24 × 37–40 см (табл. 1; илл. 1). Плинфа меньшего формата применена при выкладке ниш, нижних частей сводов порталов, лопаток, в западных и восточных столбах наоса, и синтроне. Плинфа большего формата зафиксирована в верхних участках кладки арочного свода северного портала, в сводах южной закомары восточного фасада собора, в синтроне, в участке над нишей восточного прясла южной стены, а также в плинфяных саркофагах. Вопрос о плинфе саркофагов остается на данный момент дискуссионным, потому как построены они были явно позднее возведения основного здания. Раствор, примененный при их строительстве, отличается от раствора памятника, — в нем меньше цемянки, и сами зерна ее значительно меньше (*Седов*, 2016. Т. 1. С. 59–60). Однако раствор памятника также неоднороден, и схожесть форматов плинфы саркофагов и большего формата, фиксирующегося в кладке собора, может говорить в пользу того, что саркофаги были сложены из остатков строительных матери-

• **Таблица 1. Форматы плинфы Георгиевского собора Юрьева монастыря. Промеры**

	Толщина, см	Ширина, см	Длина, см
Каргер, 1946			
основной формат	5	25	25
плинфа сводов	5	50	50
Штендер, 1977	4,4–5	21,5	35,5–38
Штендер, 1980	4,5–5	21,5	35,5–37
Раппопорт, 1982	4,5–5	21,5	35,5–38
Демичева, 1984	4,5–5	21,5	35,5–38
Жервэ, 2002			
группа 1	4–5	21–22	32
дополнительный образец	5		36
Новоселов, 2002	4–5	20–21,5	
Седов, Вдовиченко, 2015			
зубчик, южный престол		15	32
Седов, 2015, саркофаг	4,5–5,5	23–23,5	37–38
Чернов, 2016			
	4,5–5	20–21,5	35–36,5
зубчик	4–5	15–16	32
	4,5–5,5	22,5–24	37–38
НГОМЗ[1]	5,5–6	23,5	38
	5–5,5	23,5	37,5
НААО ИА РАН, 2015	5,5	24	38
НААО ИА РАН, 2016			
зубчик	5	16	36
зубчик	5,5	16	37,5
зубчик	5	14	
	5–5,5	23,5	36,5
НААО ИА РАН, промеры 2021 г.			
северный престол, зубчик	5,5–6	16	35–36 (13 см клин)
меньший формат			
южный портал	4,5	21	35
западная ниша	5–6	21	35
южная стена центральной апсиды	4,5–5	21 (?)[2]	35–36
юго-западная лопатка	3,5	21 (?)	36
больший формат			
верх арки северного портала	4,5	24 (?)	40
синтрон	4,5	24	37–40 (?)
отдельный экземпляр	5	23,5	37

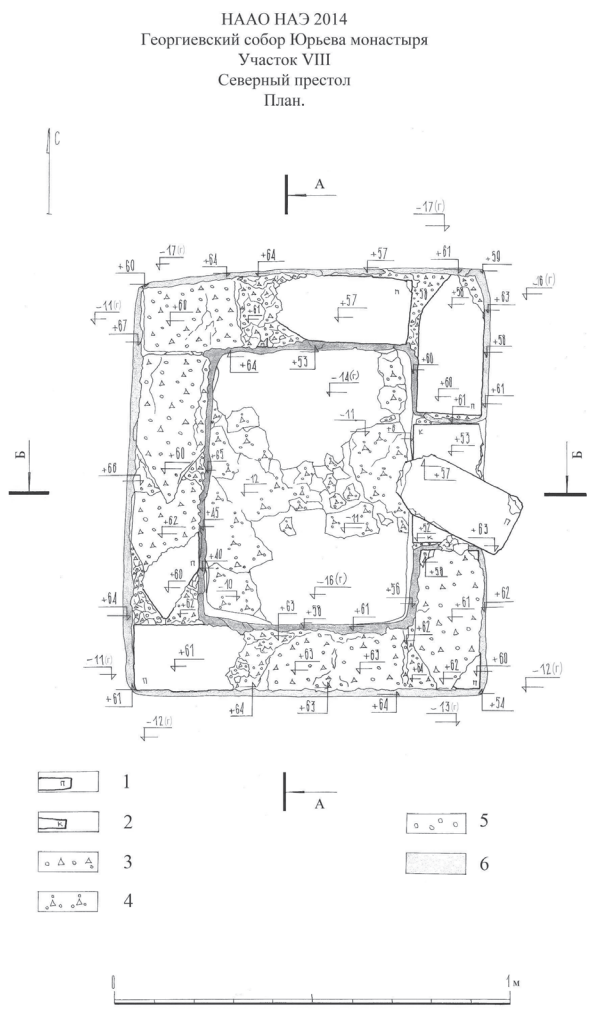
[1] Промеры сотрудников НГОМЗ. См. оцифрованную коллекцию строительных материалов на сайте Новгородского государственного музея-заповедника: https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/cross-search?query=плинфа (дата обращения 02.09.2021).

[2] Со знаком (?) даны допущения промеров.

алов самого собора, хранившихся где-то на его территории после окончания основных работ.

Отдельно стоит выделить лекальные плинфы — так называемые «зубчики» (или утюжки). Их размер 4–6 × 14–16 × 35–37,5 см с зубчиком и 4–6 × 14–16 × 23–25 см без зубчика (илл. 1). Длина зубчика составляет около 13 см. Таким образом, пропорциональное соотношение длины можно описать как примерно 1:3 (длина зубчика к общей длине плинфы). Эта важная особенность должна быть отмечена по причине того, что на разных памятниках Новгорода это соотношение разное. Так, зубчики Георгиевского собора оказываются близки к таким же лекальным плинфам Николо-Дворищенского собора и собора Антониева монастыря (*Ёлшин*, 2017. С. 175–176). В 2016 г. Архитектурно-археологическим отрядом в северном раскопе был обнаружен зубчик других пропорций (несколько предположительно, поскольку образец представлял неполную форму без длины). Длина зубчика здесь составляла 7 см — против 13 см других образцов (*Седов*, 2016. Т. 2. С. 64). Такой размер зубчика фиксируется в новгородских постройках с церкви Воскресения на Мячине (*Ёлшин*, 2017. С. 176–177).

Как показали реставрационные исследования послевоенного периода, зубчики были применены в декоре закомар и кокошников барабана. Совершенно нестандартное их применение фиксируется в выкладке ими престолов северной и южной апсид (*Седов, Вдовиченко*, 2016). Еще один экземпляр такого формата был обнаружен в засыпке саркофага № 3 у северной стены собора (*Седов*, 2016. Т. 1. С. 20). Можно предположить, что и гробница, и престолы были сложены из остатков строительного материала самого собора несколько позднее основного этапа строительства (илл. 2).



• **Илл. 2. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Престол северной апсиды. Чертеж Ю. С. Фомичёвой. НААО, 2014 г.** *1* **— плинфа;** *2* **— кирпич;** *3* **— известково-цемяночный раствор;** *4* **— известково-цемяночная заливка пола;** *5* **— известковый раствор;** *6* **— обмазка (внутри и снаружи)**

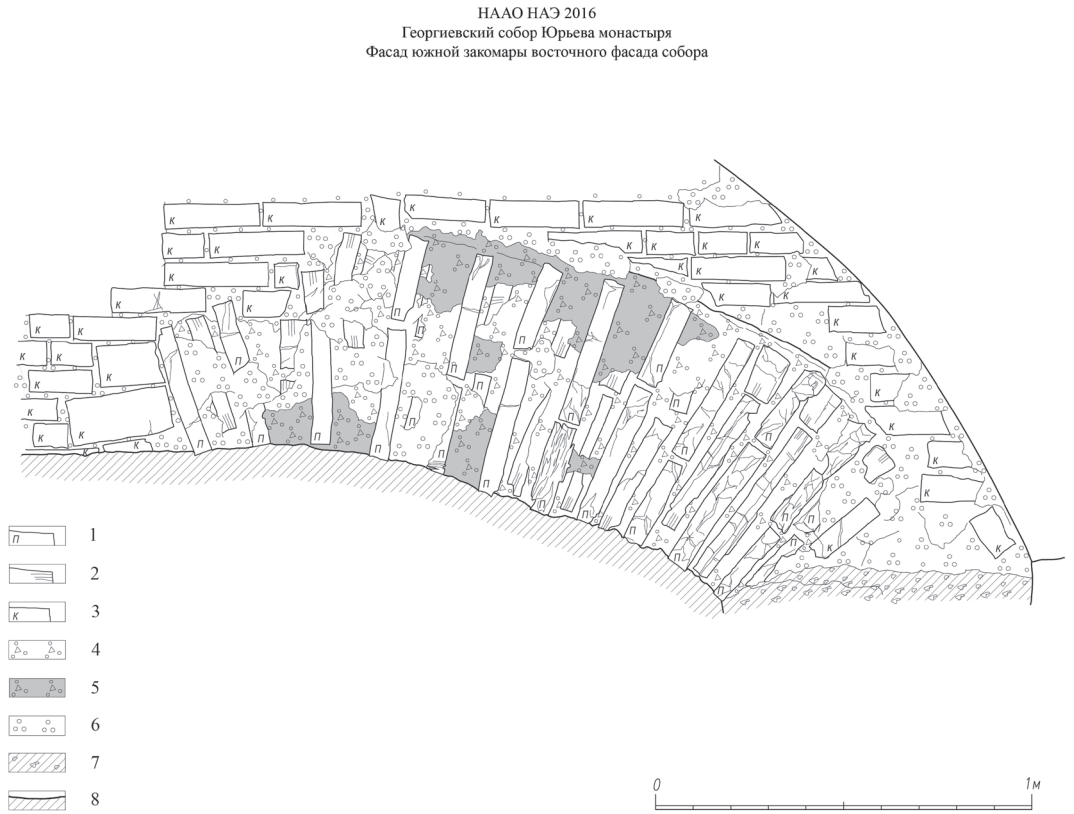
Системы кладок собора. Системы кладок Георгиевского собора описаны в статьях исследователей еще более коротко, чем сортамент плинфы. М. К. Каргер говорит о хорошей сохранности кладки, состоящей из известняковых плит и плинфы без регулярного чередования, он указывает на значительную толщину швов и использование только кирпича для перемычек ниш и окон (*Каргер*, 1946. С. 195). А. И. Комеч отмечает, что основная кладка стен представляла собой чередование грубых блоков камня и плинфы, что лишь напоминает кладку греческих церквей (*Комеч*, 2007. С. 408) Н. В. Новоселов предполагает возможность возведения стен в послойной технике кладки, а также указывает, что в выкладке арочных завершений ниш применялась исключительно плинфа (*Новоселов*, 2002. С. 59–64). А. А. Липатов в своей диссертации отмечает, что арки Георгиевского собора были сложены в технике кладки со скрытым рядом (*Липатов*, 2006. С. 174). Эти элементы конструкций (арочные завершения ниш, порталов и закомары) представляют особый интерес, потому как наши наблюдения здесь несколько отличаются от наблюдений предшествующих исследователей.

• **Илл. 3. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Северный портал. Фото. НААО, 2021 г.**

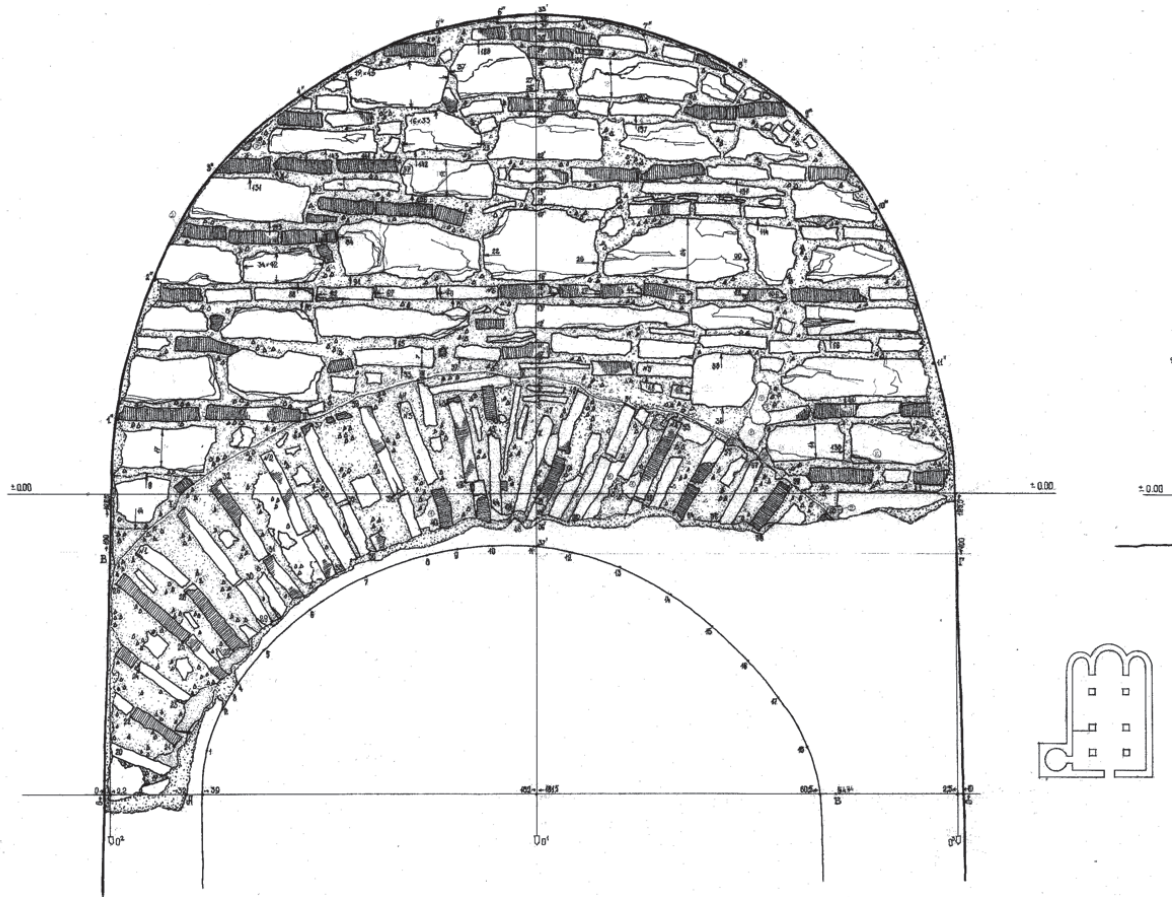
При осмотре арочной перемычки северного портала собора выявляется кладка со скрытым рядом (или имитация кладки со скрытым рядом), где плинфа в некоторых местах чередуется с тонкими плитами известняка. Техника кладки со скрытым рядом в Новгороде в это время появляется спорадически, в ответственных местах, и при этом соблюдается с частыми исключениями, то есть не слишком регулярна.

Верхний участок перемычки портала толще и выложен из плинфы большего формата, в отличие от боковых участков. На восточном фрагменте перемычки сохранилась фресковая роспись, имитирующая кладку со скрытым рядом (илл. 3) Такой прием декоративной росписи поверх кладки весьма характерен для домонгольских памятников Новгорода (*Новоселов*, 2014. С. 48).

Сходная техника устройства арочных перемычек в технике кладки со скрытым рядом и применением в «утопленном» ряду тонких плит из-



• **Илл. 4. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Фасад южной закомары восточного фасада собора. Чертеж Е. Н. Пророковой. НААО, 2016 г.** *1* **— плинфа;** *2* **— плитняк;** *3* **— кирпич;** *4* **— известково-цемяночный раствор;** *5* **— известково-цемяночная обмазка;** *6* **— известковый раствор;** *7* **— строительный мусор, кирпичный бой;** *8* **— граница свода южной апсиды**



• **Илл. 5. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Северный неф. Западная плоскость восточной люнеты над полатями. Чертеж Е. О. Волковицкой. Новгородская специальная научно-реставрационная производственная мастерская, 1980 г. Арх. № 5183**

вестняка встречается в соборе еще в нескольких местах. Мы фиксируем этот технологический прием на фасаде южной закомары восточного фасада собора (илл. 4); в оформлении восточного люнета арки, соединяющей восточное окончание полатей в северной их части (илл. 5); в арочной перемычке ниши на восточном прясле южного фасада (илл. XIX на цветной вклейке). В нише восточного прясла фиксируются всего несколько тонких известняковых плит, подменяющих собой плинфу. Возможно предположить, что она была покрыта такой же росписью, имитирующей кладку со скрытым рядом, как и северный портал.

Стоит отметить еще одну особенность кладки южной закомары и арочного перекрытия в восточном люнете над полатями, а именно чередующийся перекат в полтора кирпича (или в полтора переката). Прием выкладки арочной перемычки в полтора переката использовался как в столичной византийской, так и в провинциально-византийской архитектуре (илл. 4–5).

Одной из основных кладок, которую мы встречаем на открытых участках стен как снаружи, так и внутри собора, является *opus mixtum* — кладка с чередованием рядов природного камня и кирпича. Хотя предыдущие исследователи отмечали, что ряды плинфы выдержаны не слишком ровно, нам представляется, что на отдельных фрагментах стен ровность и регулярность прослеживаются очень ясно. В основном это относится к круглящимся поверхностям (ниши, окна, барабаны) и ответственным участкам, таким, как, например, столбы. Стоит отметить и то, что эти ряды могли иметь определенную регулярность и проходить если не по всему пе-

• **Илл. 6. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Северная стена центральной апсиды. Фото. НААО, 2021 г.**

риметру здания, то по отдельным его участкам на определенном уровне, соотносясь с другими архитектурными деталями. На текущий момент мы можем натурно проследить эти ряды только на отдельных участках стен, переходящими с прясел на лопатки. Например, такой переход фиксируется на восточном фрагменте центрального прясла северной стены (илл. 3).

Кладка *opus mixtum* фиксируется и внутри собора. Так выложены западные и восточные крещатые столбы наоса. Мы видим здесь довольно ровно выдержанные ряды плинфы, переходящие с одного закрестья на другое.

Еще один тип кладки, который стоит отметить на фасадах собора и в его интерьере, это кладка типа *cloisonné* (или, как и в случае с кладкой с утопленным рядом, имитация кладки типа *cloisonné*). *Cloisonné* — система, в которой отдельные блоки камня обрамляются плинфой — рядами внизу и вверху, а также вертикальными «перегородками» — по бокам. Проследить регулярность этой кладки, как и кладки типа *opus mixtum*, на стенах собора довольно трудно из-за того, что поверхности храма оштукатурены или покрыты поздней росписью. Однако отдельные грубые блоки известняка, «обрамленные плинфой», зафиксировать все же удается.

Элементы этого типа кладки мы находим на северном фасаде собора в нижних рядах между порталом и северо-восточной лопаткой (илл. 3). В первом и втором ряду квадров, от современной дневной поверхности, встречаются элементы кладки типа *cloisonné*, выше следует несколько рядов обычного чередования белого или кремового известняка и плинфы, не всегда ровно выдержанного, а ряд под пятой арки снова содержит несколько квадров в «плинфяной оправе». Там, где обрамление из плинфы выложить не удается, использованы толстые растворные швы с крупными зернами цемянки, имеющие ярко-красный цвет.

Элементы такого вида кладки встречены и на восточном прясле южной стены, двух примыкающих к ней лопатках и фрагменте южной апсиды. Регулярность на этом участке зафиксировать не получается, однако отдельные квадры во втором ряду от современной дневной поверхности и к западу от ниши, а также квадры на лопатках прослеживаются довольно четко (илл. XIX на цветной вклейке)[1].

Интересно отметить, что плинфой оформлялись и отверстия от «пальцев» первоначальных строительных лесов, ряд которых располагается у пят арочных сводов нижнего пояса ниш. Сейчас эти отверстия открыты у юго-восточной

[1] Прослежено по чертежам Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской.

ниши, и мы можем зафиксировать их размер: 21 × 24 × 34 см (*высота* × *ширина* × *глубина*) — восточная и 21 × 24 см — западная (илл. XIX на цветной вклейке).

Раскрытые в процессе реставрационных работ послевоенного периода участки барабана также демонстрируют нам отдельные фрагменты кладки типа *cloisonné* (или ее имитации). Здесь, как и на нижних участках стен, мы видим как бы вплетенные в некоторых местах в общий орнамент полосатой кладки *opus mixtum*, дополнительно подчеркнутые по бокам плинфой известняковые квадры.

Внутри собора мы встречаем элементы кладки типа *cloisonné* в центральной апсиде. Наиболее регулярной, хотя и с затертыми раствором промежутками, кладка выглядит во втором ряду квадров над синтроном северной стены (илл. 6). Мы видим крайние квадры в обрамлении плинфы, а ближе к центру этот же эффект создается известково-цемяночным раствором ярко-красного цвета.

Таким образом, мы можем констатировать, что кладки Георгиевского собора не были столь однообразны и нерегулярны, как, возможно, представлялось ранее. Мастера, работавшие над созданием храма, очевидно были знакомы с техниками и приемами возведения построек, характерными для столичной архитектуры Византийской империи, пусть и в упрощенном, провинциальном их варианте. Вопрос о применении элементов техники кладки типа *cloisonné* требует дальнейшего изучения, но уже само обнаружение таких элементов дает дополнительное представление о декоративности смешанной кладки собора. Надо думать, что кладка с использованием этого приема была заметна на фасадах храма до их покрытия штукатуркой.

Растворы. Отдельно стоит сказать несколько слов о растворах и штукатурке собора, которые также имели большое значение для декорации фасадов. Исследованием состава новгородских строительных растворов занимались Е. Ю. Медникова, П. А. Раппопорт и А. А. Липатов. Однако образцы из Георгиевского собора, на которых проводился анализ, в основном не имели привязки к конкретным архитектурным конструкциям памятника. Особенностью основного раствора является большое количество цемяночного наполнителя (до 55,6 % от общего состава раствора) (*Медникова и др.*, 1983. С. 154; *Липатов*, 2006. С. 346–347), где зерна цемянки достигают 2,5–3 см[1]. Такой раствор имел насыщенный ярко-красный цвет и вместе с блоками белого и кремового известняка, а также настенной фресковой росписью, выявленной на некоторых участках стен (*Каргер*, 1946), создавал достаточно яркую полихромию фасадов. Растворные швы, как и отмечали многие исследователи, имеют в некоторых местах достаточно большую толщину — до 6–9 см[2].

Помимо основного раствора фиксируется известково-цемяночная обмазка ниш, которая отличается меньшим содержанием наполнителя, а сами зерна цемянки в ней намного меньше (до 0,5 см). Она прослежена на северном портале и на внутренней арочной перемычке двухуступчатой ниши северного прясла западной стены. Здесь же, на штукатурке ниши, отмечены граффити в виде крестов. Назначение этих граффити недостаточно понятно. Возможно, они представляли собой засечки для нанесения верхнего слоя обмазки под фреску с имитацией кладки со скрытым рядом.

Такие участки штукатурки с цемянкой приводят нас к мысли о том, что собор был оштукатурен сразу после его возведения. Остается вопрос: полностью ли все конструкции собора были ей закрыты? Вполне вероятно, что первоначально штукатуркой с цемянкой были покрыты ответственные части фасадов: порталы и ниши.

Представление о том, что новгородские памятники, в отличие от киевских, полностью покрывались штукатуркой, подвергается сомнению некоторыми современными исследователями (*Новоселов*, 2014. С. 48). Учитывая количество орнамента, прослеженное в совсем небольших раскрытых участках кладки, можно полагать, что собор был оштукатурен или не полностью, или позднее времени его возведения (но еще в домонгольское время). Интересно здесь замечание А. И. Комеча, который предполагал, что зодчие собора, осознав противоречие между полосатостью его кладки и структурным ритмом здания, сразу же после постройки покрыли его штукатуркой и росписями (*Комеч*, 2007. С. 408).

---

[1] Промеры НААО ИА РАН, 2021.

[2] Промеры НААО ИА РАН, 2021.

Первое упоминание в источниках о покрытии штукатуркой стен храма в Новгороде относится к 1151 г., когда архиепископ Нифонт Святую Софию «…извистию омаза всю около» (ПСРЛ, 6659). Попробуем предположить, что до этого храмы могли штукатуриться не полностью (что мы и видим в обрамлении северного портала собора), оставляя возможность зрителю наблюдать кладочные декорации фасадов.

Таким образом, мы видим, что Георгиевский собор по технологическим особенностям кладки достаточно близок к южнорусским прообразам. Стереотип об упрощенности новгородской архитектуры по сравнению с другими центрами Древней Руси должен быть пересмотрен в области техники кладки, где встречаются довольно сложные приемы, а само упрощение, вероятно, связано с иным типом местного камня, гораздо более трудного для обработки и оттого внешне более «грубого» и неправильного. В сравнительном исследовании техники кладок большую роль сыграет дальнейшее изучение таких хорошо сохранившихся до наших дней памятников, как Георгиевский собор Юрьева монастыря.

В настоящее время наше видение техники кладки Георгиевского собора является фрагментарным. Для более полного понимания ее особенностей и определения типичности или своеобразия требуется ее сравнение с техникой кладки предшествующих памятников Новгорода: с церковью Благовещения на Городище 1103 г., Николо-Дворищенским собором 1113 г. и собором Рождества Богородицы Антониева монастыря 1117–1119 гг. На сравнительном изучении кладок этих храмов и Георгиевского собора мы предполагаем сосредоточиться в дальнейшем.

Список литературы

Булкин Вал. А., Седых В. Н., Штендер Г. М. К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. / отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1985. С. 123–128.

Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2016. С. 190–208.

Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города: сб. ст. / ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1964. С. 183–264.

Ёлшин Д. Д. Новгородская плинфа XI–XIII вв.: возможности типологического изучения // Новгород и Новгородская земля. Вып. 27. Материалы научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского / отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2013. С. 208–213.

Ёлшин Д. Д. К изучению Новгородской плинфы // В камне и в бронзе. Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная Типография, 2017. С. 173–182. (Труды ИИМК РАН; т. XLVIII).

Ёлшин Д. Д. Плинфа церкви Благовещения на Городище XII в. (по материалам коллекций и раскопок 2016–2017 гг.) // АА. 2019. № 1. С. 82–89.

Жервэ А. В. Новгородская плинфа первой трети XII в. // Искусство Древней Руси и его исследователи / ред. В. А. Булкин. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. С. 67–87. (Вопросы отечественного и зарубежного искусства; вып. 6).

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Каргер М. К. Новгородское зодчество // История русского искусства: в 13 т. / под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. Н. Лазарева, В. С. Кеменова. М.: изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 16–71.

Комеч А. И. Архитектура второй половины XI — начала XII века // История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX — первая четверть XII века. М.: Северный паломник, 2007. С. 362–415.

Липатов А. А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты: дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2006.

Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. Древнерусские строительные растворы // СА. 1983. № 2. С. 151–161.

Новоселов Н. В. От Благовещения до Благовещения. Строительное производство Новгородской земли в период сложения местной архитектурной школы. СПб.: изд-во СПбГУ, 2002. 196 с.

Новоселов Н. В. Тезис — антитезис — синтез (к вопросу о сложении новгородской архитектурной школы) // Новгородский исторический сборник. [Вып.] 14 (24). Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. С. 37–117.

Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л.: Наука, 1982. С. 189–202.

Седов Вл. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря

в Великом Новгороде в 2014 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 46926. 249 л.

Седов Вл. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря и собора Пантелеймоновского монастыря в Великом Новгороде в 2015 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 48427. 105 л.

Седов Вл. В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. 1 (78). С. 175–185.

Седов Вл. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 52565. 64 л.

Седов Вл. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 52566. 208 л.

Седов Вл. В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 142–158.

Седов Вл. В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // АА. 2019. № 1. С. 10–34.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Георгиевский собор [часть энциклопедической статьи] // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / сост. и науч. ред. М. И. Мильчик. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас»: Лики России, 2014. С. 296.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Раскопки Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2014 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Материалы XXIX научной конференции, посвящённой 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 27–29 января 2015 г. / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 98–122.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Пантелеймоновом монастыре в 2015 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 26–28 января 2016 г. / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 58–73.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Кадейшвили Е. А. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря (по результатам археологических работ 2014 г.) // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 8 / отв. ред. А. Б. Бодэ. М.; СПб.: Коло, 2016. Вып. 8. С. 11–17.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Кадейшвили Е. А. Первоначальный пол Георгиевского собора Юрьева монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 9 / отв. ред. А. Б. Бодэ. СПб.: Коло, 2017. С. 11–20.

Чернов А. В. О строительных материалах Георгиевского собора Новгородского Юрьева монастыря // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 26–28 января 2016 г. / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 154–158.

Штендер Г. М. «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв. / отв. ред. О. И. Подобедова. М.: Наука, 1980. С. 77–92.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1988. 240 с.

References

Bulkin Val. A., Sedykh V. N., Shtender G. M. K ranney istorii Khutynskogo i Yur'eva monastyrey // Novoe v arkheologii Severo-Zapada SSSR / ed. V. M. Masson. Leningrad: Nauka, 1985. P. 123–128.

Chernov A. V. O stroitel'nykh materialakh Georgievskogo sobora Novgorodskogo Yur'eva monastyrya // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika, Velikiy Novgorod, 26–28 yanvarya 2016 g. / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2016. P. 154–158.

Gippius A. A., Sedov Vl. V. Nakhodki v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya: novye freski i novye nadpisi // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy Akademii nauk. 2015 / ed. V. A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2016. P. 190–208.

Gladenko T. V., Krasnorech'ev L. E., Shtender G. M., Shulyak L. M. Arkhitektura Novgoroda v svete poslednikh issledovaniy // Novgorod. K 1100-letiyu goroda: sbornik statey / ed. M. N. Tikhomirov. Moscow: Nauka, 1964. P. 183–264.

Jolshin D. D. Novgorodskaya plinfa XI–XIII vv.: vozmozhnosti tipologicheskogo izucheniya // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 27. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M. Kh. Aleshkovskogo / ed. V. L. Yanin. Velikiy Novgorod, 2013. P. 208–213.

Jolshin D. D. K izucheniyu Novgorodskoy plinfy // V kamne i v bronze: sbornik statey v chest' Anny Peskovoy. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk, Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2017. P. 173–182. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk; XLVIII).

Jolshin D. D. Plinfa tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche XII v. (po materialam kollektsiy i raskopok 2016–2017 gg.) // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 82–89.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Karger M. K. Novgorodskoe zodchestvo // Istoriya russkogo iskusstva: v 13 t. / eds. I. E. Grabar', V. N. Lazarev, V. S. Kemenov. 2. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. P. 16–71.

Komech A. I. Arkhitektura vtoroy poloviny XI — nachala XII veka // Istoriya russkogo iskusstva. 1. Iskusstvo Kievskoy Rusi. IX — pervaya chetvert' XII veka. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. P. 362–415.

Lipatov A. A. Vizantiyskie traditsii v stroitel'nom proizvodstve Drevney Rusi: stroitel'nye rastvory, steny, fundamenty: dis. … kand. ist. nauk: 07.00.06. St. Petersburg, 2006. 546 p.

Mednikova E. Yu., Rappoport P. A., Selivanova N. B. Drevnerusskie stroitel'nye rastvory // Sovetskaya arkheologiya. 1983. 2. P. 151–161.

Novoselov N. V. Ot Blagoveshcheniya do Blagoveshcheniya. Stroitel'noe proizvodstvo Novgorodskoy zemli v period slozheniya mestnoy arkhitekturnoy shkoly. St. Petersburg: izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. 196 p.

Novoselov N. V. Tezis — antitezis — sintez (k voprosu o slozhenii novgorodskoy arkhitekturnoy shkoly) // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. 14 (24). Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2014. P. 37–117.

Rappoport P. A. Arkheologicheskie issledovaniya pamyatnikov drevnego novgorodskogo zodchestva // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. 1 (11). Leningrad: Nauka, 1982. P. 189–202.

Sedov Vl. V. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2014 godu // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 46926. 249 l.

Sedov Vl. V. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya i sobora Panteleymonovskogo monastyrya v Velikom Novgorode v 2015 godu // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 48427. 105 s.

Sedov Vl. V. Arkheologicheskie nakhodki 2014 goda v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya // Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2015. 1 (78). P. 175–185.

Sedov Vl. V. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2016 godu // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 52565. 64 s.

Sedov Vl. V. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2016 godu // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 52566. 208 s.

Sedov Vl. V. Knyazheskie sarkofagi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. 2. P. 142–158.

Sedov Vl. V. Osnovnye rezul'taty raskopok tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v 2016–2017 gg.: arkheologiya i arkhitektura // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 10–34.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Georgievskiy sobor // Arkhitekturnoe nasledie Velikogo Novgoroda i Novgorodskoy oblasti / ed. M. I. Mil'chik. St. Petersburg: Fond sodeystviya restavratsii pamyatnikov istorii i kul'tury «Spas»: Liki Rossii, 2014. P. 296.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Raskopki Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2014 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 29. Materialy XXIX nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika, Velikiy Novgorod, 27–29 yanvarya 2015 g. / ed. V. L. Yanin. St. Petersburg: Pervyy IPKH, 2015. P. 98–122.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya i v Panteleymonovom monastyre v 2015 godu // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika, Velikiy Novgorod, 26–28 yanvarya 2016 g. / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2016. P. 58–73.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V., Kadeyshvili E. A. Freski XII v. na stenakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya (po rezul'tatam arkheologicheskikh rabot 2014 g.) // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury. 8 / ed. A. B. Bode. Moscow; St. Petersburg: Kolo, 2016. P. 11–17.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V., Kadeyshvili E. A. Pervonachal'nyy pol Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury. 9 / ed. A. B. Bode. St. Petersburg: Kolo, 2017. P. 11–20.

Shtender G. M. «Deisus» Martir'evskoy paperti Sofiyskogo sobora v Novgorode // Drevnerusskoe iskusstvo. Monumental'naya zhivopis' XI–XVII vv. / ed. O. I. Podobedova. Moscow: Nauka, 1980. P. 77–92.

Yanin V. L. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. Moscow: Nauka, 1988. 240 p.

Zherve A. V. Novgorodskaya plinfa pervoy treti XII v. // Iskusstvo Drevney Rusi i ego issledovateli / ed. V. A. Bulkin. St. Petersburg: izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. P. 67–87. (Voprosy otechestvennogo i zarubezhnogo iskusstva; 6).

Illustrations

Colour plate XIX. St. George's cathedral of Yuriev monastery. An example of the decoration of the facade of the cathedral with mixed plinthiform at the level of the lower belt of niches. Composite analytical drawing: *1* — southern facade, eastern curtain wall. Novgorod Special Research and Restoration Production Workshop, 1979. Drawn by N. Kim; *2* — southern facade, eastern shoulder blade and southern apse. Detail. Novgorod Special Scientific and Restoration Production Workshop, 1980. Drawn by: N. Kim, L. Sh. (?) Yakovleva; *3* — northern wall, eastern niche. Novgorod Architectural and Archaeological Detachment, 2015. Drawn by V. Rudenko

Fig. 1. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Plinthiform brick proportions. Measurements of 2021. *1* — 4.5–5 × 23.5–24 × 37–40 cm (larger format); *2* — 4.5–6 × 21.5 × 35–36 cm (smaller format); *3* — 4.5–6 × 21.5 × 35–36 cm (tooth plinth). Hatching shows smaller size

Fig. 2. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Altar of the north apse. Drawn by Yu. S. Fomicheva. Novgorod Architectural and Archaeological Detachment, 2014. *1* — plinthiform brick; *2* — brick; *3* — opus signinum mortar; *4* — opus signinum filling of the floor; *5* — lime mortar; *6* — coating (inside and outside)

Fig. 3. St. George's cathedral of Yuriev monastery. North portal. Photo. Novgorod Architectural and Archaeological Detachment, 2021

Fig. 4. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Facade of the southern archet gable of the eastern facade of the cathedral. Drawn by E. N. Prorokova. Novgorod Architectural and Archaeological Detachment, 2016. *1* — plinthiform brick; *2* — flagstone; *3* — brick; *4* — opus signinum mortar; *5* — opus signinum coating; *6* — lime mortar; *7* — construction debris, crushed bricks; *8* — the boundary of the arch of the southern apse

Fig. 5. St. George's cathedral of Yuriev monastery. Northern nave. The western plane of the eastern lunette above the beds. Drawn by by E. O. Volkovitskaya. Novgorod Special Research and Restoration Production Workshop, 1980. Arch. No. 5183

Fig. 6. St. George's cathedral of Yuriev monastery. North wall of the central apse. Photo. Novgorod Architectural and Archaeological Detachment, 2021

E. G. Yanovskaya. Building materials and features of the brickwork technique in St. George's cathedral of Yuriev monastery

Abstract. The article presents the construction and technological features of St. George's cathedral of Yuriev monastery. It deals with the issue of the range of plinthiform bricks, as well as the use of its different formats in certain architectural structures. The main attention is paid to the brickwork systems: hidden row brickwork, opus mixtum brickwork and cloisonné brickwork. The brickwork systems were traced based on the results of field studies in 2021, as well as on the materials of studies and excavations of previous years.

Keywords: architectural archaeology, Veliky Novgorod, stone churches, brickwork system, plinthiform brick, dimensions, Yuriev monastery, St. George's cathedral.

Yanovskaya Ekaterina Gennadievna, laboratory assistant, Laboratory for Architectural Archaeology and Interdisciplinary Study of Architectural Monuments, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; 1st year master's student, Department of Archaeology, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, katherinyanovskaya@gmail.com.

Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря*

А. А. Гиппиус, С. М. Михеев

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.98-111

Аннотация. Публикуются пять надписей XII — первой половины XIII в. Среди них автограф дьяка новгородского женского монастыря св. Иоанна Предтечи, с древнейшим упоминанием особого названия этой обители — «Росткин монастырь»; надписи Созонта и Сергия с самоуничижительными эпитетами *лютыи*, *тативыи* и *кражии*; стихотворная похвала «кривому», но грамотному дьяку Путиле, в которой яркие диалектные особенности сочетаются с книжной синтаксической конструкцией; редкая в древнерусской храмовой эпиграфике доведенная до конца азбука-граффито. Первые четыре надписи публикуются с существенными поправками, пятая издается впервые.

Ключевые слова: Древняя Русь, XII–XIII вв., Новгород, Юрьев монастырь, Георгиевский собор, Росткин монастырь, эпиграфика, граффити, joca monachorum, стихосложение.

Алексей Алексеевич Гиппиус — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Российская Федерация, 105066; ведущий научный сотрудник, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; agippius@mail.ru.

Савва Михайлович Михеев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация, 119334; Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, mikheev@gmail.com.

Началo изучению эпиграфического комплекса Георгиевского собора Юрьева монастыря было положено Т. В. Рождественской, опубликовавшей около двух десятков надписей-граффити из лестничной башни собора[1]. В 2007 г. И. Ю. Анкудиновым и Е. В. Гордюшенковым была осуществлена сплошная фотофиксация граффити лестничной башни и описана их топография. В 2010 г. надписи были дополнительно отсняты авторами статьи для уточнения чтений. Для нескольких граффити Лабораторией RSSDA в 2018 г. были изготовлены трехмерные модели. На этой документальной базе в настоящее время ведется подготовительная работа над сводной публикацией надписей собора, которая должна включить также граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденные при археологических раскопках 2013–2015 гг. (см. предварительную публикацию избранных текстов: *Гиппиус, Седов*, 2015; 2016). В настоящей статье публикуются пять надписей, четыре — повторно, в уточненных прочтениях и с новым комментарием, одна — впервые.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»).

1 *Рождественская*, 1990; 1991. С. 76, 91–92; 1992. С. 48–72; 1994; 2002; 2003; 2007; 2008. С. 88–90; 2011.

В статье использован формуляр, разработанный для публикации эпиграфических памятников, со следующими условными обозначениями при передаче текстов: в квадратные скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи.

Все представленные ниже надписи выполнены по штукатурке XII в. в технике граффити, то есть процарапаны. Все они обследовались нами в 2010–2019 гг.

№ 1 (илл. 1)

Местоположение: Лестничная башня, столб, над 10-ой ступенью, 138 см над ступенью.

Издания: (без илл.) *Рождественская*, 1991. С. 92, № 49.

Сохранность: В левой части граффито утрачена поверхность штукатурки, где должны были находиться начальные буквы третьей и четвертой строк, а также верхняя часть начальных букв пятой строки надписи (приблизительно по две буквы в каждой из этих строк). Другое повреждение пришлось на следующие две (?) буквы четвертой строки. Имеются иные незначительные утраты.

Текст:

Федоръ ѱ҃
диѧкъ стго
Ивана Росто-
(ки)**на манаст**(ы)**р**[**ѧ**]
5 ---[**м**]**ь е**[**с**]**ть же**
-[**о**]**рка цьрницина**

Орфография: «Бытовая» (*ъ* → *о* 1/3)[1]. См. также комментарий.

Перевод: ‘Писал Федор, дьякон Росткина монастыря святого Иоанна … А есть …’

Датировка: Внестратиграф. [1120–1200][2]. Здесь и ниже для датировки используется методика А. А. Зализняка (2000; 2015).

Комментарий: В предварительной публикации Т. В. Рождественской были прочитаны только отдельные фрагменты данной надписи, включая слова *Федоръ*, *диѧкъ*, *манастырѧ* и *цьрницина*[3].

Граффито содержит ценную историческую информацию: перед нами самое раннее упоминание названия *Ростъкинъ*, которое носил новгородский женский монастырь святого Иоанна Предтечи на Росткиной улице. Первое летописное упоминание Иоанновского монастыря относится к 1179 г.: в старшем изводе Новгородской первой летописи под 6687 г. сообщается о смерти игуменьи св. Иоанна Елисавы и о поставлении новой — Фегнии[4]. Под 6898 (1390) г. впервые упоминается Росткина улица (в первой выборке Новгородской Карамзинской летописи), а под 6904 (1396) г. и далее под 6914 (1406) г. в Новгородской первой летописи наименование *Ростъкинъ* (в др. списке — *Ростькинъ*, с *ь*) употребляется по отношению к Иоанновскому монастырю[5].

Имя *Ростъка* теоретически может быть как женским, так и мужским, однако для мужских имен с суффиксом *-ъкъ-* женский морфологический род в раннедревнерусский период нехарактерен (см.: *Зализняк*, 2004. С. 209–210). Следует полагать, что монастырь был назван по мирскому имени ктиторессы (то есть основательницы или более поздней вкладчицы) и / или первой игуменьи, которую звали *Ростъка* (ср. киевский

---

[1] «Бытовая» орфография — смешение *ъ* с *о* и *ь* с *е*.

[2] Датирующие признаки: *ж* Ia1 «прямая звезда» <1200 (<1120); язык: редуцированные двояко <1300 (1120–1300) (1 : 1).

[3] Чтение Т. В. Рождественской: [*фе*]*доръ* | *д*[*і*]*акъ* [*п*]*о**н--анарь--сто*|--- *мана*[*с*]*т--р* | ----- *бжѣе* | [*р*]*ука цьрницина* ‘Федор, дьяк, пономарь (?) святого… монастыря… боже… рука черницына’.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 36.

[5] Под 6898 г. говорится об окончании строительства церкви свв. Константина и Елены «на Росткинѣ улицѣ» (ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись / Ред. Я. С. Лурье. СПб.: Д. Буланин, 2002. С. 92), под 6904 г. — о пожаре деревянной церкви св. Иоанна «въ Ростькинѣ (*вар.* Ростъкинѣ) манастырѣ», а под 6914 г. — о завершении строительства каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи «въ Ростькинѣ (*вар.* Ростъкинѣ) монастыри» (Новгородская первая летопись… С. 388, 399.). Ср. также: *Анкудинов*, 2007. С. 12; *Секретарь*, 2009 о Росткином монастыре.

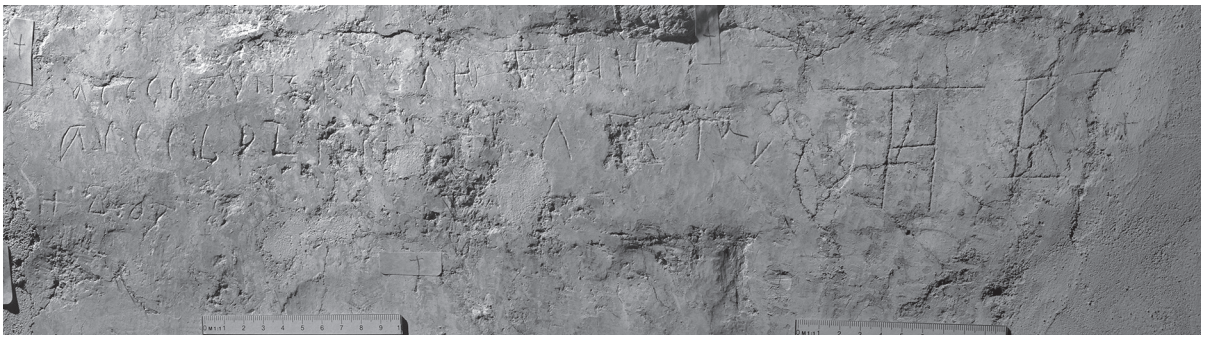
• **Илл. 1. Надпись № 1. Фотография авторов, 2010 г.**

Янчин монастырь св. Андрея, основанный Янкой, дочерью Всеволода Ярославича); название же улицы, будучи формально деантропонимным, произведено от названия монастыря, подобно названию Павловой улицы на Торговой стороне, названной по примыкавшему к ней Павлову монастырю (см. об этой модели в названиях новгородских улиц: *Васильев*, 2005. С. 360).

Согласно В. Л. Васильеву (2005. С. 346–347; 2012. С. 271–272), имя *Ростъка* может либо быть усеченной формой композита типа *Ростислава*, либо представлять собой самостоятельное имя, образованное от апеллятива (исследователь указывает на новгородские диалектные лексемы *рост* и *ростá* 'росток' и смоленское *росткá* 'веточка, отросток'). Имя *Ростислава* известно в качестве княжеского, парного к распространенному мужскому княжескому имени. Его, в частности, носила дочь Мстислава Мстиславича Удатного[1]. В принципе, нельзя исключать, что Ростка, имя которой дало название Росткиному монастырю, тоже происходила из рода Рюриковичей[2]. Однако необходимость в таком предположении отсут-

[1] Ср.: *Литвина, Успенский*, 2006. С. 242. То же имя, согласно В. Н. Татищеву (1774. С. 124), носила дочь Андрея Юрьевича Боголюбского, отданная им за Святослава Владимировича Вщижского. Это татищевское известие некритически принимают, в частности, Р. В. Зотов (1893. С. 266) и, вслед за ним, Н. А. фон Баумгартен (*Baumgarten*, 1928. P. 18 (tabl. IV), 27 (tabl. VI)). Благодарим Д. Домбровского за консультацию по этому вопросу.

[2] Датировка юрьевской надписи свидетельствует против отождествления Ростки с Ростиславой Мстиславной, которая гипотетически могла постричься в этот монастырь после разрыва брака с Ярославом Всеволодичем, случившегося во время войны Ярослава с новгородцами в 1215–1216 гг. Впрочем, предположение о нетождественности этой жены Ярослава с Феодосией–Евфросинией, матерью всех Ярославичей, поддерживается не всеми исследователями (подробнее см.: *Домбровский*, 2015. С. 580–586).



• **Илл. 2. Надпись № 2. Склейка из двух фотографий Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.**

ствует: имена с корнем *рост-* встречаются в берестяных грамотах XII в. (*Ростихъ* 160, *Ростила* Торж. 8), делая более вероятной принадлежность Ростки к одному из боярских родов Новгорода.

Можно даже предположить, что это был за род. Обратим внимание на имя умершей в 1179 г. игуменьи — Елисава. Для монахини монастыря, посвященного Рождеству Иоанна Предтечи, оно кажется неслучайным, неизбежно вызывая в памяти имена родителей евангельского пророка — Захарии и Елизаветы. Иоанновский монастырь находился в южной части Неревского конца. К неревскому боярству безусловно принадлежали посадник Захария (1160–1167) и его сын Иванко Захарьинич (1171–1175) (*Янин*, 1991. С. 11–12; *Янин, Зализняк*, 1993. С. 13, 182–183). Назвав сына Иваном, Захария очевидным образом опирался на евангельский образец. Судьбе было угодно развить эту параллель: подобно своему святому покровителю, убитому «между жертвенником и святилищем» (Мф. 23: 25) во время служения в Иерусалимском храме, Захария был убит в 1167 г., исполняя должность посадника. Не был ли Иоанновский монастырь основан его вдовой, принявшей постриг под именем Елисава и ставшей первой игуменьей обители? Параллель к реконструируемой ситуации представляет основание в 1237 г. вдовой убитого в 1230 г. Семена Борисовича монастыря при церкви св. Павла, построенной ее мужем в 1224 г. (ср. сказанное выше о сходстве названий Росткиной и Павловой улиц)[1].

Содержание двух последних строк надписи, из-за повреждения их левых частей, может быть лишь предметом реконструкции. Частица *же*, читаемая в конце пятой строки, могла стоять только на второй позиции во фразе, следовательно, предшествующий ей глагол *е*[*с*]*ть* начинает новое предложение, а на -[*м*]*ь* заканчивалось последнее слово первой фразы. Это могло быть, например, наречие (*прѧ*)*мь*, употребленное в значении ‘прямым названием, попросту’[2]. Перевод фразы будет в этом случае следующим: ‘Писал Федор, дьякон [монастыря] святого Ивана, попросту — Росткина монастыря’.

От буквы перед *р* в шестой строке сохранился низ, который может принадлежать *о* или *ѳ*.

[1] Подробнее см.: *Гиппиус*, 2020б.

[2] Это значение выступает, на наш взгляд, в следующем контексте из «Вопрошания Кирика», вызывающем затруднения у лексикографов: «*А зерно горющное прѧмь рече синапръ*» (вар. *синапъ*, *синапь*) ‘А «зерно горющное» — это попросту синапь’ (Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права / [Ред. А. С. Павлов]. Изд. 2-е. Ч. 1: (Памятники XI–XV в.). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Стб. 30). Евангельское выражение Нифонт толкует, используя грецизм *синапь* (σινάπις), по-видимому, достаточно освоенный в древнерусском (ср. болг. *синап* ‘горчица’). Ср. толкование слова *прямь* в этом контексте в исторических словарях: «подлинно (?)» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л–П. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Стб. 1719); без интерпретации (Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Г. А. Богатова. Вып. 21: (Прочный — Раскидати). М.: Наука, 1995. С. 31); «в действительности, на самом деле» (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. В. Б. Крысько. Т. IX: (провадити — ражьзиганъ). М.: ИРЯ РАН, 2012. С. 293).

При выборе первой возможности можно прочесть [*Го*]*рка цернцина* (ср. Лисицкий монастырь Рождества Богородицы, находившийся на Лисичьей горке). Но никакой «горки» или сколько-нибудь выраженного возвышения рельеф Новгорода в местности, где находился Росткин монастырь, не содержит. Читая проблемную букву как *ѕ* и допуская, вслед за Т. В. Рождественской, пропуск гласного в слове *рука*, можно восстановить фразу *Е*[*с*]*ть же* | [*т*ѕ] *р<у>ка цьрницина* — сообщение о нахождении в монастыре соответствующей реликвии[1]. Можно прочесть и *р<а>ка цьрницина* — в этом случае речь будет идти о гробе основательницы монастыря. Не станем обсуждать плюсы и минусы этих и других возможных версий — все они носят сугубо гадательный характер. Приходится признать, что нетривиальная информация, которую заключало в себе окончание граффито, для нас безвозвратно утрачена.

№ 2 (илл. 2)

Местоположение: Лестничная башня, стена, над 24-ой ступенью, 121 см над ступенью.

Издания: (без илл.) *Рождественская*, 1990. С. 54; (без илл.) *Рождественская*, 1991. С. 76, № 9; (прорись левой части надписи) *Рождественская*, 1992. С. 52–53, № 3; (без илл.) *Рождественская*, 2002. С. 55–56; (прорись 1-ой строки и левой части 2-ой строки) *Рождественская*, 2003.

Литература: *Рождественская*, 2008. С. 89–90; *Михеев*, 2012. С. 86 (прим. 10); 2014. С. 53–54.

Сохранность: Поверхность штукатурки с правым краем надписи утрачена.

Текст:

а се Созонте ѱ҃лъ лютъıи
а се Сьрь[г]и[ı ѱ҃]лъ [т]атив…

Оформление: Лигатуры: *те* (1-ая строка), *ти* (2-ая строка). Треугольные засечки (?): [*т*] (2-ая строка).

Орфография: В 1-ой строке надписи соблюдена стандартная орфография. Об орфографии 2-ой строки см. комментарий.

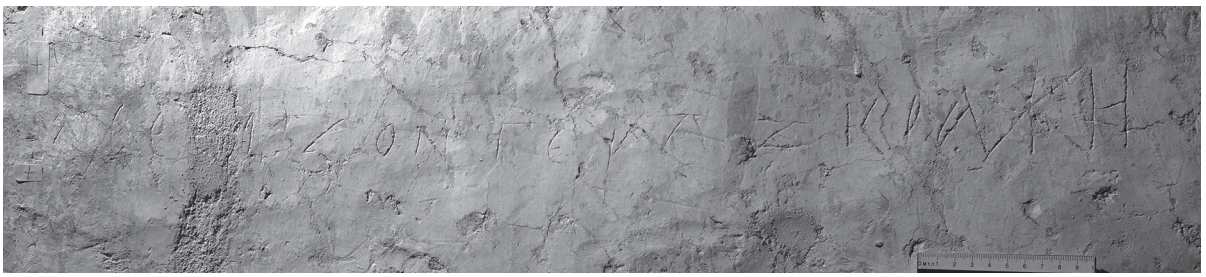
Перевод: ‘А это писал Созонт лютый. А это писал Сергий-грабитель’.

Датировка: Совокупная внестратиграфическая датировка вместе с граффито № 3, выполненным тем же почерком, что и вторая строка рассматриваемой надписи: [1160–1200][2].

Комментарий: Т. В. Рождественская прочла в данной надписи следующий текст: *а се Созоне ѱлъ лютыи* | *а се Сьрь*[*г*]*и*[*и*] …, отметив, что первая и вторая строки, по-видимому, выполнены одним почерком (ср.: *Рождественская*, 2003. С. 339). Руке Созонта, выполнившего первую строку данной надписи, принадлежит также соседняя надпись *а се Созонте ѱлъ к*[*р*]*ажи* (№ 3). Единство почерка всего этого комплекса как будто бы подтверждается использованием лигатур *те* и *ти* в разных строках надписи № 2 (в словах *Созонте* и [*т*]*атив*…), а также эффектом «телескопического» нарастания величины букв, выражающим, по всей видимости, фразовый акцент на колоритных определениях [*т*]*атив*… (в конце второй строки надписи № 2) — вероятно, *тативыи* ‘склонный к воровству, разбою’ — и *кражи* (в надписи № 3). Однако предположение о единстве почерка вступает в слишком резкое противоречие с формуляром надписей, предполагающим, что мы имеем дело с автографами двух лиц. О том, что писали двое, говорит и такая деталь, как отсутствие засечек у *е* и *с* в строке с именем Сергия (в обеих записях с именем Созонта они есть). Полагаем поэтому, что надписи сделаны хотя и близкими, но разными почерками, а одинаковый эффект разрастания букв объясняется ориентацией писавших друг на друга (см. комментарий к надписи № 3).

[1] Обороты «есть же ту» и «ту же есть» постоянно встречаются в древнерусских хожениях, вводя упоминания святых мест и реликвий. Так, в Хожении игумена Даниила находим: «есть же ту поуть мимо Вифлеомъ»; «есть же тоу у мор*а* камень великъ…»; «и тоу же есть гробъ е*г*(о) въ олтарѣ» и др., в Хожении Антония: «ту же е*с*(ть) во олтарѣ телѣга сребряна Ко*н*стянтина и Елены…», «и ту же е*с*(ть) труба мѣдная ерихоньскаго взятия Ис(ус)а Навгина» и т. д. (примеры из древнерусского подкорпуса НКРЯ).

[2] Графика: *ь* → *ъ* <1180 (<1140) (?); *а* IIб «выпуклые (плосковерхие)» 1100> (<1420), *ж* Ia1 «прямая звезда» <1200 (<1120), *з* 4 «хвост мало выступает из строки» 1100> (1100–1340), *л* 1 «покрытие» <1360 (<1280), *т* 2 «без боковых засечек» (1120–1300), *ы* Iв «низкая перемычка» 1160> (1320>).



• **Илл. 3. Надпись № 3. Склейка из двух фотографий Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.**

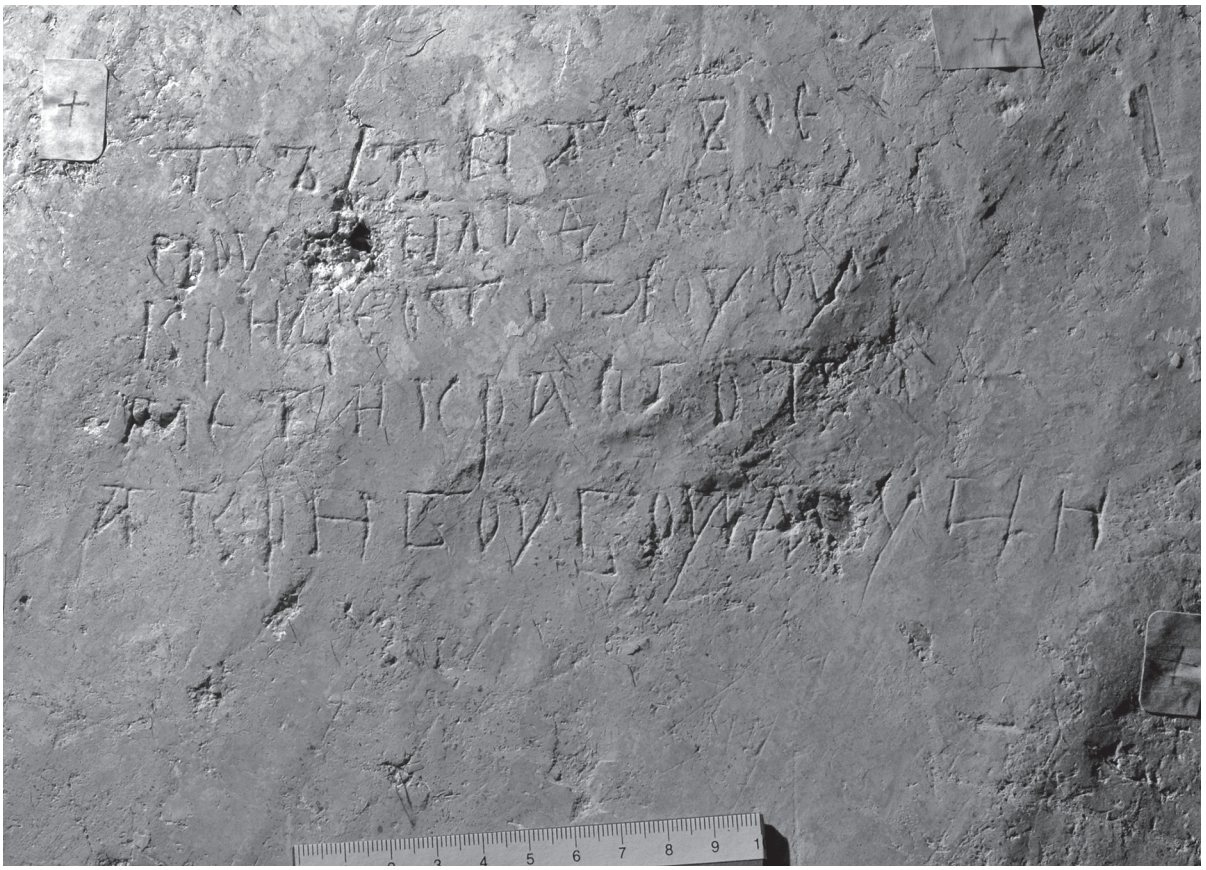
Под второй строкой надписи приписаны три или четыре глаголических буквы, не складывающиеся в слова (см.: *Михеев*, 2012. С. 85–86, № 22): вероятно, Созонт или Сергий упражнялись в написании букв древнейшей славянской азбуки.

Оба знака для редуцированных в имени *Сьрь*[*г*]*и*[*і*] опознаются не вполне уверенно: и там и там это может быть не *ь*, а *ъ*. Первый знак имеет сверху очень слабо прочерченный отворот влево, а у второго имеется четкий и глубокий отворот, который несколько отличается от остальных штрихов надписи своими очертаниями — возможно, это случайная царапина. Указанные сложности затрудняют интерпретацию орфографии записи Сергия. Эта запись контрастирует с показаниями книжных памятников XI–XII вв., в которых основа имени регулярно записывается как *Сер*(ꙋ)*ги-* (Остромирово евангелие: *Сер*ꙋ*гꙗ* 228b$_2$, Архангельское евангелие 1092 г.: *Сергиа* 133v$_9$, Минея 1096 г.: *Сергіа*, *Сергиє*, *Сергиіа* 12v$_8$, 12v$_{11}$, 12v$_{16}$ и др., Мстиславово евангелие: *Сер*ꙋ*гиа* 171a25)[1].

Паерки в Остромировом и Мстиславовом евангелиях показывают, что в восточнославянском книжном произношении имя, содержавшее невозможное до падения редуцированных сочетание типа *tert*, было адаптировано путем вставки неорганического *ь*: *Серьгии*. При этом *ъ* между *р* и *г* был бы в этом слове фонетически неуместен: после слога с передним гласным и перед мягким [г’] в это время возможен только *ь*. Написание *Сьр-* вместо *Сер-* в юрьевской надписи можно было бы объяснить «бытовой» орфографией — в данном случае заменой *е* → *ь*. Нельзя в то же время исключать, что за возможным *Сьрьгии* стоит произношение [s’ьr’ьg’ьjь] и что мы имеем дело с субституцией группы *tert* в заимствованном имени новгородским рефлексом сочетания редуцированного с плавным. Такая субституция представлена в ряде некнижных заимствований, в частности, в названии тюленя *въръвонъ* (из др.-швед. *narhval*), встретившемся в берестяной грамоте № 1116 первой половины XII в. (см.: *Гиппиус*, 2020а. С. 26–27, там же о других примерах). Итак, возможная запись *Сь̲рь̲*[*г*]*и*[*і*] может быть трактована либо как <Сьрьгии>, либо как <Серьгии> с «бытовой» заменой *е* → *ь*; запись *Съ̲ръ̲*[*г*]*и*[*і*] была бы явно одноеровой (то есть использующей графическую замену *ь* → *ъ*) записью формы <Сьрьгии>; а записи *Сь̲ръ̲*[*г*]*и*[*і*] и *Съ̲рь̲*[*г*]*и*[*і*] следовало бы трактовать как <Сьрьгии> с непоследовательной одноеровой графикой[2].

[1] См.: Остромирово Евангелие 1056–57 года. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Востоков. СПб.: В тип. Имп. Акад. Наук, 1843; Архангельское Евангелие 1092 года. М.: Румянцевский музей, 1912; Архангельское евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова; отв. ред. Т. Л. Миронова. М.: Скрипторий, 1997. С. 308; Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. (Памятники древнерусского языка. Т. I.) С. 43. Фотокопия Мстиславова евангелия представлена на сайте ГИМ (URL: blog.mediashm.ru/?p=4262). Добавим, что в издании Мстиславова евангелия паерок отсутствует (Апракос Мстислава Великого / Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. Под ред. Л. П. Жуковской. М.: Наука, 1983. С. 229).

[2] Сочетание одноеровой и «бытовой» графико-орфографических систем в одном и том же тексте представлено только в берестяной грамоте № 866, датируемой второй четвертью XII в. и, согласно А. А. Зализняку (2004. С. 28), отражающей переходную фазу от одного принципа к другому.



• **Илл. 4. Надпись № 4. Фотография Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.**

№ 3 (илл. 3)

Местоположение: Лестничная башня, столб, над 24-ой ступенью, 146 см над ступенью.

Издания: (прорись левой части надписи) *Рождественская*, 1992. С. 53–54, № 4; (прорись левой части надписи) *Рождественская*, 2003. С. 339, 344.

Текст:

а се Созонте ѱглъ к[р]ажи

Датировка: См. № 2.

Перевод: ‘А это писал Созонт-ворюга’.

Комментарий: В отличие от частично выполненной тем же почерком соседней надписи № 2, здесь имя *Созонте* написано без лигатуры.

Чрезвычайный интерес представляет слово *кражи*. Вне контекста его можно было бы трактовать только как И. мн. от *кража*, реконструируя недописанное сочетание типа *кражи творѧ*. Однако окончание *-и* в этой позиции для новгородских текстов раннедревнерусского периода совершенно не характерно. Между тем соседство с автографами Созонта и Сергия в надписи № 2 заставляет видеть в *кражи* форму И. ед. муж. прилагательного, параллельную формам *лютыи* и *тативыи*. Такая возможность действительно имеется. Перед нами, по-видимому, записанная со стяжением **ьjь* в *и* форма *кражии* — компаратив на **jьs* от прилагательного *крадъкыи* ‘склонный к воровству’ (ср. *падкий*, *вязкий*). Последнее, хотя и не зафиксировано историческими и диалектными словарями, несомненно, существовало в языке, отразившись в образованном от него наречии *крадко* ‘скрытно, тайно’. Замечательно, что наряду с последним, но намного чаще фиксируется вариант *крадче*, *крадчи*, представляющий собой исторически форму сравнительной степени[1]. В соседстве с *тативыи* компаратив *кражи* следует, по-видимому, понимать буквально, как ‘в высшей степени склонный

[1] Словарь русских народных говоров. Вып. 15: Кортусы — Куделюшки. Л.: Наука, 1979. С. 160–161.

к воровству' или попросту 'ворюга'.

Надписи Созонта и Сергия с тремя самоуничижительными эпитетами входят в один ряд с еще одной надписью из лестничной башни Георгиевского собора: *Фока ѱал*[*ъ*] *грѣшены тать погребьныи* (*Рождественская*, 2011. С. 259–260). Ср. также молитвенную надпись-граффито, оканчивающуюся словами *Григориѧ татѧ*, в Софии Киевской (*Высоцкий*, 1976. С. 106. табл. CXVI: 2, CXVII: 2, № 226). Элемент гиперболы, который, возможно, несут в себе и эти одиночные надписи, в рассматриваемом комплексе выступает на первый план, приобретая ярко выраженный игровой характер. Перед нами своего рода состязание в самобичевании. Ход этого состязания можно попытаться восстановить. Его открывает первая надпись Созонта, в которой он выступает как «лютый». Размер букв в этом слове хоть и незначительно, но превосходит высоту письма в начале надписи. Подхватывая поданный пример, Сергий называет себя «тативым». Можно думать, что под «татьбой» имеется в виду разбой, сопряженный с насилием, что корреспондирует с «лютостью» Созонта. При этом в автографе Сергия эффект «телескопа», лишь намеченный Созонтом, выступает уже во всю мощь. Увидев, как лихо Сергий продолжил его начинание, и не желая оставаться в долгу, Созонт делает вторую надпись. Отталкиваясь от определения *тативыи*, которое может быть истолковано и как 'вороватый', он использует синоним этого прилагательного, причем в сравнительной степени, интенсифицируя таким образом это значение, что подчеркнуто и графической эмфазой — на этот раз того же масштаба, что и в надписи Сергия. В своем стремлении перещеголять друг друга авторы надписей используют как лексические средства, подбирая самые хлесткие определения, так и зрительные эффекты оформления текста. Возможно, частью их состязания была и начатая под автографом Сергия глаголическая надпись. Комплекс в целом представляет собой замечательный образец культуры «монашеских игр», joca monachorum, оставившей и другие следы в древнерусской эпиграфике.

№ 4 (илл. 4)

Местоположение: Лестничная башня, столб, над 35-ой ступенью, 140 см над ступенью.

Издания: (фото) *Рождественская*, 2007.

Текст:

тъ ти тиво е
Поу(т)**ила д**[**ьѧке**]
крице о томоу оу=
мети крамот[**ж**]
а кривоу боуд(о)**уци**

Орфография: Стандартная, с одним отклонением (*тъ* <*то*>); *ѣ* → *е* (1×).

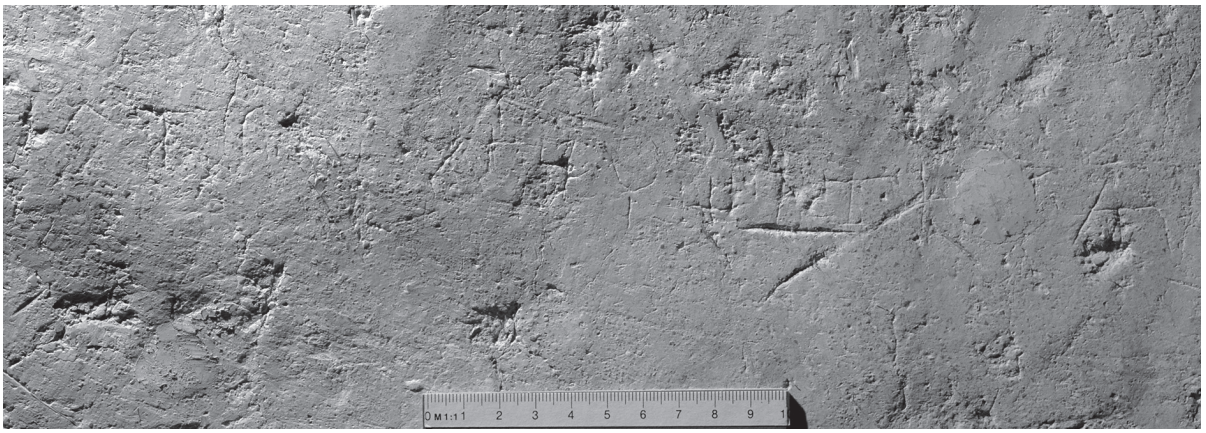
Датировка: Палеограф. до [1320], предпочт. до [1220][1] .

Перевод: 'Вот ведь диво — кривой дьяк Путила! О, он знает грамоту, при том что крив!'

Комментарий: Чтение *тиво* в первой строке принято в корректурном примечании к статье Т. В. Рождественской, с предположением, что *т* в этом слове переправлено на *д*. Изучение надписи не обнаруживает, однако, достоверных следов правки. В третьей строке по фотографиям и трехмерной модели надежно читается *крице* (у Т. В. Рождественской — *криве*). Это слово мы трактуем как записанную с пропуском слога форму И. ед. *кри*<*вь*>*це*, соответствующую наддиалектному *кривьць*[2]. Диалектное окончание *-е* закономерно для слова с основой на свистящий, возникший по третьей палатализации, исторически принадлежащего к твердому варианту *о*-склонения (см.: *Зализняк*, 2004. С. 103–104; в последнее время круг ранних примеров с окончанием *-е* у слов этой группы пополнился важным примером *жъръце* в граффито XI в. из Софии Новгородской (*Gippius*, 2018. P. 186 (f.n. 8))). Менее вероятно, что конечный *е* в этом слове объясняется «бытовой» заменой *ь* → *е*: за исключением начального *тъ* <*то*>, орфография надписи является стандартной (*тиво* <*диво*>, *дьѧке*, *томоу*, *крамотж*). На конце четвертой строки предположительно читается буква *ж*, при том что в остальных пяти случаях /у/ обозначается как *оу*. Такое употребление может объясняться знакомством автора надписи с книжной практикой использования *ж* как «узкой» графе-

[1] *Б* 2 «открытая петля» <1380 (<1240), *в* 3б «верх шире низа» <1320 (<1220), *к* II «IC-образные», *к* 3а «верх. засечка на мачте (длинная)» <1320 (<1300); графика: *ж* <1240 (?).

[2] Другая возможность состоит в том, что необозначенным остался неслоговой [u̯] в [kr'iu̯c'e], возникший после падения редуцированного (← [kr'iw'ьc'e]).



• **Илл. 5. Правая часть надписи № 5. Фотография Е. В. Гордюшенкова и И. Ю. Анкудинова, 2007 г.**

мы на конце строки (см. о ней: *Мольков*, 2020. С. 344–361).

С указанной конъектурой, в стандартной орфографии, но с сохранением диалектной окраски, текст надписи будет иметь вид: <То ти диво е — Путила дьяке кривьце. О тому умѣти крамоту, а криву будуци!>. Текст можно понять как посвященный «кривому» грамотею Путиле кем-то из монастырской братии или как «автоэпиграмму» самого Путилы. К первой трактовке склоняет присутствие на столбе лестничной башни автографа Путилы: *Пѹтила ѱѣ*, с лигатурой ѱѣ. Он находится над 48-ой ступенью и, по всей видимости, выполнен иной рукой (*Рождественская*, 1992. С. 62–63, № 7; 2007. С. 785–786, № 2). Впрочем, имя *Путила* не принадлежит к числу редких, и надписи вполне могут быть связаны с разными лицами.

Ярчайшая фонетическая особенность надписи — непозиционная замена звонких согласных глухими: *тиво* вместо *диво* и *крамотѫ* вместо *грамотѫ*. Т. В. Рождественская (*Рождественская*, 2007. С. 784), рассматривая только второй случай, приводит параллели: *крамотикию* в Житии Феодора Студита (Выголексинский сборник XII в. галицко-волынского происхождения (л. 39)[1] и *краматикъ* в болгарской надписи XIII в. из-под Варны (*Popkonstantinov, Kronsteiner*, 1997. S. 89–92). Однако присутствие в тексте сразу двух однородных примеров показывает, что мы имеем дело с фонетическим явлением. Действительно, в берестяных грамотах и некоторых других текстах северо-западной локализации представлена окказиональная непозиционная мена глухих и звонких согласных, заключающаяся преимущественно в замене звонких глухими (см.: *Колесов*, 1963; *Бобрик*, 2014. С. 197–198). Природа этой мены не до конца ясна (она может отражать влияние прибалтийско-финского субстрата и / или быть связанной с противопоставлением согласных по признаку напряженности / ненапряженности, а не глухости / звонкости). Примечательно, однако, что в тексте надписи данное явление обнаруживается в тех случаях, где этимологически «неправильное» звукосочетание находит поддержку в контексте: *то ти тиво е Поутила, кри<вь>це… крамотѫ а кривоу* (ср. сохранение звонких в *дьяке* и *боудоуци*). Этот аллитерационный эффект выдает поэтический характер текста, обнаруживающий себя и на других уровнях. Чтобы убедиться в этом, еще раз приведем текст граффито в стандартной орфографии, разбив его на стихи и полустишия:

То ти тиво е: | Путила дьяке кривьце.
О тому умѣти крамоту, | а криву будуци!

Помимо уже отмеченных аллитераций, укажем на одинаковый исход на *-е* в трех словах первого стиха (*тиво е — дьяке кри<вь>це*), созвучие окончаний первого и второго стихов (*кри<вь>це — будуци*), аранжировку на *у* во втором стихе. Особенно изысканно организовано в фонетическом отношении образующее риторическую кульминацию текста первое по-

[1] Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1977. С. 145.

лустишие второго стиха, в котором созвучные сочетания образуют прихотливо подобранные хиазмы: *тому* — *умѣти*, *тому* — *крамоту*.

Эти эвфонические эффекты достигаются за счет комбинации элементов, принадлежащих разным языковым регистрам. Исход на *-е* трех слов первого стиха обеспечивается выбором диалектных морфологических вариантов: *е* — *дьяке кри<вь>це* (ср. соотношение наддиалектных вариантов *есть* — *дьякъ кривьць*, при котором этот эффект отсутствует). Консонантное созвучие с *кри<вь>це* создает отражение цоканья в *будуци*. Возможности диалектной фонетики автор использует, как мы видели, и в аллитерациях, основанных на замене звонких согласных глухими. При этом кульминационное первое полустишие второго стиха содержит сугубо книжную синтаксическую конструкцию. Заметим, что эта фраза устроена непросто: форма дательного падежа *тому* является субъектом при инфинитиве *умѣти*, одновременно занимая позицию dativus exclamationis при междометии *о*. Ср. использование этого оборота в Несторовом «Чтении о Борисе и Глебе»: «О блаженому гробу, идеже лежить богатьство некрадомо! О честьному гробу, из негоже текуть источници цѣльбамъ неоскудѣюще!» и т. д.[1] Примечательно также, что если буква *ѫ* в конце четвертой строки прочитана верно, то автор избрал для глагола *умѣти* не обычную модель управления дательным падежом (*умѣти грамотѣ*, *книгамъ*), но более редкое в раннедревнерусский период сочетание с винительным. Ср. в Житии Сергия Радонежского Епифания Премудрого, где это словосочетание встречается многократно: «Рѣх ти, яко от сего дне дарует ти Господь умѣти грамоту»[2]. Этот выбор как раз и создает отмеченный выше хиазм *тому … грамоту*.

Использованная автором юрьевской «эпиграммы» поэтическая техника роднит ее с уже упомянутой надписью из Софийского собора, представляющей собой стихотворное прорицание о судьбе соборного клирика Хотена Носа. В уточненном прочтении сохранившаяся часть этой надписи выглядит так:

… Юга, | вороном­ъ жърьце,
Хотѣна Носа въ Воротьни | цела кажа реце

т. е. ‘… Юга, жрец воронов, указывая, сказал, что Хотен Нос цел в Воротне’[3]. И здесь мы видим ту же богатую звукопись, возникающую благодаря соответствующей комбинации диалектных и наддиалектных черт. Служащая решению стихотворных задач языковая гетерогенность является, по-видимому, общим свойством «эпиграфической поэзии» древней Руси, образцы которой счастливым образом сохранились среди церковных граффити[4].

№ 5 (илл. 5)

Местоположение: Лестничная башня, стена, над 44-ой ступенью, 65 см над ступенью.

Сохранность: Начало надписи, выполненной очень неглубокими штрихами, не читается.

Текст:

(а б в г) [д] (е) **ж** (з) **и ї к л м н о** [**п р**] **с т** [**у**] - **х ц ч щ ъ ѣ** [**ю**] **ѫ ѧ**

Датировка: Внестратиграф. до [1240], предпочт. [1160–1240][5].

---

[1] Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2.) С. 25.

[2] Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 299 (л. 294 об.). См. также еще шесть примеров: Там же. С. 298–301 (л. 292 об. – 295 об.).

[3] В работе *Gippius*, 2018 текст граффито был трактован как сохранившийся полностью, а имя прорицателя прочитано как *Яковъ Нога*. Изучение аутентичного слепка надписи, обнаруженного в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, заставило пересмотреть это чтение, признав начало текста утраченным.

[4] К той же литературно-языковой традиции принадлежат, отражая ее другие грани, надписи № 206 из Софии Новгородской (*Медынцева*, 1978. С. 150; *Гиппиус*, 2017), № 108 из Софии Киевской (*Рождественская*, 1994. С. 21–24) и новооткрытая надпись из церкви Благовещения на Городище (*Гиппиус, Михеев*, 2019. С. 47–48, № 27). Новгородские надписи представляют собой оригинальные гимнографические композиции, основанные на литургических источниках, граффито из Софии Киевской — перекомпонованный и отредактированный фрагмент из переводного гномического текста — «Разумов Варнавы».

[5] *Ц* 4 «буква целиком в строке» (1160–1300), *ч* Ia «чаша / бокальчик» <1420 (<1380); графика: *ѫ* <1240.

Комментарий: Надпись выполнена в одну длинную строку.

Азбука, доведенная до конца, представлена только в трех древнерусских настенных граффити домонгольского времени — в рассматриваемой надписи и в двух граффити из Софии Киевской: № 100 (*Высоцкий*, 1976. С. 12–23, 268–269. Табл. III: 1–2) и № 6812 (*Корнієнко*, 2020. С. 295, 408. Табл. CCXII: 1).

Состав данной азбуки необычен. Отсутствуют «зело» (или, существенно менее вероятно, «земля»), «фита» (между [*ꙋ*] и *х* вероятно, стоял «ферт», хотя сохранность граффито не позволяет судить об этом уверенно), «кси», «пси», «от», «ша», «еры» и «ерь». Пропуск тех или иных лишних в славянском письме греческих букв вполне традиционен для древнерусских азбук XI–XIII вв. Отсутствие букв «еры» и «ерь» при сохранении «ер» наблюдается в трех новгородских азбуках на бересте (№ 460, 591, 778)[1].

Список литературы

Анкудинов И. Ю. Топография новгородских городских и пригородных монастырей XII–XVII вв. // София: издание Новгородской епархии. 2007. № 3. С. 8–13.

Бобрик М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2005. 467 с.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 814 с.

Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев: Наукова думка, 1976. 456 с.

Гиппиус А. А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41, № 3. P. 261–282.

Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020а. № 5. С. 22–37.

Гиппиус А. А. О возможном происхождении Иоанно-Предтеченского Росткина монастыря // Новгородский исторический сборник. Вып. 19 (29) / отв. ред. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2020б. С. 158–167.

Гиппиус А. А., Михеев С. М. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // АА. 2019. № 1. С. 35–54.

Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 478–490.

Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: Новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015 / ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2016. С. 190–208.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: первые поколения (до начала XIV в.). Изд. испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 880 с. (Studiorum Slavicorum Orbis; вып. 10).

Зализняк А. А. О древнейших кириллических абецедариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова / ред. А. А. Вигасин и др. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.

Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. X. Из раскопок 1990–1996 гг. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 134–429.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Зализняк А. А. Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII. Из раскопок 2001–2014 гг. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 276–278.

Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 9. 1882–1884 гг. СПб.: тип. брат. Пантелеевых, 1893. С. 1–256 (отд. I).

Колесов В. В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963. Вып. 1, № 2. С. 103–112.

Корнієнко В. В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. X, т. 1: Північні сходова вежа та хори. Київ: Горобець, 2020. 488 с.: іл.

[1] Ср. также уникальную азбуку-граффито из Софии Киевской, где после *ꙋ* представлены только буквы *ѳ*, *х*, *ш*, *щ* (или *ѱ*) и *ѡ*. Подробнее см.: *Зализняк*, 1999.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 740 с.: ил.

Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М.: Наука, 1978. 312 с.

Михеев С. М. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 2012. 62. S. 63–99.

Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Михеев С. М. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne = Словѣне. 2019. Vol. 8, № 2. С. 7–56.

Мольков Г. А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI — начала XIII века: дис. … д-ра филолог. наук. СПб., 2020. 494 с.

Рождественская Т. Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика XI–XV вв. // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1990. XIV, 2. С. 51–58.

Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X–XV веков: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 1991. 96 с.

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб.: СПбГУ, 1992. 172 с.

Рождественская Т. В. Эпиграфические памятники Древней Руси X–XV вв. (проблемы лингвистич. источниковедения): дис. в форме науч. доклада … д-ра филолог. наук. СПб.: СПбГУ, 1994. 38 с.

Рождественская Т. В. Глаголическая эпиграфика XI–XII веков в Древней Руси // Палеославистика. Лексикология. Лексикография: тез. междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р. М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. С. 54–57.

Рождественская Т. Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Slavia Orthodoxa. Език и култура: сборник в чест на проф. дфн Румяна Павлова / ред. С. Богданова. София: Св. Климент Охридски, 2003. С. 338–343.

Рождественская Т. В. «О, тому умети грамоте!..» (надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LVIII / отв. ред. Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 2007. С. 780–788.

Рождественская Т. В. Язык и письменность средневекового Новгорода: Богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв.: учебное пособие. СПб.: фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. 136 с.

Рождественская Т. В. Из эпиграфики древнего Новгорода: три граффити из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Библеистика. Славистика. Русистика: к 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева / отв. ред. Е. Л. Алексеева. СПб.: филолог. фак. СПбГУ, 2011. С. 256–266.

Секретарь Л. А. Росткин [монастырь] // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: энциклопедический словарь / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 324.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М.: Имп. Московский Ун-т, 1774. 6, 530 с.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV веков: хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 384 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.

Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1928. 94 p. (Orientalia Christiana; vol. IX–1, № 35).

Gippius A. A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // The Russian Review, 2018. Vol. 77, № 2. P. 183–199.

Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. 2. Salzburg: Institut für Slawistik der Universität Salzburg, 1997. 256 S. (Die Slawischen Sprachen; Bd. 52).

References

Ankudinov I. Yu. Topografiya novgorodskikh gorodskikh i prigorodnykh monastyrey XII–XVII vv. // Sofiya: izdanie Novgorodskoy eparkhii. 2007. № 3. P. 8–13.

Baumgarten N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. Roma: Pontificium Institutum Orientalium Studiorum, 1928. 94 p. (Orientalia Christiana; vol. IX–1, № 35).

Bobrik M. A. Marginalii k berestyanym gramotam i pamyatnikam drevnerusskoy epigrafiki // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2014. 2 (28). P. 191–201.

Gippius A. A. «Zlo viduchi, a dobra ne viduchi»: poetika i grammatika drevneyshego russkogo pokayannogo stikha // Russian Linguistics. 2017. 41, 3. P. 261–282.

Gippius A. A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // The Russian Review, 2018. Vol. 77, № 2. P. 183–199.

Gippius A. A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2019 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe // Voprosy yazykoznaniya. 2020a. 5. P. 22–37.

Gippius A. A. O vozmozhnom proiskhozhdenii Ioanno-Predtechenskogo Rostkina monastyrya // Novgorodskiy is-

toricheskiy sbornik. 19 (29) / ed. P. G. Gaydukov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet, 2020b. P. 158–167.

Gippius A. A., Mikheev S. M. Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche: predvaritel'nyy obzor // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 35–54.

Gippius A. A., Sedov Vl. V. Nadpis'-graffito 1198 goda iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: Arkheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova / ed. P. G. Gaydukov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2015. P. 478–490.

Gippius A. A., Sedov Vl. V. Nakhodki v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya: Novye freski i novye nadpisi // Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk Rossiyskoy Akademii nauk. 2015 / ed. V. A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2016. P. 190–208.

Dombrovskiy D. Genealogiya Mstislavichey: pervye pokoleniya (do nachala XIV v.). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015. 880 p. (Studiorum Slavicorum Orbis; 10).

Kolesov V. V. Severnorusskie cheredovaniya soglasnykh, parnykh po glukhosti-zvonkosti // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury. 1963. 1, 2. P. 103–112.

Kornienko V. V. Korpus grafiti Sofii Kiyivs'koy (XI — pochatok XVIII st.). X, 1: Pivnichni skhodova vezha ta khori. Kiyiv: Gorobets', 2020. 488 p.: il.

Litvina A. F., Uspenskiy F. B. Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki. Moscow: Indrik, 2006. 740 p.: il.

Medyntseva A. A. Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofiyskogo sobora: XI–XIV veka. Moscow: Nauka, 1978. 312 p.

Mikheev S. M. 22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 2012. 62. P. 63–99.

Mikheev S. M. K probleme atributsii znakov Ryurikovichey // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. 2014. 4 (58). P. 45–63.

Mikheev S. M. Minei dvukh Domok: Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya // Slověne = Slovѣne. 2019. 8, 2. P. 7–56.

Mol'kov G. A. Formirovanie orfograficheskikh sistem v drevnerusskoy pis'mennosti XI — nachala XIII veka: dis. … d-ra filolog. nauk. St. Petersburg, 2020. 494 p.

Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. 2. Salzburg: Institut für Slawistik der Universität Salzburg, 1997. 256 S. (Die Slawischen Sprachen; Bd. 52).

Rozhdestvenskaya T. Drevnebolgarskaya epigraficheskaya traditsiya i novgorodskaya epigrafika XI–XV vv. // Palaeobulgarica = Starob''lgaristika. 1990. XIV, 2. P. 51–58.

Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskaya epigrafika X–XV vekov: uchebnoe posobie. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1991. 96 p.

Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: novye istochniki XI–XV vv. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1992. 172 p.

Rozhdestvenskaya T. V. Epigraficheskie pamyatniki Drevney Rusi X–XV vv. (problemy lingvisticheskogo istochnikovedeniya): dissertatsiya v forme nauchnogo doklada … d-ra filologicheskikh nauk. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1994. 38 p.

Rozhdestvenskaya T. V. Glagolicheskaya epigrafika XI–XII vekov v Drevney Rusi // Paleoslavistika. Leksikologiya. Leksikografiya: tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati R. M. Tseytlin, 27–29 noyabrya 2002 g. / ed. A. F. Zhuravlev. Moscow: Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy Akademii nauk, 2002. P. 54–57.

Rozhdestvenskaya T. Nadpisi s glagolicheskimi bukvami iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Novgorode // Slavia Orthodoxa. Ezik i kultura: sbornik v chest na prof. dfn Rumyana Pavlova / ed. S. Bogdanova. Sofiya: Sv. Kliment Okhridski, 2003. P. 338–343.

Rozhdestvenskaya T. V. «O, tomu umeti gramote!..» (nadpisi s imenem «Putila» v Georgievskom sobore novgorodskogo Yur'eva monastyrya // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. LVIII / ed. N. V. Ponyrko. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 780–788.

Rozhdestvenskaya T. V. Yazyk i pis'mennost' srednevekovogo Novgoroda: Bogosluzhebnye nadpisi i berestyanye gramoty XI–XV vv.: uchebnoe posobie. St. Petersburg: fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 136 p.

Rozhdestvenskaya T. V. Iz epigrafiki drevnego Novgoroda: tri graffiti iz Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Bibleistika. Slavistika. Rusistika: k 70-letiyu zaveduyushchego kafedroy bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva / ed. E. L. Alekseeva. St. Petersburg: filologicheskiy fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. P. 256–266.

Sekretar' L. A. Rostkin [monastyr'] // Velikiy Novgorod: Istoriya i kul'tura IX–XVII vekov: entsiklopedicheskiy slovar' / ed. V. L. Yanin. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. P. 324.

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen. 3. Moscow: Imperatorskiy Moskovskiy Universitet, 1774. 6, 530 p.

Vasil'ev V. L. Arkhaicheskaya toponimiya Novgorodskoy zemli (Drevneslavyanskie deantroponimnye obrazovaniya). Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet, 2005. 467 p.

Vasil'ev V. L. Slavyanskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoy zemli. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. 814 p.

Vysotskiy S. A. Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoy (Po materialam graffiti XI–XVII vv.). Kiev: Naukova dumka, 1976. 456 p.

Yanin V. L. Novgorodskie akty XII–XV vekov: khronologicheskiy kommentariy. Moscow: Nauka, 1991. 384 p.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.). Moscow: Nauka, 1993. 352 p.

Zaliznyak A. A. O drevneyshikh kirillicheskikh abetsedariyakh // Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika: sbornik k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovicha Ivanova / eds. A. A. Vigasin et al. Moscow: OGI, 1999. P. 543–576.

Zaliznyak A. A. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie // Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste. T. X. Iz raskopok 1990–1996 gg. Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie. Moscow: Russkie slovari, 2000. P. 134–429.

Zaliznyak A. A. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 872 p.

Zaliznyak A. A. Korrektivy k tablitsam vnestratigraficheskogo datirovaniya // Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Novgorodskie gramoty na bereste. T. XII. Iz raskopok 2001–2014 gg. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015. P. 276–278.

Zotov R. V. O chernigovskikh knyaz'yakh po Lyubetskomu sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya // Letopis' zanyatiy Arkheograficheskoy komissii. 9. 1882–1884 gg. St. Petersburg: tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1893. P. 1–256.

Illustrations

Fig. 1. Inscription No. 1. Photograph by the authors, 2010

Fig. 2. Inscription No. 2. Two photographs by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov glued together, 2007

Fig. 3. Inscription No. 3. Two photographs by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov glued together, 2007

Fig. 4. Inscription No. 4. Photograph by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov, 2007

Fig. 5. Right side of inscription No. 5. Photograph by E. V. Gordyushenkov and I. Yu. Ankudinov, 2007.

A. A. Gippius, S. M. Mikheev. Some graffiti inscriptions in the staircase tower of St. George's cathedral of Yuriev monastery

Abstract. The authors publish five inscriptions which date from the 12th to the first half of the 13th century. Among those is an autograph of a deacon from the Novgorod convent of St. John the Baptist with the earliest record of "Rostkin" as the common-usage name of that convent; inscriptions of Sozont and Sergius with self-deprecating epithets *liutyi*, *tativyi* and *krazhii*; poetic praise for the "crooked" but literate deacon Putila which displays bookish syntactic patterns yet contains distinctly dialectal phonetic and morphological features; and a fully spelled out alphabet, rarely seen in Old Russian inscriptions. The first four graffiti are published with significant amendments to previous readings, the fifth is published for the first time.

Keywords: Old Russia, 12th–13th centuries, Novgorod, Yuriev monastery, St. George's cathedral, Rostkin convent, epigraphy, graffiti, joca monachorum, poetry.

Gippius Alexey Alexeevich, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of philology, leading research fellow, National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation; School for Advanced Studies in the Humanities (RANEPA), agippius@mail.ru.

Mikheev Savva Mikhailovich, candidate of history, senior research fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russian Federation; School for Advanced Studies in the Humanities (RANEPA), mikheev@gmail.com.

Топография граффити Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря

И. Ю. Анкудинов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.112-123

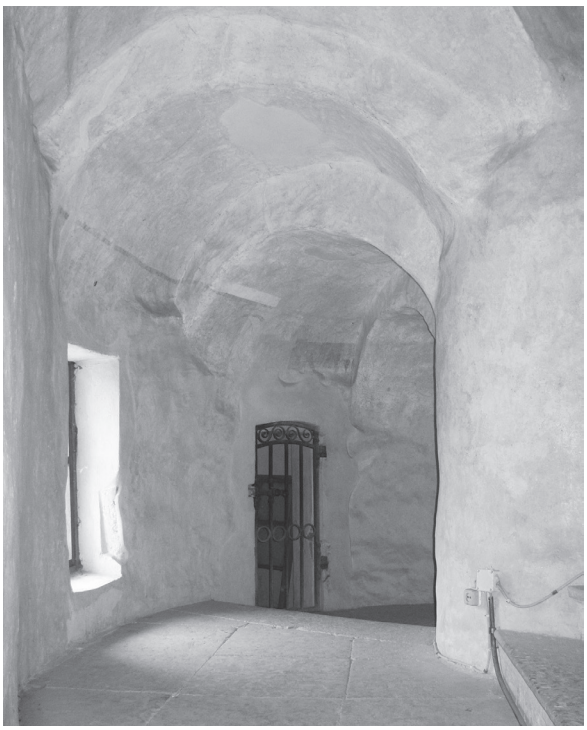
Аннотация. В статье описывается топография всех выявленных граффити на стенах Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря. Предложен способ представления сведений о малоинформативных граффити, практически никогда не становящихся объектом публикации и исследования.

Ключевые слова: граффити, Новгород Великий, письменность, граффити-рисунки.

Анкудинов Игорь Юрьевич — историк, Великий Новгород, Российская Федерация, ankudinovu@mail.ru.

Граффити XI–XVI вв. сохранились на стенах многих новгородских храмов. Как правило, исследователи ограничиваются лишь публикацией наиболее информативных и понятных надписей-граффити. Гораздо реже их внимание привлекают самые лучшие рисунки-граффити. Но на стенах храмов сохранилось (и в гораздо большем количестве) множество других граффити, оставленных средневековыми новгородцами. Это могут быть отдельные буквы, недописанные слова, небрежные рисунки, линии и черточки и др. Многие надписи сохранились лишь в виде ничтожных отрывков, не позволяющих реконструировать их смысл. То же самое можно сказать и о недорасчищенных граффити. И если при издании берестяных грамот даже самые ничтожные обрывки публикуются с присвоением особого номера, то для издания граффити это совершенно не свойственно. В результате подавляющее большинство граффити оказываются не только не введенными в научный оборот, но даже не зафиксированными.

Не подвергая сомнению важность издания прежде всего именно самых содержательных и информативных надписей, хочу предложить вариант публикации сведений обо всех сохранившихся и выявленных граффити конкретного памятника. Это краткое описание в едином каталоге всех выявленных граффити Георгиевского собора Юрьева монастыря. Под «всеми» я понимаю любые граффити искусственного происхождения: не только надписи и рисунки, но и любые линии, даже если смысл их в настоящее время не может быть определен (конечно, имеются в виду



• **Илл. 1. Лестничная башня Георгиевского собора. Площадка с кельей в стене (ступенька 48)**

лишь целенаправленно прочерченные граффити, а не случайные царапины на стенах; отличить сознательно созданные граффити от случайных линий, как правило, не составляет труда).

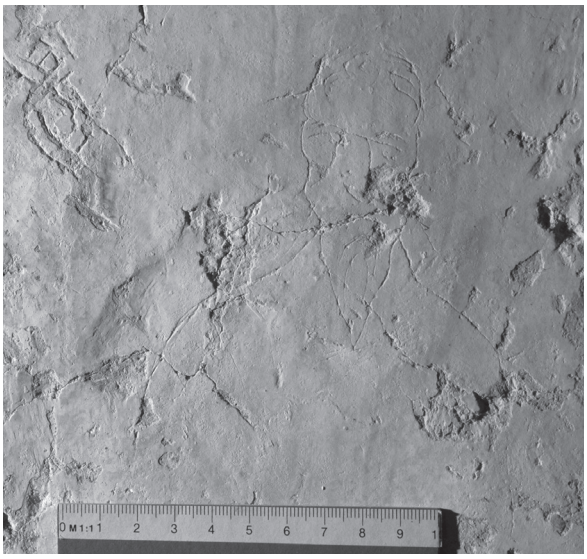
Описание полного корпуса граффити того или иного храма важно еще по одной причине. Граффити очень уязвимы для внешних воздействий. Многие посетители считают себя вправе прикладывать руки к древним надписям (рисунков-граффити это касается в меньшей степени). Например, описанная ниже надпись № 7, сделанная на камне, в настоящее время сильно испорчена: неизвестные люди с целью улучшить видимость букв дополнительно углубили их каким-то острым предметом (возможно, гвоздем или заостренной палочкой), вследствие чего граффито оказалось практически уничтожено. Не меньшую опасность для сохранности граффити представляет грубое изготовление прорисей путем их калькирования непосредственно на стене. Полное выявление и описание всех граффити и связанная с этим их фотофиксация позволяют сохранить хоть какую-то информацию в условиях, когда охранные мероприятия не достигают своих целей.

Очень важно точно описать место расположения граффити на стене. Описательное указание на место расположения граффити («повыше — пониже»), принятое во многих публикациях, не может удовлетворить исследователя в силу своей приблизительности. Необходимо указывать точные координаты. В большинстве случаев вполне достаточно указания на высоту расположения граффити над полом и его расстояния от какого-либо объекта на стене — окон, ниш, дверей и т. п.

В качестве точки привязки берется левый верхний край граффито. У некоторых граффити (обычно рисунков) невозможно однозначно указать левый верхний край; в таких случаях в качестве точки привязки берется, как правило, точка, наиболее соответствующая понятию «левой верхней», или просто самая верхняя точка рисунка.

Георгиевский собор Юрьева монастыря, несмотря на неоднократные поновления живописи, сопровождавшиеся уничтожением древнего штукатурного слоя, сохранил большое количество граффити. Из всего объема собора они дошли до нас лишь на стенах лестничной башни (илл. 1). Но когда-то они были и на стенах основного объема храма. В последние годы в ходе археологических раскопок было обнаружено множество фрагментов древней штукатурки, на которых сохранились граффити. В настоящее время ведутся реставрационные работы с этими фрагментами, в ходе которых количество выявленных на них граффити постоянно увеличивается. Пока невозможно сделать прогноз о времени завершения этих работ. Но несомненно, что после их завершения возникнет необходимость составления полного каталога граффити на фрагментах штукатурки из Георгиевского собора (и не только тех, которые удастся полностью расшифровать).

На стенах лестничной башни сохранились как значительные по размеру надписи, так и небольшие обрывки слов и отдельные буквы. Рисунки-граффити представлены как небрежными схематическими, так и вполне профессиональными изображениями (см., например, №№ 30, 76 — илл. 2–3). Имеется и большое количество совершенно непонятных граффити. В публикуемый перечень включена также и надпись краской на стене одной из келий лестничной башни (см. № 113). Некоторые надписи остаются недорасчи-



• **Илл. 2. Граффито-рисунок — полуфигура (№ 30)**

щенными; возможно, последующая реставрация позволит прочесть их полностью.

Полагаю, мне вряд ли удалось выявить *все* граффити лестничной башни. Не приходится сомневаться, что на ее стенах возможны новые находки. Публикуемая топография граффити позволит в дальнейшем не повторять уже проделанную работу и сосредоточиться на выявлении именно тех граффити, которые были неизвестны предшествующим исследователям.

Подобные работы по описанию местоположения всех выявленных граффити необходимо проделать для всех новгородских храмов.

Сведения о топографии граффити Георгиевского собора представлены в виде таблицы.

Граффити «привязаны» к ступеням лестничной башни. Нумерация ступеней ведется снизу вверх, начиная от решетчатой двери, ведущей в лестничную башню (перед дверью имеется площадка, на которую из основного объема храма ведут еще две ступени, выложенные из кирпича; эти ступени при нумерации не учитываются). Для удобства поиска нужных ступеней в таблицу добавлена информация о различных архитектурных деталях — окнах, нишах, внутристенных кельях, соотнесенная с номерами ступеней.

Для граффити указывается высота над поверхностью ступени. Поскольку ширина подавляющего большинства ступеней составляет лишь около 40 см, указание одной лишь высоты

• **Илл. 3. Граффито-рисунок — полуфигура (№ 76). Деталь**

левого верхнего края граффито вполне достаточно для его отыскания на стене.

Для указания на стену, на которой расположено граффито, в таблице применяется обозначение «столб/стена». «Столб» соответствует левой стене (при подъеме по лестнице), вьющейся вокруг центрального столба, «стена» — правой стене (при подъеме по лестнице), соответствующей наружной стене лестничной башни.

Описание граффити приводится в самой краткой форме.

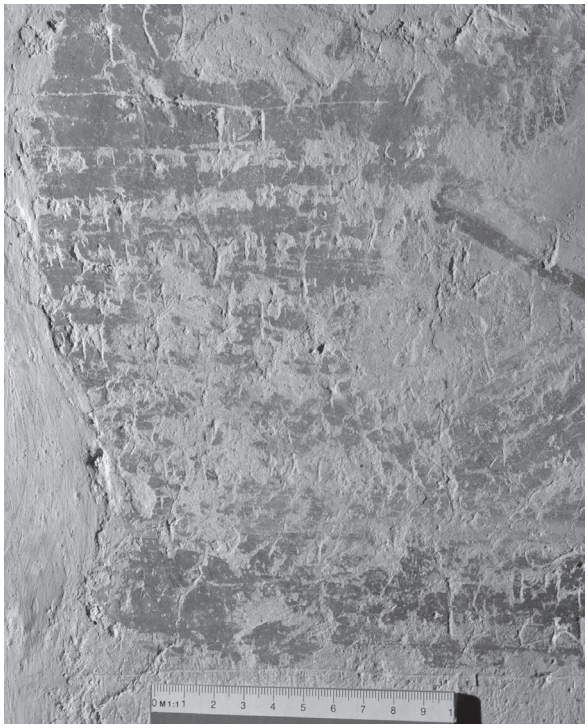
В раздел «примечания» вынесены сведения о публикациях, дополнительные материалы, а также номера фотографий граффити по базе изображений, которая хранится в настоящее время у автора, но обязательно будет передана в общественное достояние.

Описание топографии граффити Георгиевского собора было проведено в основном летом 2007 г. Тогда же была выполнена фотосъемка граффити Евгением Викторовичем Гордюшенковым (13.07.1961–08.11.2016), памяти которого и посвящается настоящая публикация.

• **Илл. 4. Надпись № 80**

• **Илл. 5. Общий вид рисунков-граффити (№№ 92–101)**

• **Илл. 6. Граффито-рисунок — птица (№ 115)**



• **Илл. 7. Зачеркнутое граффито (№ 135)**

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
1	столб	5	131	рисунок?	росчерк, высота 5 см	
		7	*Стенная ниша*			
2	стена	7	161	рисунок	голова в профиль? высотой 9 см	над левым краем поклонной ниши, высота 126 см от «пола» ниши + 37 см до ступеньки; не заснято
3	столб	7	88	рисунок	4-конечный крест, высота 8 см	Фото 8926–8928
4	столб	7	100	линии	несколько вертикальных линий, высота около 13 см	Фото 8928
5	столб	7	106	надпись?	еле видные знаки	Фото 8929
6	столб	8	105	надпись	МВС-ЕЧЬ длина 29 см, высота букв 4–5 см	Фото 8938–8945
		9	*Круглое окно*			
7	столб	9	10	надпись	надпись на камне, 4 строки: ВѢВЕРИЦЬ ТРИ/НАДЕСѦТЕ / ГРИВЬНѢ И / РѢЗАНА	Фото 8946–8953
8	столб	9	76	надпись	В ЛѢТ 6000 длина 11 см, высота 6 см	Фото 8930–8945
9	столб	9	100	надпись?	еле видные черточки	
10	стена	10		линии	вертикальные линии	не заснято
11	столб	10	49	рисунок?	высота 14 см	Фото 8954–8955
12	столб	10	138	надпись	ФЕДОРЪ Ѱ / ДИѦКЪ СТГО / ИВАНА РОСТО/[КИ]НА МАНА- СТ[Ы]РѦ / ---МЬ ЕСТЬ ЖЕ / -ОРКА ЦЬРНИЦИНА 6 строк, длина вверху 17 см, внизу 31 см, высота 18–19 см	Фото 8956–8963 Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X–XV вв. СПб., 1991. С. 92; уточненное прочтение — см. статью А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева в настоящем сборнике.
		11	100			
13	стена	11	102	рисунок	трилистник	Фото 9433–9443
14	столб	11	95	надпись	KONANЬ длина 28 см, высота около 5 см	Фото 8966–8971
15	столб	11	126	рисунок	4-конечный крест	Фото 8964–8965
16	столб	11	96	надпись?	еле видные черточки (3 буквы?)	Фото 8975–8976
17	стена	12	87	рисунок	полуфигура высотой 30 см (от 11-й ступеньки — 93 см)	Фото 9444–9451
18	столб	12	102	рисунок?	высота 27 см, ширина 11 см рисунок?, вязь?	Фото 8972–8974
19	стена	13	100	надпись	зачеркнутая надпись	Фото 9452–9461
20	столб	13	113	рисунок	4-конечный крест	Фото 8977–8978, 8995–8996, 9492–9494
21	столб	13	113	рисунок?	высота 12 см	Фото 8995–8996, 9492–9494
22	столб	13	124	надпись	3 строки, длина 1-й и 2-й строк 13 см, 3-й — 31 см, высота 9 см САВАТИѦ Ѱ / ГРЕШЕNЪ / ПАЧЬ ВЬСѢХЪ ЧЬЛЪВѢКО Под САВА ранее был нарисован двойной круг диаметром 4,7 см	Фото 8977–8978, 8986–8994, 9492–9494. Есть фото в архиве Шляпкина. Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 51, № 2.

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
23	столб	13	134	надпись	4 строки, длина 26 см, высота 15 см ФОКА ѰЛЪ / ГРѢШЕНЪ / ТАТЬ ПОГРЕ/БЬНЫИ	Фото 8977–8985, 9490–9491 Есть фото в архиве Шляпкина. Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика… С. 91; Рождественская Т. В. Древнерусские надписи… С. 49–50, № 1.
		14	*Стенная ниша*			
24	стена	14	левый откос ниши	рисунок	зигзаг	Фото 9462
25	стена	14	103	буква	Ж	не заснято
26	стена	14	131	буквы	А О	Фото 9463–9469
27	стена	15	119	рисунок	2 изображения миндалевидной формы	Фото 9470–9482
28	столб	15	100	рисунок?	косая решетка в полукруге, высота 10 см	
29	столб	15	118	линии	20–21 горизонтальная линия, до высоты 135 см	
30	стена	16	109	рисунок	полуфигура высотой 10 см, слева от нее — «восьмерка» двойным контуром (илл. 2)	Фото 9483–9489 Т. Ю. Царевская датировала полуфигуру XV в.
31	столб	16	106	рисунок	круг диаметром 7 см	
32	столб	16	105	надпись?	под кругом, на высоте от 100 до 105 см; возможно, плохо сохранившиеся буквы?	
33	стена	17	120	надпись	зачеркнутая, длина 34 см	Фото 9237–9238
34	столб	19	85	рисунок?	в виде щита, высота 6 см	Фото 8998–9001
35	столб	19	127	рисунок?	крест?	Фото 9002
36	стена	20 у края	119	надпись	недорасчищенная, длина ок. 16 см	Фото 9236
36	стена	20	85	рисунок	3 креста? (один — на голгофе?)	
38	стена	21	96	надпись	…МИТЬ (читается лишь окончание, надпись в одну строку, длина 34 см (?))	Фото 9233–9234
39	стена	21	115	линии	вертикальные линии	не заснято
40	столб	21	122	рисунок?	крест?	Фото 9003
41	стена	22 у прав. края	103	рисунок?	рисунок?	не заснято
42	стена	23	170	надпись	КРАЖИ	Фото 9225–9226 А. А. Гиппиус и С. М. Михеев считают эту надпись окончанием надписи № 45 (см. статью в настоящем сборнике).
43	стена	23 у края	76	надпись	БВГ высотой 7 см	
44	столб	23	132	надпись?	ЛИС (?)	Фото 9004–9005

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
45	стена	24	146	надпись	А СЕ СОЗОNТЕ ѰЛЪ КРАЖИ	Фото 9222–9224 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 53–54, № 4; уточненное прочтение — см. статью А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева в настоящем сборнике.
46	стена	24	115	буквы	ИВ (?)	Фото 9220–9221
47	стена	24	115	надпись	3 строки: А СЕ СОЗОNЕ ѰЛЪ ЛЮТИИ А СЕ СЬРЬГИІ ѰЛЪ ТАТИВ глаголическая ИСЛО	Фото 9212–9219 Публ.: Рождественская Т. В. Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1990. XIV, 2 С. 54; Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика... С. 76; Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 52–56, № 3; Михеев С. М. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo. 62. Zagreb, 2012. P. 85–86; уточненное прочтение — см. статью А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева в настоящем сборнике.
48	столб	24	143	надпись	ГИ СПС… длина около 9 см	
49	стена	25	123	буква?	Ж (?) высотой 29 см	
50	стена	25	130	надпись	МИКИ	Фото 9210–9211
		28	*Окно*			
51	стена	29	89	надпись	СВОДЬКА ѰЛЪ МИКѲЛЫNИЦЬ двойной контур	Фото 9227–9232 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика... С. 91; Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 64–66, № 9.
52	столб	29	95	буквы?	И (современные)	Фото 9006
53	столб	29	102	буква	Ъ высота 16 см	Фото 9007
54	столб	30	100	рисунок?	рисунок?	
55	столб	30	109	буква	Д современная	
56	столб	30	98	надпись?	высота 12 см, плохо сохранившиеся вертикальные черточки	Фото 9008–9009, 9012–9013
57	столб	30	114	надпись	длина 14 см	Фото 9008–9011
58	столб	30	120	линии	13 вертикальных линий	Фото 9008–9009
		32	*Круглое окно*			
59	стена	33	133	надпись	КИРИКЪ ѰЛЪ / ГРЕШЕНЫИ	Фото 9504–9513 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 68, № 12.

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
60	столб	33	105	рисунок?	типа Л с вертикальной чертой посередине	
61	стена	34	146	надпись?	2 строки? высота 7 см	не заснято
62	стена	35	150	надпись	3–4 буквы, длина 15 см	не заснято
63	столб	35	130	надпись	4 строки, длина 22 см, высота 9 см ТЬ ТИ ТИВО Е / ПОУ--ИЛА ДЬѦ[КЪ] / КРИЦЕ О ТОМОУ ОУ/МЕТИ КРАМОТ / А КРИВОУ БОУД-УЦИ	Фото 9014–9022 Публ.: Рождественская Т. В. «О, тому умети грамоте!..» (надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 58. СПб., 2007. С. 782.
64	стена	36	153	линии	ряд вертикальных линий	не заснято
65	стена	37 у лев. края	123	рисунок?	рисунок?	не заснято
		40	*Келья в стене*			
66	столб	40	на щеке свода	надпись?	длина 14 см ЗО-З-С ПСЛ	
67	столб	41	179 на своде	рисунок	высота 18 см	Фото 9028–9033 (плохие), 9495–9503
68	стена	42 у края	101	рисунок	рисунок?	Фото 9208–9209
69	столб	42	98	буквы?	2–3 буквы?	
70	столб	42	на щеке свода справа	рисунок?	косой крест?	
71	столб	42	на щеке свода ближе к центру	надпись?	Iѡ (?)	
72	столб	43	124	надпись?	современная? СЕРГ	
73	стена	44	63	надпись	еле видная надпись длиной ок. 29 см. ----Д-Ж-ИІКЛМНОПРСТУ-ХЦЧЩЪ-ѢЮѪѦ	Фото 9205–9207 Прочтение — см. статью А. А. Гиппиуса и С. М. Михеева в настоящем сборнике.
74	стена	44	120	рисунок	рисунок? ОС двойным контуром	Фото 9203–9204
75	столб	44	на щеке свода	буквы?	буквы?	Фото 9034, 9037
76	стена	46–47	173	рисунок	полуфигура высотой ок. 60 см (илл. 3)	Фото 9196–9202, 9514–9527, 9529–9535, 9536–9564 Т. Ю. Царевская датировала изображение XIV в.
77	стена	46–49?	?		ГИ ПОМОЗИ РАБУ	Фото 9189–9195 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 67, № 11.

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
78	столб	47	75	рисунок?	в виде цифры 4 высотой 7 см	
79	столб	47	на своде	?	двойным контуром: 1917 (?)	
		48	*1-я площадка, келья с решетчатой дверью*			
80	столб	48	на щеке свода	надпись	КОNАЗЬ БЫ/ЛЫ NA ѲОДОРО / ВО ДЬNЬ / МЬСТИСЛА/СВО (илл. 4)	Фото 9038–9045, 9565–9570 Публ.: Рождественская Т. В. Древнеболгарская эпиграфическая традиция... С. 57; Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика... С. 91; Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 58–62, № 5.
81	столб	48	на щеке свода	рисунок	плетенка	Фото 9038, 9046–9050
82	столб	48	на щеке свода	надпись	ѲЕД...	Фото 9051, 9059–9062
83	столб	48	на щеке свода	надпись	МОИСЕИ Ѱ / ПОПОВЦЕ	Фото 9051–9058 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика.... С. 91; Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 63–64, № 8.
84	столб	48	на щеке свода	надпись	ПѰТИЛА Ѱл	Фото 9051, 9067–9072 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 62–63, № 7.
85		48	на щеке свода	надпись	ПЕТРЪ	Фото 9051, 9063–9066 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 62.
86	столб	48	101	рисунок	колесо со спицами, высота 23 см	Фото 9579–9584
87	столб	48	84	надпись?	еле видная надпись мелкими буквами	
		49	*Площадка перед хорами*			
88	стена	49	133	надпись	слева от окна 135 см ЕѲОДОРЬ ПЬСА/ЛО ЛИ---Ь выше этой надписи есть рисунок (голова в профиль?)	Фото 9181–9187 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи... С. 66–67, № 10.
89	столб	49	74	рисунок?	в виде О высотой 2,5 см	
90	столб	49	106	рисунок	8-конечный крест	
91	столб	49	106	надпись?	недорасчищенная надпись длиной 5 см (?)	
92	столб	49	88	рисунок	крест высотой 14 см (илл. 5)	
93	столб	49	109	рисунок	кораблик (илл. 5)	
94	столб	49	102	?	(под корабликом) что-то не расчищенное (илл. 5)	
95	столб	49	74	?	(рядом с выбоиной) что-то не расчищенное (илл. 5)	

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
96	столб	49	125	рисунок	6-конечный крест высотой 9 см (илл. 5)	
97	столб	49	132	?	(над крестом) что-то не расчищенное (илл. 5)	
98	столб	49	75	рисунок	крест высотой 17 см (илл. 5)	
99	столб	49	112	рисунок	4-конечный крест высотой 8 см (илл. 5)	
100	столб	49	122	рисунок	6-конечный крест высотой 11,5 см (илл. 5)	
101	столб	49	над 122	?	(над крестом) что-то не расчищенное (илл. 5)	
102	столб	49	112	надпись	4 строки, высота 10 см ПѦ/ТЬ ЛЕС/О ПЬРЬСЕ/КЬ	Фото 9097–9103
103	столб	49	140	рисунок?	недорасчищенный рисунок?	
104	столб	49	145	рисунок	картуш (с рисунком?) длиной 40 см, высотой 25 см	
105	столб	49	120	рисунок?	не расчищено, птица?	
106	столб	49 перед 50	136	рисунок?	«руна», вертикальная черта с отрогом вправо высотой 7 см	
107	столб	50	40	рисунок?	косая решетка высотой 21 см	Фото 9105
108	столб	50	149	буквы? рисунок?	3 знака, длина 7 см (буквы? рисунок?)	Фото 9106
109	столб	51	98	рисунок?	росчерк (остатки рисунка?)	
110	стена	53	121	надпись	две надписи одна над другой: …ЕИ / УСТ…	не заснято
111	столб	53	41	рисунок?	высотой 12 см	
112	стена	54	167	надпись	…ОИ…	не заснято
		56	*Окно*			
		58	*Келья в стене*			
113	стена	58		надпись	в келье ИВАНЕ ѰЛЪ ЛѢВОЮ Р…	Фото 9174–9176 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи… С. 68–69, № 13.
114	столб	60	42	рисунок?	высотой 14 см	
		61	*Круглое окно*			
115	стена	62	118	рисунок	птица (илл. 6)	Фото 9169–9173
116	стена	62	139	надпись	мелкая надпись	
117	стена	62	150	надпись		
118	стена	63	85	рисунок?	рисунок?	
119	столб	63	116	рисунок?	высотой 16 см	
120	стена	64	121	надпись?	О	
121	столб	64	102	надпись?	не расчищенная надпись? крупные буквы, длина 30 см	
122	столб	64	147	рисунок?	высота 30 см, много тонких штрихов, не расчищенный рисунок?	

№ п/п	столб/ стена	№ ступени	высота (см)	характер граффити	описание	примечания
		66	*Окно*			
123	столб	68	98	надпись?	не расчищенные крупные буквы? длина 23 см	
124	столб	72	88	буква	Р высотой 5 см	
125	столб	73	46	рисунок	6-конечный крест с покрытием, высота 9,5 см	Фото 9111–9113
126	столб	73	113	рисунок	рисунок столпообразного храма, высота 48 см	Фото 9114–9121
		74	*Круглое окно*			
127	столб	74	69	рисунок	8-конечный крест, высота 10 см	Фото 9122–9123
128	столб	74	85	рисунок	птица высотой 20 см (справа от нее крест?)	Фото 9124–9132
129	столб	74	103	рисунок?	летящая птица? высота 11 см	Фото 9133–9134
130	столб	76	60	рисунок	4-конечный крест высотой 4 см	Фото 9135
		79	*Площадка перед решетчатой дверью*			
131	стена	84	142	надпись	фрагмент однострочной надписи длиной 19 см, высота букв около 1 см: ПУТИ … РУ	не заснято
132	стена	84	142	надпись	фрагмент надписи (начало) в две строки (длина 4 см, высота 2 см): РАТ… / ѦРОС…	Фото 9145–9147
133	стена	84	135	рисунок	дерево? (высота 27 см, ширина около 15 см)	не заснято
134	стена	85	120	надпись	на коричневой разгранке под изображением святителя, три строки, длина 30 см: ГИ ПОМ[ОЗ]И РАБОУ СВОЕМОУ / СNОВИ[Д]ОУ БОГА[ТО]МОУ ГРѢХЫ СТНПАNИЧОУ / ѰБОГЫ КОУNАМИ	Фото 9136–9144 Публ.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи… С. 69–71, № 14.
135	стена	85	135	надпись	на зеленом фоне слева от ноги святителя, тщательно зачеркнутая надпись в 5 (?) строк, длина 14 см, высота 8 см (рис. 7)	Фото 9149–9152
136	стена	85		надпись	на зеленом фоне слева от ноги святителя, тщательно зачеркнутая надпись в одну строку? С (или О) …Ъ	Фото 9149–9152
137	стена	85	107	рисунок	фрагмент рисунка (возможно, полуфигуры?), высота около 20 см, ширина около 15 см	

Список литературы

Михеев С. М. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo. Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 62. Zagreb, 2012. С. 63–99.

Рождественская Т. В. Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1990. XIV, 2. С. 51–58.

Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X–XV вв.: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1991. 96 с.

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1992. 120 с.

Рождественская Т. В. «О, тому умети грамоте!..» (надписи с именем «Путила» в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря) // Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. литературы РАН. Т. 58. СПб.: Наука, 2007. С. 780–788.

References

Mikheev S. M. 22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda // Slovo. Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 62. Zagreb, 2012. P. 63–99.

Rozhdestvenskaya T. V. Drevnebolgarskaya epigraficheskaya traditsiya i novgorodskaya epigrafika // Palaeobulgarica = Starob''lgaristika. 1990. XIV, 2. P. 51–58.

Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskaya epigrafika X–XV vv.: ucheb. posobie. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1991. 96 p.

Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: novye istochniki XI–XV vv. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 1992. 120 p.

Rozhdestvenskaya T. V. «O, tomu umeti gramote!..» (nadpisi s imenem «Putila» v Georgievskom sobore novgorodskogo Yur'eva monastyrya) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury / Institut russkoy literatury Rossiyskoy Akademii nauk. 58. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 780–788.

Illustrations

Fig. 1. Staircase tower of St. George's cathedral. Platform with a monastic cell in the wall (stair 48)

Fig. 2. Sgraffito drawing — half-figure (No. 30)

Fig. 3. Sgraffito drawing — half-figure (No. 76). Detail

Fig. 4. Inscription No. 80

Fig. 5. General view of sgraffiti drawings (Nos. 92–101)

Fig. 6. Sgraffito drawing — bird (No. 115)

Fig. 7. Crossed out sgraffito (No. 135)

I. Yu. Ankudinov. St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod: topography of the graffiti

Abstract. The article describes the topography of all revealed sgraffiti on the walls of St. George's cathedral in Novgorod Yuriev monastery. In addition, there is proposed a method for presenting data on uninformative sgraffiti, which almost never become the object of publication and research.

Keywords: sgraffiti, Veliky Novgorod, writing, graffiti drawings.

Ankudinov Igor Yurievich, historian, Veliky Novgorod, Russian Federation, ankudinovu@mail.ru.

Образ великомученика Георгия из Юрьева монастыря: проблема реконструкции первоначального вида иконы

Д. С. Першина, Е. М. Саенкова

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.124-135

Аннотация. Статья посвящена реконструкции первоначальной живописи иконы «Великомученик Георгий» из Юрьева монастыря в Новгороде (ГТГ). В работе использованы данные технико-технологических исследований, проведенных в Третьяковской галерее в 2019 г. На примере широкого круга памятников византийского и древнерусского искусства рассматриваются особенности иконографической программы, а также приводятся аналогии первоначальным орнаментам на воинском облачении святого Георгия.

Ключевые слова: великомученик Георгий, иконография, реконструкция, авторская живопись, орнамент, византийское искусство, древнерусское искусство, технико-технологические исследования.

Першина Дарья Сергеевна — научный сотрудник, Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский пер., 10, Москва, Российская Федерация, 119017, dsgolovkova@yandex.ru.

Саенкова Елена Михайловна — кандидат искусствоведения, зав. отделом древнерусского искусства, Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский пер., 10, Москва, Российская Федерация, 119017, elsaen@mail.ru.

Образ (илл. XX: *а* на цветной вклейке) был написан для Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. Сохранившиеся письменные источники, древнейший из которых — Опись Новгорода 1617 года, упоминают икону в местном ряду соборного иконостаса (Опись Новгорода…, 1984. С. 87). По сведениям монастырской Описи 1723 года, икона располагалась справа от Царских врат за образом Спасителя (Опись Юрьева монастыря…, 2005. С. 192). В новом резном иконостасе, устроенном при архимандрите Фотии в 1825–1827 гг., «Святой Георгий» по-прежнему занимал место храмовой иконы (*Трифонова*, 2009. С. 19).

Великомученик Георгий изображен как доблестный полководец и воин Христов. Он облачен в тельник, доспехи, красный плащ, традиционно скрепленный на правом плече, и сапоги-кампагии. Плащ, закрывающий правое бедро святого, поддерживается левой рукой, при этом другой его край свисает чуть выше левого запястья. На голове святого узкий венец, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. Перед собой великомученик держит победоносное оружие, словно демонстрируя атрибуты воинской славы: в правой руке — копье, а в левой — меч. На перевязи за левым плечом закреплен небольшой круглый щит. В авторской живописи позем отсутствовал, и фигура святого была окружена золотым сиянием.

Отметим, что в искусстве Киевской Руси отдавалось предпочтение именно воинскому типу иконографии великомученика в его разных вариантах. Святой Георгий с копьем и щитом

изображен на печати киевского митрополита Георгия 1068–1073 гг. (*Янин*, 1970. С. 174). Фигура мученика в воинских одеждах, как предполагают исследователи, могла располагаться на западной грани южного подкупольного столпа Софии Киевской, закрытого впоследствии иконостасом, — напротив образа святого Димитрия (*Герасименко и др.*, 2016. С. 123). Опирающийся на щит Георгий с копьем в руке представлен на северо-западном подкупольном столпе Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке (*Сарабьянов*, 2016. С. 193–194. Ил. 187, 190), на юго-западном подкупольном столпе Кирилловской церкви в Киеве (1170-е гг.), (*Лифшиц*, 2015. С. 205. Ил. 281) и на наружном рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.) (*Вагнер*, 1966. Ил. 46). Наконец, с копьем и мечом мученик представлен на обороте двусторонней иконы «Богоматерь Одигитрия. Великомученик Георгий» последней четверти XI в. из Успенского собора Московского Кремля — самом раннем сохранившемся образе святого в русской иконописи.

Находившийся в составе алтарной преграды Георгиевского собора, а затем и в иконостасе образ на протяжении столетий неоднократно поновлялся. Причинами поновлений в древности были прежде всего пожары и перестройки храмового пространства, о чем известно из летописей, а в Новое время монастырские власти стремились привести живопись в соответствие с последними тенденциями в искусстве. В результате многочисленных чинок первоначальная живопись иконы сохранилась частично, однако проводившиеся в 2019 г. во время работы над Академическим каталогом технико-технологические исследования (ГТГ, 2020. С. 191–217) позволяют реконструировать не только авторский иконографический замысел, но и художественное решение образа[1].

Лицевая сторона в настоящее время состоит из разновременных фрагментов, где авторский красочный слой занимает менее половины поверхности. Первоначальная живопись была раскрыта не полностью, под перелевкасками и записями оставлены ее значительные участки[2]. Изображения ряда деталей при поновлениях искажены.

Прежде всего отметим, что образ в целом сохранил свои первоначальные размеры. Его высота и ширина были уменьшены незначительно, что связано с разновременными повторными обработками торцов и боковых сторон, а также с выравниванием стыков досок[3].

Позолоченный фон иконы имеет наилучшую сохранность в нижней части, где позже появился позем[4]. Цвет полей установить невозможно, но вероятнее всего, что они были тоже золотыми. По краям ковчега шла довольно широкая киноварная полоса[5]. Контуры фигуры святого в настоящий момент близки к первоначальным, однако рисунок и орнаменты отдельных деталей, на которых оставлены записи, отличаются от авторского. К первоначальному красочному слою относятся розовый нимб святого, светло-коричневые доспехи (частично наплечники и часть доспехов ниже изображения меча), ворот тельника и поручи, щит, а также несколько фрагментов красного плаща (наиболее крупные — на груди и снизу у левой ноги) (илл. XX: *б* на цветной вклейке).

Живопись доспехов в целом неплохой сохранности. Их проработка хорошо видна в верхней

[1] В процессе работы были выполнены следующие виды исследований: изучение лицевой стороны с использованием микроскопа (Д. С. Першина), рентгенографирование (выполнено в Отделе комплексных исследований ГТГ И. А. Касаткиной и Н. И. Митраковым); фотосъемка, включающая макро- и микрофотосъемку, съемку в инфракрасной области спектра, а также исследование деревянной основы (Д. С. Першин), изучение пигментного состава живописи (И. Ф. Кадикова, Отдел физико-химических исследований ГосНИИР).

[2] Реставраторы, выполнявшие раскрытие иконы в 1928–1933 гг., полагали, что состояние первоначальной живописи под оставленными ими поновительскими слоями неудовлетворительное. После проведенных исследований можно говорить о том, что местами под записями и перелевкасками авторский красочный слой сохранился хорошо.

[3] Размеры иконы и по вертикали, и по горизонтали изменились не более чем на 2–4 см.

[4] Авторское золочение лучше всего сохранилось под несколькими слоями записей на уровне позема.

[5] В правом верхнем углу иконы под поновительским золотом на месте надписи просматривается горизонтальная графья с остатками киновари, указывающая, что нижележащая надпись (вероятно, авторская) находилась там же.

части торса Георгия (илл. XXI на цветной вклейке). Поверх светло-коричневого колера красным органическим пигментом были очерчены детали и выполнены лессировочные притенения[1]. Тонкий золотой ассист повторял линии малинового рисунка, при этом золотые украшения ворота и пластин на груди имели более сложную форму. В верхней части доспехов представлен элемент, напоминающий раковину, по сторонам которого также располагались крупные овальные украшения[2]. Под изображением перевязи на доспехах рисунок выглядит асимметричным: в левой части торса он состоит из полукруглых элементов, а в правой образован прямыми вертикальными линиями.

В настоящее время из-за потертостей моделировка доспехов выглядит несколько невнятной. Малиновые рисунок и притенения частично утрачены и выглядят неотчетливыми и более бледными, чем было первоначально[3]. Золотой ассист и коричневые контуры[4] сохранились лишь местами.

Представление о том, как выглядели подобные доспехи и их украшения, дают изображения воинов на миниатюрах, в частности образы святых Прокопия и Евдокима в Минологии 1063 года (ГИМ, Син. гр. 9, л. 72 об., 125 об; *Попова и др.*, 2012. С. 339–341. Илл. 288, 291), мозаичное изображение Димитрия Солунского из Михайловского Златоверхого монастыря, около 1112 г. (ГТГ; ГТГ, 2020. С. 110–123), а также иконы начала XIII в. из монастыря святой Екатерины на Синае — «Великомученик Георгий, в житии» (Byzantium…, 2004. P. 372–373. Cat. 228) и «Великомученики Федор и Димитрий» (Sinai, 1990. P. 169, il. 40).

Наплечники и нижняя часть доспехов, скрытые левкасом и резным орнаментом, практически не поддаются реконструкции. Как и торс, они были прорисованы малиновым колером по охристому фону и украшены золотым ассистом (илл. XXII на цветной вклейке). По отдельным фрагментам первоначальной живописи можно предположить, что эти части доспехов состояли из вертикальных пластин, которые впоследствии при поновлении были прорезаны в слое левкаса.

Нижние края наплечников имели другие очертания: они были короче и не закрывали локти, что видно на изображении левой руки, где первоначальный синий колер тельника просматривается в потертостях слоев поновлений. В византийском искусстве длинные вертикальные пластины — наиболее распространенный вариант изображения наплечников, даже в тех случаях, когда сам доспех состоит из колец или коротких пластин.

Детали синего цвета на плечах, по-видимому, являющиеся также фрагментами доспехов[5], покрыты золотым орнаментом[6], который образован пересекающимися тонкими золотыми линиями с поперечными штрихами. Внутри каждого большого ромба расположен маленький золотой ромбик. Поскольку эти детали несколько раз закрывались окладом, авторская живопись здесь в значительной степени утрачена. Лаконичный вариант такого типа орнамента из прямых золотых пересекающихся линий украшает тельник святого Георгия на иконе «Богоматерь

---

1 Основной колер доспехов наносился дважды. В первом слое живописи был выполнен тонкий коричневый рисунок. Вероятно, такой вариант не устроил художника, и он перекрыл доспехи вторым слоем охры и прорисовал их иначе. См.: ГТГ, 2020. С. 197. Илл. 7, 18.

2 Один из таких элементов изображен на груди Георгия за древком копья, вероятно, справа предполагался симметричный ему второй, но он закрыт складкой плаща.

3 На наплечниках в утратах поновительского грунта видны более насыщенные по цвету, чем на торсе, фрагменты малинового рисунка.

4 Насколько можно судить, контуры доспехов первоначально были коричневыми. У контура торса справа снизу сохранились легкие коричневатые притенения.

5 Сначала нанесен колер подготовки, состоящий из индиго и белил. Затем местами были прорисованы контуры этих деталей (сохранился только фрагмент на изображении левого плеча), после чего нанесен слой ультрамарина.

6 Под ассист и золотой орнамент предварительно наносился светлый охристый рисунок. Ширина линий этого рисунка всегда немного больше, чем листков золота. Колер, состоящий из светло-коричневой охры, белил и небольшого количества красной охры, использован на изображениях доспехов, плаща, синих деталей одежд. Под ассистом доспехов слой подготовки выявляется очень плохо, возможно, смесь была нанесена очень тонко и визуально сливается с основным цветом. На портах и зеленом кольце щита подготовительный рисунок намечен светло-коричневой охрой. Подготовка под изображением звезд на щите не выявлена.

Одигитрия. Великомученик Георгий» последней четверти XI в. из Успенского собора Московского Кремля (Иконы Успенского собора…, 2007. С. 54–71). К этому же типу принадлежит орнамент синего хитона святого Георгия на мозаичной иконе из монастыря Ксенофонт, для которой исследователи предлагают широкую датировку — от 1079 г. до второй половины XII в. (Ιερά μονή Ξενοφώντος, 1998. Σ. 49–59. Εικ. 8; *Скобцова*, 2021).

Традиционная для ростовых и полуфигурных изображений воинов перевязь на груди Георгия написана преимущественно ультрамарином. Сначала наносился основной колер (ультрамарин с белилами), затем чистым синим пигментом прокладывались складки, а высветления прорабатывались разбеленным основным колером. Ткань украшена сдвоенными золотыми полосками. Красочный слой перевязи потерт, первоначальный рисунок складок стал менее отчетливым. В значительной степени утрачены край перевязи слева (у контура торса), а также свисающий слева от узла конец ткани[1].

Судить о живописи синего тельника можно только по отдельным небольшим фрагментам, раскрытым из-под записей. Наиболее крупным из них является участок у шеи, более мелкие: проба над каймой у правой ноги (илл. XXIII: *а* на цветной вклейке) и фрагменты вокруг древка копья. Также мелкие фрагменты авторской живописи просматриваются на рукавах в потертостях поновительских слоев (илл. XXIII: *б* на цветной вклейке). Тельник был выполнен по подготовке, состоящей из индиго и белил, в которой намечался черный рисунок складок и наносились высветления сначала голубым колером, затем белильным. Сплошной, довольно плотный слой ультрамарина положен поверх этой подготовки, при этом проработка объема на тельнике хорошо прочитывалась[2]. Тельник был украшен золотым орнаментом, реконструкция которого в настоящее время не представляется возможной.

Зарукавья и кайма тельника снизу выполнены тем же колером, что и доспехи, имели такие же коричневые контуры и золотой ассист; местами были проложены легкие малиновые и коричневатые притенения. По нижним краям зарукавьев нанесены диагональные коричневые штрихи (илл. XXIV: *а–в* на цветной вклейке). Таким образом, кайма и зарукавья тельника имели сходное решение, чрезвычайно близкое к живописи доспехов.

В настоящее время сложно сказать, были ли украшены зарукавья камнями, или они появились только при поновлениях[3]. Можно лишь утверждать, что их поверхность была покрыта ассистом, положенным тонкими параллельными линиями. Однако в византийском искусстве известны примеры, когда яркие крупные камни и жемчужины изображались поверх тонких линий ассиста на зарукавьях и наплечниках воинов: на иконе из Успенского собора Московского Кремля (зарукавье), на фреске с образом великомученика Димитрия в церкви Святых Врачей в Кастории конца XII в. (наплечники; *Pelekanidis, Chatzidakis*, 1985. P. 37, pl. 19), на уже упоминавшейся житийной иконе святого Георгия начала XIII в. из монастыря святой Екатерины на Синае (зарукавья и наплечники) и др.

Первоначально кайма тельника была шире примерно на 1,5–2 см, ее верхний край справа был заметно выше и располагался примерно на том же уровне, что и у левой ноги. Рисунок складок не был таким жестким и акцентированно графичным, как в поновлении XIII в. (см. раскрытый фрагмент каймы справа от изображения левой ноги) (илл. 1). В настоящее время золотая кайма с резным узором контрастирует с более аскетич-

---

[1] Полоса ткани у краев торса становится шире, образуя дугообразные линии, что первоначально было более заметно. В настоящее время на этих участках имеются потертости. В левой части и справа сверху синий колер утрачен до основного тона доспехов. На груди справа контур перевязи повторял контур красного плаща.

[2] Таким образом, на рассматриваемом памятнике выявлено два способа написания синих деталей с использованием ультрамарина. Первый — по подготовке, здесь ультрамарин используется в качестве лессировки (тельник, детали на плечах), второй — когда ультрамарин является основным компонентом смесей и в чистом виде используется в прорисовке складок (перевязь на груди, щит). Вероятно, эти два способа работы были необходимы для создания разных оттенков синего: более активного, звучного в первом случае, и несколько приглушенного — во втором.

[3] Следов такого украшения не было выявлено на левом зарукавье (в центре находится небольшая вставка поновительского грунта), а на правом изображен красный камень, относящийся к ранней записи.

• **Илл. 1. Выявленные фрагменты авторского рисунка и ассиста на кайме тельника великомученика Георгия. Прорисовка по обработанной фотографии. Д. С. Першин, 2021**

ным решением авторских деталей одежд, имевших светло-коричневый цвет.

Запись на тельнике сильно изменила вид иконы в целом, поскольку насыщенный синий цвет первоначально являлся одной из важнейших доминант колористического решения рассматриваемого образа (илл. XX: *в* на цветной вклейке). В иконографии великомученика Георгия тельник синего цвета обычно сочетался с красным плащом, как например, на миниатюре Евангельских чтений последней четверти XI в. из монастыря Дионисиу на Афоне (cod. 587, л. 151β; *Πελεκανίδης κ. ἄ.*, 1973. Τ. Α. Σ. 211. Εικ. 265), на иконе «Великомученики Георгий, Федор и Димитрий» рубежа XI–XII вв. (ГЭ; Синай, Византия, Русь, 2000. С. 101–102) и на уже упоминавшихся памятниках из Успенского собора Московского Кремля и монастыря святой Екатерины на Синае.

Авторская живопись плаща раскрыта под изображением шеи, по границе с доспехами на груди, между торсом и левой рукой, в левой части торса снизу и под каймой тельника справа. Плащ написан по основному колеру, представляющему собой красно-коричневую охру. По охре был нанесен рисунок складок (основной колер с добавлением угольной черной). Высветления проработаны практически чистой киноварью[1] (илл. XXV: *а* на цветной вклейке). Около левой руки и в нижней части фигуры живопись плаща имеет иную стратиграфию: первым слоем здесь является дисперсный киноварный колер с проработкой красным органическим пигментом[2]. Затем выполнялась моделировка, идентичная уже описанной выше (илл. XXV: *б* на цветной вклейке). Вероятнее всего, двухслойная живопись в нижней части плаща является результатом изменения авторского замысла (когда первоначально мастер намеревался сделать плащ более ярким и светлым, а затем отказался от этой идеи)[3]. Плащ был украшен золотым орнаментом, состоящим из элементов довольно крупного размера (до нескольких сантиметров) — звезд и стилизованных

[1] На левом плече основной колер и моделировка местами накладывались повторно, что, вероятно, было связано с поиском более выразительного рисунка вертикальной складки плаща.

[2] На рентгенограмме раскрытых участков живописи плаща хорошо видно, где нижний киноварный слой присутствует, а где нет. Киноварный колер наносился широкой кистью довольно свободно. В настоящее время сложно представить, как выглядела моделировка красным органическим пигментом в этом слое.

[3] Впрочем, нельзя полностью исключать того, что подобным способом иконописец добивался определенных оттенков основного цвета.

• Илл. 2. Выявленные фрагменты авторского орнамента на плаще великомученика Георгия. Прорисовка по обработанной фотографии. Д. С. Першин, 2021

растительных мотивов (стебель с двумя отростками) (илл. 2).

Рисунок плаща изменен при поновлениях. В авторской живописи на груди он был скреплен фибулой (?) слева (в правой части торса святого). На левом плече располагалась небольшая вертикальная складка. Такая складка на ткани плаща святых воинов повсеместно встречается в византийском искусстве XII в. Левой рукой, которой великомученик держал меч, он придерживал и плащ, закрывавший его правое бедро[1]. Эта ткань частично перекрывала гарду меча. Плащ, ниспадавший с левого плеча, образовывал складку над кистью. Ее верхний контур был выше на несколько сантиметров (илл. XXIV: *а–в* на цветной вклейке).

Изображения, где край плаща наброшен на левую руку святого воина, сравнительно редки — это костяная икона X в. «Великомученик Димитрий» (Метрополитен-музей, Нью-Йорк; The Glory of Byzantium, 1997. P. 134–135. Cat. 81); изображения святого Георгия на фреске конца 1150-х — начала 1160-х гг. из Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке (*Сарабьянов*, 2016. Ил. 190), на фреске конца XII в. церкви Святых Врачей в Кастории (*Pelekanidis, Chatzidakis*, 1985. P. 33, pl. 12), на фреске второй половины XIV в. в церкви Панагии Асину на Кипре, которая, вероятно, повторяла первоначальную композицию 1105–1106 гг. (*Hadjichristodoulou, Myrianthefs*, 2002. P. 20), а также образы великомучеников Феодора и Георгия на фреске второй половины XIV в. из храма святого Николая тис Стегис на Кипре (*Stylianou A., Stylianou J. A.*, 1997. Il. 29) и др.

Еще реже встречаются примеры, когда воин левой рукой придерживает правый край плаща, так что его полотнище в виде треугольника облегает нижнюю часть фигуры[2]. Эта особенность присутствует в изображении святого Димитрия на иконе «Великомученики Феодор Стратилат и Димитрий» начала XIII в. из монастыря Св. Екатерины на Синае (Sinai, 1990. Il. 40).

Многочисленные узоры, которые просматриваются на сохранившихся участках авторской живописи, были широко распространены в комниновском искусстве. Орнаменты такого типа, как на плаще Георгия, представлены, например, на фреске с изображением великомученика Меркурия 1074–1075 гг. в церкви Свв. Илии и Меркурия на Керкире (*Βοκοτόπουλος κ. ἄ.*, 2018. **Σ.** 77–78. **Εικ.** 6), на плаще святого Георгия из Успенского собора Московского Кремля, на плаще великомученика Федора Тирона (?) в росписях церкви Богоматери Космосотиры в Феррах, 1152 г. (*Παπαθεοφάνους-Τσουρή*, 2016. **Σ.** 337). Орнамент с более сложным мотивом древа украшает плащ архангела на иконе «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину» конца XII в. из Успенского собора Московского Кремля (Иконы Успенского собора…, 2007. С. 79 –85).

Авторский красочный слой на изображении портов просматривается лишь на незначительных по площади участках над изображением сапог. Порты имели красивый малиновый цвет, полученный путем лессировки базового красно-коричневого колера[3] красным органическим

[1] Первоначальный край закрывавшей бедро ткани находился чуть левее.

[2] Такие изображения чаще встречаются в иконографии мучеников.

[3] Состав колера: красно-коричневая охра, черная угольная.

пигментом. Рисунок складок был нанесен до этой сплошной лессировки, а подготовка под золотой орнамент выполнялась поверх нее. Орнамент портов в настоящее время не может быть реконструирован из-за незначительного размера раскрытых участков (прочитываются такие его элементы, как полукруглые линии и сдвоенные вертикальные полоски у контура правой ноги) (илл. XXVI на цветной вклейке).

Первоначальные изображения кампагий не сохранились, лишь по верхнему краю левого сапога просматриваются микроскопические фрагменты охристого цвета, идентичного красочному слою доспехов. Вероятно, сапоги святого полностью или частично были написаны этим колером. В таком случае моделировка сапог могла быть сходной с живописью других светло-коричневых деталей одежды.

Изображение щита великомученика состоит из нескольких колец: светло-коричневого, синего и зеленого. Стилизованный растительный орнамент внешнего кольца прорисован красным органическим пигментом и подчеркнут тонкими линиями золотого ассиста. Кольца внутренней части щита сближены по тону. Второе кольцо и центральный круг написаны смесью ультрамарина с белилами и разделены полосой темно-зеленого цвета[1] с орнаментом, имитирующим надпись. Синие элементы украшены крупными золотыми звездами. Внешний контур подчеркнут двумя темно-коричневыми полосами с линией ассиста между ними[2] (илл. XXVII: *а–в* на цветной вклейке). Для изображения щита использованы те же цвета и аналогичные украшения в виде золотых звезд, что и для одежд святого.

В византийском искусстве XI–XII вв. небольшой круглый щит чаще всего изображался за плечами конных воинов. Представленные в рост святые обычно держат его перед собой, как Федор Тирон, Нестор и Прокопий на эмалевой иконе XII в. из ризницы Сан Марко (Byzantium…, 2008. P. 116, 395. Cat. 58); иногда в одной руке и щит, и меч, как у великомученика Димитрия на мозаике 30-х годов XI в. кафоликона Осиос Лукас в Фокиде (*Χατζηδακη*, 1994. **Εικ.** 69) и др. Изображения круглого щита за плечами пеших воинов присутствуют во фресках конца XII в. церкви Святых Врачей в Кастории, например, у святых Федора Тирона и Нестора (*Πελεκανίδης*, 1953. **Πιν.** 21, 27). Орнаменты, имитирующие надписи, сравнительно редко использовались для украшения воинских атрибутов. Таким образом декорирована центральная часть щита на мозаике святого Димитрия в монастыре Осиос Лукас в Фокиде.

Ремень щита и копье были написаны темно-коричневым цветом, контуры их теневых частей отмечены черной линией. Ремень украшен золотым орнаментом из ромбов, чередующихся с двойными поперечными полосками, сохранившимися у правой кисти святого. Древко копья выделено полосой ассиста, нанесенной вдоль правого контура по всей длине. Наконечник копья написан смесью ультрамарина с белилами.

Авторская живопись на изображении меча не просматривается и, видимо, в значительной степени утрачена. Рукоять[3] и ножны имели темно-коричневый цвет. Ножны были декорированы поперечными полосами с ассистом[4]. Гарда располагалась чуть выше и левее, ее украшали киноварные квадратные камни, а также два ряда крупных жемчужин (илл. XXIV: *б, в* на цветной вклейке).

При реставрации выявлены авторские контуры головы, но первоначальная живопись волос видна лишь в утратах поновительских слоев на отдельных небольших участках[5]. Основной колер состоит из темно-коричневой охры и угольной черной; рисунок прядей и полупрозрачные притенения выполнены угольной краской, локоны проработаны в два приема светло-коричне-

[1] Этот цвет получен путем лессировки зеленой подложки (глауконит, немного белил и светло-коричневой охры) синим колером (ультрамарин, белила).

[2] Первоначальный контур сохранился лишь на небольших участках щита справа и сверху (у нимба).

[3] Изображение рукояти в настоящее время полностью скрыто слоями записей, отдельные фрагменты гарды просматриваются над левой кистью святого. При рентгенографировании выявлено, что рукоять была украшена мелкими белильными точками, как и на изображении меча Георгия на двустороннем образе из Успенского собора Московского Кремля. Предположительно, на рассматриваемой иконе этот слой относится к самому раннему поновлению.

[4] Возможно, такие детали восходят к элементам крепления ремней к ножнам.

[5] Наиболее крупные участки у контуров головы справа и слева.

вой охрой[1]. На раскрытых участках по контуру головы локоны имеют округлую форму, как можно предположить, вокруг лика они чуть меньше и представляют собой более плотные завитки. В процессе проработки волос был исполнен нимб[2]. По светло-серому, почти белому, подготовительному слою[3] нанесен основной розовый колер[4]. После розового цвета нанесен завершающий черный контур прически.

Авторская живопись венца сохранилась частично. Он написан светло-коричневой охрой и украшен двумя рядами крупных жемчужин; в центре помещен красный камень с полукруглым верхним краем[5]. Расположенные в правой и левой частях диадемы квадратные синие камни выполнены ультрамарином. Золотым ассистом подчеркнуты верхний и нижний края венца и крепления камней (илл. XXVIII: *а–в* на цветной вклейке). Таким образом, диадема и гарда меча были украшены сходным образом.

Личное письмо практически полностью находится под перелевкаской и записями, авторский красочный слой просматривается только в мелких утратах поновительских слоев (илл. XXIX на цветной вклейке). Наиболее крупный участок первоначальной живописи раскрыт в левой нижней части изображения шеи[6].

Рисунок черт лика и его контуры в записи несколько изменены. Видимо, лик был немного крупнее: контур подбородка находился на том же месте, что и в записи, но граница лба и волос проходила немного выше (примерно на 1 см). Чуть выше располагались брови и глаза. Контур левой щеки был немного правее. Возможно, весь лик был немного повернут вправо, что можно предполагать и по положению центрального камня диадемы.

Живопись лика и рук имела более светлый тон, чем в настоящее время. Нижний колер личного зеленовато-охристого цвета, он представляет собой желтую охру с добавлением небольшого количества глауконита[7]. Тени проработаны зеленым колером (глауконит, желтая и красная охра, угольная черная). Дальнейшие высветления состоят преимущественно из желтой охры и белил, они нанесены тонкими полупрозрачными слоями и сближены по тону с нижним слоем личного. На изображении щек святого, по контуру лика справа, и, вероятно, на некоторых других участках положена тонкая киноварная подрумянка[8]. Моделировка личного, по всей видимости, была мягкая, неконтрастная, без ярких белильных высветлений. Описи лика выполнялись темной красно-коричневой краской, а завершающий рисунок бровей и глаз дополнительно наносился угольной черной[9].

Судить о характере личного письма сейчас достаточно сложно, но изучение живописи доличного позволяет сделать некоторые выводы. Даже если принимать во внимание повторную проработку отдельных деталей, моделировка на различных участках не является многослойной. Красочные смеси очень простые, часто состоящие из одного-двух пигментов. Одни и те же колера используются для различных деталей, например, светло-охристый для доспехов, зарукавьев и каймы тельника, диадемы, внешнего кольца щита, возможно, кампагий. Ультрамарин применен в живописи тельника, щита, перевязи на груди, элементов доспехов на плечах; этим синим пигментом написаны также квадратные камни диадемы. Киноварный колер использован в живописи плаща и камней на рукояти меча

---

1 В колере также присутствуют красная охра, каолин, незначительное количество угольной черной и киновари.

2 Оба колера нимба, нижний и верхний, нанесены после основного слоя живописи волос и первого черного контура прически.

3 В основном это белила с добавлением угольной черной. В колере также обнаруживаются отдельные частицы красной охры (?) и незначительное количество красного органического пигмента.

4 Состав колера: белила, красный органический пигмент, частицы ультрамарина.

5 Контуры написанного киноварью камня проработаны красным органическим пигментом.

6 На поверхности авторской живописи оставлено большое количество потемневшего покрытия.

7 Полный состав основного колера: дисперсная желтая охра, немного глауконита; незначительные добавки красной охры, свинцовых белил, угольной черной, единичные частицы ультрамарина.

8 Насколько можно судить, в процессе работы на освещенных участках она была отчасти перекрыта светлыми охристыми лессировками, а в тенях — зелеными приплесками.

9 Контуры рук также нанесены коричневым колером и, насколько можно судить, усилены черными линиями.

и в центре венца. Эти три цвета: ультрамарин, красный и светло-коричневый — в сочетании с золотым фоном составляют основу колористического решения образа, отличающегося особой торжественностью[1]. Обилие золота (включая ассист и узоры одежд) в сочетании с избранными оттенками цветов говорят об аристократическом вкусе. И характер композиции, и дорогие материалы, использованные для создания образа, указывают на княжеский заказ.

Княжескому заказу соответствовал выбор для храмового образа[2] наиболее торжественной иконографии победоносного полководца, демонстрирующего свое оружие — копье и меч. Вероятно, что изображение Георгия на иконе из Юрьева монастыря восходит к некому византийскому образцу, имевшему свои особенности в ростовом и поясном вариантах[3]. Не исключено, что ко времени создания иконы в Новгороде уже могли существовать чтимые образы великомученика. По мнению Э. С. Смирновой, некая местная икона Георгия могла входить в первоначальную декорацию Софийского собора (*Смирнова*, 2000. С. 279)[4].

Торжественное звучание и эффект репрезентативности придавали образу из Юрьева монастыря особые художественные приемы, более привычные для мастеров монументальной живописи, в частности отсутствие позема. Именно в мозаичных ансамблях фигуры святых свободно парят в золотом пространстве: апостолы и мученики в нартексе кафоликона монастыря святого Луки в Фокиде 30-х годов XI в., великомученики Димитрий и Георгий на иконах монастыря Ксенофонт (Ιερά μονή Ξενοφώντος, 1998. Σ. 49–59. Εικ. 8), ангелы и святители в апсиде собора в Монреале, 1183–1189 гг. Легкий разворот фигуры Георгия создает ощущение величественного шествия святого навстречу молящимся. Сине-зеленый щит за спиной, на «втором» плане за розово-лиловым нимбом словно намечает пространственные зоны в потоке света. К сожалению, степень сохранность личного письма не дает возможности сопоставить художественные приемы иконы с сохранившимися фрагментами фрескового убранства храма.

Список литературы

Вагнер Г. К. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М.: Искусство, 1966. 66, [8] с., 35 л. ил.

Герасименко Н. В., Захарова А. В., Сарабьянов В. Д. Изображения святых во фресках Св. Софии Киевской. Подкупольное пространство // ИХМ. Вып. 13. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2016. С. 115–130.

ГТГ: каталог собрания. Серия: Древнерусское искусство X–XVII веков. Иконопись XVIII–XX веков. Т. 3. Древнерусская живопись XII–XIII веков / отв. ред. Т. Л. Карпова. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2020. 604 с.

Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI веков: [каталог] / Новгородский гос. объед. музей-заповедник; авт. вступ. ст. Е. В. Гладышева. М.: Северный паломник, 2008. 550 с.: ил.

Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века: каталог / науч. ред. Л. А. Щенникова. М.: Северный паломник, 2007. 255 с.

Лифшиц Л. И. Живопись второй половины — конца XII века // История русского искусства. Т. 2, ч. 2 / отв.

[1] Характерно также довольно широкое применение красного органического пигмента малинового оттенка. Он является одним из составляющих розового колера нимба, применен в качестве лессировки на изображении портов, а также для рисунка и легких притенений на светло-коричневых деталях.

[2] Примечательно, что для фрески в приделе на лестничной башне Георгиевской церкви, предназначавшемся для уединенных монашеских бдений, предпочтение было отдано более «скромному» мученическому типу: эта фреска в нижнем регистре росписи, рядом с изображением Богоматери, по мнению В. Д. Сарабьянова, выполняла функции храмового образа (*Сарабьянов*, 2002. С. 381; 2012. С. 190. Ил. 224).

[3] Поясной вариант иконографии воина, увенчанного диадемой, держащего перед собой меч в левой руке, а в согнутой в локте правой — копье, представляют изображения святых Федора и Меркурия во фресках церкви Панагии Космосотиры в Феррах, 1152 г. (*Παπαθεοφάνους-Τσουρή*, 2016. Σ. 337). Положение оружия в руках воинов имеет очевидное сходство с иконой из Юрьева монастыря.

[4] Один из аргументов в пользу такого предположения — близость размеров публикуемой иконы (230 × 142) и образа апостолов Петра и Павла на алтарной преграде собора Св. Софии в Новгороде (236 × 147; Иконы Великого Новгорода…, 2008. С. 74–82. Кат. 1).

ред. Л. И. Лифшиц. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 142–305.

Опись Новгорода 1617 года / под общ. ред. В. Л. Янина. Ч. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1984. 173 с.

Опись Юрьева монастыря 1723 г. / подгот. публ. А. Н. Трифоновой // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород: Архив. упр. Новгородской обл., 2005. С. 183–222.

Попова О. С., Захарова А. В., Орецкая И. А. Византийская миниатюра второй половины X — начала XII века. М.: Гамма-пресс, 2012. 467 с.: ил.

Сарабьянов В. Д. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII век / отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 365–398.

Сарабьянов В. Д. Живопись середины 1120-х — начала 1160-х годов // История русского искусства. Т. 2, ч. 1 / отв. ред. Л. И. Лифшиц. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012. С. 158–335.

Сарабьянов В. Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке. 3-е изд., доп. и перераб. Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2016. 515 с.: ил.

Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века: каталог выставки / Гос. Эрмитаж, Фонд Св. Екатерины; под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. СПб., 2000. 488 с.: ил.

Скобцова Д. А. К вопросу о времени создания мозаичных икон святого Георгия и святого Димитрия из монастыря Ксенофонта на Афоне // Искусство византийского мира. Индивидуальность в художественном творчестве: сб. ст. в честь Ольги Сигизмундовны Поповой / ред.-сост.: А. В. Захарова, О. В. Овчарова, И. А. Орецкая. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2021. С. 505–515.

Смирнова Э. С. Иконы XI века из Софийского собора в Новгороде и проблема алтарной преграды // Иконостас. Происхождение — развитие — символика / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 267–311.

Трифонова А. Н. Великий Новгород в XX веке. М.: Северный паломник, 2009. 388 с.: ил.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: в 2 т. Т. 1. Печати X — начала XIII в. М.: Наука, 1970. 326 с.: ил.

Byzantium: 330–1453 / ed. by R. Cormack, M. Vassilaki. London: Royal Academy of Arts, 2008. 495 p.

Byzantium: Faith and power (1261–1557) / ed. by H. C. Evans. New York: The Metropolitan Museum, 2004. XXII, 658 p.

Hadjichristodoulou Ch., Myrianthefs D. The church of Our Lady of Asinou. Nicosia: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 2002. 48 p.

Pelekanidis S., Chatzidakis M. Kastoria. Athens: Melissa, 1985. 120 p.: ill. (Byzantine art in Greece: Mosaics. Wall paintings).

Sinai. Treasures of the Monastery of Saint Catherine / ed. K. A. Manafis. Athens: Ekdotike Athenon, 1990. 400 p.: ill.

Stylianou A., Stylianou J. A. The painted churches of Cyprus: Treasures of Byzantine art. 2nd edition. Nicosia: A. G. Leventis Foundation, 1997. 528 p.

The Glory of Byzantium: art and culture of the Middle Byzantine era, A. D. 843–1261 / eds.: H. C. Evans, W. D. Wixom. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. XXVII, 574 p.: ill.

Βοκοτόπουλος Π. Λ., Δημητρακοπούλου Π., Ρηγάκου Δ., Τριανταφυλλόπουλος Δ. Δ., Χουλιαράς Ι. Π. **Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφιών της Ελλάδος: Ιόνια Νησιά. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών,** 2018. 250 **σ.**

Ιερά μονή Ξενοφώντος. Εικόνες. Αγιον Ορος, 1998. 302 **σ.**

Παπαθεοφάνους-Τσουρή Ε. **Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος: Ανατολική Μακεδονία, Δυτική Θράκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών,** 2016. 380 **σ.**

Πελεκανίδης Στ. **Καστοριά. Βυζαντιναί τοιχογραφίαι. Τ.** 1. **Πίνακες. Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών,** 1953. 60, 262 **σ.**

Πελεκανίδης Στ., Χρήστου Π., Μαυροπούλου-Τσιούμη Χ., Καδάς Σ. **Οι θησαυροί του Αγίου Όρους. Εικονογραφημένα χειρόγραφα, παραστάσεις, επίτιτλα, αρχικά γράμματα: Πρωτάτου, Μ. Διονυσίου, Μ. Κουτλουμουσίου, Μ. Ξηροποτάμου, Μ. Γρηγορίου. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1973. 496 σ.**

Χατζηδάκη Ν. **Βυζαντινά ψηφιδωτά. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών,** 1994. 268 **σ. (Ελληνική τέχνη).**

References

Byzantium: 330–1453 / ed. by R. Cormack, M. Vassilaki. London: Royal Academy of Arts, 2008. 495 p.

Byzantium: Faith and power (1261–1557) / ed. by H. C. Evans. New York: The Metropolitan Museum, 2004. XXII, 658 p.

Gerasimenko N. V., Zakharova A. V., Sarab'yanov V. D. Izobrazheniya svyatykh vo freskakh Sv. Sofii Kievskoy. Podkupol'noe prostranstvo // Iskusstvo khristianskogo mira. 13. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet, 2016. P. 115–130.

GTG: katalog sobraniya. Seriya: Drevnerusskoe iskusstvo X–XVII vekov. Ikonopis' XVIII–XX vekov. 3. Drevnerusskaya zhivopis' XII–XIII vekov / ed. T. L. Karpova. Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, 2020. 604 p.

Hadjichristodoulou Ch., Myrianthefs D. The church of Our Lady of Asinou. Nicosia: Bank of Cyprus Cultural Foundation, 2002. 48 p.

Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI vekov: [katalog]. Moscow: Severnyy palomnik, 2008. 550 p.: il.

Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. XI — nachalo XV veka: katalog / ed. L. A. Shchennikova. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. 255 p.

Lifshits L. I. Zhivopis' vtoroy poloviny — kontsa XII veka // Istoriya russkogo iskusstva. 2, 2 / ed. L. I. Lifshits. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2015. P. 142–305.

Opis' Novgoroda 1617 goda / ed. V. L. Yanin. 1. Moscow: Institut istorii SSSR, 1984. 173 p.

Opis' Yur'eva monastyrya 1723 g. / publ. by A. N. Trifonova // Novgorodskiy arkhivnyy vestnik. 5. Velikiy Novgorod: Arkhivnoe upravlenie Novgorodskoy oblasti, 2005. P. 183–222.

Pelekanidis S., Chatzidakis M. Kastoria. Athens: Melissa, 1985. 120 p.: ill. (Byzantine art in Greece: Mosaics. Wall paintings).

Popova O. S., Zakharova A. V., Oretskaya I. A. Vizantiyskaya miniatyura vtoroy poloviny X — nachala XII veka. Moscow: Gamma-press, 2012. 467 p.: il.

Sarab'yanov V. D. Rospisi severo-zapadnoy bashni Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Drevnerusskoe iskusstvo. Rus' i strany vizantiyskogo mira. XII vek / ed. O. E. Etingof. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2002. P. 365–398.

Sarab'yanov V. D. Zhivopis' serediny 1120-kh — nachala 1160-kh godov // Istoriya russkogo iskusstva. 2, 1 / ed. L. I. Lifshits. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2012. P. 158–335.

Sarab'yanov V. D. Spasskaya tserkov' Evfrosinievskogo monastyrya v Polotske. Polotsk: Spaso-Evfrosinievskiy zhenskiy monastyr' v g. Polotske Polotskoy eparkhii Belorusskoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2016. 515 p.: il.

Sinai. Treasures of the Monastery of Saint Catherine / ed. K. A. Manafis. Athens: Ekdotike Athenon, 1990. 400 p.: ill.

Sinay, Vizantiya, Rus'. Pravoslavnoe iskusstvo s 6 do nachala 20 veka: katalog vystavki / eds. O. Baddley, E. Bryunner, Yu. Pyatnitskiy. St. Petersburg, 2000. 488 p.: il.

Skobtsova D. A. K voprosu o vremeni sozdaniya mozaichnykh ikon svyatogo Georgiya i svyatogo Dimitriya iz monastyrya Ksenofonta na Afone // Iskusstvo vizantiyskogo mira. Individual'nost' v khudozhestvennom tvorchestve: sbornik statey v chest' Ol'gi Sigizmundovny Popovoy / eds., comp. A. V. Zakharova, O. V. Ovcharova, I. A. Oretskaya. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2021. P. 505–515.

Smirnova E. S. Ikony XI veka iz Sofiyskogo sobora v Novgorode i problema altarnoy pregrady // Ikonostas. Proiskhozhdenie – razvitie – simvolika / ed., comp. A. M. Lidov. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. P. 267–311.

Stylianou A., Stylianou J. A. The painted churches of Cyprus: Treasures of Byzantine art. 2nd edition. Nicosia: A. G. Leventis Foundation, 1997. 528 p.

The Glory of Byzantium: art and culture of the Middle Byzantine era, A. D. 843–1261 / eds. H. C. Evans, W. D. Wixom. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. XXVII, 574 p.: ill.

Trifonova A. N. Velikiy Novgorod v XX veke. Moscow: Severnyy palomnik, 2009. 388 p.: il.

Vagner G. K. Mastera drevnerusskoy skul'ptury. Rel'efy Yur'eva-Pol'skogo. Moscow: Iskusstvo, 1966. 66, [8] p.: il.

Yanin V. L. Aktovye pechati Drevney Rusi X–XV vv. 1. Pechati X — nachala XIII v. Moscow: Nauka, 1970. 326 p.: il.

Βοκοτόπουλος Π. Λ., Δημητρακοπούλου Π., Ρηγάκου Δ., Τριανταφυλλόπουλος Δ. Δ., Χουλιαράς Ι. Π. Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφιών της Ελλάδος: Ιόνια Νησιά. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 2018. 250 σ.

Ιερά μονή Ξενοφώντος. Εικόνες. Αγιον Ορος, 1998. 302 σ.

Παπαθεοφάνους-Τσουρή Ε. Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος: Ανατολική Μακεδονία, Δυτική Θράκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 2016. 380 σ.

Πελεκανίδης Στ. Καστοριά. Βυζαντιναί τοιχογραφίαι. Τ. 1. Πίνακες. Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών, 1953. 60, 262 σ.

Πελεκανίδης Στ., Χρήστου Π., Μαυροπούλου-Τσιούμη Χ., Καδάς Σ. Οι θησαυροί του Αγίου Όρους. Εικονογραφημένα χειρόγραφα, παραστάσεις, επίτιτλα, αρχικά γράμματα: Πρωτάτου, Μ. Διονυσίου, Μ. Κουτλουμουσίου, Μ. Ξηροποτάμου, Μ. Γρηγορίου. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1973. 496 σ.

Χατζηδάκη Ν. Βυζαντινά ψηφιδωτά. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1994. 268 σ. (Ελληνική τέχνη).

Illustrations

Colour plate XX. Great Martyr George: Around 1130. State Tretyakov Gallery: *а* — photo in visible light; *б* — location plan of the original painting. D. S. Pershina, D. S. Pershin, 2020; *в* — reconstruction of the original color scheme. D. S. Pershina, D. S. Pershin, 2021

Colour plate XXI. Great Martyr George. Fragment. Author's painting on the cloak, vest collar and armor

Colour plate XXII. Great Martyr George. Fragment. The original painting under the gesso, used for repainting, and gilding on the shoulder pads of the armor. Microphotography

Colour plate XXIII. Great Martyr George. Fragments: *а* — a plot with a trial disclosure of the author's painting in the lower part of the vest. Macrophotography; *б* — fragments of the original painting on the left sleeve of the vest. Macrophotography

Colour plate XXIV. Great Martyr George. Fragment with the image of the left hand: *а* — photo in visible light; *б* — identified fragments of the final original

drawing and gold hatching. Trace drawing on the processed photo. D. S. Pershina, D. S. Pershin, 2021; *в* — partial reconstruction of the final original drawing. D. S. Pershina, D. S. Pershin, 2021

Colour plate XXV. Great Martyr George. Fragments: *а* — original colourful layers on the cloak in the upper part of the torso. Macrophotography; *б* — original colourful layers on the cloak at the left hand (arrows indicate areas of the first layer of the painting)

Colour plate XXVI. Great Martyr George. Fragment. Original colourful layers on the pants. Microphotography

Colour plate XXVII. Great Martyr George. Fragment with the image of the shield: *а* — photo in visible light; *б* — identified fragments of the original drawing and gold ornament. Trace drawing on the processed photo. D. S. Pershin, 2021; *в* — reconstruction of the original ornament. D. S. Pershin, 2021 (the ornament imitating the inscription has been restored using preserved fragments)

Colour plate XXVIII. Great Martyr George. Fragment with the image of the crown: *а* — photo in visible light; *б* — identified fragments of the final original drawing and gold hatching. Trace drawing on the processed photo. D. S. Pershina, 2021; *в* — reconstruction of the original image. D. S. Pershina, 2021

Colour plate XXIX. Great Martyr George. Fragments. The paint layers(the arrow indicates a plot of the original painting)

Fig. 1. Revealed fragments of the author's drawing and gold hatching on the galloon of the vest of the Great Martyr George. Trace drawing on the processed photo. D. S. Pershin, 2021

Fig. 2. Revealed fragments of the original ornament on the cloak of the Great Martyr George. Trace drawing on the processed photo. D. S. Pershin, 2021

D. S. Pershina, E. M. Saenkova. The holy picture of the Great Martyr George from Yuriev monastery: the problem of reconstructing the icon's original appearance

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the original painting of the icon "Great Martyr George" from Yuriev monastery in Novgorod (State Tretyakov Gallery). The paper uses data from technical and technological research conducted at the Tretyakov Gallery in 2019. Using the example of a wide range of Byzantine and Old Russian art, the features of the iconographic program are considered, as well as the analogies are given to the original ornaments of the military vestments of St. George.

Keywords: Great Martyr George, iconography, reconstruction, original painting, ornament, Byzantine art, Old Russian art, technical and technological research.

Pershina Daria Sergeevna, research fellow, State Tretyakov Gallery, 10 Lavrushinsky Lane, 119017 Moscow, Russian Federation, dsgolovkova@yandex.ru.

Saenkova Elena Mikhailovna, candidate of art studies, head, Department of Old Russian Art, State Tretyakov Gallery, 10 Lavrushinsky Lane, 119017 Moscow, Russian Federation, elsaen@mail.ru.

Технико-технологические особенности и реконструкция первоначального облика иконы «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. из собрания Государственной Третьяковской галереи

С. В. Свердлова, Д. С. Першин

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.136-149

Аннотация. Статья посвящена результатам работы по исследованию техники и технологии, а также реконструкции первоначального вида иконы «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. из Государственной Третьяковской галереи. Рассмотрены этапы изготовления деревянной основы, изначально рассчитанной на другое изображение и подвергшейся значительной переделке. Последовательно описана сложная система живописи, включающая ряд редких технических приемов, характерных для произведений византийского круга. В процессе исследований выявлена специфическая особенность памятника в виде авторского изменения первоначального замысла декорации фона. Реконструкция композиции, выполненная на основе полученных данных, показала значительные расхождения с имеющимися слоями поновлений и дала возможность более точного сопоставления иконы с другими произведениями, включая сохранившиеся списки XVI в.

Ключевые слова: византийская и древнерусская живопись, техника и технология, деревянная основа, авторский и поновительский красочные слои, пигменты, покрытие, изменение композиции, реконструкция.

Софья Владимировна Свердлова — художник-реставратор высшей категории, научный сотрудник отдела древнерусского искусства, Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский переулок, 10, Москва, Российская Федерация, 119017, s_sverdlova@mail.ru.

Дмитрий Сергеевич Першин — художник-реставратор, научный сотрудник отдела древнерусского искусства, Государственная Третьяковская галерея, Лаврушинский переулок, 10, Москва, Российская Федерация, 119017, pershindmitriy@yandex.ru.

Реставрация живописи на иконе «Благовещенье» (илл. XXX на цветной вклейке) была начата в 1920-х гг. в Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи и завершена лишь в 1935 г. уже после передачи памятника в собрание Третьяковской галереи[1]. Согласно сохранившимся архивным документам, в 1937 г. на иконе были отобраны единичные пробы красочного слоя для проведения химического анализа и определения их пигментного состава (ОР ГТГ. Ф. 8. II. 1937 г. Ед. хр. 824а. Л. 46). Следующим этапом изучения памятника стали 1970-е гг., когда впервые было выполнено его рентгенографирование[2]. Первая попытка исследования техники личного письма иконы была предпринята в первой половине 1980-х гг. А. И. Яковлевой, однако по независящим от автора обстоятельствам работа проводилась без демонтажа иконы из экспозиции и микроскопного обследования[3].

[1] В 1920 г. в Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи икона была раскрыта Е. И. Брягиным, И. И. Сусловым, Ф. А. Модоровым, И. Н. Клыковым, П. И. Цепковым, В. К. Тарыгиным и И. В. Овчинниковым под наблюдением Г. О. Чирикова и Я. А. Богатенко. В 1935 г. раскрытие завершено И. И. Сусловым и Е. А. Домбровской в Третьяковской галерее (ОР ГТГ. Ф. 67. Ед. хр. 41).

[2] Работа проводилась М. П. Виктуриной.

[3] Из устной беседы с А. И. Яковлевой. Техника и технология личного письма иконы рассматривалась в ряде публикаций 1960–1990-х гг. (*Перцев*, 1964. С. 90, 92; *Яковлева*, 1980. С. 35, 38, 39, 41; 1981. Вып. 7 (37). С. 99, 104; 1987.

Полноценное технико-технологическое исследование, целью которого являлось получение комплексного представления о памятнике, было проведено в 2019–2020 гг. в связи с подготовкой издания каталога произведений домонгольского периода в собрании ГТГ. Основной объем исследований был осуществлен С. В. Свердловой (при участии Д. С. Першиной). Изучение деревянной основы, панорамная фотосъемка всей поверхности в видимом свете, макро- и микрофотосъемка, а также съемка в отраженных инфракрасных лучах ближнего (длина волны 830–1100 нм) и среднего диапазонов (длина волны 1100–1300 нм) выполнены Д. С. Першиным. Рентгенографирование проведено И. А. Касаткиной и Н. И. Митраковым. Химические анализы микропроб грунта и красочного слоя сделаны И. Ф. Кадиковой на базе ГосНИИР. Данные, полученные в результате этой совместной кропотливой работы, позволили выявить значительное количество ранее неизвестных особенностей памятника, что позволило по-новому взглянуть на обстоятельства его создания и историю бытования, а также в значительной степени реконструировать первоначальную композицию (ГТГ, 2020. С. 6–7; Кат. 6. С. 144–169, 488–492).

Сохранившаяся часть первоначальной основы иконы имеет толщину около 4 см и состоит из пяти липовых досок (от 25,6 до 31,8 см), наиболее широкие из которых расположены в средней части иконного щита[1] (илл. XXXI: *а* на цветной вклейке). В связи со значительными размерами использованные доски имеют естественное сужение от 1 до 4 см, причем их широкие части не были предварительно обтесаны, что, вероятно, обусловлено экономией имевшегося в распоряжении мастера материала. Для соблюдения равномерности ширины основы доски при наборе щита были расположены по принципу чередования: узкий конец одной соседствует с широким концом следующей и т. д. Такое технологическое решение встречается в некоторых других произведениях домонгольского времени, например в иконе «Богоматерь Воплощение («Богоматерь Великая Панагия»)» (ГТГ, 2020. Кат. 15. С. 434). Все доски предположительно имеют тангенциальное сечение[2] и склеены без дополнительных внутренних креплений.

Черновая обработка оборота выполнена топором с лезвием шириной около 10 см, а окончательная — рубанком с остро заточенной и имеющей небольшой изгиб кромкой шириной 2,5 см. Строгание проводилось преимущественно вдоль волокон древесины. Основа скреплена сложной конструкцией из пяти накладных, вероятно, выполненных из ясеня шпонок, три из которых расположены горизонтально и две — диагонально (в форме «х»)[3]. Особый тип перекрестного соединения на пересечении в центральной части основы обеспечивает единую высоту крепления (илл. XXXI: *б* на цветной вклейке). Шпонки сохранили свои первоначальные размеры и имеют специфическую веретенообразную форму. Их поверхность тщательно скруглена скобелем, а на торцах имеются фаски, срезанные ножом или плоской стамеской. Шпонки по всей длине прибиты крупными коваными железными гвоздями, острые концы которых аккуратно загнуты на лицевой стороне[4]. В местах пересечения стыка третьей и четвертой досок шпонки дополнительно фиксированы аналогичными гвоздями, вбитыми с лицевой стороны основы и загнутыми на поверхности шпонок. Вероятно, это было сдела-

С. 155, 172. Прил. С. 109–111. Табл. 1 (№ 15); ГТГ, 1995. Кат. 7. С. 47–50), где высказаны различные точки зрения, лишь частично получившие подтверждение в ходе последних исследований.

[1] Точные размеры досок: первая — 26,4 см (в верхней части основы) и 26,1 см (в нижней); вторая — 25,6 см (в верхней части основы) и 28,1 см (в нижней); третья — 30,3 см (в верхней части основы) и 26,3 см (в нижней); четвертая — 31,4 см (в верхней части основы) и 32,9 см (в нижней); пятая — 27,1 см (в верхней части основы) и 26,1 см (в нижней). Измерения выполнены с оборотной стороны слева направо. Общие размеры основы: 235,7–235,9 × 167,7–168,4 × 3,8–4,1 см.

[2] Исследование разреза и положения досок в щите затруднено из-за наличия торцевых шпонок и сплошной покраски оборота. На тангенциальное сечение указывает характер коробления.

[3] Размеры поперечных и диагональных шпонок немного различаются.

[4] Гвозди длиной 8,5–10 см, сечением в верхней части 7 × 7 мм. Верхняя и нижняя горизонтальные шпонки прибиты пятью гвоздями, средняя поперечная и две диагональные — семью. Под гвозди в шпонках, скорее всего, предварительно были просверлены отверстия диаметром 5–6 мм.

но для укрепления наиболее удаленного от краев центрального стыка досок. Первоначальные накладные шпонки стандартного для этого типа креплений прямоугольного сечения (примерно 3,5 × 4 см) расположены также на торцах иконы[1] (илл. XXXI: *в* на цветной вклейке).

Первый слой покраски оборота, напоминающий побелку и лежащий только на первоначальной части основы, просматривается в утратах под многочисленными более поздними слоями. Точная датировка этого слоя не представляется возможной, однако просматривающаяся в утратах древесина загрязнена слабо, что может указывать на довольно раннее время выполнения этих работ. Остатки аналогичного, предположительно первоначального, слоя покраски с элементами орнамента в виде полос имеются на обороте иконы «Великомученик Георгий» (около 1130 г.) (ГТГ, 2020. Кат 7. С. 193).

На лицевой стороне основы присутствует неглубокий ковчег (198,3 × 137,9 × 0,4–0,7 см) с пологой лузгой шириной 0,5–1 см. Верхнее и нижнее поля иконы вместе с накладными торцевыми шпонками имеют ширину 18,3–18,9 см, а сохранившиеся части первоначальных боковых полей — 2,4–3,2 см.

При исследовании рентгенографических снимков было обнаружено, что на начальном этапе изготовления основы икона имела более глубокий ковчег меньшего размера (189,5 × 105,4 см), который был растесан по периметру до установки шпонок и наклеивания паволоки. Ставшие более узкими боковые поля при этом, вероятно, были надставлены дополнительными досками, не сохранившимися до настоящего времени[2]. Определение типа их крепления и достигнутого в итоге точного размера иконы не представляется возможным из-за замены досок при поновлении XVI в., когда первоначальная основа также могла быть частично опилена по боковым полям. Скорее всего, ширина боковых полей совпадала с верхним и нижним полями или была немного уже. В пользу такого предположения говорит также и расположение гвоздей на шпонках, вбивавшихся ближе к внешним краям каждой из досок основы по мере удаления от центральной части иконного щита, — малое расстояние от гвоздей до внешних краев на крайних досках позволяет сделать вывод, что их ширина не могла значительно превышать существующий размер.

Таким образом, параметры первоначального ковчега и боковых полей, длина шпонок, рассчитанных на фиксацию лишь пяти досок, а также система расположения гвоздей свидетельствуют о том, что основа иконы имела более узкий вертикальный формат и, вероятно, предназначалась для другого изображения.

На рентгенограмме под всеми участками сохранившегося авторского левкаса[3] просматривается паволока из льняной ткани крупнозернистого полотняного переплетения[4], наклеенной долевой нитью вдоль волокон древесины и практически не имеющей прорывов. Точные размеры использованных полотнищ установить затруднительно ввиду значительных поновительских вмешательств XVI в., при которых паволока была обрезана по контурам сохранившихся деталей — вероятнее всего, здесь были использованы сплошные отрезы ткани хорошей сохранности (илл. XXXII на цветной вклейке).

Левкас, наполнителем которого является гипс, нанесен тонким (около 1 мм) равномерным слоем. При исследовании в боковом освещении были выявлены характерные следы обработки увлажненного грунта, причем на участках, предназначенных для личного письма, поверхность подвергалась более тщательной шлифовке. Возможно, торцевые шпонки не были загрунтованы, как, например, на двусторонней иконе «Спас Нерукотворный. Поклонение Кресту» (кат. № 8).

---

[1] Торцевые шпонки прибиты к щиту аналогичными гвоздями (длина 8,6–10,6 см, толщина под шляпкой 6–8 мм), вбитыми без строгой последовательности (илл. XXXI: *в* на цветной вклейке).

[2] Боковые доски, надставленные в процессе изготовления основы, вероятно, были утрачены на раннем этапе бытования памятника. По всей видимости, после переноса иконы в Москву около 1547 г. поля иконы были надставлены новыми, сохранившимся до настоящего времени сосновыми досками шириной 11,9 и 12,5 см. Подробнее об этом см.: ГТГ, 2020. Кат. 6. С. 166.

[3] Авторский левкас сохранился лишь на изображениях Богоматери и архангела (а также на небольших участках фона вокруг фигур), небесного сегмента, подножия, левой части трона и в нижней части фона иконы.

[4] Плотность плетения 11 × 9 нитей на 1 см²; нити основы и утка имеют равномерную толщину.

• **Илл. 1. Икона «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. ГТГ:** *а* **— лик архангела Гавриила (фрагмент);** *б* **— лик Богоматери (фрагмент). Съемка в инфракрасной области спектра (1200 нм) выполнена Д. С. Першиным**

Для подготовительного рисунка на доличном письме Богоматери и архангела использован колер темно-коричневого цвета (коричневая охра, уголь), нанесенный широкими мазками с частичной передачей объема. На многих участках рисунок не совпадает с окончательным изображением — наиболее значительные расхождения просматриваются на хитоне Богоматери и гиматии архангела, где имеются также авторские уточнения формы складок (илл. XXXIII на цветной вклейке).

Подготовительный этап личного письма представляет собой вариант предварительной тональной проработки формы, исполненной в два этапа и отчасти напоминающей технику гризайля[1] (илл. 1: *а, б*). Вначале крупной мягкой кистью различной наполненности был нанесен линейный рисунок. Брови соединены общим горизонтальным штрихом, а на переносице присутствует v-образная складка, придающая тени характерную треугольную форму. Верхнее веко продолжено тонкой линией, переходящей в рисунок брови и создающей четкую границу теневой проработки над глазом. Нижнее веко и контур подглазной тени также плавно соединяются у внешнего уголка глаза, а у внутреннего прерываются, завершаясь легким возвратным движением кисти. Линия нижнего века затененного левого глаза архангела[2] переходит в сходящий на нет уверенный мазок, пересекающий внеш-

[1] Условное сравнение характера подготовительного рисунка с техникой гризайля впервые предложено Н. В. Перцевым применительно к иконе «Ангел Златые власы» конца XII — начала XIII в. из ГРМ; аналогичный прием автор отметил и на некоторых других иконах, в том числе на «Благовещении» (*Перцев*, 1964. С. 90).

[2] На изображении Богоматери аналогичный участок (правый глаз) имеет плохую сохранность.

ний контур лика. Над изображением ноздрей нанесен дополнительный легкий штрих, повторяющий основной рисунок. Губы написаны плотно и имеют характерную форму с приподнятыми внешними уголками. Местами подготовка выполнена в несколько приемов для придания большей мягкости тональной градации формы. Графическая техника на обоих ликах совпадает, однако на изображении Богоматери колер положен более тонким слоем, за счет чего рисунок имеет меньшую контрастность.

На следующем этапе выполнена основная проработка теней тем же красочным составом. Мазки различной плотности нанесены крупной кистью и расположены «по форме», что хорошо просматривается в утратах верхних слоев живописи (илл. XXXIV: *а* на цветной вклейке), а также на съемке в инфракрасной области спектра (см. илл. 1: *а, б*). Наиболее плотно написаны участки под бровями и подбородком. На лике архангела внешний контур местами дополнительно усилен темной красочной смесью зеленоватого оттенка (крупные частицы глауконита, коричневая и оранжевая охра). На лике Богоматери поверх описанной темно-коричневой графической подготовки на основные участки полутеней нанесен слой красно-коричневого оттенка (красная карбонатная охра, уголь) (илл. XXXIV: *б* на цветной вклейке). Для сглаживания тональных переходов соотношение пигментов в его составе варьируется. Наиболее яркой по цвету смесью, почти без добавки угля, проработаны подбородок и левая щека (илл. XXXIV: *в* на цветной вклейке). Такой прием создает эффект теплого рефлекса, придающего лику большую мягкость и объемность. Этот слой отсутствует на глубоких тенях под бровями, около носа и вдоль верхней границы лба. Плотность нанесения красок на подготовительном этапе была рассчитана на просвечивание через последующие слои личного письма, что создавало необходимый оттенок на теневых участках. Примечательно, что на подбородке и кончике носа красно-коричневый колер тонко перекрыт свинцовыми белилами с добавкой ультрамарина, что, скорее всего, является авторской правкой тональной проработки формы.

Подготовительный рисунок на лике Христа Эммануила выполнен так же, как и на лике архангела, но более графично, что связано не только с меньшей величиной изображения, но и со спецификой техники живописи на этом участке.

В небесном сегменте использован обычный линейный подготовительный рисунок, что обусловлено, скорее всего, небольшим размером этого изображения[1]. Темно-коричневая смесь нанесена довольно тонкой кистью и лишь намечает контуры фигуры и основные складки одежд Ветхого Деньми. У херувимов подготовительный рисунок не просматривается[2], однако съемка в инфракрасной области спектра выявляет первоначальный вариант расположения рипид, которые были изображены с небольшим наклоном к фигуре Ветхого Деньми.

Следующим после подготовительного рисунка этапом создания иконы традиционно является проработка фона, однако в процессе исследования на сохранившихся фрагментах авторского левкаса по контурам изображений не было обнаружено следов красочного слоя и металла, а считавшийся ранее первоначальным золотой фон иконы был выполнен уже после завершения живописных работ (подробнее об этом см. ниже). Вероятно, к этому этапу можно отнести лишь лессировку нимбов, сделанную смесью бледно-желтого оттенка (охра желтая дисперсная, охра оранжевая, коричневая охра, мелкие включения глауконита) у архангела[3] и аурипигментом — у Ветхого Деньми[4].

---

[1] А. И. Яковлева предположила, что изображение небесного сегмента могло быть выполнено другим художником или добавлено позднее (*Яковлева*, 1987. Прил. С. 111), однако принадлежность этого изображения к слою авторской живописи полностью подтверждается технико-технологическими данными, а также наличием многочисленных слоев записи, включающих самые ранние вмешательства XII в.

[2] Возможно, подготовительный рисунок на изображениях херувимов отсутствовал, однако мог быть выполнен сильно разбавленной или не содержащей угля красочной смесью.

[3] Авторский грунт на изображении нимба Богоматери утрачен.

[4] Ошибочное предположение о розовом цвете нимбов архангела и Богоматери впервые высказано В. И. Антоновой по аналогии с наиболее ранним сохранившимся списком XVI в. из местного ряда иконостаса Архангельского собора Московского Кремля (*Антонова, Мнёва*, 1963. С. 56, примеч. 6; Иконы Архангельского…, 2016. № 14. С. 140–144). Впоследствии эту версию приводили многие исследователи.

• **Илл. 2. Икона «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. ГТГ. Первоначальные контуры утраченных частей изображения, выявленные на основе анализа расположения гвоздей от басменного оклада XVI в., фрагментов авторской паволоки и гвоздей, крепивших накладные детали. Рентгенограмма, компьютерная обработка. Выполнено Д. С. Першиным и С. В. Свердловой**

Условные обозначения к схеме-картограмме:

1. Границы басменного оклада 1650-х гг. в ковчеге

2. Сохранившиеся фрагменты авторской паволоки

До роскрыши одежд были также написаны крылья архангела, небольшой фрагмент которых сохранился лишь над изображением благословляющей руки[1]. Основной слой здесь составлен из дисперсной желтой охры, аурипигмента, красной карбонатной охры и включений киновари, а проработка формы выполнена в несколько этапов смесью, включающей красный органический пигмент, киноварь и незначительную добавку угля. Первоначальное положение крыльев в целом соответствует границам сохраненной при реставрации поновительской вставки XVII в., однако их более точный контур позволяют установить просматривающиеся на рентгенограмме небольшие фрагменты авторской паволоки, сохранившиеся на этих участках, а также следы крепления басменного оклада XVI в., по всей видимости, не перекрывавшего этот участок живописи и располагавшегося лишь на фоне[2]. Судя по этим деталям, оба крыла имели значительно более узкий силуэт, не соприкасавшийся с контуром нимба, и чуть меньшую высоту (примерно на 1 см ниже границы вставки XVII в.). Правое тонкое крыло было изображено вплотную к лузге и лишь у плеча примыкало к фигуре (илл. 2; илл. XXXV, XXXVI на цветной вклейке).

Для нижнего слоя на хитоне архангела использована охра двух оттенков (светлая желтая и оранжевая) и уголь. Вся поверхность, за исключением наиболее освещенных участков, затем была перекрыта тонким слоем такого же состава, но с преобладанием яркой оранжевой охры. Красно-коричневого оттенка складки (красная охра, уголь) написаны широкими мазками крупной кистью. Сходная смесь с большим содержанием угля использована для линейной проработки складок и завершающих описей. Синий клав на плече и в нижней части хитона выполнен индиго с белилами и небольшой добавкой ультрамарина.

Гиматий ангела написан охристым колером (мелко перетертая светлая желтая и оранжевая охра, уголь, глауконит[3] и коричневая охра), нанесенным сплошным тонким полупрозрачным слоем, через который хорошо просматривается подготовительная тональная проработка объема, за счет чего теневые участки приобретают зеленоватый оттенок. На высветлениях основной красочный слой перекрыт двумя слоями смеси, включающей белила, глауконит, светлую охру,

[1] На наличие этого фрагмента впервые обратила внимание О. А. Корина, которая также отметила, что первоначальное расположение крыла архангела соответствует поздней левкасной вставке (ГТГ, 1995. Кат. 7. С. 48, примеч. 60).

[2] Подробнее о следах поновления XVI в. см.: ГТГ, 2020. Кат. 6. С. 166.

[3] Глауконит в ряде красочных смесей этой иконы имеет специфический холодный синеватый оттенок.

незначительную добавку угля и оранжевой охры (в составе верхнего слоя преобладают белила). Теневые части затем были тонко лессированы краской, сходной по составу с нижним охристым слоем (илл. XXXVII на цветной вклейке).

Хитон и чепец Богоматери написаны в два этапа, первый из которых представляет собой полноценную моделировку объема, включающую подготовительный слой (индиго, уголь, белила, незначительная добавка высокодисперсного ультрамарина) и пробела (белила, индиго, уголь), выполненные в два-три приема с постепенным увеличением содержания белил. Затем вся поверхность была перекрыта сохранившимся до настоящего времени сплошным плотным слоем ультрамарина, который не только создавал необходимый цветовой эффект, но и значительно смягчал контраст нижележащей тональной проработки формы. Основные складки ткани дополнительно подчеркнуты угольным колером (илл. XXXVIII на цветной вклейке).

На изображении мафория использован аналогичный технический прием. Для подготовки применена коричневая смесь (красная карбонатная охра, уголь), затем написаны складки (тот же состав с добавкой угля) и двухслойные пробела (киноварь, красная карбонатная охра, небольшая добавка белил), а вся поверхность равномерно перекрыта слоем красного органического пигмента (илл. XXXIX на цветной вклейке). Окончательная проработка наиболее значительных складок осуществлялась на последнем этапе черной угольной краской.

Для изображения обуви Богоматери и пряжи в Ее руке использована киноварь. Кайма мафория (оранжевая и светлая охра, свинцовые белила, уголь) и зарукавья хитона были написаны после нанесения слоев красного органического пигмента и ультрамарина. Имитация ассиста на этих элементах, а также изображение звезд и бахромы на мафории выполнены высокодисперсным аурипигментом, имеющим необычный светло-серый оттенок, что особенно хорошо заметно в утратах покровного слоя. Как показало химическое исследование, изменение цвета могло произойти по причине длительного присутствия серебряных накладных деталей на этих участках (ГТГ, 2020. Кат. 6. С. 491) (илл. XL на цветной вклейке).

Нижний слой личного письма Христа Эммануила, сквозь который хорошо просматривается подготовительный рисунок, представляет собой светлую смесь зеленоватого оттенка (белила, охра светлая, глауконит, добавка аурипигмента). Объем проработан тем же составом с бóльшим количеством белил (на наиболее светлых участках — почти чистые белила) (илл. XLI на цветной вклейке). Поверх активных высветлений, а также на щеках дополнительно нанесен тонкий слой киновари мелкого помола. Для изображения волос применена смесь угля и коричневой охры, а пряди написаны колером холодного оттенка, сходным по составу с подготовительным слоем личного письма. Основной рисунок выполнен углем с добавкой коричневой охры и довольно точно совпадает с графической подготовкой. Красочный слой набедренной повязки содержит яркого оттенка глауконит, белила, добавки ультрамарина, киновари и красной охры. Завершающий рисунок на ней сделан угольной смесью, а пробела — почти чистыми белилами. Как показали результаты химического анализа, для нимба Эммануила использовано листовое олово (в настоящее время значительно окислившееся и потемневшее (илл. XLI на цветной вклейке)[1], которое было положено после подготовительного рисунка. Перекрестие и буквенные обозначения написаны белилами с дополнительной киноварной проработкой граней. Сплошной слой красного органического пигмента, наносившийся на всю площадь мафория Богоматери, также полностью перекрывает изображение Христа Эммануила, включая нимб[2]. Окончательный рисунок выполнен красным органическим пигментом с добавкой угля.

Микроскопное исследование, рентгенограммы и съемка в инфракрасной области спектра позволили реконструировать первоначальное изображение престола Богоматери, представлявшего собой традиционный вариант скамьи с подушкой и перекинутым через нее белым

[1] Применение этого металла было выявлено также на произведениях XIII в. в собрании ГТГ — «Великомученик Димитрий на троне» (ГТГ, 2020. Кат. 14. С. 409, примеч. 29; С. 506) и «Пророк Илия в пустыне с житием и Деисусом» (*Першина, Першин*, 2021. С. 26).

[2] В настоящее время слой лессировки красным органическим пигментом и изображение перекрестия на нимбе Эммануила практически полностью утрачены.

платом (белила с небольшой примесью угля)[1]. Ткань была декорирована горизонтальными зелеными полосами (глауконит, оранжевая охра), сгруппированными по три (широкая и две узкие) и расположенными в четыре ряда (илл. XLII на цветной вклейке). В нижней части плата, вероятно, присутствовали дополнительные полосы, выполненные киноварью. Складки ткани написаны смесью синего оттенка (индиго, белила) с дополнительной лессировкой красным органическим пигментом.

Подножие написано охрой, поверх которой слабо просматриваются остатки не поддающегося прочтению белильного рисунка; кайма (охра, уголь) по периметру декорирована изображениями драгоценных камней зеленого цвета (глауконит, аурипигмент).

На фоне в небесном сегменте для подготовительного слоя использована смесь, включающая индиго, уголь, добавки белил и оранжевой охры. Ультрамарин здесь, в отличие от аналогичного слоя на хитоне Богоматери, отсутствует. Высветления и мандорла написаны схожим колером с добавкой белил. На завершающем этапе вся площадь фона была покрыта ультрамарином, нанесенным неравномерно, в несколько слоев, свободными зигзагообразными мазками широкой кисти (илл. XLIII на цветной вклейке), что давало эффект вибрации тона. Летящие херувимы выполнены киноварью, а рисунок на них — разбавленной угольной краской. Точечными мазками белил отмечены движки на ликах; на крыльях белильная проработка отсутствует. Хитон Ветхого Деньми написан тонко положенной смесью голубоватого оттенка (белила, ультрамарин), складки и притенения — ультрамарином, а пробела — практически чистыми белилами. Вся поверхность затем тонко лессирована ультрамарином, наносившимся одновременно с завершающим слоем на фоне. Для гиматия использована смесь белил и глауконита с добавкой ультрамарина. Теневые участки и складки написаны положенным в два слоя колером насыщенного зеленого цвета (глауконит, ультрамарин), а двухслойные пробела — белилами с незначительной примесью мелких частиц ультрамарина и глауконита (илл. XLIV на цветной вклейке).

Для изображения нимба Ветхого Деньми применен аурипигмент крупного помола[2]. Рисунок перекрестия сделан коричневой смесью (уголь, красный органический пигмент, мелкие частицы киновари), а украшающие его камни выполнены киноварью. Надпись на славе написана черной угольной краской, которой прорисованы также внешние контуры белильных рипид в руках херувимов.

Техника личного письма Богоматери и архангела представляет собой сложную систему многослойной проработки формы[3]. Специфической особенностью лика Богоматери является предварительная красная лессировка (красная охра, киноварь), положенная лишь на местах будущей подрумянки и на губах (илл. XLV на цветной вклейке). Основная красочная смесь, условно соответствующая этапу «санкирной» подготовки, имеет светло-охристый цвет (охра оранжевая, охра светлая мелкого помола, глауконит, добавка коричневой охры) и нанесена на оба лика сплошным тонким слоем, через который хорошо просматривается нижележащая графическая тональная подготовка, создающая эффект объема. Затененные части ликов дополнительно перекрыты смесью холодного зеленоватого оттенка (глауконит, охра светлая, охра оранжевая, охра коричневая, уголь, ультрамарин), положенной в несколько приемов широкими мазками. Использованные здесь пигменты имеют более крупный помол, что лучше всего заметно на участках глубоких теней лика архангела (около переносицы и под бровями).

Первый слой охрения нанесен очень тонко. В его состав на обоих ликах входят светлая, оранжевая и коричневая охра, глауконит и единичные включения аурипигмента (смесь на лике Богоматери содержит большее количество светлой охры и, возможно, незначительную до-

[1] Контуры подушки реконструируются по рентгенограмме, выявляющей расположение гвоздей, которыми крепилась басма по контуру трона. Близкое по типу изображение престола с подушкой и платом можно видеть, например, на миниатюре Псалтири Мелисенды, созданной между 1134 и 1143 гг. (Британская библиотека, Лондон. Egerton 1139. Fol. 1; см: *Folda*, 1995. P. 138, pl. 6.8a).

[2] Роскрышь нимба была выполнена после нанесения подготовительного слоя на фоне сегмента.

[3] На изображении лика Богоматери верхние красочные слои имеют значительные потертости.

бавку киновари). Поверх этого слоя выполнена промежуточная подрумянка из киновари очень мелкого помола. В следующих слоях охрения количество белил постепенно увеличивается. Завершающий плотный слой покрывает лишь наиболее освещенные участки ликов (илл. XLVI на цветной вклейке). Дополнительно мягкой кистью подчеркнуты надбровные дуги, крыло носа, контур верхней губы и тени над ней (илл. XLVII на цветной вклейке). Отдельными мазками также выполнены движки на изображениях пальцев (илл. XLVIII на цветной вклейке). Колер здесь лишь незначительно отличается по составу от охрения, что смягчает контрастность и позволяет достичь эффекта мягкого тонального перехода.

Наиболее затененные участки ликов под бровями, на веках, над переносицей и под носом дополнительно лессированы коричневой смесью (уголь, коричневая охра), нанесенной широкими мазками, положенными местами в два слоя.

Графическая проработка личного на обоих изображениях выполнялась в несколько этапов. Основные контуры, для которых применена смесь насыщенного красно-коричневого оттенка (красная охра с добавкой угля), намечены до первого сплошного красочного слоя и являются, таким образом, промежуточной стадией между подготовительным рисунком и живописью. Между слоями охрения на бровях, глазах, а также на всех граничащих с тенями контурах лика одновременно с проработкой теней был нанесен неравномерный по тону коричневый рисунок (уголь, коричневая охра). Для основных завершающих описей использована смесь более темного красно-коричневого цвета (красная охра, уголь) — ею вторично прорисованы внешние контуры, а также теневые границы носа и верхних век. Линии имеют равномерную толщину и местами проведены дважды. Пропорции компонентов красочной смеси варьируются; так, за счет преобладания красной охры колер на веках и контуре носа имеет более яркий оттенок. Брови, верхние веки и ноздри дополнительно подчеркнуты густой угольной краской, нанесенной однократным широким мазком кисти.

Между последними этапами рисунка на теневой границе носа, щеке и верхних веках был положен дополнительный тонкий слой подрумянки, для которой использовалась киноварь более крупного помола.

На изображении глаз после коричневого рисунка выполнены притенения (уголь, коричневая охра). Радужка написана схожим составом с добавкой угля, а белки и высветления вокруг зрачка отмечены холодной по тону оливковой смесью (охра светлая, охра оранжевая, глауконит, белила, уголь). Для завершающего рисунка контуров век, зрачка, а также редкого для ранних памятников приема тщательной проработки ресниц использована смесь с преобладанием угля (илл. XLIX на цветной вклейке). Внутренние уголки глаз дополнительно подчеркнуты легкими мазками красно-коричневой краски.

Последовательность исполнения губ архангела и Богоматери слегка различается. Киноварный слой верхней губы архангела нанесен по тонкой темной подготовке (коричневая охра, уголь), а у Богоматери, наоборот, слегка лессирован коричневой смесью того же состава. Нижние губы написаны охрой и затем покрыты тонкими киноварными слоями, по которым сделаны притенения. Завершающий рисунок в уголках губ, сохранившийся лишь у Богоматери, выполнен углем и представляет собой тонкий мазок с каплевидным завершением.

Для изображения волос архангела использованы уголь, коричневая охра и незначительная добавка глауконита. Темный рисунок выполнен колером с преобладанием угля, а отдельные высветленные пряди написаны светлой и оранжевой охрой. Авторский красочный слой голубой ленты в прическе архангела (индиго, белила, уголь) сохранился фрагментарно. В составе пробелов есть добавка мелких частиц ультрамарина. Драгоценный камень в ленте написан киноварью.

Техника личного письма Ветхого Деньми отличается значительным упрощением проработки формы[1], что, вероятно, обусловлено малым размером изображения. Для подготовительного слоя здесь использована лишь оранжевая и коричневая охра. Интенсивное по цвету охрение (охра светлая и оранжевая, белила, уголь) нанесено в два слоя. На границе теней положена активная подрумянка (киноварь), а завершающий рисунок сделан тем-

[1] Авторская живопись на лике Ветхого Деньми плохой сохранности. Составы красочных смесей и последовательность работы художника установлены преимущественно по изображению рук.

но-коричневым колером (коричневая охра, уголь) (см. илл. XLIV на цветной вклейке).

Ассист на иконе выполнен традиционным методом нанесения фрагментов листового золота с небольшими нахлестами по стыкам[1]. Металл положен аккуратно, с соблюдением равномерности толщины линий (илл. L на цветной вклейке). Графическая подготовка под ассист на иконе отсутствует. Мелкие дефекты золочения[2] на изображении волос архангела скорректированы мазками аурипигмента, поверх которого нанесены завершающие линии темного коричневого рисунка. Кроме одежд и волос архангела, золотом украшены небесный сегмент (звезды), ворот хитона Ветхого Деньми и рипиды херувимов (здесь под золотом присутствует белильная подготовка), а также внутренний контур и граничащие с ним складки мафория Богоматери.

Как было отмечено выше, на сохранившихся фрагментах первоначального левкаса по краям изображений (за исключением нимбов), а также между фигурами Богоматери и архангела в нижней части иконы красочный слой и золочение отсутствовали. Сохранение открытого левкаса на столь значительной площади фона могло быть обусловлено расчетом на его дальнейшее перекрытие окладом, однако ранних следов его крепления здесь не было обнаружено — исследования показали, что первым этапом такой декорации фона иконы являлся басменный оклад XVI в.[3] При этом на всей поверхности фона присутствует новый слой грунта[4], по которому выполнено золочение. Левкас аккуратно обходит контуры фигур, причем на большей части поверхности немного перекрывает их, плавно утончаясь к краям (илл. LI: *а* на цветной вклейке). Золото, в свою очередь, нанесено с незначительным перекрытием границ нового грунта (илл. LI: *б* на цветной вклейке). Благодаря этим особенностям, разница уровней слоев левкаса практически незаметна. Кракелюр обоих слоев совпадает; между ними не просматриваются следы бытования в виде утрат, потемневшего покрытия и загрязнений. Учитывая эти факторы и отсутствие на фоне ранних гвоздей и гвоздевых отверстий, можно выдвинуть осторожное предположение, что от исходного намерения украсить икону окладом отказались непосредственно в процессе работы или вскоре после ее завершения. Перекрытие фона окладом было заменено золочением, однако ввиду неподходящей фактуры первоначального грунта на всю поверхность был положен новый тонкий слой, наполнитель которого аналогичен авторскому (гипс), однако перетерт более тщательно (илл. 3: *а, б*). На том же этапе переделке подверглось изображение трона и подножия (за исключением его боковых граней), где золото было нанесено непосредственно на первоначальную живопись. Белый плат, перекинутый через подушку, был заменен плоскостной декорацией в виде сплошного мелкого орнамента, покрывающего всю поверхность золочения (см. илл. XLII: *а* на цветной вклейке), — именно этот слой был сохранен при реставрации иконы и виден в настоящее время.

Стоит также отметить, что элементный анализ микрообразцов золота, отобранных с фона и ассиста, не показал существенных различий. Кроме того, в обоих случаях металл имеет общие характеристики по цвету, толщине и фактуре[5]. Таким образом, нельзя исключить вероятность одновременного выполнения всех работ по золочению на иконе.

Судя по наличию гвоздевых отверстий, точно совпадающих с авторским рисунком, поверх написанных аурипигментом деталей одежд Богоматери (кайма, бахрома и звезды мафория, зарукавья хитона), а также на изображениях обуви, боковых частей трона, диадемы архангела и, возможно, свитка в руке Ветхого Деньми были набиты серебряные[6] пластины, аккуратно

---

1 О технике нанесения золота подробнее см.: ГТГ, 2020. Кат. 6. С. 164, примеч. 35.

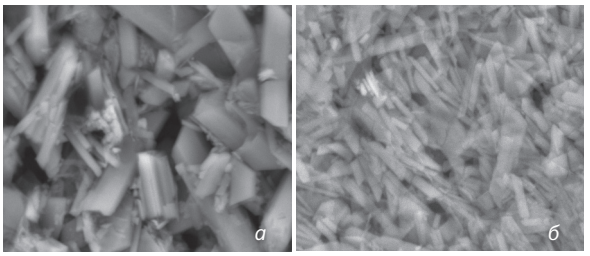
2 Имеются в виду неровности линий ассиста, возникшие в тех местах, где вырезанные фрагменты золота были нанесены с небольшим смещением.

3 О следах крепления басменного оклада XVI в. подробнее см.: ГТГ, 2020. Кат. 6. С. 166.

4 Возможно, таким же образом были перегрунтованы и поля иконы.

5 Золото на авторском красочном слое (ассист, декорация трона) имеет «плывущий» кракелюр, причинами появления которого могли быть особенности клеевой подготовки или наличие промежуточного тонкого слоя покрытия.

6 Сохранившиеся под гвоздями фрагменты серебряной басмы на мафории Богоматери описаны в дневнике реставрационных работ 1920 г. (ОР ГТГ. Ф. 67. Ед. хр. 41.



• **Илл. 3. Икона «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. ГТГ. Наполнитель авторского левкаса: *а* — нижний слой, *б* — слой перегрунтовки. РЭМ-изображение (режим обратно отраженных электронов). Фото И. Ф. Кадиковой**

крепившиеся к поверхности мелкими медными гвоздями (см. илл. XL: *б* на цветной вклейке). Вероятно, подобным образом были украшены и крылья архангела, по всей площади авторского изображения которых на рентгенограмме просматриваются остатки необычно расположенных многочисленных гвоздей, перекрытых в настоящее время крупной вставкой левкаса XVII в. Первоначальные накладные венцы присутствовали и на нимбах, за исключением нимба Христа Эммануила. Декорация металлом лишь отдельных элементов изображения без перекрытия окладом фона нередко встречается в произведениях XI–XIII вв. — например, на двусторонних иконах «Богоматерь Одигитрия. Великомученик Георгий» конца XI — начала XII в. (Иконы Успенского…, 2007. № 1. С. 54–71; *Стерлигова*, 2000. С. 130) и «Спас Нерукотворный. Поклонение Кресту» последней четверти XII в. (ГТГ, 2020. Кат. 8. С. 228, примеч. 23), на иконе «Великомученик Димитрий Солунский на троне» начала XIII в. (Там же. Кат. 14. С. 410) и др.

Просматривающиеся на рентгенограмме разновременные гвозди (XVI в. и, вероятно, более ранние[1]) также позволяют реконструировать первоначальное расположение жезла, остатки авторского красочного слоя которого сохранились лишь на изображении руки архангела и в настоящее время почти полностью перекрыты слоем записи XVI (?) в. Жезл был изображен немного под другим углом и имел значительную длину, так что нижний его конец доходил почти до подножия Богоматери. Высота жезла, как и общий первоначальный облик памятника, могут быть отчасти реконструированы на основе списка конца XVI в. из Архангельского собора Московского Кремля (*Саликова*, 1999. С. 265).

Подводя итог, стоит отметить, что результаты проведенных исследований позволяют по-новому взглянуть на этот выдающийся памятник и значительно расширяют возможности его дальнейшего сопоставления с сохранившимися произведениями византийского и древнерусского искусства. В ходе работы были выявлены особенности деревянной основы и паволоки, прослежена последовательность работы художника, детально рассмотрены приемы и материалы подготовительного рисунка и живописи, а также специфика завершающего украшения иконы накладными металлическими пластинами. На основе комплексного изучения всех этапов ее создания и следов бытования была выполнена реконструкция первоначальной композиции. Обнаруженные авторские изменения формата основы и декорации фона позволяют выдвинуть предположения о корректировках исходного замысла в процессе создания образа, а также значительно влияют на общее представление о методах работ мастеров этого периода.

Список литературы

Антонова В. И., Мнёва Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации. Т. 1. М.: Искусство, 1963. 394 с., 116 л. ил.

ГТГ: каталог собрания. Серия: Древнерусское искусство X–XVII веков. Иконопись XVIII–XX веков. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XV века / отв. ред. Я. В. Брук. М.: Красная площадь, 1995. 270 с.

ГТГ: каталог собрания. Серия: Древнерусское искусство X–XVII веков. Иконопись XVIII–XX веков. Т. 3. Древнерусская живопись XII–XIII веков / отв. ред. Т. Л. Карпова. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2020. 604 с.

Зонова О. В. «Богоматерь Умиление» XII века из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси / [ред. В. Н. Лазарев и др.]. М.: Наука, 1972. С. 270–282.

Л. 15, 15 об., 45, 46). Наличие гвоздей от древних украшений на кайме мафория Богоматери впервые отмечено О. В. Зоновой (*Зонова*, 1972. С. 277–278).

[1] Возможно, металлические пластины первоначально украшали и это изображение.

Иконы Архангельского собора Московского Кремля XIV — начала XX века: каталог / авт. вступ. ст. и сост. О. А. Цицинова. М.: Музеи Московского Кремля, 2016. 623 с.

Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века: каталог / науч. ред. Л. А. Щенникова. М.: Северный паломник, 2007. 255 с.

Перцев Н. В. О некоторых приемах изображения лица в древнерусской станковой живописи XII–XIII веков // Сообщения Государственного Русского музея. Вып. 8. Л.: Искусство, 1964. С. 89–92.

Першина Д. С., Першин Д. С. Икона «Пророк Илия в пустыне с житием и Деисусом» из с. Выбуты в свете последних исследований // Между Востоком и Западом. Святой Александр Невский, его эпоха и образ в искусстве: междунар. науч. конф. (Москва, 15–18 сентября 2021 г.): тез. докл. / ред.-сост.: О. В. Овчарова, М. И. Яковлева. М., 2021. С. 26–27.

Саликова Э. П. Храмовая икона Благовещенского собора и иконография Акафиста Богоматери в московской живописи первой половины XVII века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1999. С. 264–279.

Стерлигова И. А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XVI веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 262 с.

Яковлева А. И. Приемы личного письма в русской живописи конца XII — начала XIII века // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI–XVII веков / [отв. ред. О. И. Подобедова]. М.: Наука, 1980. С. 34–44.

Яковлева А. И. Древнейшая домонгольская икона из музеев Московского Кремля. Прием личного письма иконы «Св. Георгий» из Московского Кремля // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 7 (37). М., 1981. С. 79–106.

Яковлева А. И. Приемы письма древнерусской живописи (домонгольский период): дис. … канд. искусствоведения. М., 1987. 182 с. + 294 с. (прил.).

Folda J. The art of the Crusaders in the Holy Land. 1098–1187. Cambrige: Cambrige University Press, 1995. 672 p.

References

Antonova V. I., Mnyova N. E. Katalog drevnerusskoy zhivopisi XI — nachala XVIII v. Opyt istoriko-khudozhestvennoy klassifikatsii. 1. Moscow: Iskusstvo, 1963. 394 p.

GTG: katalog sobraniya. Seriya: Drevnerusskoe iskusstvo X–XVII vekov. Ikonopis' XVIII–XX vekov. 1. Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XV veka / ed. Ya. V. Bruk. Moscow: Krasnaya ploshchad', 1995. 270 p.

GTG: katalog sobraniya. Seriya: Drevnerusskoe iskusstvo X–XVII vekov. Ikonopis' XVIII–XX vekov. 3. Drevnerusskaya zhivopis' XII–XIII vekov / ed. T. L. Karpova. Moscow: Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya, 2020. 604 p.

Folda J. The art of the Crusaders in the Holy Land. 1098–1187. Cambrige: Cambrige University Press, 1995. 672 p.

Ikony Arkhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlya XIV — nachala XX veka: katalog / comp. O. A. Tsitsinova. Moscow: Muzei Moskovskogo Kremlya, 2016. 623 p.

Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. XI — nachalo XV veka: katalog / ed. L. A. Shchennikova. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. 255 p.

Pertsev N. V. O nekotorykh priemakh izobrazheniya litsa v drevnerusskoy stankovoy zhivopisi XII–XIII vekov // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. 8. Leningrad: Iskusstvo, 1964. P. 89–92.

Pershina D. S., Pershin D. S. Ikona «Prorok Iliya v pustyne s zhitiem i Deisusom» iz s. Vybuty v svete poslednikh issledovaniy // Mezhdu Vostokom i Zapadom. Svyatoy Aleksandr Nevskiy, ego epokha i obraz v iskusstve: mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 15–18 sentyabrya 2021 g.): tezisy dokladov / eds. O. V. Ovcharova, M. I. Yakovleva. Moscow, 2021. P. 26–27.

Salikova E. P. Khramovaya ikona Blagoveshchenskogo sobora i ikonografiya Akafista Bogomateri v moskovskoy zhivopisi pervoy poloviny XVII veka // Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml'», 1999. P. 264–279.

Sterligova I. A. Dragotsennyy ubor drevnerusskikh ikon XI–XVI vekov. Proiskhozhdenie, simvolika, khudozhestvennyy obraz. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 262 p.

Yakovleva A. I. Priemy lichnogo pis'ma v russkoy zhivopisi kontsa XII — nachala XIII veka // Drevnerusskoe iskusstvo: Monumental'naya zhivopis' XI–XVII vekov / [ed. O. I. Podobedova]. Moscow: Nauka, 1980. P. 34–44.

Yakovleva A. I. Drevneyshaya domongol'skaya ikona iz muzeev Moskovskogo Kremlya. Priem lichnogo pis'ma ikony «Sv. Georgiy» iz Moskovskogo Kremlya // Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie, issledovanie, restavratsiya. 7 (37). Moscow, 1981. P. 79–106.

Yakovleva A. I. Priemy pis'ma drevnerusskoy zhivopisi (domongol'skiy period): dis. … kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 1987. 182 p. + 294 p.

Zonova O. V. «Bogomater' Umilenie» XII veka iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya // Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennaya kul'tura domongol'skoy Rusi / [eds. V. N. Lazarev et al.]. Moscow: Nauka, 1972. P. 270–282.

Illustrations

Colour plate XXX. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Photo by D. S. Pershin

Colour plate XXXI. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery: *а* — turnover (side lighting photography); *б* — design of cross-connection of wooden strips on the back of the icon ('shponka' — in Russian); *в* — diagram-cartogram of the base structure. Photo and drawings by D. S. Pershin. Symbols for the scheme-cartogram: *1. Initial end wooden strips and iron nails. 2. Initial wooden strips on the back and iron nails driven in from the back side. 3. Initial wooden strips on the back of the icon and additional iron nails driven in from the front. 4. Smaller ark, made at the initial stage of manufacturing, final ark and the surviving parts of the fields. 5. Extensions and iron nails of the 16th century (1547?). 6. Renovation wooden strips and iron nails of the 17th century (around 1650s)*

Colour plate XXXII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Scheme-cartogram of the location of fragments of the original and renovation pavoloka. Drawing by D. S. Pershin and S. V. Sverdlova. Symbols for the scheme-cartogram: *1. Wood not covered with pavoloka. 2. Original pavoloka. 3. Renovation pavoloka of the 16th century (?)*

Colour plate XXXIII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Chiton of the Mother of God. Fragment: *а* — visible light photography; *б* — infrared photography (1100 nm). Photo by D. S. Pershin

Colour plate XXXIV. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Preparatory drawing: *а* — on the holy face of the Archangel Gabriel (macro photography); *б* — on the holy face of the Mother of God (first layer) (microphotography); *в* — on the holy face of the Mother of God (second layer) (microphotography). Photo by D. S. Pershin

Colour plate XXXV. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Scheme-cartogram of the state of conservation. Drawing by D. S. Pershin and S. V. Sverdlova. Symbols for the scheme-cartogram: *1. The surviving layers of the original re-priming and gilding, applied after the painting was completed. 2. Renovation inserts of the middle of the 16th century (arroud 1547?). 3. Renovation inserts of the late 16th to first third of the 17th centuries. 4. Renovation inserts of the 1650s. 5. Renovation inserts of the 19th century. (1818–1856?). 6. Renovation inserts, the age of which is difficult to establish*

Colour plate XXXVI. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") of the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Linear reconstruction of the original contours of the image. Drawing by D. S. Pershin and S. V. Sverdlova. Symbols: *1. Contours of the surviving parts of the original painting. 2. Contours reconstructed according to the location of the preserved fragments of the original pavoloka, nails of early metal plaques and metal icon frame with stamping of the XVI century. 3. Presumably reconstructed contours of the lost parts of the image*

Colour plate XXXVII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") of the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Archangel's himation. Basic colourful layers: *1 — base layer; 2 — bottom layer of highlights; 3 — top layer of highlights; 4 — layers of shading.* Microphotography by D. S. Pershin

Colour plate XXXVIII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Stratigraphy of painting on the image of the chiton of the Mother of God: *1 — preparatory layer; 2 — highlights; 3 — top overlay.* Microphotography by D. S. Pershin

Colour plate XXXIX. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Stratigraphy of painting on the image of the enveloping robe of the Mother of God: *1 — preparatory layer; 2 — highlights; 3 — top overlay.* Microphotography by D. S. Pershin

Colour plate XL. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. The border and fringe of the enveloping robe of the Mother of God. Fragment: *а* — visible light photography; *б* — the location of the nails of unpreserved silver plaques (X-ray, visible light photography, computer processing). Done by D. S. Pershin

Colour plate XLI. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Holy face of Christ Emmanuel. Photo by D. S. Pershin

Colour plate XLII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Throne of the Mother of God. Fragment: *а* — visible light photography; *б* — infrared photography (1100 nm). Photo by D. S. Pershin

Colour plate XLIII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Sky segment. Fragment. Photo by D. S. Pershin

Colour plate XLIV. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Ancient of Days. Fragment. Photo by D. S. Pershin

Colour plate XLV. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Holy face of the Mother of God. Preparatory glazing under the main paint layer on the cheek image. Microphotography by D. S. Pershin

Colour plate XLVI. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Chin and neck of the Archangel Gabriel. Fragment. Macrophotography by D. S. Pershin

Colour plate XLVII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Holy face of the Archangel Gabriel. Fragment. Photo by D. S. Pershin

Colour plate XLVIII. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Hand of the Mother of God. Fragment. Photo by D. S. Pershin

Colour plate XLIX. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Holy face of the Archangel Gabriel. Fragment. Photo by D. S. Pershin

Colour plate L. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Gold hatching on the image of the Archangel's hair. Fragment. Photo by D. S. Pershin

Colour plate LI. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. The original repriming of the background of the icon: *а* — the second layer of gesso, applied over the final drawing of the archangel's right hand; *б* — gilding on the second layer of gesso along the edge of the sky segment. Microphotography by D. S. Pershin

Fig. 1. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery: *а* — holy face of the Archangel Gabriel (detail); *б* — holy face of the Mother of God (fragment). Infrared photography (1200 nm) by D. S. Pershin

Fig. 2. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. The original contours of the lost parts of the image, revealed on the basis of the analysis of the location of nails of the 16th-century metal icon frame with stamping, fragments of the original pavoloka and nails that fastened the plaques. X-ray scan, computer processing made by D. S. Pershin and S. V. Sverdlova. Symbols for the scheme-cartogram: *1. The edges of the metal icon frame with stamping dating back to the 1650s in the ark. 2. Surviving fragments of the original pavoloka.*

Fig. 3. Icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century. State Tretyakov Gallery. Original gesso filler: *а* — bottom layer; *б* — prime layer. SEM image (backscattered electron mode). Photo by I. F. Kadikova

S. V. Sverdlova, D. S. Pershin. Technical and technological features and reconstruction of the original appearance of the icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the XII century from the collection of the State Tretyakov Gallery

Abstract. The article deals with the results of the research of technology and technology, as well as the reconstruction of the original appearance of the icon "Annunciation" ("Annunciation of Ustyug") dating back to the first third of the 12th century, from the collection of the State Tretyakov Gallery. The design of the original wooden base, initially manufactured for a different image and subjected to significant alteration, is considered. A complex system of painting is consistently described, which includes a number of rare techniques typical of Byzantine pieces of art. In the process of research, a specific feature of the artifact was revealed: the author changed the original idea of the background decoration. The reconstruction of the composition, based on the obtained data, showed significant discrepancies with the existing layers of renovations and made it possible to compare more accurately the icon with other works, including the surviving lists of the 16th century.

Keywords: Byzantine and Old Russian painting, technique and technology, wooden base, original and renovation paint layers, pigments, coating, composition change, reconstruction.

Sverdlova Sofya Vladimirovna, art restorer of the highest category, research fellow, Department of Old Russian Art, State Tretyakov Gallery, 10 Lavrushinsky Lane, 119017 Moscow, Russian Federation, s_sverdlova@mail.ru.

Pershin Dmitry Sergeevich, art restorer, research fellow, Department of Old Russian Art, State Tretyakov Gallery, 10 Lavrushinsky Lane, 119017 Moscow, Russian Federation, pershindmitriy@yandex.ru.

Планировочное решение храмов домонгольской Руси. Опыт статистического анализа*

В. П. Колосов, Ю. С. Фомичёва

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.150-161

Аннотация. В статье излагаются результаты анализа пространственного решения древнерусских храмов домонгольского периода с применением современных статистических методов. Показана эффективность использования многомерной статистики для дифференциации большого количества объектов по широкому спектру признаков. Выявлены хронологические и региональные особенности памятников древнерусской архитектуры.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, статистические методы в археологии.

Колосов Владимир Павлович — младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190000; младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, tepavi@yandex.ru.

Фомичёва Юлия Сергеевна — младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, migu@yandex.ru.

При изучении древнерусского зодчества большое внимание уделяется поиску закономерностей пропорционального строя. Крестово-купольная система храма, в течение длительного времени сохраняя основную композиционную идею, тем не менее имела значительное количество вариаций за счет изменения пропорций в плане. С учетом многочисленности переменных и большого количества памятников одним из наиболее эффективных подходов для оценки таких различий является применение математических методов.

Основной целью исследования являлась оценка сходства и различия размеров и пропорций подкупольного пространства и прилегающих нефов древнерусских храмов домонгольского периода. Все они принадлежат к типу «вписанный крест».

Основные задачи исследования состояли в следующем: во-первых, в сравнении архитектурных памятников по абсолютным размерам; во-вторых, в оценке различий пропорциональных соотношений членения внутреннего пространства; в-третьих, в поиске связи между выявленными различиями и типологическими,

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

региональными и хронологическими особенностями.

Методической основой работы послужили статистические методы, реализованные в программе STATISTIKA (метод анализа главных компонент и описательной статистики) для оценки различий объектов. Преимущество метода анализа главных компонент состоит, с одной стороны, в возможности уменьшить размерность данных, с потерей наименьшего количества информации, а с другой — в возможности наглядного представления результатов в виде диаграммы рассеяния (декартова графика) *(Айвазян и др.*, 1989. С. 332 и далее).

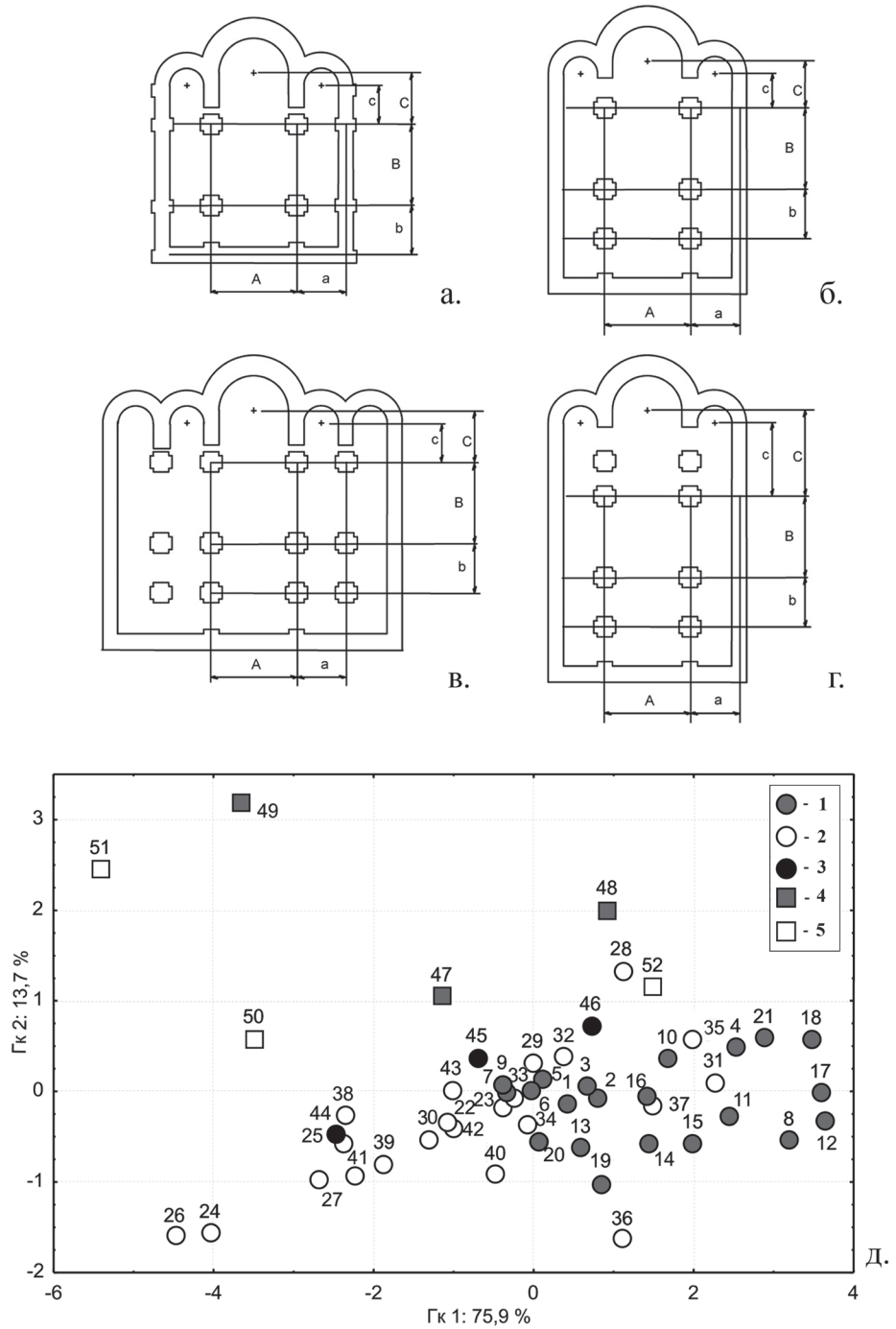
Конкретно такими работами ранее никто не занимался, но аналогичные по методике исследования проводились. В работе К. Н. Афанасьева (*Афанасьев*, 1961) исследование было направлено на решение вопросов геометрического пропорционирования для построения архитектурных форм. Л. Н. Большаков (*Большаков*, 1988) в своей работе изложил результаты метрологического анализа памятников архитектуры домонгольского периода.

В качестве материалов исследования были использованы опубликованные в научной литературе чертежи планов храмов и данные о времени их сооружения. Всего в работе было задействовано 52 сооружения периода с конца X в. до нач. XIII в. из разных регионов Древней Руси, в основном с территории Киевского, Владимиро-Суздальского княжеств и Новгородской земли (табл. 1). Выбор объясняется тем, что использовались только хорошо сохранившие план памятники. В анализе сравнивались архитектурные памятники, которые в своей композиционной основе имели крестово-купольную систему. Среди сооружений типологически различались четырехстолпные трехнефные, шестистолпные трехнефные, сложного типа (с дополнительной парой столбов в виме) и храмы, имеющие более чем три нефа (далее в тексте «многонефные»).

В качестве характеристик памятников был принят ряд параметров, отражающих основные различия в организации подкупольного пространства и прилегающих пространственных ячеек (илл. 1). Ввиду того, что далеко не для всех памятников имеются данные об устройстве несущих конструкций и перекрытий, набор признаков был ограничен характеристиками, которые можно почерпнуть из анализа планов сооружений. Измерение параметров велось по осям композиционно сходных несущих конструкций. Длина прилегающего с запада к подкупольному пространству пролета (далее в тексте «западный пролет») (b) в четырехстолпных храмах измерялась между осью, проходящей через западную пару столбов, и осью западной стены (илл. 1: *а*), у шестистолпных — между осью западной пары столбов подкупольного пространства и осью столбов, отделяющих наос от нартекса (илл. 1: *б*). Ширина бокового нефа (a) у четырех- и шестистолпных измерялась между осью южной пары столбов и осью южной стены (илл. 1: *а, б*), у храмов с более чем тремя нефами — между осью южной пары столбов подкупольного пространства и осью южных столбов бокового нефа (илл. 1: *в*). Длина апсид центрального и бокового нефов (далее в тексте «алтарная часть») (C) или (c) — от оси восточной пары столбов подкупольного пространства до центров окружности апсид (илл. 1: *1–4*). При этом C — расстояние до центра дуги средней апсиды, а c — расстояние до центра дуги боковой (южной) апсиды.

В анализ не были включены сооружения, не являющиеся однородными с точки зрения учитываемых признаков: однонефные, одноапсидные, двустолпные и объекты, не сохранившиеся в достаточной для измерений степени. Учитывая фрагментарность сохранившихся памятников, очевидно, что распределение объектов выборки по хронологическим этапам и регионам отражает лишь приблизительную картину развития культового древнерусского зодчества домонгольского периода. В кратком изложении это распределение выглядит следующим образом.

К раннему этапу культового строительства относится большинство крупномасштабных многонефных храмов (табл. 1: №№ 44–46). Кроме того, стоит сказать, что шестистолпные храмы, охватывающие ранний период, большей частью возводились до середины XII в. Из 22 храмов данного типа, учитываемых в анализе, лишь 3 (табл. 1: №№ 24, 28, 43) относятся к периоду позже середины XII в., все остальные — более ранние, между тем как четырехстолпные, появляющиеся в XII в., практически все относятся к середине и второй половине этого века. Единственным четырехстолпным храмом в выборке, относящимся к периоду до середины XII в., является церковь Троицы Киево-Печерского монастыря. Такую же тенденцию



• **Илл. 1.** *а–г* **— схема линейных параметров, задействованных в анализе;** *д* **— распределение памятников по абсолютным размерам (анализ главных компонент). Условные обозначения: 1 — трехнефные четырехстолпные; 2 — трехнефные шестистолпные; 3 — многонефные; 4 — сложный тип, четырехстолпные; 5 — сложный тип, шестистолпные**

• **Таблица 1. Домонгольские архитектурные памятники**

№	Наименование	Тип	Дата	Регион	Ссылка
1	Церковь Бориса и Глеба в Кидекше	Четырехстолпный Трехнефный	Сер. XII в.	Владимиро-Суздальское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 123–125. Рис. 73
2	Собор Спаса-Преображения в Переславле-Залесском		Сер. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 120–123. Рис. 70, 71
3	Церковь Георгия во Владимире		Сер. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 125–126. Рис. 74
4	Церковь Покрова на Нерли		Втор пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 138–141. Рис. 84
5	Димитриевский собор во Владимире		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 158–161. Рис. 98
6	Собор Рождественского монастыря во Владимире		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 157–158. Рис 97
7	Собор Успенского Княгинина монастыря во Владимире		Нач. XIII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 166–167. Рис. 106
8	Церковь Троицы (Киево-Печерского монастыря)		Нач. XII в.	Киевское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 75–77. Рис. 41
9	Малый храм Зарубского монастыря		Втор пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 142–143. Рис. 87
10	Трехсвятительская церковь в Киеве (св. Василия)		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 193–194. Рис. 120
11	Церковь на берегу Ладожки в Старой Ладоге		Сер. XII в.	Новгородская земля	*Афанасьев*, 1961. С. 118. Рис. 67, 68
12	Церковь Георгия в Старой Ладоге		Втор пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 115–117. Рис. 65
13	Церковь Благовещения на Мячине в Новгороде		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 145–146. Рис. 89
14	Церковь на берегу Волхова в Старой Ладоге		Сер. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 117. Рис. 67
15	Церковь Спаса на Нередице в Новгороде		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 162–165. Рис. 102
16	Церковь Петра и Павла на Синичьей горе в Новгороде		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 146–147. Рис. 90
17	Церковь Успения в Аркажах		Втор пол. XII в.		*Секретарь*, 2011. С. 573
18	Храм Святого Пантелеймона		Нач. XIII в.		*Седов и др.*, 2013. С. 73. Рис. 6
19	Церковь Успения в Старой Ладоге		Сер. XII в.		*Фомичёва*, 2016. С. 148. Рис. 2
20	Церковь Петра и Павла в Смоленске		Сер. XII в.	Смоленское княжество	*Раппопорт*, 1982. С. 86. Табл. 12

№	Наименование	Тип	Дата	Регион	Ссылка
21	Церковь во Вщиже	Четырехстолпный Трехнефный	Втор пол. XII в.	Черниговское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 119-120, Рис. 69
22	Успенский собор во Владимире (времени Андрея Боголюбского)	Шестистолпный Трехнефный	Сер. XII в.	Владимиро-Суздальское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 186–188. Рис. 116
23	Церковь над рекой Лугом во Владимире-Волынском		Сер. XII в.	Галицко-Волынское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 106–109. Рис. 60
24	Успенский собор во Владимире-Волынском		Втор пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 130–131. Рис. 77
25	Собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (Дмитриевский собор)		Нач. XII в.	Киевское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 69–72. Рис. 38
26	Великая Успенская церковь Киево-Печерского монастыря		Втор пол. XI в.		*Афанасьев*, 1961. С. 72–75. Рис. 40
27	Собор Кирилловского монастыря в Киеве		Пер. пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 101–105. Рис. 57
28	Церковь Апостолов в Белгороде		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 165–166. Рис. 105
29	Николо-Дворищенский собор в Новгороде		Нач. XII в.	Новгородская земля	*Афанасьев*, 1961. С. 78–82. Рис. 44
30	Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде		Нач. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 84–87. Рис. 48
31	Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде		Нач. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 82–84. Рис. 47
32	Церковь Благовещения на Городище		Нач. XII в.		*Фомичёва*, 2019. С. 106. Ил. 1
33	Церковь Иоанна на Опоках в Новгороде		Пер. пол XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 87–88. Рис. 49
34	Собор Георгия в Каневе		Пер. пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 98–101. Рис. 55
35	Собор Ивановского монастыря		Сер. XII в.		*Раппопорт*, 1982. С. 80. Табл. 14
36	Собор Спасо-Мирожского монастыря в Пскове		Пер. пол. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 110–115. Рис. 62
37	Церковь Благовещения в Витебске		XII в. (без уточнения)	Полоцкое княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 131–132. Рис. 78
38	Успенский собор в Старой Рязани		Сер. XII в.	Рязанское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 93–95. Рис. 53
39	Борисоглебский собор в Старой Рязани		Сер. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 188–189. Рис. 117, 118
40	Собор Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске		Сер. XII в.	Смоленское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 106. Рис. 59
41	Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове		Нач. XII в.	Черниговское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 89–92. Рис. 50

№	Наименование	Тип	Дата	Регион	Ссылка
42	Борисоглебский собор в Чернигове	Шестистолпный Трехнефный	Нач. XII в.	Черниговское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 184–185. Рис. 115
43	Благовещенский собор в Чернигове		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 191–192. Рис. 119
44	Храм Софии в Киеве	Более трех нефов	Пер. пол. XI в.	Киевское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 57–61. Рис. 32
45	Храм Софии в Новгороде		Сер. XI в.	Новгородская земля	*Афанасьев*, 1961. С. 61–66. Рис. 34
46	Церковь Георгия в Киеве		Пер. пол. XI в.	Киевское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 174–177. Рис. 109, 110
47	Церковь Михаила архангела в Смоленске	Четырехстолпный Трехнефный Сложный тип	Кон. XII в.	Смоленское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 155–157. Рис. 96
48	Нижняя церковь в Гродно		Пер. пол. XII в.	Полоцкое княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 133–134. Рис. 79
49	Церковь Параскевы Пятницы		Нач. XIII в.	Новгородская земля	Архитектурное наследие..., 2014. С. 199
50	Спасо-Преображенский собор в Чернигове	Шестистолпный Трехнефный Сложный тип	Пер. пол. XI в.	Черниговское княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 52–56. Рис. 30
51	Храм Софии в Полоцке		Сер. XI в.	Полоцкое княжество	*Афанасьев*, 1961. С. 66–68. Рис. 37
52	Церковь Бориса и Глеба на Коложе в Гродно		Кон. XII в.		*Афанасьев*, 1961. С. 134–135. Рис. 80

можно отметить для храмов сложного типа — шестистолпные храмы, как правило, более ранние, чем четырехстолпные.

Важно отметить, что в течение периода с конца IX по начало XIII в. культовые сооружения возводились на разных территориях Древней Руси довольно неравномерно. В исследуемой выборке основная масса сооружений до середины XII в. происходит с территории Киевских и Новгородских земель, несколько храмов также были построены в Чернигове (табл. 1: №№ 42, 50) и Полоцке (табл. 1: №№ 51). Начиная с середины XII в. география культового зодчества сильно расширяется, но стоит обратить внимание на то, что четырехстолпные храмы, которые как раз появляются в этот период, в основной своей массе сосредоточены во Владимиро-Суздальском княжестве (табл. 1: №№ 1–7), Новгородских землях (табл. 1: №№ 11–19) и, в меньшей степени, в Киеве (табл. 1: №№ 8, 9, 10). На остальных территориях четырехстолпные храмы единичны, в исследуемой выборке имеется всего два сооружения из Смоленска и Чернигова (табл. 1: №№ 20, 21).

На первом этапе методом анализа главных компонент сравнивались непосредственно абсолютные значения измеренных признаков.

При сравнении размерных характеристик анализ показал основные направления изменчивости, которые выразились в значениях первых трех главных компонент: с первой главной компонентой (ГК 1, в которой отразилось 75,8 % всей изменчивости) высокие коэффициенты корреляции имеют все признаки, со второй (ГК 2, 13,8 %) скоррелированы размеры алтарной части (C и c) и, наконец, с третьей главной компонентой (ГК 3, 6,3 %) высокий коэффициент корреляции был у западного пролета (b). Другими словами, из всего разнообразия вариативности признаков наиболее последовательно сооружения отличаются как минимум в трех направле-

ниях: по абсолютным размерам, по размерам алтарной части (C) и по размерам западного пролета (b). Остальные признаки изменяются или незначительно, или бессистемно.

Закономерности в различии памятников были визуализированы на графике (илл. 1: *д*), где первая главная компонента (ГК 1) выражена осью абсцисс, а вторая (ГК 2) — осью ординат. В левой части находятся крупные сооружения, в правой — небольшие объекты. В верхней части графика расположены храмы с длинной алтарной частью (C и c), в нижней — с короткой.

Прежде всего, стоит отметить связь между абсолютными размерами и типами сооружений. Большинство шестистолпных храмов значительно превосходят четырехстолпные в размерах. Наглядным примером этих различий служит оценка ширины центрального нефа (A). У шестистолпных храмов этот параметр варьирует от 5,15 до 9,7 м, а у четырехстолпных — от 2,9 до 6,7 м. Различие довольно резкое, стоит лишь отметить ряд исключений — это несколько небольших шестистолпных храмов (табл. 1: №№ 31, 34–37). Данные сооружения, во-первых, имеют в целом меньшие размеры, чем остальные шестистолпные храмы, кроме того, у них у всех небольшие размеры апсид боковых нефов (c). Если у основной группы шестистолпных храмов эти значения от 4,8 до 6,3 м, то в данном случае — от 0,6 до 4,2 м.

Многонефные и сложные четырех- и шестистолпные типы храмов по абсолютным размерам близки к шестистолпным. Ширина центрального нефа у них варьирует от 4,9 до 9,1 м. Различия отражаются в значениях оси ординат, поскольку вполне закономерно, что храмы сложного типа отличаются от основной массы объектов длиной C и c. Размеры алтарной части у многонефных храмов также несколько выше, чем у шестистолпных, но различия не столь значительны.

На следующем этапе анализ был направлен на оценку различий в соотношениях подкупольного пространства и прилегающих ячеек. Анализ показал основные направления изменчивости: отношение длины подкупольного пространства (B) и западного пролета (b) к длине алтарной части (C) — B/C и b/C (ГК 1, 35,7 %), отношение ширины центрального нефа (A) к ширине бокового нефа (a) — A/a (ГК 2, 23,2 %) и отношение длины подкупольного пространства (B) к длине западного пролета (b) — B/b (ГК 3, 18,6 %).

На графике (илл. 2: *а*) по оси абсцисс отражается первая главная компонента (ГК 1), а по оси ординат — третья (ГК 3), в левой части поля располагаются сооружения с относительно небольшой алтарной частью (C), а в правой — с протяженной. В нижней части поля — с коротким западным пролетом (b), в верхней — с удлиненным.

Анализ соотношений параметров показал несколько иную картину, чем анализ абсолютных значений. Сооружения также разделены по типологическому признаку, но при этом у части шестистолпных и четырехстолпных храмов наблюдаются сходные пропорциональные характеристики, а храмы сложного типа и многонефные дифференцированы более отчетливо.

Три многонефных храма (табл. 1: №№ 44–46), судя по результатам анализа, имеют очень сходные пропорции: у них довольно низкие величины соотношений B/C и b/C, отношение ширины центрального нефа к боковому (A/a) близко к среднему по выборке, но очень высокие значения соотношения B/b. И действительно, если размах соотношений b/C по выборке от 3,6 до 0,3, при среднем — 1,07, то в данных сооружениях этот индекс равен 0,78, 0,63, 0,73 соответственно. Более низкие значения только у некоторых храмов сложного типа, у основной же массы памятников эти соотношения варьируют от 0,8 до 1,2. Значение B/b, которое по выборке составляет в среднем 1,46 при размахе 1,03 до 1,96, у многонефных храмов близко к максимальному — 1,89, 1,82, 1,61 соответственно. Данная группа храмов отличается удлиненной алтарной частью, коротким западным пролетом и средним соотношением ширины бокового и главного нефов.

Храмы сложного типа также довольно однородны в пропорциональных параметрах: у них самые низкие значения соотношения B/C и b/C, что вполне логично, учитывая, что их типологическим признаком, собственно, и является удлиненная алтарная часть (C) с дополнительной парой столбов. Отношение ширины центрального нефа к боковому (A/a) у них близко к средним по выборке. Величина соотношения B/b у них также очень сходная — от 1,35 до 1,68. Исключением является лишь Спасо-Преображенский собор в Чернигове (табл. 1: № 50), у которого B/b равен 1,16, то есть данный храм имеет довольно длинный западный пролет.

Шестистолпные храмы имеют значения b/C от 0,5 до 1,61, при среднем по выборке 1,53, но

большинство значений укладывается в рамки 0,7–1,1, то есть ниже среднего по выборке, а соотношение B/b — от 1,3 до 1,96, при среднем по выборке 1,47. Исключение составляет церковь Благовещения в Витебске (табл. 1: № 37), со значением B/b — 1,04. Также сильно выходит за рамки остальной выборки Собор Спасо-Мирожского монастыря в Пскове (табл. 1: № 36), сразу по ряду характеристик. Таким образом, организация пространства храмов этого типа характеризуется небольшим западным пролетом и удлиненной алтарной частью.

Четырехстолпные храмы характеризуются неоднородностью параметров: часть объектов имеют очень близкие к средним значения всех характеристик (b/C от 0,9 до 1,15, B/b — от 1,23 до 1,63, A/a — от 1,53 до 1,76), часть — очень широкий размах по оси абсцисс (b/C от 0,95 до 3,66). Другими словами, первая группа отличается высоким сходством, и очень усредненными пропорциями, вторая — состоит из сооружений с удлиненным западным пролетом и короткой алтарной частью.

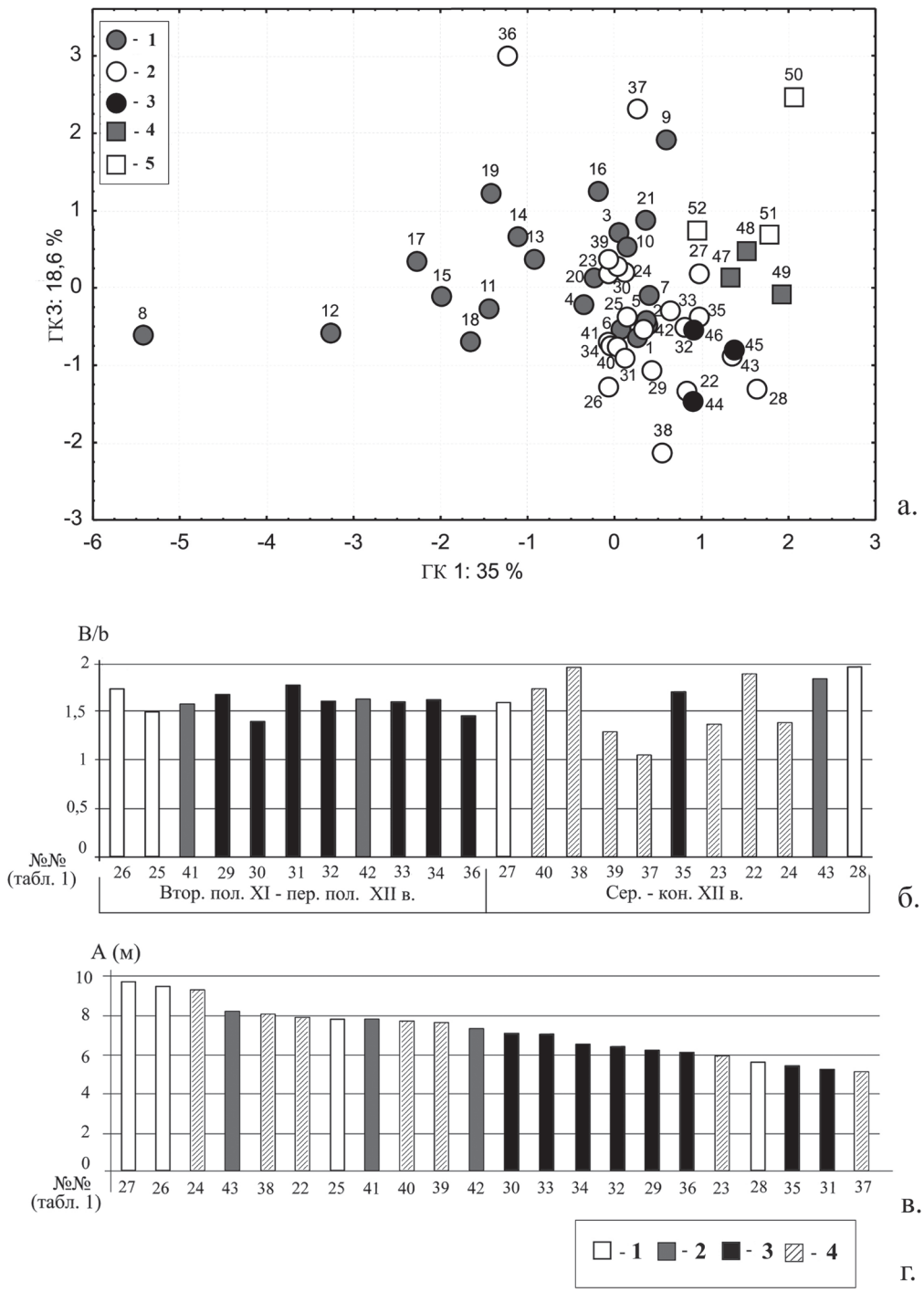
Сопоставляя территориально-хронологические признаки архитектурных памятников и результаты, полученные в ходе анализа, можно прийти к ряду заключений. Наиболее распространенные на территории Древней Руси в течение XI–XII вв. шестистолпные трехнефные храмы не совсем однородны в абсолютных размерах и соотношении ячеек внутреннего пространства. Наиболее ранние из памятников этого типа были возведены в Киеве (табл. 1: №№ 25, 26) во второй половине XI в. Затем до середины XII в. появляются храмы на территории Новгородской земли (табл. 1: №№ 29–34), Киева (табл. 1: № 27) и Чернигова (табл. 1: №№ 41, 42). Эти памятники, в отличие от более поздних, довольно схожи между собой по пропорциональным соотношениям. С середины XII в. шестистолпные храмы происходят, в основном, из других регионов: Галицко-Волынского, Полоцкого, Рязанского, Смоленского и Владимиро-Суздальского княжеств (табл. 1: №№ 23, 24, 37, 38, 39, 40, 22). Эти памятники уже отличаются намного большим разнообразием в пропорциях, по всем трем компонентам. Примером тому может служить отношение длины подкупольного пространства (B) к западному пролету (b) (илл. 2: *б*). Разница в абсолютных размерах проявляется в том, что сооружения Новгорода уступают по своим масштабам большинству храмов из других регионов, на всем описываемом хронологическом отрезке (илл. 2: *в*).

В XII столетии началось активное строительство четырехстолпных храмов. Если шестистолпные храмы возводились на начальном этапе в Киеве и Новгороде, а затем охватили различные регионы, то четырехстолпные, как уже было сказано, встречаются большей частью в Новгородских землях (табл. 1: №№ 11–19) и Владимиро-Суздальском княжестве (табл. 1: №№ 1–7). При этом наблюдаются довольно сильные различия между сооружениями из этих двух регионов, особенно в пропорциях членения планов. Владимирские сооружения более единообразны в организации внутреннего пространства, в то время как у храмов Новгорода значительно больший размах вариаций практически во всех параметрах. В частности, отличаются соотношения длины подкупольного пространства к длине западного пролета (B/b) (илл. 3: *а*), а соотношение центрального и бокового нефов (A/a) (илл. 3: *б*) у храмов Новгорода варьирует намного шире. Но наиболее резко различается соотношение размеров восточных и западных частей (b/C), (илл. 3: *в*). У сооружений Владимиро-Суздальского княжества это соотношение близко к единице и не выходит за пределы от 0,9 до 1,06, в то время как у храмов Новгородской земли среднее значение близко к 1,6 и изменяется в довольно широком диапазоне от 1,25 до 2,7. По абсолютным размерам различия также прослеживаются: храмы Новгорода в целом несколько меньше (илл. 3: *г*). В этот период во всех регионах культовые сооружения становятся менее масштабными. Интересно, что храмы Владимиро-Суздальского княжества, будучи довольно однородными в своих пропорциях, вместе с тем близки по этим параметрам с шестистолпными сооружениями более раннего времени, в то время как четырехстолпные храмы Новгорода от них очень сильно отличаются.

Подводя итог, можно отметить следующие результаты, полученные в ходе проделанной работы.

1. Наиболее значимыми параметрами для дифференциации данной категории архитектурных памятников являются абсолютные размеры, а также отношение западного пролета к алтарной части, отношение центрального нефа к боковому и длины центрального пролета к западному.

2. Четырехстолпные храмы существенно уступают шестистолпным в абсолютных размерах.



• **Илл. 2.** *а* — **распределение памятников по пропорциям пространственных ячеек (анализ главных компонент). Условные обозначения: 1 — трехнефные четырехстолпные; 2 — трехнефные шестистолпные; 3 — многонефные; 4 — сложный тип, четырехстолпные; 5 — сложный тип, шестистолпные;** *б–г* — **распределение параметров шестистолпных трехнефных храмов:** *б* — **отношение длины подкупольного пространства к длине западного пролета (B/b);** *в* — **ширина центрального нефа (A);** *г* — **условные обозначения: 1 — Киевское княжество; 2 — Черниговское княжество; 3 — Новгородская земля; 4 — другие регионы**

3. Выявлена связь между типологическими особенностями и пропорциональными характеристиками подкупольного пространства и прилегающих пространственных ячеек.

4. «Шестистолпные» храмы Киева, Новгорода и Чернигова до середины XII в. имеют значительное сходство в пропорциональных соотношениях. Сооружения данного типа более позднего периода характеризуются более широким размахом вариаций соотношений членений внутреннего пространства.

5. В XII в. в храмовой архитектуре резко нарастают различия в планировочных решениях. С середины века доминирующим типом культовой архитектуры становится четырехстолпный храм, в соотношениях пространственных ячеек которого наблюдаются ощутимые региональные особенности. Сооружения Новгородской земли отличаются от прочих относительно длинным западным пролетом, короткой алтарной частью и, в целом, широкой вариабельностью этих параметров. В отличие от них владимиро-суздальские храмы характеризуются сходством в пропорциях, близких к пропорциям шестистолпных храмов Киева более раннего периода.

В конечном итоге можно уверенно говорить об эффективности применения методов многомерной статистики для выявления типологических, региональных и хронологических особенностей культовых сооружений Древней Руси домонгольского периода.

Список литературы

Айвазян С. А., Бухштабер В. М., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: Классификации и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989. 607 с.

Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области: каталог / сост. и науч. ред. М. И. Мильчик. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас»: Лики России, 2014. 656 с.: ил.

Афанасьев К. Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: изд-во АН СССР, 1961. 271 с., 10 л. ил.: ил.

Большаков Л. Н. Метрический анализ древнерусских храмов XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. / отв. ред.: А. И. Комеч, О. И. Подобедова. М.: Наука, 1988. С. 112–119.

Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-47).

Седов Вл. В. Отчет об архитектурно-археологических раскопках Пантелеймонова монастыря и поисках оснований каменных храмов на территории Аркажского монастыря в Великом Новгороде в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30652. 226 л.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Мерзлютина Н. А. Архитектурно-археологические раскопки Пантелеймонова и Благовещенского на Мячине монастырей и разведки средневековых каменных зданий в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского / отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2013. С. 60–79.

Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.: ил.

Фомичёва Ю. С. К вопросу о реконструкции облика церкви Благовещения на Мячине 1179 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2016. С. 146–153.

Фомичёва Ю. С. Опыт графической реконструкции церкви Благовещения на Городище в формах XII века // АА. 2019. № 1. С. 106–112.

References

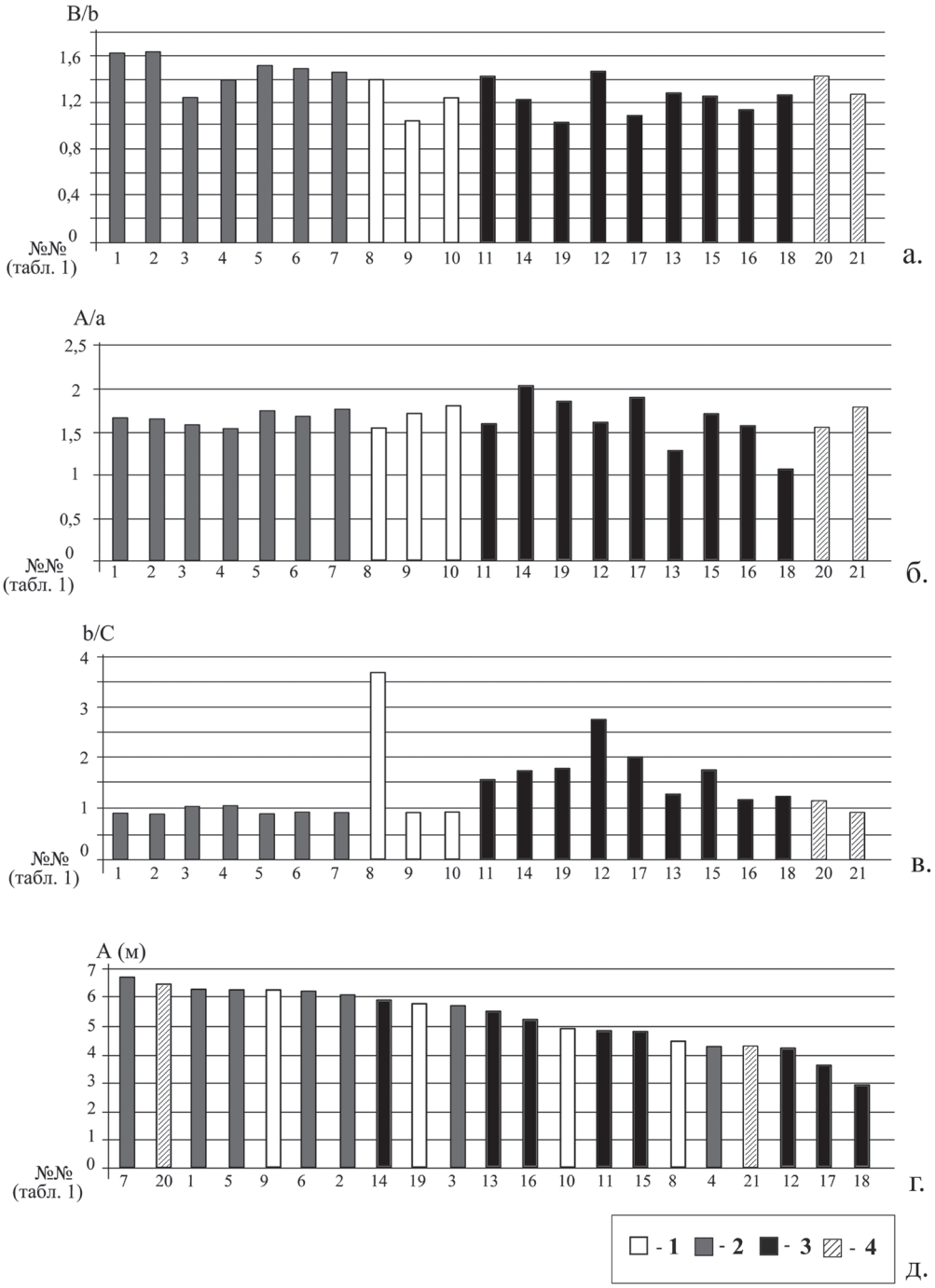
Ayvazyan S. A., Bukhshtaber V. M., Enyukov I. S., Meshalkin L. D. Prikladnaya statistika: Klassifikatsii i snizhenie razmernosti. Moscow: Finansy i statistika, 1989. 607 p.

Arkhitekturnoe nasledie Velikogo Novgoroda i Novgorodskoy oblasti: katalog / ed. M. I. Mil'chik. St. Petersburg: Fond sodeystviya restavratsii pamyatnikov istorii i kul'tury «Spas»: Liki Rossii, 2014. 656 p.: il.

Afanas'ev K. N. Postroenie arkhitekturnoy formy drevnerusskimi zodchimi. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. 271 p.: il.

Bol'shakov L. N. Metricheskiy analiz drevnerusskikh khramov XI–XII vv. // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura X — pervoy poloviny XIII v. / eds. A. I. Komech, O. I. Podobedova. Moscow: Nauka, 1988. P. 112–119.

Fomichyova Yu. S. K voprosu o rekonstruktsii oblika tserkvi Blagoveshcheniya na Myachine 1179 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy go-



• **Илл. 3. Распределение параметров четырехстолпных трехнефных храмов: *а* — отношение длины подкупольного пространства к западному пролету (B/b); *б* — отношение ширины центрального нефа к боковому (A/a); *в* — отношение длины западного пролета к длине алтарной части (b/C); *г* — ширина центрального нефа (A); *д* — условные обозначения: 1 — Киевское княжество; 2 — Владимиро-Суздальское княжество; 3 — Новгородская земля; 4 — другие регионы**

sudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2016. P. 146–153.

Fomichyova Yu. S. Opyt graficheskoy rekonstruktsii tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche v formakh XII veka // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019. 1. P. 106–112.

Rappoport P. A. Russkaya arkhitektura X–XIII vv.: katalog pamyatnikov. Leningrad: Nauka, 1982. 136 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov; E1-47).

Sedov Vl. V. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh raskopkakh Panteleymonova monastyrya i poiskakh osnovaniy kamennykh khramov na territorii Arkazhskogo monastyrya v Velikom Novgorode v 2011 g. // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. № 30652.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V., Merzlyutina N. A. Arkhitekturno-arkheologicheskie raskopki Panteleymonova i Blagoveshchenskogo na Myachine monastyrey i razvedki srednevekovykh kamennykh zdaniy v 2012 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 27. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya M. Kh. Aleshkovskogo / ed. V. L. Yanin. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2013. P. 60–79.

Sekretar' L. A. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 656 p.: il.

Illustrations

Fig. 1. *а–г* — scheme of space and planning parameters used in the analysis; *д* — distribution of monuments by absolute sizes (principal component analysis). Symbols: 1 — three-nave with four internal piers; 2 — three-nave with six internal piers; 3 — multi-nave; 4 — complex type, with four internal piers; 5 — complex type, with six internal piers

Fig. 2. *а* — distribution of sites according to the proportions of bays (principal component analysis). Symbols: 1 — three-nave with four internal piers; 2 — three-nave with six internal piers; 3 — multi-nave; 4 — complex type, with four internal piers; 5 — complex type, with six internal piers; *б–г* — distribution of parameters of three-nave temples having six internal piers: *б* — ratio of the length of the dome space to the length of the western span (B/b); *в* — width of the central nave (A); *г* — symbols: 1 — Principality of Kiev; 2 — Principality of Chernigov; 3 — Novgorod Land; 4 — other regions

Fig. 3. Distribution of parameters of three-nave temples having four internal piers: *а* — ratio of the length of the dome space to the western span (B/b); *б* — the ratio of the width of the central nave to the side (A/a); *в* — ratio of the length of the western span to the length of the chancel (b/C); *г* — width of the central nave (A); *д* — symbols: 1 — Principality of Kiev; 2 — Principality of Chernigov; 3 — Novgorod Land; 4 — other regions

V. P. Kolosov, Yu. S. Fomicheva. Planning concept of the Old Russian temples in the pre-Mongolian period. Statistical analysis experience

Abstract. The article presents the results of the analysis of the spatial concept of the Old Russian temples in the pre-Mongolian period. During the research modern statistical methods were used. The effectiveness of multivariate statistics using for differentiating a large number of objects by a wide range of features is demonstrated. The chronological and regional features of the monuments of Old Russian architecture are revealed.

Keywords: Old Russian architecture, statistical methods in archaeology.

Kolosov Vladimir Pavlovich, junior research fellow, State Hermitage Museum, 34 Palace Embankment, 190000 St. Petersburg, Russian Federation; junior research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, tepavi@yandex.ru.

Fomicheva Yuliya Sergeevna, junior research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, migu@yandex.ru.

О средневековом поселении на территории Юрьева монастыря*

А. А. Кудрявцев

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.162-172

Аннотация. Обзор вещевого комплекса и керамических материалов из раскопок Юрьева монастыря и Георгиевского собора позволяет предположить, что на территории обители в X в. возникло сельское поселение, которое можно соотнести с поселенческими памятниками Поозерья. Впоследствии оно составило территорию Юрьева монастыря, став его посадом. Исходя из данных археологических исследований, можно осторожно представить гипотетическую зону этого селища в домонгольский период.

Ключевые слова: Юрьев монастырь, Георгиевский собор, Новгород, материальная культура, новгородские монастыри, селище.

Кудрявцев Андрей Алексеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117036, a-kudravtsev@yandex.ru.

Юрьев монастырь из всех новгородских обителей в археологическом плане является наиболее полно изученным. Самые значительные раскопки на его территории были проведены в период архитектурно-археологических исследований Георгиевского собора. В ходе работ М. К. Каргера (1931, 1933–1935 гг.) был понижен уровень пола храма в западной части южного, центрального и западного нефов, вскрыты монашеские и княжеские погребения, выявлены многочисленные фрагменты фресковой живописи XII в., сбитой в 1820-ые гг. *(Каргер*, 1946. С. 197–222).

С 2013 г. работы в Георгиевском соборе ведутся Новгородским архитектурно-археологическим отрядом Института археологии РАН под руководством Вл. В. Седова. За этот период полностью исследована восточная часть храма, заново обследован его западный сектор, доследованы княжеские саркофаги. В 2015–2017 гг. начаты раскопки на участках, примыкающих к собору с севера и юга (Северный и Южный раскопы), в ходе которых были получены новые данные по некрополю Георгиевского собора (*Седов*, 2018. С. 142–158; *Седов, Вдовиченко*, 2020. С. 45–59).

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

На территории монастыря периодически проводились спасательные археологические работы, предварявшие прокладку инженерных коммуникаций, в ходе которых были частично исследованы другие архитектурные объекты обители. В 1992 г. М. В. Амосовым были заложены траншея и шурфы параллельно Орловскому корпусу (*Амосов*, 1993. С. 2–5). В 1993 г. к юго-востоку от Георгиевского собора в подобной траншее был зафиксирован фундамент трапезной церкви, возведенной в 1538–1540 гг. в честь московского митрополита Алексия (*Родионова*, 2017. С. 193–194).

Помимо архитектурно-археологических исследований в Георгиевском и Спасском соборах, разных корпусах обители в 1950-х — 1980-х гг. проводились многочисленные реставрационные работы под руководством Л. М. Шуляк, Г. М. Штендера и др. Периодически они сопровождались шурфами и зондажами с целью изучения фундаментов (*Секретарь*, 2011. С. 448–451, 454, 457, 462). В 2018 г. Вл. В. Седовым при проведении реставрационных работ в Митрополичьих покоях была выкопана серия шурфов (*Седов*, 2019. С. 1–11).

Особо важны проведенные исследования на свободных от архитектурных объектов участках. В 1982 г. В. А. Булкиным и В. Н. Седых к югу и юго-западу от Георгиевского собора по трассе инженерных коммуникаций было заложено 13 шурфов общей площадью 120 кв. м (*Булкин*, 1984. С. 8–9; *Булкин и др.*, 1985. С. 127–128). Эти работы дали существенные данные о культурном слое Юрьева монастыря, но лаконичность публикаций и отсутствие изображений керамического материала и находок в отчетной документации снижают их информативность. Например, авторы только перечисляют найденные вещи, которые к тому же не были сданы в фонды Новгородского музея-заповедника, а описания керамики ограничиваются лишь общими датировками, что в отсутствие рисунков и фотографий проверить не представляется возможным. Тем не менее данные материалы свидетельствуют о значимости данного участка и наличии домонгольских напластований. Мощность культурного слоя варьируется от 0,6 до 2,4 м, в ряде шурфов были выявлены валунные кладки, найдены фрагменты амфор (*Булкин*, 1983. С. 2–17).

В 2017–2018 гг. Вл. В. Седовым в северной части монастыря с целью поиска надвратного храма Спаса Преображения 1166 г. было заложено девять шурфов (*Седов, Вдовиченко*, 2019. С. 59; 2020. С. 55–58). В двух шурфах была выявлена линза битой плинфы, но каких-либо других домонгольских материалов не найдено. Мощность слоя на этом участке незначительная (до 0,6 м). В 2019 г. один шурф (№ 10) был заложен ученым к югу от Спасского собора, но он практически по всей площади пришелся на кладку некоего монастырского строения XVIII в.

Несмотря на такое множество различных археологических исследований, проведенных на территории Юрьева монастыря, многие вопросы о раннем периоде его истории на данный момент остаются нерешенными.

Исследования широкой площадью покрывали лишь участок, занимаемый Георгиевским собором, и при работах внутри храма не был достигнут материк. На раскопах, примыкающих к нему с севера и юга, культурный слой в основном перемешан из-за устройства поздних приделов и наличия обширного некрополя. Их стратиграфия отображает лишь смену различных строительных горизонтов и перекопы XIX в. На данный момент материк был зафиксирован лишь на Северном раскопе. При этом не было выявлено стратифицированных напластований, предшествовавших постройке Георгиевского собора.

Отмеченные выше работы на остальной территории Юрьева монастыря не выявили данных о наличии домонгольских напластований. Только шурфы В. А. Булкина и В. Н. Седых 1982 г. к югу от собора в целом свидетельствуют об их наличии, но эти материалы нуждаются в дальнейшей верификации. Кроме того, разрозненные шурфы все равно не дают общего представления о культурном слое монастыря на этом наиболее значимом участке.

Исходя из этого, на данный момент мы не располагаем фактическими данными о времени заселения места Юрьева монастыря и существовании обители до возведения Георгиевского собора в 1119 г. Данные шурфов не дают исчерпывающих сведений об археологическом контексте домонгольских княжеских погребений.

Как показывают полевые исследования, в основном новгородские монастыри возникали не на пустом пространстве. Как правило, им предшествовали небольшие неукрепленные поселения. Например, Ситецкий монастырь, который впервые упомянут в летописях под

1371 г., образовался на месте селища, появившегося уже в X в. (*Вдовиченко, Кудрявцев*, 2019. С. 121). На месте Перынского монастыря, первое упоминание о котором относится к 1386 г., селище образовалось в XII в. (*Седов*, 1956. С. 108–117). При раскопках Данилова монастыря в Москве были открыты поселения с лепной керамикой X–XI вв. и древнерусской XII–XIII вв. (*Беляев*, 2019. С. 10). Следы предшествующего селища, представленные домонгольской керамикой, находками металлической биконической гирьки, половинкой затертой серебряной монеты (дирхема?), выявлены при исследованиях Богоявленского монастыря в Москве (*Беляев*, 1994. С. 57).

Рассматривая топографию селищ X–XI вв. Верхнего Поволховья, отметим, что территория Юрьева монастыря практически идеально подходит для подобного поселенческого объекта. Он находится на весьма значительном возвышении, окружающая местность представляет собой пойменную часть, пригодную для земледелия. В самой ближайшей округе данный холм является фактически единственной доминантой. Вполне логично, что именно на нем впоследствии был возведен монументальный Георгиевский собор.

На левом берегу Волхова основное скопление средневековых поселенческих памятников сосредоточено к югу от Юрьева монастыря — в Поозерье, на берегах р. Веряжа. Это 2 укрепленных поселения (Георгий и Сергов городок), возникших в одно время с Рюриковым городищем, и 18 селищ с лепной керамикой. Они образуют единый археологический микрорегион (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 374).

Ближайший к Юрьеву монастырю — Перынь. В ходе археологических работ 1948 и 1951–1953 гг. были исследованы отмеченное выше поселение XII–XV вв. и снивелированный сопочный могильник, изначально интерпретированный как языческое капище. Отметим, что этот археологический комплекс расположен на возвышенности (*Седов*, 1953. С. 92–103).

В 300 м к северо-западу от Перыни также на высоком холме находится селище Прость. При его масштабных археологических исследованиях были выявлены древности VIII в., что позволяет выделить Прость как самое раннее славянское поселение рассматриваемой округи (*Носов, Плохов*, 2005. С. 140–146).

Особенности расположения Юрьева монастыря, близость к вероятному культовому центру и могильнику в Перыни, а также к самому раннему поселению Прость позволяют вполне уверенно предположить наличие на территории обители синхронного селищам Поозерья поселенческого объекта. Он был бы логичным продолжением или окончанием линии поселений Поозерья, хотя и не относящимся к данному микрорегиону. Севернее Юрьева монастыря расположен уже сам Новгород, западнее каких-либо ранних памятников пока не зафиксировано.

То, что территория Юрьева монастыря ранее не рассматривалась как местоположение раннего селища, можно объяснить отсутствием возможности проводить раскопки широкой площадью на территории обители, культурный слой которой к тому же значительно поврежден интенсивной строительной и хозяйственной деятельностью в отличие от незанятых застройкой площадей Поозерья.

Помимо очевидной топографической ситуации есть и другие косвенные данные о наличии на месте обители раннего средневекового поселения. Из перемешанных слоев Южного раскопа, примыкающего к Георгиевскому собору, происходит в небольшом количестве лепная и ложноваликовая керамика[1], датирующаяся не позднее начала XI в., а также фрагменты эсовидных сосудов (илл. 2), распространенных в Новгороде в X — конце XII в. (*Малыгин и др.*, 2001. С. 94).

Наиболее ярким свидетельством является находка фрагмента дирхема (илл. 1), происходящего из засыпки одного из погребений, исследованных на Южном раскопе (*Седов, Вдовиченко*, 2020. С. 50). Имя эмитента и выпускные сведения на монете отломлены, но по одноштемпельному экземпляру установлено, что его выпустил Баниджурид, Ахмад бен Мухаммад бен Ахмад, монета носит имя саманидского оверлорда Исма'ила бен Ахмада, Андараба (904/905 гг.)[2]. Монета найдена в переотложенном слое, но, по всей вероятности, она выпала именно в рассматриваемой местности.

Ближайшее к Юрьеву монастырю селище, на котором были зафиксированы единичные находки дирхемов, — Прость (*Носов, Плохов*, 2005.

[1] Определение П. Д. Малыгина.

[2] Определение А. А. Гомзина.

• **Илл. 1. Раскопки Георгиевского собора, 2018 г. Южный раскоп. Фрагмент дирхема серебряного**

С. 142, 144), и оно находится на довольно значительном удалении от обители.

В полевом сезоне 2019 г. в центральном секторе Южного раскопа был сделан зондаж между исследованными саркофагами, показавший, что на данном участке была произведена нивелировка, выраженная в наличии мощной песчаной подсыпки. На дне зондажа были обнаружены включения угля и фрагменты горелого дерева. Несмотря на ограниченную площадь зондажа, можно осторожно предположить наличие в этом месте слоя, предшествующего возведению Георгиевского собора. Отметим, что подобная картина не была зафиксирована при исследованиях на Северном раскопе. Там под уровнем погребений последовал материк (*Седов, Вдовиченко*, 2016. С. 69).

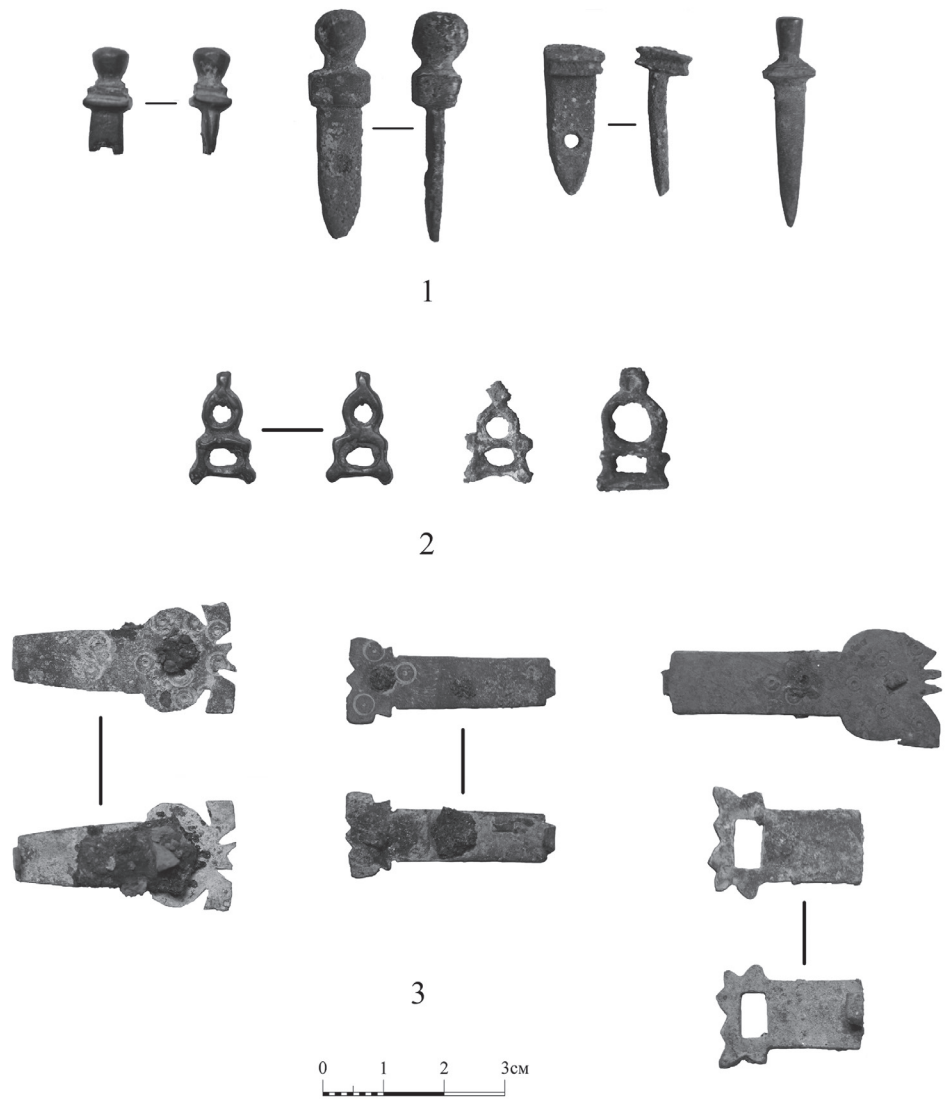
Вместе с этим вещевой комплекс из раскопок Георгиевского собора не содержит более находок, характерных для селищ Поозерья (украшений, бытовых изделий, наконечников стрел). В целом, если не привлекать материал погребального инвентаря, вещей, бытовавших в домонгольский период, в этом комплексе обнаружено немного. Еще раз отметим не столь значительно исследованную площадь и отсутствие стратифицированных напластований.

Артефакты, датирующиеся XI–XIII вв., найденные при раскопках внутри храма и на примыкающих участках, характерны больше для материальной культуры монастыря, чем поселения.

• **Илл. 2. Раскопки Георгиевского собора, 2015–2018 гг. Фрагменты эсовидных сосудов**

Наиболее важная среди них находка — вислая свинцовая печать, датированная, по предварительному определению П. Г. Гайдукова, XI в. Она была выявлена при переборке мешанного слоя Южного раскопа. На одной ее стороне видна фигура воина со щитом и копьем, на другой — греческая надпись(*Седов, Вдовиченко*, 2020. С. 55). Отметим, что при раскопках Георгиевского собора были выявлены еще три печати: две новгородские анонимные буллы владычных наместников и одна — новоторожского владычного наместника, датирующиеся XIV — серединой XV в.[1]

[1] Использованы материалы доклада П. Г. Гайдукова «Сфрагистические находки из раскопок Георгиевского собора Юрьева монастыря» на конференции «Георги-



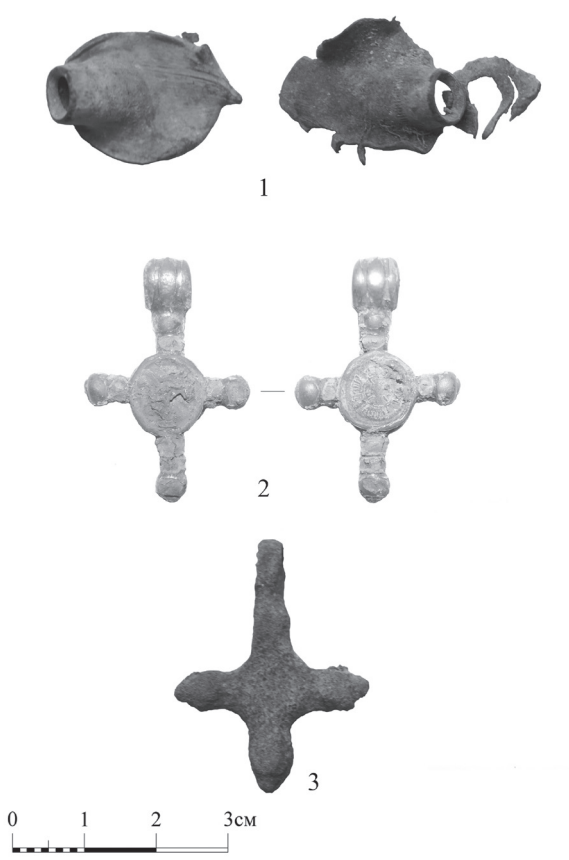
• **Илл. 3. Раскопки Георгиевского собора 2014–2019 гг. Бронзовые детали книжного оформления:** *1* **— пальцы штыря-стопора;** *2* **— пряжки;** *3* **— застежки XV–XVII вв.**

Если не принимать во внимание сведения В. Н. Татищева об основании Юрьева монастыря Ярославом Мудрым, которые историком включены даже не в основной текст «Истории Российской», а в примечания (*Татищев*, 1994. С. 241, 261), то все равно становится очевидным, что во второй четверти XI в. данная территория имела некое административное значение.

В вещевом комплексе выделяются также бронзовые детали набора книжных застежек, найденные как в восточной части храма, так и на примыкающих раскопах. Среди них — мечевидной формы пальцы штыря-стопора (4 экз.) с круглым отверстием в лезвии для крепления (илл. 3: *1*). Их верхняя часть представляет собой каплевидное навершие для зацепа пряжки.

В свою очередь, пряжек было найдено 3 экз. Они имеют пирамидальную форму с прямоугольным отверстием в основании и круглым отверстием приемника (илл. 3: *2*).

евский собор Юрьева монастыря: историко-культурная панорама» (11.02.2020).



• **Илл. 4. Раскопки Георгиевского собора 2014–2018 гг. Предметы личного благочестия:** *1* **— фрагменты ампул из свинцово-оловянистого сплава;** *2* **— нательный крест из медного сплава с позолотой;** *3* **— нательный крест из медного сплава**

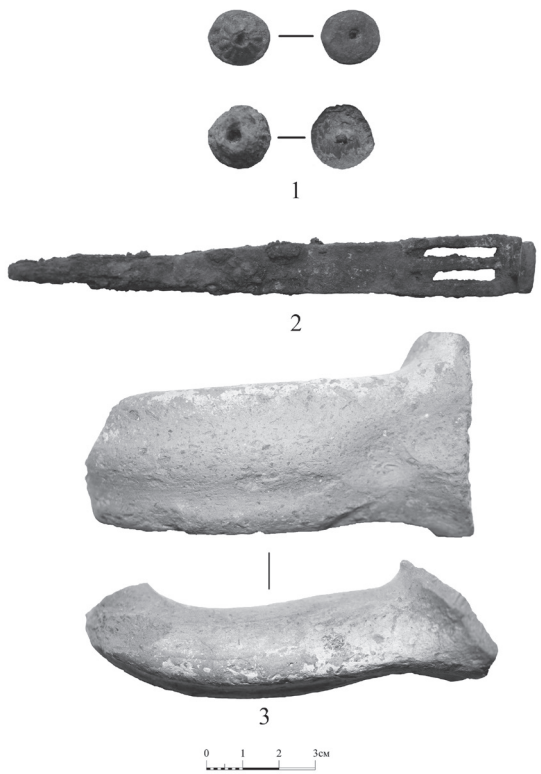
Эти изделия являлись элементами застежек переплетов богослужебных книг, поступивших в Юрьев монастырь из Византии или южнорусских земель. Многочисленные аналогии им выявлены в религиозных и торгово-ремесленных центрах Крыма. На данный момент их хронология не совсем определена, но, например, при раскопках Судака такие детали книжных окладов происходят из закрытых комплексов, датирующихся XI–XII вв. (*Гукин*, 2016. С. 27–33). В Новгороде и Старой Руссе их находки носят в основном единичный характер (*Янин и др.*, 2016. С. 22. Рис. 6: *1*; *Торопова и др.*, 2020. С. 86. Рис. 5: *3*), как и в других древнерусских городах. При масштабных полевых исследованиях Суздальского Ополья последних лет они были выявлены и при обследовании селищ в округе Суздаля (*Макаров и др.*, 2019. С. 16. Рис. 6: *15*).

В довольно большом количестве при раскопках Георгиевского собора были выявлены бронзовые книжные застежки более поздних и упрощенных типов, которые можно датировать, предположительно, XV–XVII вв. Они имеют форму, близкую к прямоугольной. Один конец загнут, другой имеет ажурное завершение, украшенное циркульным орнаментом (илл. 3: *3*). На примере этого материала ярко прослеживается эволюция данной категории вещей, важной для изучения монастырской книжной культуры.

При исследованиях внутри Георгиевского собора было также выявлено пять фрагментов (верхние части с горлом, ручки не зафиксированы) ампул из свинцово-оловянистого сплава (илл. 4: *1*). Это паломнические предметы, связанные с культом Дмитрия Солунского. Фрагментированное состояние не позволяет судить об их морфологии и иконографических особенностях. Тем не менее при раскопках других новгородских монастырей ампулы выявлены не были. В Новгороде найдены лишь четыре целые ампулы, датирующиеся XII–XIII вв. Самый ранний экземпляр происходит из Федоровского раскопа — конец 90-х XI – 50-ые гг. XII в. (*Мусин*, 2009. С. 240. Рис. 4).

К предметам личного благочестия относятся также два четырехконечных равносторонних креста из медного сплава[1]. Один из них (размеры без ушка для подвешивания — 2,8 × 2,8 см) с ромбическим щитком в средокрестии и слегка расширяющимися приострёнными ветвями (илл. 4: *3*). Идентичный крестик происходит из пахотного слоя Южного городища Старой Рязани. Датировка аналогии — не позднее конца XIV в. (*Даркевич, Пуцко*, 1981. С. 220. Рис. 2: *4*). Близкий образец обнаружен в погребении 35 могильника Нефедьево IB в Вологодской области близ Кубенского озера (*Макаров*, 1991. С. 14. Рис. 1: *16*). Общая датировка памятника установлена в рамках 30-х гг. — конца XII в. На севернорусском экземпляре в центре щитка помещается рельефное погрудное изображение святого. Экземпляр из раскопок Георгиевского собора характеризуется менее выраженными ветвями-«пальчиками» и отсутствием изображения святого в средокрестии. Это определенное

[1] Автор выражает благодарность А. А. Остапенко за консультации.



• **Илл. 5. Раскопки Георгиевского собора 2014–2018 гг.** *1* **— свинцовые грузики;** *2* **— железный ключ к навесному замку;** *3* **— ручка амфоры**

упрощение формы, которое следует связывать с более поздним периодом ее бытования — XIII–XIV вв.

Второй крест-тельник, найденный на Северном раскопе, характеризуется высоким качеством отливки, уплощенными шариками на концах и круглым медальоном в средокрестии (илл. 4: *2*). Размеры без ушка для подвешивания — 2,8 × 2,5 см. Характерной особенностью является сохранившаяся в отдельных местах позолота. Эта редкая для древнерусской мелкой пластики черта сближает — в том числе и хронологически — образец с византийскими прототипами, один из которых найден в Польше в погребении XII в. (*Гензель*, 1978. С. 66. Рис. 1). Датировка экземпляра из Юрьева монастыря может быть установлена в рамках XII–XIII вв.

Рассматриваемый вещевой комплекс находок XI–XIII вв., который содержит еще фрагменты амфор (илл. 5: *3*), органично дополняет данные, полученные в ходе изучения некрополя Георгиевского собора. Все вместе может служить основой для определения критериев изучения материальной культуры новгородских монастырей.

На данный момент основным источником для таких исследований являются не материалы подобных раскопок новгородских обителей, а данные ряда усадеб Неревского и Троицкого раскопов, на которых проживали монахи и священники (*Petrov, Musin*, 2014. S. 490).

При этом печати, свинцовые ампулы, книжные застежки, нательные кресты, фрагменты амфор являются материалами длительного хранения, и по ним нельзя объективно характеризовать предшествующее поселение, так как они могли археологизироваться уже после возведения Георгиевского собора.

Вместе с тем вещевой комплекс почти не содержит стандартных бытовых изделий и украшений, которые бы свидетельствовали о повседневной жизни обители, за исключением единичных находок бус, фрагментов стеклянных браслетов, каменных рыболовных грузил, свинцовых грузиков (илл. 5: *1*), широко распространенных в X–XV вв., ключа к навесному замку типа В второго варианта (илл. 5: *2*). Подобные ключи в Новгороде датируются концом XII — концом XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 160). В основном домонгольские керамические материалы свидетельствуют об активной жизнедеятельности в этот период.

Кроме того, поселение на территории Юрьева монастыря можно охарактеризовать, привлекая данные шурфов, выкопанных к югу и юго-западу от Георгиевского собора. Несмотря на то, что шурфы расположены довольно далеко друг от друга, В. А. Булкиным был сделан вывод об убыли мощности культурных напластований к югу — от 2,45 до 0,65 м (*Булкин*, 1984. С. 9).

Как было отмечено выше, мы не располагаем изображениями вещей и керамического материала из этих раскопок, но приведенные автором исследования краткие сведения позволяют сделать некоторые выводы. За исключением шурфа 11, во всех шурфах выявлена керамика XI–XIII вв., в шурфах 2, 8, 9 — керамика X–XIII вв. В шурфах 4, 5, 8, 9 выявлены фрагменты амфор.

При этом не было обнаружено предметов личного благочестия и других находок, характерных для монастыря. Вещевой комплекс характеризуется скорее бытовыми изделиями, имеющими широкие рамки бытования (ножи, ключи, ледоходный шип). К раннему этапу, по

всей видимости, относится оселок с отверстием для подвешивания. В шурфах 8 и 9 выявлены следы ремесленного производства — тигли и шлаки. В шурфе 3 выявлены три материковые ямы округлой формы, вероятно, хозяйственного назначения. Характерной чертой являются находки каменных рыболовных грузил — шурфы 1, 8, 9, 13 (*Булкин*, 1983. С. 11–17). Большим количеством находок таких грузил характеризуется поселение в Перыни (*Седов*, 1956. С. 117), которое явно имело далеко не рядовой характер.

С учетом находки дирхема начала X в. и наличия керамических материалов X–XI вв., выявленных при исследовании перемешанных напластований на примыкающих к Георгиевскому собору раскопах, можно заключить, что на месте Юрьева монастыря в X в. появляется селище, видимо, близкое по своей структуре селищам Поозерья. Ядро этого поселения, возможно, находилось на участке к югу от храма. Впоследствии на месте поселения возникает монастырь. Но на данном этапе четко разделить материал селища и сменившего его монастырского поселения не представляется возможным.

Если вещевой комплекс из раскопок Георгиевского собора в основном содержит предметы, связанные с христианскими древностями (ампулы, нательные кресты, печати) и монастырской культурой (книжные застежки, амфоры), то шурфы дают материал, характерный для сельского поселения XI–XIII вв. Единственное, что его отличает, — фрагменты амфор. Но пока не представляется возможным датировать их более узко, чтобы определить, к какому именно этапу бытования поселения они относятся — до возведения храма или после.

Авторы этих разведочных работ упоминают обломки посуды, являющейся подражанием рейнской керамике, а также крышки большого диаметра (до 0,7 м), имеющие нагар с внутренней стороны. По их мнению, те являлись частью сосудов монастырской утвари (*Булкин и др.*, 1985. С. 128). По всей видимости, это селище впоследствии и составило территорию Юрьева монастыря, став его посадом.

Несмотря на фрагментированность данных (разрозненность шурфов, отсутствие стратифицированных напластований в раскопах у Георгиевского собора), можно гипотетически представить план домонгольского поселения, которое было сосредоточено к югу и юго-западу от Георгиевского собора (илл. LII на цветной вклейке). Вероятно, оно было вытянуто вдоль Волхова и охватывало возвышенность на холме. Зону распространения его слоя маркируют шурфы В. А. Булкина и В. Н. Седых.

Как показывают материалы шурфов Вл. В. Седова 2017–2018 гг., нынешняя северная часть монастыря не была заселена в эпоху средневековья, а южная, по всей видимости, являлась ремесленной зоной. Но и она стала осваиваться только в XVI–XVII вв., судя по керамическим материалам шурфов, выкопанных у митрополичьих покоев.

Последующие исследования средневекового поселения на месте Юрьева монастыря позволят уточнить его хронологию и получить новые сведения о материальной культуре новгородских монастырей. Следует и дополнить их изучением вещевого комплекса XV–XVIII вв., который в данной работе не рассматривался.

Необходимо верифицировать данные шурфов 1982 г. и выявить непотревоженные напластования X–XI вв., предшествующие возведению Георгиевского собора, что позволит получить данные о еще одном раннем селище на левом берегу Волхова и дальнейшем его превращении в столь значимую для истории Новгорода обитель.

Список литературы

Амосов М. В. Отчет о работах в г. Новгороде в 1992 г. Т. 1. Юрьев монастырь // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17098.

Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV в.) по данным археологии. М.: ИА РАН, 1994. 504 с.

Беляев Л. А. Монастыри Московской Руси: этапы археологического изучения и современное состояние // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 7–22.

Булкин В. А. Отчет об архитектурно-археологических работах в Хутынском и Юрьевом монастырях под Новгородом и в с. Нижние Матигоры Холмогорского района Архангельской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. № 10896.

Булкин В. А. Раскопки в Хутыни и Юрьево // Археологические открытия 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 8–9.

Булкин В. А., Седых В. Н., Штендер Г. М. К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР / отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1985. С. 123–128.

Вдовиченко М. В., Кудрявцев А. А. Археологические исследования на территории Ситецкого монастыря под Нов-

городом в 2017 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Материалы XXXII научной конференции, посвященной памяти Н. Н. Гринева / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород, 2019. С. 116–121.

Гензель В. Два византийских памятника из Крушвицы // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 66–68.

Гукин В. Д. Техническое оформление книжных окладов в Юго-Восточном Крыму (по данным раскопок и сборов на средневековом городище Судак) // Труды ГЭ. Т. LXXX. Белградский сборник. К XXIII Международному конгрессу византинистов. СПб.: изд-во ГЭ, 2016. С. 28–33.

Даркевич В. П., Пуцко В. Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. 1981. № 3. С. 218–232.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 11–21.

Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Угулава Н. Д. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 9 / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 7–28.

Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2001. С. 82–97.

Мусин А. Е. Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / ред.-сост. Л. А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 231–272.

Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–154. (Труды ИИМК РАН; т. XVIII).

Родионова М. А. Трапезная XVI века в Юрьевом монастыре Великого Новгорода (исследования 1993 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Материалы XXXI научной конференции, посвященной 85-летию археологического изучения Новгорода / отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.; Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 190–195.

Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 92–103.

Седов В. В. Поселение XII в. — начала XV в. в Перыни // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 108–117.

Седов Вл. В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 142–158.

Седов Вл. В. Отчет о проведении археологических исследований (раскопок) на объекте культурного наследия федерального значения «Юрьев Монастырь» (летние настоятельские покои) в Великом Новгороде в 2018 г. // Архив ИА РАН. 2019. Р-1. № 62691.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Пантелеймоновом монастыре в 2015 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2016. С. 58–73.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в ц. Благовещения на Городище и Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 2017 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Материалы XXXII научной конференции, посвященной памяти Н. Н. Гринева / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород, 2019. С. 40–59.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Архитектурно-археологические работы в Юрьеве монастыре в 2018 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 33. Материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. Л. Янина / отв. ред. Е. А. Рыбина. Великий Новгород, 2020. С. 45–59.

Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.

Татищев В. Н. Собрание сочинений: Т. 2, 3. История Российская. Ч. 2. М.: Ладомир, 1994. 688 с.

Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П., Колосницына Е. А., Карпова Т. В., Сюборов В. Ю., Юсифова А. А. Работы Старорусской экспедиции Новгородского университета 2018 г. // Новгород и Новгородская зем-

ля. История и археология. Вып. 33. Материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В. Л. Янина / отв. ред. Е. А. Рыбина. Великий Новгород, 2020. С. 81–90.

Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2015 г. (Троицкий раскоп — XVI в.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2016. С. 15–23.

Petrov M., Musin A. Monasteries in medieval Novgorod and its suburbs // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum IX. Die Klöster / Hrsg.: M. Gläser, M. Schneider. Lübeck: Verlag Schmidt-Römhild, 2014. S. 483–493.

References

Amosov M. V. Otchet o rabotakh v g. Novgorode v 1992 g. T. 1. Yur'ev monastyr' // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. 1993. R-1. № 17098.

Belyaev L. A. Drevnie monastyri Moskvy (kon. XIII — nach. XV v.) po dannym arkheologii. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 1994. 504 p.

Belyaev L. A. Monastyri Moskovskoy Rusi: etapy arkheologicheskogo izucheniya i sovremennoe sostoyanie // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2019. 256. P. 7–22.

Bulkin V. A. Otchet ob arkhitekturno-arkheologicheskikh rabotakh v Khutynskom i Yur'evom monastyryakh pod Novgorodom i v s. Nizhnie Matigory Kholmogorskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti v 1982 g. // Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. 1983. R-1. № 10896.

Bulkin V. A. Raskopki v Khutyni i Yur'evo // Arkheologicheskie otkrytiya 1982 g. Moscow: Nauka, 1984. P. 8–9.

Bulkin V. A., Sedykh V. N., Shtender G. M. K ranney istorii Khutynskogo i Yur'eva monastyrey // Novoe v arkheologii Severo-Zapada SSSR / ed. V. M. Masson. Leningrad: Nauka, 1985. P. 123–128.

Genzel' V. Dva vizantiyskikh pamyatnika iz Krushvitsy // Drevnyaya Rus' i slavyane / ed. T. V. Nikolaeva. Moscow: Nauka, 1978. P. 66–68.

Gukin V. D. Tekhnicheskoe oformlenie knizhnykh okladov v Yugo-Vostochnom Krymu (po dannym raskopok i sborov na srednevekovom gorodishche Sudak) // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. LXXX. Belgradskiy sbornik. K XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. St. Petersburg: izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2016. P. 28–33.

Darkevich V. P., Putsko V. G. Proizvedeniya srednevekovoy metalloplastiki iz nakhodok v Staroy Ryazani (1970–1978 gg.) // Sovetskaya arkheologiya. 1981. 3. P. 218–232.

Eremeev I. I., Dzyuba O. F. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki. Arkheologicheskie i paleogeograficheskie issledovaniya mezhdu Zapadnoy Dvinoy i ozerom Il'men'. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. 670 p.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Kolchin B. A. Khronologiya novgorodskikh drevnostey // Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda / eds. B. A. Kolchin, V. L. Yanin. Moscow: Nauka, 1982. P. 156–177.

Makarov N. A. K otsenke khristianizatsii drevnerusskoy derevni v XI–XIII vv. (Pogrebeniya s krestami i obrazkami v mogil'nikakh Belozer'ya i Kargopol'ya) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 1991. 205. P. 11–21.

Makarov N. A., Shpolyanskiy S. V., Fedorina A. N., Ugulava N. D. K izucheniyu blizhayshey okrugi srednevekovogo Suzdalya: issledovaniya v verkhnem techenii r. Kamenki v 2018–2019 gg. // Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara. 9 / ed. N. A. Makarov. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2019. P. 7–28.

Malygin P. D., Gaydukov P. G., Stepanov A. M. Tipologiya i khronologiya novgorodskoy keramiki X–XV vv. (po materialam Troitskogo XI raskopa) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 15. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2001. P. 82–97.

Musin A. E. Palomnichestvo v Drevney Rusi: istoricheskie kontseptsii i arkheologicheskie realii // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama / ed. L. A. Belyaev. Moscow: Indrik, 2009. P. 231–272.

Nosov E. N., Plokhov A. V. Novye raskopki poseleniy v Severnom Priil'men'e // Nosov E. N., Goryunova V. M., Plokhov A. V. Gorodishche pod Novgorodom i poseleniya Severnogo Priil'men'ya. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2005. P. 122–154. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk; XVIII).

Petrov M., Musin A. Monasteries in medieval Novgorod and its suburbs // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum IX. Die Klöster / Hrsg.: M. Gläser, M. Schneider. Lübeck: Verlag Schmidt-Römhild, 2014. S. 483–493.

Rodionova M. A. Trapeznaya XVI veka v Yur'evom monastyre Velikogo Novgoroda (issledovaniya 1993 g.) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 31. Materialy XXXI nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda / ed. E. N. Nosov. St. Petersburg; Velikiy Novgorod: Lyubavich, 2017. P. 190–195.

Sedov V. V. Drevnerusskoe yazycheskoe svyatilishche v Peryni // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury. 1953. 50. P. 92–103.

Sedov V. V. Poselenie XII v. — nachala XV v. v Peryni // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury. 1956. 62. P. 108–117.

Sedov Vl. V. Knyazheskie sarkofagi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. 2. P. 142–158.

Sedov Vl. V. Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy (raskopok) na ob''ekte kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Yur'ev Monastyr'» (letnie nastoyatel'skie pokoi) v Velikom Novgorode v 2018 g. // Arkhiv Institita arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk. 2019. R-1. № 62691.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya i v Panteleymonovom monastyre v 2015 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2016. P. 58–73.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v ts. Blagoveshcheniya na Gorodishche i Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v 2017 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 32. Materialy XXXII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati N. N. Grineva / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod, 2019. P. 40–59.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkhitekturno-arkheologicheskie raboty v Yur'eve monastyre v 2018 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 33. Materialy XXXIII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. L. Yanina / ed. E. A. Rybina. Velikiy Novgorod, 2020. P. 45–59.

Sekretar' L. A. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 656 p.

Tatishchev V. N. Sobranie sochineniy. 2, 3. Istoriya Rossiyskaya. Part 2. Moscow: Ladomir, 1994. 688 p.

Toropova E. V., Samoylov K. G., Toropov S. E., Kolosnitsyn P. P., Kolosnitsyna E. A., Karpova T. V., Syuborov V. Yu., Yusifova A. A. Raboty Starorusskoy ekspeditsii Novgorodskogo universiteta 2018 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 33. Materialy XXXIII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. L. Yanina / ed. E. A. Rybina. Velikiy Novgorod, 2020. P. 81–90.

Vdovichenko M. V., Kudryavtsev A. A. Arkheologicheskie issledovaniya na territorii Sitetskogo monastyrya pod Novgorodom v 2017 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 32. Materialy XXXII nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati N. N. Grineva / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod, 2019. P. 116–121.

Yanin V. L., Rybina E. A., Pokrovskaya L. V., Singkh V. K., Stepanov A. M., Tyanina E. A. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2015 g. (Troitskiy raskop — XVI v.) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2016. P. 15–23.

Illustrations

Colour plate LII. Yuriev monastery. Plan indicating a hypothetical area of a pre-Mongol settlement

Fig. 1. Excavations of St. George's cathedral, 2018. Southern excavation. Fragment of a silver dirham

Fig. 2. Excavations of St. George's cathedral, 2015–2018. Fragments of s-shaped vessels

Fig. 3. Excavations of St. George's cathedral, 2014–2019. Bronze details of book design: *1* — the detail of the book lock in the form of a miniature dagger; *2* — buckles; *3* — clasps of the 15th–17th centuries

Fig. 4. Excavations of St. George's cathedral 2014–2018. Items of personal piety: *1* — fragments of ampoules made of lead-tin alloy; *2* — pectoral cross made of copper alloy with gilding; *3* — pectoral cross made of copper alloy

Fig. 5. Excavations of St. George's cathedral, 2014–2018. *1* — lead weights; *2* — iron key for a padlock; *3* — amphora handle

A. A. Kudryavtsev. Medieval settlement on the territory of Yuriev monastery

Abstract. The study of a number of artifacts and ceramic materials discovered during the excavations of Yuriev monastery and St. George's cathedral suggests that a rural settlement arose on the territory of the monastery in the 10th century. It may be correlated to other archaeological sites of this type in Ilmen Lakeland. Subsequently, it formed the territory of Yuriev Monastery, becoming its settlement. Based on the data of archaeological research, one can put forward a hypothesis about the location of this settlement in the pre-Mongolian period.

Keywords: Yuriev monastery, St. George's cathedral, Novgorod, material culture, Novgorod monasteries, settlement.

Kudryavtsev Andrey Alexeevich, candidate of history, research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117036 Moscow, Russian Federation, a-kudravtsev@yandex.ru.

Антропологические исследования некрополя Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде 2014–2019 гг. *

И. К. Решетова

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.173-187

Аннотация. Исследовательские работы Новгородского архитектурно-археологического отряда ИА РАН (НААО ИА РАН) в Георгиевском соборе Юрьева монастыря выявили обширный некрополь, сформированный в пространстве, прилегающем к собору. К 2019 г. были выявлены более 70 погребений, как грунтовых, так и совершенных в белокаменных саркофагах. В статье представлены итоги комплексных исследований палеоантропологической серии из раскопок некрополя, а также даны первые результаты изотопных соотношений δ13C и δ15N по материалам из раскопок в целях воссоздания такого элемента повседневности средневековых новгородцев, как тип питания.

Ключевые слова: палеоантропология, некрополь Юрьева монастыря, Великий Новгород, захоронения в саркофагах, изотопный анализ.

Решетова Ирина Константиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник 1 категории, Отдел теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292, reshetovairina@yandex.ru.

Георгиевский собор Свято-Юрьева мужского монастыря в Великом Новгороде — один из старейших архитектурных памятников домонгольского времени. Его строительство началось в 1119 г. и продолжалось на протяжении 11 лет. Георгиевский собор стал усыпальницей для настоятелей монастыря и ряда государственных деятелей — новгородских посадников, князей, служилых людей.

За долгое время существования собора и монастыря окружающее их культурное и архитектурное пространство сильно изменялось.

При такой насыщенной истории вполне естественно, что памятник неоднократно становился объектом археологических изысканий. В 1931–1935 гг. М. К. Каргер, исследуя внутрихрамовое пространство Георгиевского собора, произвел раскопки в его центральной и западной части, где были обнаружены и вскрыты некоторые саркофаги (*Янин*, 1988. С. 89, 92–100).

В 2014 г. Новгородским архитектурно-археологическим отрядом ИА РАН (руководитель — член-корр. РАН Вл. В. Седов) при проведении раскопок на территории Георгиевского собора Свято-Юрьева монастыря были выявлены захоронения внутри соборного пространства (*Седов, Вдовиченко*, 2015).

* Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576.

В конце археологического сезона 2015 г. были обнаружены и погребения на прилегающей к собору территории, снаружи северной стены у Лестничной башни. Работы продолжаются по периметру стен Георгиевского собора (*Седов*, 2018). На исследованной площади был открыт некрополь, к настоящему моменту насчитывающий более 70 погребений, как грунтовых, так и совершенных в белокаменных саркофагах. В таблице 1 приводится краткий каталог исследованной серии.

• **Таблица 1. Краткий каталог палеоантропологических материалов из раскопок некрополя Георгиевского собора Свято-Юрьева мужского монастыря**

Грунтовые погребения			
№ погребения	**Пол**	**Возраст**	**Отметки**
10	Реб.	2–4 года	Множественные периостальные и геморрагические реакции на своде черепа и костях посткраниального скелета. Поротическая реакция на затылочной и лобной костях. Искривление диафизов костей голени, искривление ребер
11	Реб.	6–12 мес.	Множественные периостальные и геморрагические манифестации, носящие генерализованный характер. Проявления очень интенсивные. Кости голеней искривлены, на дистальных эпифизах бедренных костей наблюдаются небольшие каверны и ярко выраженные периостальные изменения.
12	Реб.	4–6 лет	В области подбородочного выступа отмечена васкулярная реакция, аналогичные изменения наблюдаются вокруг слухового отверстия, на сосцевидном отростке височной кости. Периостальная реакция прослежена со стороны эндокрана на височных костях в области пирамиды. Очаги периостальных новообразований имеются на диафизах длинных костей конечностей (костях предплечий, голени, а также костях стопы). *Cribra orbitalia* (1), эмалевая гипоплазия — 1,5 года.
13	Реб.	10–12 лет	
14	М	50–59	На костях посткраниального скелета отмечены множественные энтезопатии мышц, свидетельствующие о хорошем физическом развитии индивида и позволяющие реконструировать специфические физические нагрузки. Обнаружены и возрастные изменения, затронувшие главным образом поверхности крупных суставов и позвоночник (остеофиты — T9-11, L4; реберно-остистый синостоз T6+; оссификация передней продольной связки позвонков T6-T7; на вентральной поверхности L5 отмечена периостальная реакция), остеоартроз грудинно-ключичного сочленения.
15	М	40–49	Рельеф костей выражен слабо, скелет грацильный.
16	Ж??	10–15	
17-1	Ж	30–39	
17-2	Реб.	1,5–2,5 года	
18	М	30–39	Вставочные косточки в затылочном шве.
19	М	45–55	
20	М	40–49	Специфическая стертость зубов в связи с особенностями прикуса.
21-1	М	70+	
21-2	М	35–45	В средней части диафиза правой бедренной кости // оси имеется зажившая рубленая рана со смещением отломка.
21-a	М	35–45	
22	М	45–49	

№ погребения	Пол	Возраст	Отметки
23	M	50+	
24	M	45–55	Перелом костей правого предплечья с образованием «ложного сустава».
25			
26	M	35–49	
28	M	35–45	
29	nb	nb–0,5	Генерализованная периостальная реакция.
30	M	60+	
31	M	50+	Кариес, абсцессы моляров верхней и нижней челюсти. *Torus mandibularis*.
32	M	40–49	Начальная стадия остеофитоза, синостоз L5 и крестца, деформация ушковидных поверхностей таза и крестца. Эмалевая гипоплазия, кариес, абсцесс. Вероятная гастроэзофагиальная рефлюксная болезнь (соответствующие изменения эмали зубов). *Cribra femoris*, периостит (нач.) на диафизах большеберцовых костей.
33	M	55–60+	Остеохондроз и остеофиты шейного отдела позвоночника. Оссификация передней продольной и правой боковой связок 5 грудных позвонков, остеофиты и узлы Шморля среднего грудного отдела позвоночника. Энтезопатии в местах прикрепления мышц брюшного пресса, фасетки на головках бедренных костей. Оссификация сухожилий надколенника.
34	?	25–39	Зубной камень, абсцессы, утраты зубов.
34	Реб.	1–2 года	
34	nb	nb	
35	M	40–49 (зубы) 45–55 ПКС	Периостальные реакции на костях голеней, энтезопатии, оссификация сухожилий надколенника, ревматоидный артрит (кости правой стопы). Эмалевая гипоплазия, зубной камень, абсцесс, некариозное поражение эмали зубов (вероятно, гастроэзофагит).
37	M	35–49	Оссификация сухожилий надколенника. В середине диафиза большеберцовой кости на передней поверхности имеется костное новообразование овальной формы 46 × 18 мм (вероятно, посттравматическое). На протяжении медиальной поверхности большеберцовой кости — периостит, также в верхней половине с латеральной стороны.
38	M	50+	Множественные утраты зубов, сколы эмали (‘C-C’), *torus palatinus*. Перелом левой локтевой кости в двух местах, заживший.
39	M	35–49	Периостит.
41	M	50+	Зубы плохой сохранности, сильно стерты. Множественные утраты.
42	M	60+	Остеохондроз, остеофитоз шейного отдела позвоночника. Оссификация передней продольной связки T4-T5.
43	M	40–49	
44-1 верхнее	M	35–49	Кариес, зубной камень. Артроз правого плечевого сустава. Перелом середины диафиза левой большеберцовой кости со смещением отломков.
44-2 нижнее	M	50+	
45	M	50+	Периостальные реакции на костях голеней. Травма в области нижнего метафиза левой большеберцовой кости.
4	M	50+	Кариес, зубной камень, пародонтопатия, абсцессы, множественные утраты зубов.
47	M	50+	Пародонтопатия, зубной камень, абсцессы нижней челюсти. Остеофиты поясничного отдела позвоночника.
38	M	40–49	

№ погребения	Пол	Возраст	Отметки
49	М	25–35	*Cribra orbitalia*.
50-1 север	М	45+	Зубной камень, абсцессы, пародонтопатия.
50-2 юг	М	40–49	
51	М	35–45	
52	М	25–39	Перелом нижней трети диафиза левой лучевой кости с воспалительной реакцией. Диагональный перелом нижней трети диафиза правой локтевой кости.
53	М	50+	
54	М	35–45	
55	М	60+	
56	М	35–45	
57	М	65+	Пародонтопатия, сколы эмали, артроз височно-нижнечелюстного сустава (справа).
58	М	25–39	
60	М	45–55	Перелом нижнего метафиза левой бедренной кости. Перелом малой берцовой кости.
61	М	50+	Кариес, некариозное поражение эмали зубов (вероятно, гастроэзофагит). В области нижней половины левой локтевой кости обширная периостальная реакция, фистула. Генерализованный периостит.
62	М	50+	Плохая сохранность.
63	М	35–45 по зубам	Перелом костей левой голени 3/3 диагональный со смещением и активным воспалительным процессом. Отломки не вправлены.
64-1	М	50+	Пародонтоз, васкулярная реакция на своде черепа, лобный гиперостоз.
64-2	М	45–55	Периостит — кости голеней.
64-3	М	35–49	
64-4	Реб.	6–8 лет	Кариес.
64-5	nb–0,5	nb–0,5	
64-6	Реб.	около 1 года	
64-7	Реб.	12–18 мес.	
65-1	М	35–49	Генерализованная периостальная реакция.
65-2	М	35–49	Генерализованная периостальная реакция.
66-1	Ж	20–25	
66-2	Подр.	12–15 лет	
67-1	М	50+	Заживший перелом на лобной кости справа 31 × 6 мм. Васкулярная реакция в области надбровья и на своде черепа. Массивный. Сильно выраженная периостальная реакция на малой берцовой кости, периостит на диафизе левой голени и бедре.
67-2	М	35–49	Пародонтоз, практически полное оголение корней, кариес, абсцессы.
67-3	Реб.	2–5 лет	
67-4	nb	nb–0,5	Генерализованная периостальная и геморрагическая реакция.
69	М	50+	Дегенеративные изменения суставов, остеофитоз. Зубной камень, абсцессы верхней челюсти. В погребении присутствовали останки 2 детей (один из них до 1 года).
71-1	М	50+	Остеомы на своде черепа. Сохранились кератиновые остатки на своде черепа.
71-2	М	40–49	

№ погребения	Пол	Возраст	Отметки
71-3	Реб.	5–6 лет	
74-1			
74-2	nb	nb	Генерализованная периостальная реакция.
74-3			
74-4	Реб.	около 1 года	Генерализованная периостальная реакция.

Погребения в саркофагах					
Срг №	Погр. №	Инд. №	Пол	Возраст	Отметки
1	27	*1*	М	60+	
		2	М	70+	
		3	М	55+	
		4	М	50+	
		5	М	45–55	
		6	М	45–55	
2	36	*1*	М	50+	Артроз коленного сустава, фасетки на головках бедренных костей.
		2	М	45–55	Артроз локтевого сустава.
		3	М	50+	Артроз тазобедренного сустава, фасетки на головках бедренных костей.
		4	М	35–45	
		5	М	18–23	Дистальные эпифизы не приросли.
		6	М	40–49	Фасетки на головках бедренных костей.
		7	М	50++	
		8	М	45–55	
3	40	*1*	М	40–49	Пародонтопатия, зубной камень.
		2	М	60+	Остеохондроз шейного отдела позвоночника, остеофитоз, дегенеративные изменения суставов, артроз. Дегенеративные изменения сильнее выражены с правой стороны. Зубной камень, абсцессы. Сращение C2-C3.
		2A	М	60+	Артрозы. Периостальные реакции. *Torus mandibularis*, пародонтопатия, кариес, зубной камень. Перелом нижней трети диафиза правой малой берцовой кости со смещением.
5	59	*1 уровень*	Ж	20–25	Кариес, сколы эмали. *Cribra femoris*.
		2 уровень	М	30–39	Кариес, периостит, венозные застои.
		3 уровень	Реб.	12–18 мес.	Периостальные и геморрагические реакции на черепе и посткраниальном скелете.
7	72	*1*	М	60+	Дегенеративные изменения суставов, остеофиты, артроз, энтезопатия, грыжи, заросшие переломы ребер. Пародонтоз, зубной камень, абсцессы.
		2	М	20–29	Пародонтоз, зубной камень (интенсивный, отложения полностью покрывают коронки зубов в. ч.), кариес.
		3	Ж	20–25	
		4	Реб.	10–12	
8	73	*1*	М	50–60	Зубной камень, кариес, абсцессы. Дегенеративные изменения суставов, артрит, остеофиты. Сросшийся перелом левой локтевой кости без смещения. Перелом носа. Периостит — парные кости голеней.
		2	Ж	20–30	Эмалевая гипоплазия, зубной камень, абсцессы, пародонтоз.

Срг №	Погр. №	Инд. №	Пол	Возраст	Отметки
		3	Реб.	8–9 лет	Эмалевая гипоплазия.
		4	М	50+	Диастема, *torus palatinus.*
9	75	*1*	М	45–55	Остеопороз, остеофиты. Сращенный перелом 3/3 правой лучевой кости.
		2	М	40–50	Энтезопатии (нижние конечности). Кариес, пародонтоз. Периостит — правая лопатка.
		3	М	35–45	Кариес. Сросшиеся переломы ключицы (акромиальный конец) и левой лучевой 3/3 кости.
		4	М	50–60	Скелет массивный. Пародонтоз, эмалевая гипоплазия, зубной камень. Фасетки «кавалериста», дегенеративные изменения суставов, остеопороз. Выраженный мышечный рельеф (нижние конечности). Остеофиты на позвонках. Энтезопатии.
10	76	*1*	М	60+	Остеома, васкулярная реакция в области надбровья. Рельеф слабо выражен.
		2	М	50+	Перелом правой ключицы. Артрит левого плечевого сустава (возможно, посттравматический).
		3	М	60+	Воспалительный процесс (возможно, посттравматический) на костях левой голени. Пародонтоз, зубной камень, кариес.
		4	М	35–49	Массивный с хорошо выраженным рельефом. Сильно выступающие носовые кости. Перелом носа. Утраты зубов, сколы эмали, пародонтоз.
11	77	*1*	Ж	50+	Кариес. Остеофиты на телах позвонков, артрит тазобедренного сустава. Заросший перелом правой малой берцовой кости.
		2	Реб.	4–5	
		3	М	50+	

У северной и южной стен открыты захоронения в белокаменных саркофагах, каждый из которых содержал останки от трех до восьми человек.

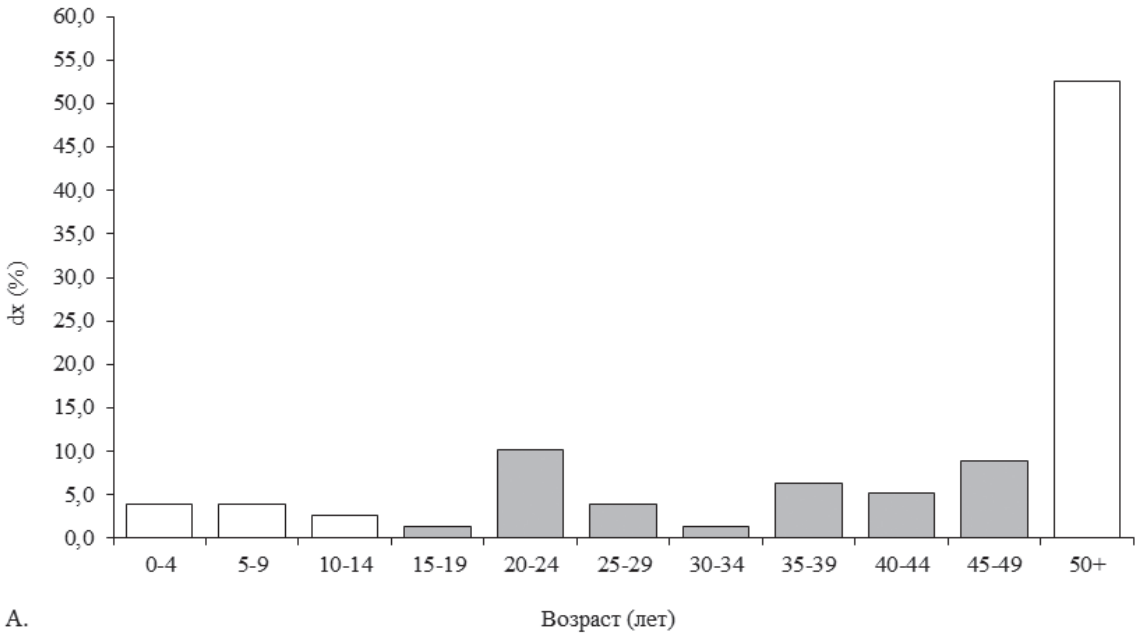
В задачи входило проведение комплексного исследования останков методами палеоантропологии. Была проведена комплексная половозрастная диагностика на основании описания черепа и посткраниального скелета (*Ubelaker*, 1978; Standards for data collection…, 1994; Историческая экология человека, 1998; *Mays*, 2010); программы измерения черепа и длинных костей конечностей (*Алексеев, Дебец*, 1964; *Алексеев*, 1966); программа оценки демографических параметров (*Алексеева и др.*, 2003), оценка маркеров физиологического стресса, патологические проявления (*Ubelaker*, 1978; *Ortner*, 2003; *Mays*, 2010).

Грунтовые захоронения. Полный объем выборки составляет 80 индивидов (57 мужчин, 2 женщины, дети). Ввиду широкой датировки погребений XIV–XV вв. (*Седов*, 2017) приводится общая статистика в качестве иллюстрации контингента (табл. 2).

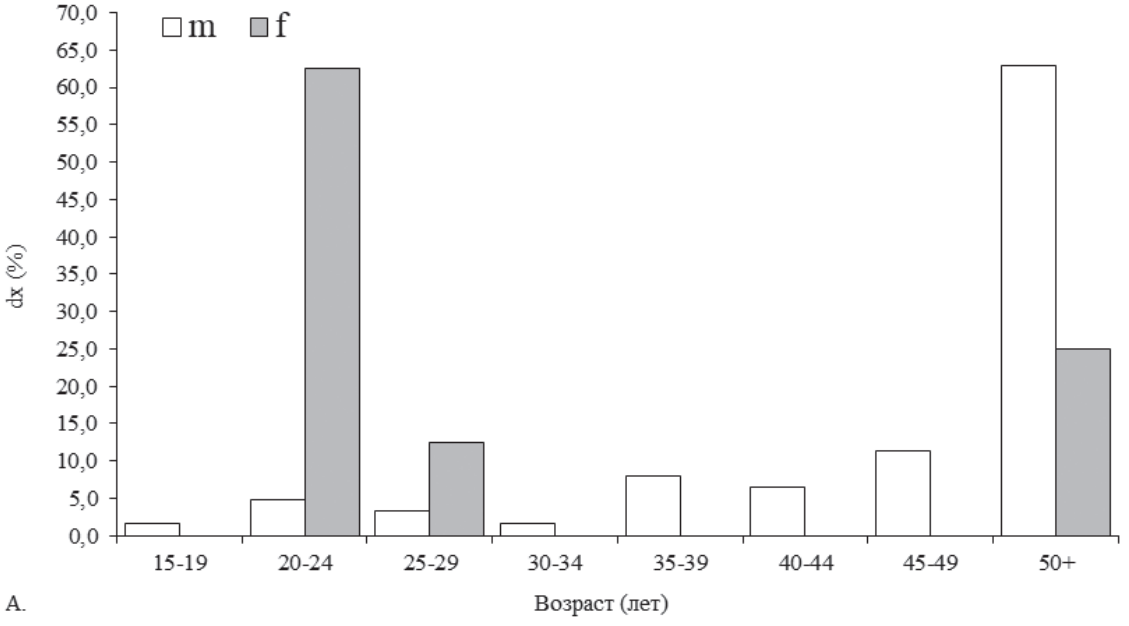
Выборка взрослых представлена в основном мужчинами. Средняя продолжительность жизни в этой серии составляет порядка 46 лет и является высоким показателем. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие женских захоронений на исследованном участке (всего 2), при этом процент детских за-

• **Таблица 2. Основные палеодемографические характеристики в группе из грунтовых погребений**

	Общее	Мужчины	Женщины	Все взрослые
Реальный объем выборки (N)	80,0	57,0	2,0	59,0
Средний возраст смерти в группе (A)	34,5	45,7	28,8	45,2
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	45,2	45,7	28,8	45,2
Процент детской смертности (PCD)	26,3	-	-	-
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	54,3	-	-	-
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	96,6	3,4	-



А.



А.

• **Илл. 1. Динамика показателей продолжительности жизни в серии из грунтовых погребений некрополя Георгиевского собора**

• **Таблица 3. Маркеры физиологического стресса и патологии. Грунтовые захоронения**

	Мужчины			0–14 лет		
	N	X	%	N	X	%
Пародонтопатии	48,00	5,00	10,42			
Кариес	48,00	7,00	14,58			
Зубной камень	48,00	6,00	12,50			
Гипоплазия эмали	48,00	2,00	4,17	16,00	1,00	6,25
Одонтогенный остеомиелит	48,00	8,00	16,67			
Cribra orbitalia	48,00	1,00	2,08	16,00	1,00	6,25
Периостит (череп)	48,00	6,00	12,50			
Остеомы (череп)	48,00	1,00	2,08			
Травмы (череп)	48,00	1,00	2,08			
Переломы длинных костей	48,00	9,00	18,75			
Артрозы (резкие ДДИС)	48,00	4,00	8,33			
Энтезопатии	48,00	3,00	6,25			
Остеофиты позвоночника	48,00	5,00	10,42			
Остеохондроз	48,00	2,00	4,17			
Узлы Шморля	48,00	2,00	4,17			
Признаки рахита				16,00	2,00	12,50
Признаки младенческой цинги				16,00	5,00	31,25
Периостит на костях ПКС	48,00	1,00	2,08	16,00	5,00	31,25

хоронений велик. Согласно статистике детской смертности, в рассматриваемой серии более половины составляют дети, умершие в возрасте до 1 года.

Обобщенная серия из грунтовых захоронений на кривых смертности демонстрирует нормальное (ожидаемое) распределение по возрастным когортам с высокими показателями в интервалах первого детства (0–4 года) и возрасте естественного дожития (старше 50 лет).

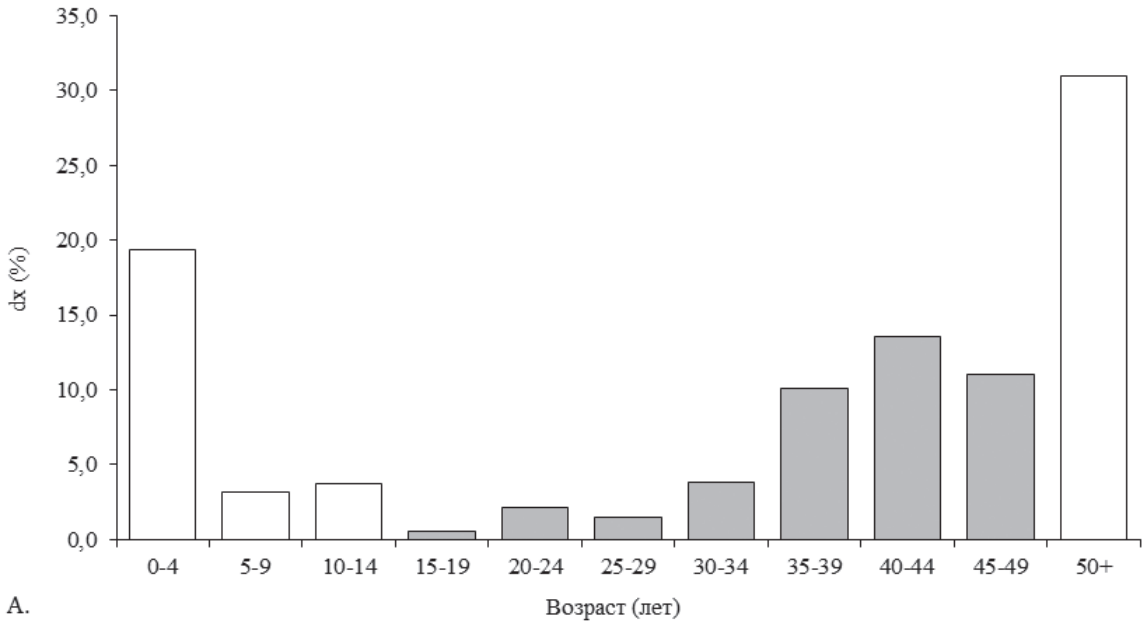
Эта естественная благополучная картина дополняется сведениями по степени воздействия стрессовых факторов и присутствию патологических проявлений в группе (табл. 3).

В серии взрослых зафиксированные патологические проявления немногочисленны и обусловлены скорее внутренними факторами. Это различные патологии зубочелюстной системы, переломы длинных костей конечностей и ребер, носящие бытовой характер; остеофиты позвоночника, являющие следствием возрастных изменений, а не высокого уровня физических нагрузок. В ювенильной серии отмечены периостальные реакции на костях посткраниального скелета, случаи рахита и комплекса признаков младенческой цинги.

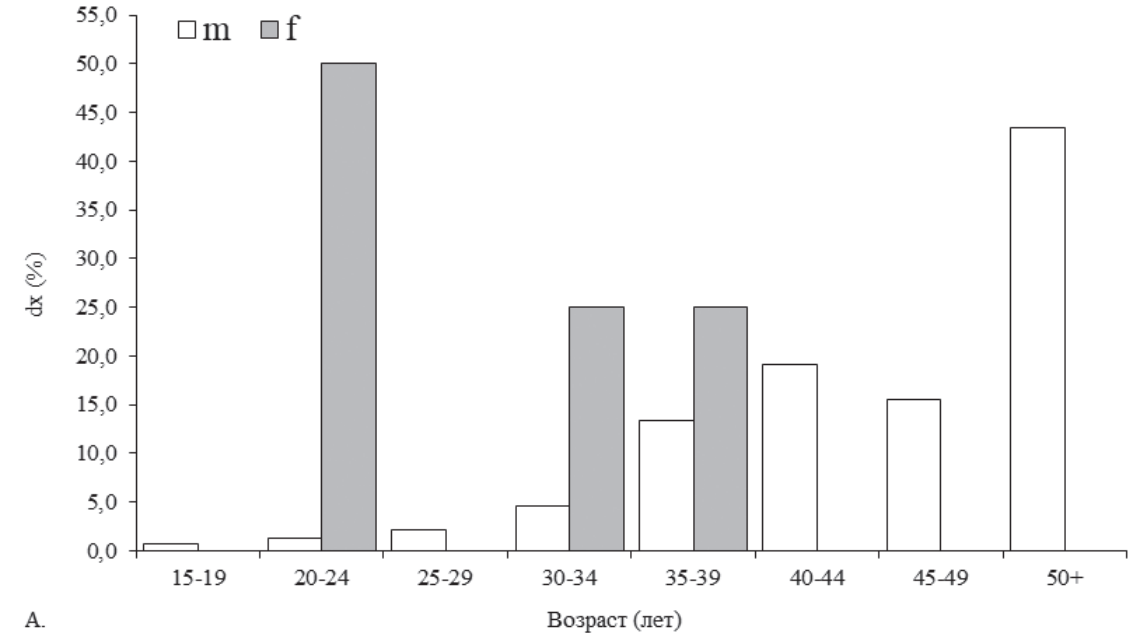
Погребения в саркофагах. Общий объем выборки составляет 39 индивидов, из которых 4 — дети. По соотношению погребенных по признаку пола, так же как и в выборке из грунтовых погребений, численно доминируют мужчины — 31 индивид, женщин всего 4 (табл. 4).

• **Таблица 4. Основные палеодемографические характеристики в группе. Погребения в саркофагах**

Основные палеодемографические характеристики	Общее	Мужчины	Женщины	Все взрослые
Реальный объем выборки (N)	39,0	31,0	4,0	35,0
Средний возраст смерти в группе (A)	41,2	46,9	30,6	45,1
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	45,1	46,9	30,6	45,1
Процент детской смертности (PCD)	10,3	-	-	-
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	7,5	-	-	-
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	88,6	11,4	-

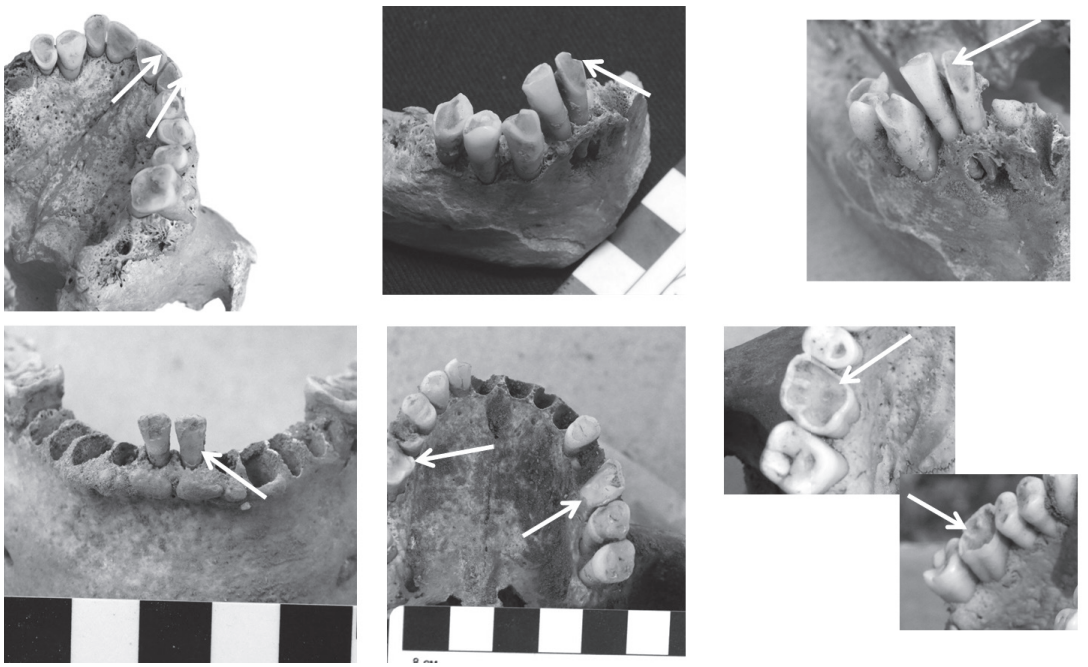


A.



A.

- **Илл. 2. Динамика показателей продолжительности жизни в серии из погребений в саркофагах некрополя Георгиевского собора**



• **Илл. 3. Поражение твердых зубных тканей на образцах из погребений некрополя Георгиевского собора**

Показатели средней продолжительности жизни для мужчин высокие — 46,9 года, для женщин же он составляет около 31 года.

На кривой смертности мы можем заметить только один пик в возрастном интервале старше 50 лет (илл. 2). Это лишь подчеркивает специфичность этой выборки и высокий статус погребенных в белокаменных саркофагах.

Отмеченные патологические проявления по большому счету можно отнести к разряду возрастных изменений: дегенеративные изменения суставов и позвонков, остеофиты позвоночника, межпозвоночные грыжи и узлы Шморля, патологии зубочелюстного аппарата, в том числе множественные утраты зубов (табл. 5).

Если говорить о серии в целом, нельзя не отметить распространение различных патологий зубочелюстной системы. Но особое внимание привлекает ярко выраженная патологическая стертость жевательной и лингвальной поверхности больших и малых коренных зубов, а также лингвальной поверхности верхних резцов и клыков и вестибулярной поверхности нижнего зубного ряда. Поражения твердых тканей зуба, как правило, сопровождаются отложениями зубного камня, в том числе и на открытых частях корня (илл. 3).

В стоматологической практике аналогичные изменения твердых тканей зубов встречаются в диагностике гастроэзофагеальной рефлюксной болезни (ГЭРБ) (*Imfeld*, 1996; *Rabine, Nostrant*, 2009; *Ranjitkar et al.*, 2012), в описаниях т. н. триады бруксизма: бруксизм спящих как патология, расстройство сна (связанное с нарушениями дыхания) и ГЭРБ (*Rouse*, 2010. P. 36–37). Эрозии зубов в значительной степени связаны также с проявлениями симптомов респираторных заболеваний (*Vakil et al.*, 2006; *Thomas et al.*, 2010). В исследовании коллектива авторов (*Wang et al.*, 2010) серии из 88 взрослых пациентов с клинически подтвержденной ГЭРБ эрозия с небной стороны верхних резцов обнаружена у 80 % пациентов с такими частыми симптомами, как хронический кашель, ларингит, астма, пониженное слюноотделение.

Обнаруженные случаи эрозии зубов, выявленные в серии из некрополя, позволили рассмотреть утрату ткани как патологию и реконструировать пути ее возникновения.

Реконструкция палеодиеты. В современных комплексных археологических и антропологических исследованиях обязательным элементом становится использование результатов изотопного анализа для реконструкции средовых ус-

• **Таблица 5. Маркеры физиологического стресса и патологии. Погребения в саркофагах**

	Males			Females		0–14	
	N	X	%	N	X	N	X
Пародонтопатии	31,00	9,00	29,03	4,00	1,00		
Кариес	31,00	7,00	22,58	4,00	2,00		
Зубной камень	31,00	9,00	29,03				
Гипоплазия эмали	31,00	2,00	6,45			4,00	1,00
Одонтогенный остеомиелит	31,00	3,00	9,68	4,00	1,00		
Периостит (череп)						4,00	1,00
Остеомы (череп)	31,00	2,00	6,45				
Перелом носовых костей	31,00	2,00	6,45				
Переломы длинных костей	31,00	5,00	16,13	4,00	1,00		
Артрозы (резкие ДДИС)	31,00	8,00	25,81	4,00	1,00		
Энтезопатии	31,00	7,00	22,58				
Остеофиты позвоночника	31,00	6,00	19,35	4,00	1,00		
Остеохондроз	31,00	2,00	6,45				
Узлы Шморля	31,00	3,00	9,68				
Признаки младенческой цинги						4,00	1,00
Периостит на костях ПКС	31,00	3,00	9,68			4,00	1,00

ловий, а также для проведения палеодиетологических реконструкций.

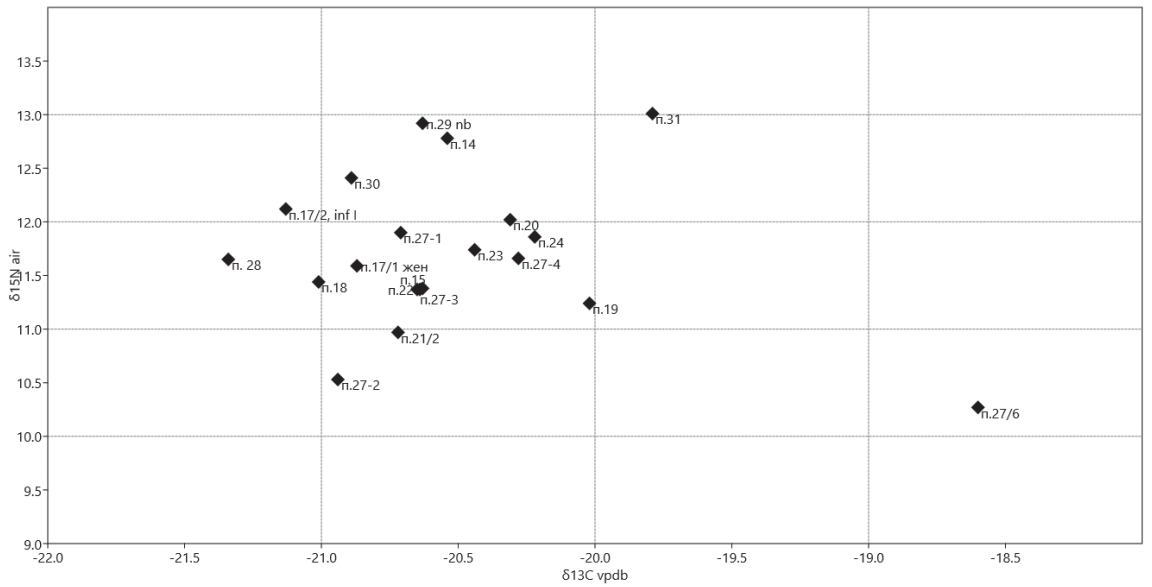
Описание исследований изотопного состава костной ткани с целью палеодиетологических реконструкций стало появляться в археологической печати еще в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века. Этот тип реконструкций основан на изучении фундаментальных закономерностей распределения изотопов в биосфере. Выявление главных источников питания, входящих в каждодневный рацион человека, основан на экологических закономерностях различий в изотопном составе тканей растений и животных при смене трофического уровня. В качестве основного показателя используются среднеквадратичные отклонения δ13C и δ15N.

Экстракция коллагена проводилась в лаборатории группы физической антропологии Института археологии РАН по принятой методике (*DeNiro, Epshtein*, 1981. P. 341; *Jørkov et al.*, 2007). Анализ коллагена проводился в центре коллективного пользования «Инструментальные методы в экологии» (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН) д. б. н. А. В. Тиуновым на масс-спектрометре Thermo Finnigan Delta V Plus IRMS с элементным анализатором Thermo Flash 1112.

В работе представлены первые результаты изотопных соотношений δ13C и δ15N по материалам из Великого Новгорода. Для 19 индивидов получены данные по изотопным соотношениям 13C и 15N в коллагене костной и зубной ткани. Образцы костной и зубной ткани отбирались на месте раскопок с каждого обнаруженного погребения (табл. 6).

В целом группа выглядит единообразно и располагается на графике единым массивом в пределах одного промилле как по соотношению углерода (–21 ‰ — –20 ‰), так и азота (10–11 ‰). Эти значения характеризуют смешанный тип каждодневного рациона, который включал высокую долю белкового компонента. На этом фоне выделяются отдельные индивиды с отличными значениями изотопных сигналов (илл. 4). Даже такая небольшая серия из 19 индивидов выявила несколько дискуссионных сюжетов.

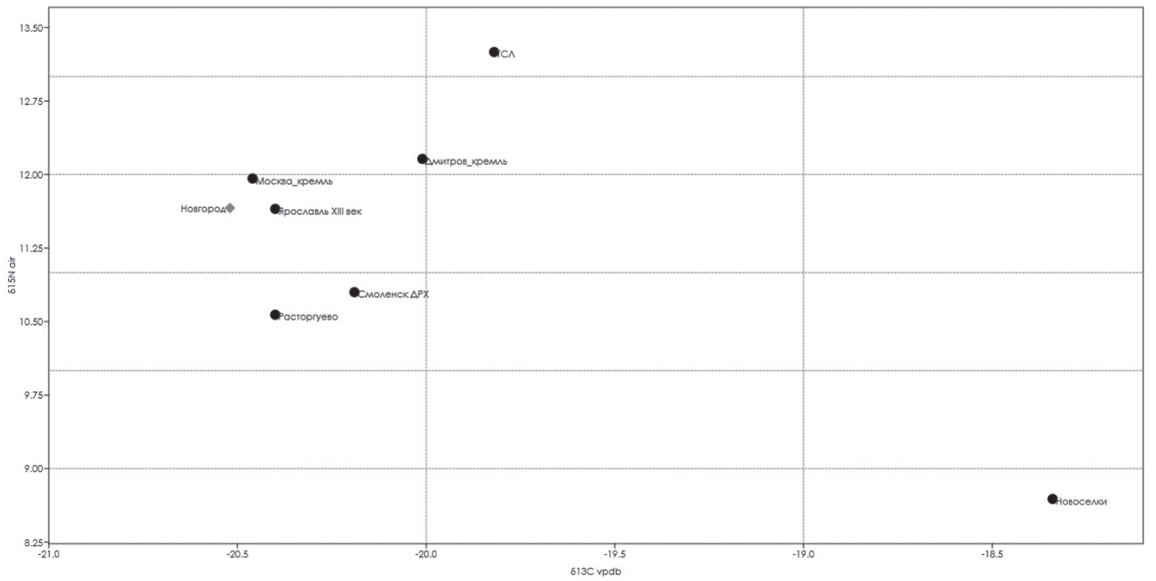
Образцы, полученные из двух детских скелетов, при близких сигналах по углероду имеют значительные расхождения по значениям азота. Вероятно, здесь мы можем наблюдать процесс адаптации детей к взрослой пище. Изотопные сигналы азота индивида младенца из № 29 очень высокие и могут свидетельствовать о молочной диете (грудном вскармливании). Аналогичные сигналы ребенка 1,5–2 лет отличаются — и практически приближены к значениям взрослых. В этом возрасте произошла перемена типа питания и переход ребенка на взрослый стол.



• **Илл. 4. Значения δ13C и δ15N для коллагена костной ткани образцов из погребений некрополя Георгиевского собора**

• **Таблица 6. Индивидуальные значения соотношений стабильных изотопов углерода и азота в образцах**

Данные образца		**δ13C vpdb**	**δ15N air**
Новг_15	мужчина, 40–49 лет	–20,63	11,38
Новг_17/1	женщина, 25–35 лет	–20,87	11,59
Новг_17/2	ребенок, 1,5–2 года	–21,13	12,12
Новг_18	мужчина, 30–39 лет	–21,01	11,44
Новг_19	мужчина, 45–55 лет	–20,02	11,24
Новг_20	мужчина, 40–49 лет	–20,31	12,02
Новг_21/2	мужчина, 35–45 лет	–20,72	10,97
Новг_22	мужчина, ок. 50 лет	–20,65	11,37
Новг_23	мужчина, 50+	–20,44	11,74
Новг_24	мужчина, 45–55 лет	–20,22	11,86
Новг_27/1	мужчина, 60+	–20,71	11,90
Новг_27/2	мужчина, 70+	–20,94	10,53
Новг_27/3	мужчина, ок. 60 лет	–20,64	11,37
Новг_27/4	мужчина, 50+	–20,28	11,66
Новг_27/6	мужчина, ок. 60 лет	–18,60	10,27
Новг_28	мужчина, 40–49 лет	–21,34	11,65
Новг_29	nb	–20,63	12,92
Новг_30	мужчина, 50+	–20,89	12,41
Новг_31	мужчина, 50+	–19,79	13,01
	Ст. откл.	0,60260297	0,690204688
	min	–21,34	10,27
	max	–18,60	13,01
	среднее	–20,52	11,66



• **Илл. 5. Средние значения δ13C и δ15N для коллагена костной ткани образцов из средневековых городских некрополей**

Второй сюжет связан с реконструкцией питания индивидов из монашеских захоронений (илл. 4). В некрополе погребались представители высоких светских социальных страт, также монашество и священство. Сравнение изотопных соотношений у взрослых представителей светской части общества и одного индивида, погребенного по монашескому обряду, позволяет видеть своеобразие последнего (индивид 2 из погребения 27) (*Добровольская и др.*, 2020). Резко отличные показатели как азота, так и углерода индивида 6 из погребения 27 могут свидетельствовать о том, что он являлся мигрантом с более южных территорий. Эту тему следует рассматривать в качестве перспективной.

Исследованные индивиды демонстрируют пищевую модель, описанную для погребений из статусных городских некрополей (*Энговатова и др.*, 2013. С. 96; 2015. С. 80) (илл. 5).

В дальнейшем планируется пополнение этой серии и создание единой изотопной базы данных по региону, которая будет включать не только данные для реконструкции типа питания, но и данные по образцам местной флоры и фауны для воссоздания условий жизни населения и более точного анализа полученных изотопных соотношений.

Список литературы

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 131 с.

Добровольская М. В., Тиунов А. В., Крылович О. А., Кузьмичева Е. А., Решетова И. К., Савинецкий А. Б., Свиркина Н. Г., Смирнов А. Л. Изотопные маркеры экосистем и питания средневекового сельского населения лесной зоны европейской части России // РА. 2020. № 3. С. 79–95.

Историческая экология человека. Методика биологических исследований / [А. П. Бужилова и др.]. М.: Старый Сад, 1998. С. 87–146.

Седов Вл. В. Погребения под каменными плитами в средневековом Новгороде // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой / [отв. ред. А. В. Чернецов; сост. И. Н. Кузина]. М.: ИА РАН, 2017. С. 80–94.

Седов Вл. В. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 142–158.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Раскопки Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2014 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археоло-

гия. Вып. 29. Материалы XXIX научной конференции, посвящённой 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 27–29 января 2015 г. / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 98–122.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 96–115.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И. «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным) // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 80–89.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1988. 240 с.

DeNiro M. J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals // Geochimica et Cosmochimica Acta. 1981. Vol. 45, № 3. P. 341–351.

Imfeld T. Dental erosion. Definition, classification and links // European Journal of Oral Sciences. 1996. Vol. 104, № 2, pt. 2. P. 151–155.

Jørkov M. L., Heinemeier J., Lynnerup N. Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // Journal of Archaeological Sciences. 2007. Vol. 34, № 11. P. 1824–1829.

Mays S. The Archaeology of Human Bones. New York: Routledge, 2010. 404 p.

Ortner D. Identification of pathological conditions in Human Skeletal remains. London: Academic press, 2003. 664 p.

Rabine J. C., Nostrant T. T. Oral manifestations of gastrointestinal diseases // Atlas of Gastroenterology / [T. Yamada, D. H. Alpers, A. N. Kalloo et al.]. Oxford: Blackwell, 2009. P. 839–845.

Ranjitkar S., Kaidonis J. A., Smales R. J. Gastroesophageal Reflux disease and Tooth Erosion // International Journal of Dentistry. 2012. Article 479850.

Rouse J. S. The Bruxism Triad: Sleep bruxism, sleep disturbance, and sleep-related GERD // Inside dentistry. 2010. May (№ 5). P. 32–44.

Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History / eds.: J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. 218 p. (Arkansas archaeological survey. Research Series; 44).

Thomas M. S., Parolia A., Kundabala M., Vikram M. Asthma and oral health: a review // Australian Dental Journal. 2010. Vol. 55, № 2. P. 128–133.

Ubelaker D. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Adline, 1978. 120 p.

Vakil N., van Zanten S. V., Kahrilas P. [et al.]. The Montreal definition and classification of gastroesophageal reflux disease: a global evidence-based consensus // The American Journal of Gastroenterology. 2006. Vol. 101, № 8. P. 1900–1943.

Wang G. R., Zhang H., Wang Z. G., Jiang G. S., Guo C. H. Relationship between dental erosion and respiratory symptoms in patients with gastroesophageal reflux disease // Journal of Dentistry. 2010. Vol. 38, № 11. P. 892–898.

References

Alekseev V. P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1966. 252 p.

Alekseev V. P., Debets G. F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1964. 128 p.

Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V. Vlakhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali). Moscow: Nauchnyy mir, 2003. 131 p.

DeNiro M. J., Epstein S. Influence of diet on the distribution of nitrogen isotopes in animals // Geochimica et Cosmochimica Acta. 1981. 45, 3. P. 341–351.

Dobrovol'skaya M. V., Tiunov A. V., Krylovich O. A., Kuz'micheva E. A., Reshetova I. K., Savinetskiy A. B., Svirkina N. G., Smirnov A. L. Izotopnye markery ekosistem i pitaniya srednevekovogo sel'skogo naseleniya lesnoy zony evropeyskoy chasti Rossii // Rossiyskaya arkheologiya. 2020. 3. P. 79–95.

Engovatova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Antipina E. E., Zaytseva G. I. Kollektivnye zakhoroneniya v Yaroslavle. Rekonstruktsiya sistemy pitaniya na osnove rezul'tatov izotopnogo analiza // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2013. 228. P. 96–115.

Engovatova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Zaytseva G. I. «Kremlevskaya dieta» drevnerusskogo goroda (po izotopnym dannym) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2015. 237. P. 80–89.

Imfeld T. Dental erosion. Definition, classification and links // European Journal of Oral Sciences. 1996. 104, 2, 2. P. 151–155.

Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy / [A. P. Buzhilova et al.]. Moscow: Staryy Sad, 1998. P. 87–146.

Jørkov M. L., Heinemeier J., Lynnerup N. Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // Journal of Archaeological Sciences. 2007. 34, 11. P. 1824–1829.

Mays S. The Archaeology of Human Bones. New York: Routledge, 2010. 404 p.

Ortner D. Identification of pathological conditions in Human Skeletal remains. London: Academic press, 2003. 664 p.

Rabine J. C., Nostrant T. T. Oral manifestations of gastrointestinal diseases // Atlas of Gastroenterology / [T. Yamada,

D. H. Alpers, A. N. Kalloo et al.]. Oxford: Blackwell, 2009. P. 839–845.

Ranjitkar S., Kaidonis J. A., Smales R. J. Gastroesophageal Reflux disease and Tooth Erosion // International Journal of Dentistry. 2012. Article 479850.

Rouse J. S. The Bruxism Triad: Sleep bruxism, sleep disturbance, and sleep-related GERD // Inside dentistry. 2010. May (5). P. 32–44.

Sedov Vl. V. Pogrebeniya pod kamennymi plitami v srednevekovom Novgorode // Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy. K yubileyu Mariny Dmitrievny Poluboyarinovoy / [ed. A. V. Chernetsov; comp. I. N. Kuzina]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2017. P. 80–94.

Sedov Vl. V. Knyazheskie sarkofagi Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya // Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. 2. P. 142–158.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Raskopki Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Velikom Novgorode v 2014 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 29. Materialy XXIX nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika, Velikiy Novgorod, 27–29 yanvarya 2015 g. / ed. V. L. Yanin. St. Petersburg: Pervyy IPKH, 2015. P. 98–122.

Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History / eds. J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. 218 p. (Arkansas archaeological survey. Research Series; 44).

Thomas M. S., Parolia A., Kundabala M., Vikram M. Asthma and oral health: a review // Australian Dental Journal. 2010. 55, 2. P. 128–133.

Ubelaker D. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Adline, 1978. 120 p.

Vakil N., van Zanten S. V., Kahrilas P. [et al.]. The Montreal definition and classification of gastroesophageal reflux disease: a global evidence-based consensus // The American Journal of Gastroenterology. 2006. 101, 8. P. 1900–1943.

Wang G. R., Zhang H., Wang Z. G., Jiang G. S., Guo C. H. Relationship between dental erosion and respiratory symptoms in patients with gastroesophageal reflux disease // Journal of Dentistry. 2010. 38, 11. P. 892–898.

Yanin V. L. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. Moscow: Nauka, 1988. 240 p.

Illustrations

Fig. 1. Dynamics of life expectancy indicators in a series of in-ground burials of the necropolis of St. George's cathedral

Fig. 2. Dynamics of life expectancy indicators in a series of burials in sarcophagi of the necropolis of St. George's cathedral

Fig. 3. Damage to dental hard tissues on samples from the burials of the necropolis of St. George's cathedral

Fig. 4. Values of δ13C and δ15N for bone tissue collagen samples from the burials of the necropolis of St. George's cathedral

Fig. 5. Average values of δ13C and δ15N for bone tissue collagen samples from medieval urban necropolises

Tables

Tab. 1. A brief catalog of paleoanthropological materials from the excavations of the necropolis of St. George's cathedral of Yuriev monastery

Tab. 2. Main paleodemographic characteristics in the group of in-ground burials

Tab. 3. Markers of physiological stress and pathology. In-ground burials

Tab. 4. Main paleodemographic characteristics in the group. Burials in sarcophagi

Tab. 5. Markers of physiological stress and pathology. Burials in sarcophagi

Tab. 6. Individual values of the stable isotopes ratios of carbon and nitrogen in the samples

I. K. Reshetova. Anthropological studies on the necropolis of St. George's cathedral of Yuriev monastery in Veliky Novgorod, 2014–2019

Abstract. Research work of the Novgorod Architectural and Archaeological Detachment of the Institute of Archaeology RAS (NAAO IA RAN) in St. George's cathedral of Yuriev monastery revealed a vast necropolis formed in the area adjacent to the cathedral. By 2019, more than 70 burials were discovered, both in the ground and in white-stone sarcophagi. The article presents the results of complex studies of the paleoanthropological series from the excavations of the necropolis, as well as the first results of the isotope ratios of δ13C and δ15N based on materials from the excavations of the necropolis in order to recreate such an element of everyday life of medieval Novgorodians as the dietary habits.

Keywords: paleoanthropology, Yuriev monastery necropolis, Veliky Novgorod, burials in sarcophagi, isotope analysis.

Reshetova Irina Konstantinovna, candidate of history, research fellow of the 1st category, Department of Theory and Methods, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation, reshetovairina@yandex.ru.

Исследование и реставрация текстильных изделий с золотными нитями из раскопок у Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Великого Новгорода

Л. А. Титова, О. В. Орфинская

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.188-194

Аннотация. В ходе археологических раскопок 2020 года под руководством Вл. В. Седова и при участии М. В. Вдовиченко у Георгиевского собора Юрьева монастыря были обнаружены фрагменты текстиля с золотными нитями. Для исследования было отобрано 20 образцов: это фрагменты золототканых лент, полосы ткани с золотной вышивкой и фрагменты шелковых тканей. В ходе исследования были определены технологические характеристики текстильных изделий, выполнена графическая реконструкция узоров и текстильных переплетений. Сделана попытка определить место золотного декора в системе костюма и датировать материал. Для успешного проведения исследования были проведены консервация и реставрация фрагментов под руководством Н. П. Синицыной (ВХНРЦ).

Ключевые слова: археологический текстиль, XIII–XIV вв., шелк, золототканые ленты, золотная вышивка, исследование, реставрация, консервация.

Титова Лилия Аркадьевна — реставратор текстиля I категории, Новгородский музей-заповедник, Кремль, 11, Великий Новгород, Российская Федерация, 173007, l.titova58@gmail.com.

Орфинская Ольга Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Наследия им. Д. С. Лихачёва, ул. Космонавтов, 2, Москва, 129366; старший научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, Ленинский просп., 29, стр. 8, Москва, Российская Федерация, 119071, orfio@yandex.ru.

Начало изготовления металлических нитей можно отнести к III тыс. до н. э., когда их появление зафиксировано на Ближнем Востоке. К V в. до н. э. в Восточном Средиземноморье стали популярны гобелены, сотканные с использованием металлических нитей. Ткани с золотными нитями были завезены в Западную Европу римлянами (*Darrah*, 1987. P. 221). С X–XI вв. в Европе для украшения текстиля использовали золотые, серебряные и позолоченные серебряные нити (*Járó et al.*, 2000. P. 95). В раннесредневековых некрополях Пскова (*Зубкова, Орфинская*, 2015), Гнездова (*Орфинская*, 2018. С. 413–461), в Приладожских курганах (*Кочкуркина, Орфинская*, 2014), а также в Черной Могиле (*Орфинская, Зозуля*, 2020) встречены пряденые золотные нити[1]. Золототканые ленты и ткани с вышивкой домонгольского периода обнаружены в ходе археологических исследований в городе Старая Русса Новгородской области (*Титова и др.*, 2015). Обзор материалов с золотными нитями приводится в работах М. В. Фехнер (*Фехнер*, 1976), Е. Ю. Катасоновой (*Катасонова*, 2005), М. С. Яковчик (*Яковчик*, 2017). Однако все эти раннесредневековые золототканые ленты были сотканы на дощечках. Ленты, выполненные в технике браного ткачества, датируются не ранее XII–XIII вв.: например, ленты, обнаруженные на территории кремля в Дмитрове (*Орфинская и др.*, 2002. С. 296).

[1] Пряденые золотные нити (пряденое золото) состоят из полоски металла, навитой на нить текстильной основы (сердечник).

• **Таблица 1. Список изделий и образцов**

Название изделия	№№ образцов	Размер (мм)
1. Ленты золототканые (условно «узкие»)	66	39 × 12
	67-1	60 × 12
	67-5	30 × 12
	67-8	45 × 12
2. Ленты золототканые (условно «широкие»)	68-1	37 × 28
	68-2	30 × 28
	68-3	37 × 27
	68-4	64 × 25
3. Фрагменты ткани с вышивкой	67-2а	9 × 11
	67-3	78 × 33
	67-4а	19 × 28
	67-4б	9 × 10
	67-4в	8 × 11
	67-6	11 × 13
4. Несколько многослойных почвенно-текстильных конгломератов с пуговицами	69-1а	40 × 15
	69-1б	35 × 33
	69-1в	12 × 12
	69-2	115 × 12; 75 × 12
5. Фрагмент ткани	67-2б	15 × 13
6. Фрагмент ткани	69-3	27 × 16

В ходе раскопок у Георгиевского собора Юрьева монастыря близ Великого Новгорода[1] были обнаружены фрагменты текстиля с золотными нитями. Для исследования было отобрано 20 образцов: золототканые ленты, полосы ткани с вышивкой и фрагменты тканей.

Исследование текстиля проводилось по стандартной методике в два этапа.

Первый этап — визуальное исследование, при котором определялись размеры фрагмента, производилась оценка его цвета, фактуры, наличие декора, наличие швов или других особенностей. На этом этапе весь материал был разделен на 6 групп, каждая группа соответствует одному изделию. Список изделий, номера образцов и их размеры представлены в табл. 1. В процессе визуального исследования определялась степень сохранности фрагментов.

На втором этапе с помощью стереомикроскопа Levenhuk DTX 90 с увеличением до 200х определялись характеристики нитей (крутка, ее степень и толщина), а также характеристики ткани (переплетение и плотность нитей).

Для успешного хода исследования для всех фрагментов была проведена первичная реставрация. В процессе всех работ производилась фотофиксация фрагментов (фотоаппарат Nikon COOLPIX S8000).

Результаты исследования.

1. Ленты золототканые «узкие» (илл. LIII на цветной вклейке).

Технологические характеристики 4 фрагментов «узкой» ленты внесены в табл. 2.

Анализ таблицы позволяет отнести все фрагменты к одному изделию. Все они имеют узор, выполненный золотными нитями, расположенными только на лицевой стороне изделия. Узор геометрический. Его реконструкция была

[1] Руководитель раскопок — Седов Владимир Валентинович (главный научный сотрудник Отдела средневековой археологии Института археологии РАН, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РАН), при участии Марины Викторовны Вдовиченко (ученый секретарь Института археологии РАН, кандидат искусствоведения). Авторы приносят благодарность Марине Викторовне за предоставленную возможность ознакомиться с материалом.

• **Таблица 2. Технологические характеристики фрагментов «узкой» ленты**

№	Основа базовая		Уток базовый		Уток дополнительный золотный		
	Толщина* (мм)	Плотность* (н/см)	Толщина* (мм)	Плотность* (н/см)	Толщина* (мм)	Плотность* (н/см)	Ширина* полоски металла (мм)
66	0,3	52	0,16	34	0,3	34	0,34
67-1	0,3	60	0,16	31	0,3	31	0,34
67-5	0,3	62	0,16	32	0,3	32	0,34
67-8	0,3	56	0,16	33	0,3	33	0,34

* — указаны средние размеры

выполнена по наиболее сохранившемуся участку ленты № 66. На других фрагментах читается идентичный рисунок. С одного края лент сохранились участки с боковой кромкой. С противоположной стороны ленты были обрезаны и обметаны швом через край толстой шелковой нитью, возможно, зеленого цвета. По этому краю, сверху обметки, фиксируются короткие стежки, выполненные такой же зеленоватой нитью. На фрагменте № 66 под обметкой, на открытых участках, заметны стежки из шелковой нити второго порядка, по цвету совпадающие с цветом шелковых нитей ленты.

Технологические характеристики «узкой» ленты следующие.

Основа: нить шелковая светло-коричневого цвета, с круткой S,2z (две нити, каждая с z-круткой, спрядены вместе в S-направлении), каждая нить толщиной 0,3 мм. Шаг рисунка по основе — 1 нить. Плотность — около 58 нитей на 1 см. *Уток базовый*: нить шелковая светло-коричневого цвета, без крутки, толщиной 0,16 мм.

Уток золотный: нить пряденая, где на шелковый сердечник навита полоска металла шириной 0,34 мм.

Шаг рисунка по утку — 1 нить.

Отношение утка базового к утку золотному — 1:1.

В 1 ряду пробрасывается 2 утка (т. е. при каждом проброс шелковой нити пробрасывают и 1 золотную нить).

Укрепление узора на базовом полотне идет по рисунку.

Плотность по нитям утка — 33 проброса на 1 см.

Кромка: ширина — около 1,5 мм; переплетение полотняное; нити в кромке соответствуют нитям в основной части ленты.

2. Ленты золототканые «широкие» (илл. LIV на цветной вклейке).

Фрагменты «широких» лент выполнены в той же технике, что и «узкие». У образцов № 68-1, № 68-3 и № 68-4 с одного края сохранились участки с одной боковой кромкой. С противоположной стороны кромки отсутствуют, но наблюдается поворот золотной нити на 180°. Следовательно, это противоположный край ленты. Лента № 68-2 состоит из двух сшитых между собой фрагментов. Шов проходит вдоль нитей утка.

Технологические характеристики четырех фрагментов «широкой» ленты внесены в табл. 3.

Анализ таблицы позволяет отнести все фрагменты к одному изделию — тканой ленте со следующими характеристиками.

Основа: нить шелковая светло-коричневого цвета, с круткой S,2z (две нити, каждая с z-круткой, спрядены вместе в S-направлении), каждая нить толщиной в среднем 0,26 мм.

Шаг рисунка по основе — 1 нить. Плотность — около 60 н/см.

Уток базовый: нить шелковая светло-коричневого цвета, без крутки, толщиной 0,16 мм.

Уток золотный: нить пряденая, где на шелковый сердечник навита полоска металла (золото) шириной в среднем 0,26 мм. Толщина золотной нити — 0,26 мм.

Шаг рисунка по утку — 1 нить. Отношение утка базового к утку золотному — 1:1.

В 1 ряду пробрасывается 2 утка (т. е. при каждом проброс шелковой нити пробрасывают и 1 золотную нить). Плотность — 32 н/см.

Кромка: ширина — около 1,5 мм; переплетение полотняное; нити в кромке соответствуют нитям в основной части ленты.

Все фрагменты являются частями одной ленты, ширина которой около 29–30 мм. Реконструкция

• **Таблица 3. Технологические характеристики фрагментов «широкой ленты»**

№	Основа базовая		Уток базовый		Уток дополнительный золотный		
	Толщина* (мм)	Плотность* (н/см)	Толщина* (мм)	Плотность* (н/см)	Толщина* (мм)	Плотность* (н/см)	Ширина* полоски металла (мм)
68-1	0,3	54	0,16	32	0,26	32	0,12–0,4
68-2	0,3	56	0,18	30	0,26	30	0,28
68-3	0,3	68	0,14	33	0,24	33	0,24
68-4	0,3	60	0,14	33	0,24	33	0,22

* — указаны средние размеры

узора была выполнена по наиболее сохранившимся участкам лент №68-1 и №68-2. На других фрагментах читается идентичный рисунок.

*3. **Фрагменты ткани с вышивкой*** (илл. LV на цветной вклейке: *а, б, в, г, д, е*).

Фрагменты ткани с вышивкой и тканей без вышивки были плотно прижаты друг к другу. Соединение этих объектов в единое изделие не зафиксировано. Фрагменты 67-4а, 67-4б и 67-4в перед очисткой представляли собой единый массив. В процессе работы выяснилось, что фрагмент 67-4а был сложен вчетверо (линии сгибов перпендикулярны), а фрагмент 67-3 был сложен вдвое.

На всех фрагментах ткани с вышивкой использовался один тип золотной нити, и техника выполнения вышивки была везде одинаковой — «изнаночный прикреп». В данной технике задействованы золотная нить и нить прикрепа. Первая ложится на лицевой поверхности ткани и прикрепляется нитью прикрепа, которая затем выводится на изнанку ткани в то же отверстие и при этом туго натягивается, благодаря чему выводит на изнанку маленькую петельку золотной нити. Таким образом, прикрепная нить видна только на изнанке. С лицевой стороны стежки золотной нити в вышивке расположены в шахматном порядке и имеют длину приблизительно 2,5 мм. Рисунок вышивки выполнен в форме прямоугольников. Для вышивки применяли пряденую золотную нить толщиной около 0,22–0,26 мм, где на шелковый сердечник была навита полоска металла шириной около 0,22 мм в S-направлении. При микроскопическом методе исследования металлической полоски была зафиксирована ее неравномерная ширина. На отдельных участках она сужается под острым углом и уходит «на нет». Вероятно, это начало или конец нарезанной полоски металла.

Шелковая нить прикрепа, частично сохранившаяся на изнаночной стороне фрагмента 67-3, имеет толщину 0,24 мм, второй порядок крутки в S-направлении, где каждая нить первого порядка толщиной 0,12 мм имеет z-крутку (общая характеристика крутки нити — S,2z).

На фрагменте 67-3 между вышитыми золотной нитью прямоугольниками, по их периметру, довольно плотно друг к другу проложены нити коричневого цвета первого порядка, без крутки, толщиной около 0,28–0,36 мм.

*4. **Почвенно-текстильные конгломераты с пуговицами*** (илл. LVI на цветной вклейке).

Сохранилось несколько многослойных почвенно-текстильных конгломератов, где были зафиксированы 4 металлических пуговицы, расположенных в один ряд. Параллельно им проходит полоса из золотных нитей шириной около 9–10 мм. Пуговицы и золотные нити расположены на слое темной органики.

Золотные нити, вероятно, являются частью золототканой ленты, от которой сохранились только золотные нити. Читаемый рисунок, «плетенка» (или «черенок»), создавался дополнительным утком — пряденой золотной нитью по лицевой стороне ленты.

Характеристики золотной нити: нить пряденая, где на шелковый сердечник была навита полоска металла шириной 0,3 мм в S-направлении. Диаметр нити — 0,24–0,28 мм. Плотность золотных нитей — около 34 нитей на 1 см.

*5. **Фрагмент ткани 1*** (илл. LVII: *а* на цветной вклейке).

Образец ткани № 67-2б имеет коричневый цвет.

Ткань полотняного переплетения. Нити по двум системам одинаковые: шелковые, без крут-

ки, толщиной около 0,26 мм. Плотность ткани — около 32/32 н/см.

6. Фрагмент ткани 2 (илл. LVII: *б* на цветной вклейке).

Фрагмент ткани (образец № 69-3) коричневого цвета имеет рыхлое полотняное переплетение. Боковые кромки не сохранились, поэтому нити основы и утка определяем условно. *Основа* — нить коричневого цвета, с z-круткой, толщина 0,3 мм. *Уток* — нить коричневого цвета, с z-круткой, толщина 0,3 мм. Плотность ткани — 16/16 н/см.

Реставрация. Реставрация фрагментов золотных лент проводилась под непосредственным руководством реставратора высшей категории по текстилю Н. П. Синицыной[1].

Методически работа проходила в следующем порядке.

Фрагменты золотных лент и тканей перед очисткой были помещены в камеру с влажностью воздуха 85–90 % на 60–90 минут. Затем они были очищены от наслоений и загрязнений механическим способом. Работа проводилась тонкой иглой под микроскопом. Затем фрагменты были промыты однопроцентным раствором ПЭГ[2] 400 и дистиллированной водой, просушены на фильтровальной бумаге в естественных условиях (при температуре 22 °С и влажности воздуха 55–60 %).

Фрагменты 69-1а, 69-1б и 69-1в не снимались с почвенно-органической подложки с целью сохранения расположения пуговиц относительно ленты. Все три массива были максимально очищены от загрязнений механическим способом под микроскопом. После очистки массивы были пропитаны раствором фторлона, что зафиксировало органическую и почвенную основу. Затем фрагменты были укреплены на газ, натянутый на рамку, с помощью реставрационного клея Lascaux 303HV. Остальные разрозненные золотные нити были очищены от наслоений, промыты однопроцентным раствором ПЭГ 400, затем дистиллированной водой, и укреплены на реставрационный газ в рамке с помощью иглы и шелковой нити в две полоски длиной 11,5 см и 7,5 см.

Заключение. «Узкая» и «широкая» ленты сотканы в технике браного ткачества[3] с узором из золотных нитей, которые делают поворот, не заходя на кромку. Такая кромка позволяла пришивать или сшивать ленты, не повреждая золотные нити и, в небольшой степени, экономя их. Браное ткачество выполнялось набором через одну нитку, поэтому на изнаночную сторону золотные нити выходят по минимуму, под 1 нить. Технологические характеристики и прорисовка орнамента доказывают, что «узкая» лента является частью «широкой», которую разрезали, вероятно, на две части. Различия в толщине нитей можно объяснить несколькими факторами:

— ручное прядение не гарантирует изначально идеально ровных нитей;

— нить меняет свою толщину в зависимости от участка, где идет выработка: начало работы или ее конец;

— бывает дефект берда (разная плотность), что дает разную плотность основы[4];

— деформация лент возможна во время их использования;

— на показатели может влиять степень сохранности.

Технология ткачества лент в браной технике берет начало с XII–XIII вв. и продолжает существовать вплоть до современности. Элементный состав металла, структура металлической полоски (сплав, золочение, двойник), технология изготовления могли бы помочь в определении места и времени производства, но данные исследования пока не проводились.

Датирующим материалом могут быть пуговицы, который по форме близки к пуговице

---

[1] Наталья Павловна Синицына — заведующая мастерской «Реставрация кожи и археологического текстиля» Всероссийского художественного научно-реставрационного центра (ВХНРЦ) имени академика И. Э. Грабаря. Авторы приносят Наталье Павловне благодарность за оказанное содействие в работе.

[2] Полиэтиленгликоль.

[3] В научной литературе для характеристики средневековых тканей, выполненных в этой технике, применяется термин «лансе». Ткани в технике лансе имеют 1 основу и 2 утка, один из которых формирует узор. Узорный уток проходит от кромки до кромки.

[4] Авторы приносят благодарность за консультацию Елене Николаевне Андреевой (Парконен) — мастеру по ткачеству, главному хранителю Сольвычегодского историко-художественного музея с октября 2003 по июнь 2011 г.

XII–XIII вв.[1], но несколько меньшего размера (0,9 × 0,5 мм). По мнению Е. Ю. Катасоновой[2], еще одним датирующим фактором служит сам прием золотной вышивки — «изнаночный прикреп», который в совокупности с некоторыми стилистическими особенностями можно отнести к домонгольскому периоду.

Текстильный материал был передан для исследования без археологического контекста, поэтому реконструировать расположение золотных лент в костюме не представляется возможным. Только соединение золотной ленты и пуговиц может свидетельствовать о наличии в погребении одежды типа кафтана, борта которого были декорированы золотными лентами.

Список литературы

Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в.: в 2 т. Т. 2. Камерные погребения древнего Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря) / отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 367–388.

Катасонова Е. Ю. Золотное шитье домонгольской Руси X–XII вв. // Убрус. 2005. № 4. С. 24–48.

Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Текстиль из погребений Приладожской курганной культуры (технологическое исследование) // Труды Карельского научного центра РАН. № 3. Серия: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2014. С. 9–21.

Орфинская О. В. Текстиль Гнёздовского комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. Сборник к юбилею Д. А. Авдусина / отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: изд-во Гос. ист. музея, 2018. С. 413–461. (Труды Гос. ист. музея; вып. 210).

Орфинская О. В., Зозуля С. С. Текстиль из кургана Черная могила // РА. 2020. № 4. С. 87–97.

Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П., Егоров К. А. Исследование тканей из погребений средневекового могильника на территории кремля города Дмитрова // Археологическое изучение Подмосковья: Дмитров, Мытищи, Тарасовка / отв. ред. В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2002. С. 296–314.

Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / сост.: Н. А. Кокорина, А. Н. Денисова, Н. А. Князева. Владимир, 2015. 88 с.: ил.

Титова Л. А., Орфинская О. В., Чуткина С. С. Домонгольские тканые золотные ленты и фрагменты золотной вышивки из археологических раскопок в Старой Руссе. Результаты исследования // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 6. Материалы VI научно-практической конференции (9–11 декабря 2014 г.) / под ред. Т. М. Воронина. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 110–119.

Фехнер М. В. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь / ред. Д. С. Лихачёв [и др.]. М.: Наука, 1976. С. 222–225.

Яковчик М. С. Текстильные изделия с золотными нитями на территории Древней Руси X — начала XI в. // Stratum plus. 2017. № 5. С. 347–360.

Darrah J. A. Metal threads and filaments // Recent advances in the conservation and analysis of artifacts. London: University of London, 1987. P. 211–221.

Járó M., Gál T., Tóth A. The characterization and deterioration of modern metallic threads // Studies in Conservation. 2000. Vol. 45, № 2. P. 95–105.

References

Darrah J. A. Metal threads and filaments // Recent advances in the conservation and analysis of artifacts. London: University of London, 1987. P. 211–221.

Fekhner M. V. Zolotnoe shit'yo Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi // Srednevekovaya Rus' / eds. D. S. Likhachyov [et al.]. Moscow: Nauka, 1976. P. 222–225.

Járó M., Gál T., Tóth A. The characterization and deterioration of modern metallic threads // Studies in Conservation. 2000. 45, 2. P. 95–105.

Katasonova E. Yu. Zolotnoe shit'yo domongol'skoy Rusi X–XII vv. // Ubrus. 2005. № 4. P. 24–48.

Kochkurkina S. I., Orfinskaya O. V. Tekstil' iz pogrebeniy Priladozhskoy kurgannoy kul'tury (tekhnologicheskoe issledovanie) // Trudy Karel'skogo nauchnogo tsen-

[1] Пуговица коническая, с цельнолитым туловом и округло-петлевидным ушком (В-56005/63. АС- 4190). Место и дата раскопок: г. Суздаль, кремль, около Успенской церкви, 1987 г. Автор раскопок: М. В. Седова (Пуговицы…, 2015. Кат. 110).

[2] Авторы приносят благодарность за консультацию Елене Юрьевне Катасоновой — художнику, кандидату искусствоведения, историку древнерусского шитья, главному редактору журнала «Убрус».

tra Rossiyskoy Akademii nauk. 3. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy Akademii nauk, 2014. P. 9–21.

Orfinskaya O. V. Tekstil' Gnyozdovskogo kompleksa // Gnyozdovskiy arkheologicheskiy kompleks. Materialy i issledovaniya. 1. Sbornik k yubileyu D. A. Avdusina / ed. S. Yu. Kainov. Moscow: izdatel'stvo Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 2018. P. 413–461. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya; 210).

Orfinskaya O. V., Zozulya S. S. Tekstil' iz kurgana Chernaya mogila // Rossiyskaya arkheologiya. 2020. № 4. P. 87–97.

Orfinskaya O. V., Engovatova A. V., Golikov V. P., Egorov K. A. Issledovanie tkaney iz pogrebeniy srednevekovogo mogil'nika na territorii kremlya goroda Dmitrova // Arkheologicheskoe izuchenie Podmoskov'ya: Dmitrov, Mytishchi, Tarasovka / ed. V. S. Ol'khovskiy. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2002. P. 296–314.

Pugovitsy XI–XVIII vekov iz arkheologicheskikh kollektsiy Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika / comp. N. A. Kokorina, A. N. Denisova, N. A. Knyazeva. Vladimir, 2015. 88 p.: il.

Titova L. A., Orfinskaya O. V., Chutkina S. S. Domongol'skie tkanye zolotnye lenty i fragmenty zolotnoy vyshivki iz arkheologicheskikh raskopok v Staroy Russe. Rezul'taty issledovaniya // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Iskusstvo i restavratsiya. 6. Materialy VI nauchno-prakticheskoy konferentsii (9–11 dekabrya 2014 g.) / ed. T. M. Voronin. St. Petersburg: Pervyy IPKH, 2015. P. 110–119.

Yakovchik M. S. Tekstil'nye izdeliya s zolotnymi nityami na territorii Drevney Rusi X — nachala XI v. // Stratum plus. 2017. № 5. P. 347–360.

Zubkova E. S., Orfinskaya O. V. Tekstil' iz kamernykh pogrebeniy Starovoznesenskogo nekropolya Pskova // Drevnerusskiy nekropol' Pskova X — nachala XI v. 2. Kamernye pogrebeniya drevnego Pskova X v. (po materialam arkheologicheskikh raskopok 2003–2009 gg. u Starovoznesenskogo monastyrya) / ed. I. K. Labutina. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. P. 367–388.

Illustrations

Colour plate LIII. Fragments of the "narrow ribbon": *а* — sample No. 66; *б* — sample No. 67-1; *в* — sample No. 67-5; *г* — sample No. 67-8; *д* — scheme of weave structure: *1* — warp yarns; *2* — base weft threads; *3* — gold weft threads; *4* — A-A — cut along the warp threads; *5* — C-C — cut along the weft threads

Colour plate LIV. Fragments of a "wide ribbon": *а* — sample No. 68-1; *б* — sample No. 68-2; *в* — sample No. 68-3; *г* — sample No. 68-4; *д* — partial reconstruction of the patterned scheme of the "wide" ribbon

Colour plate LV. Fabric with embroidery. A. Fragments: *а* — sample No. 67-3; *б* — sample No. 67-2а; *в* — sample No. 67-4а; *г* — sample No. 67-4б; *д* — sample No. 67-4в; *е* — sample No. 67-6. Б. Micrograph of the wrong side of sample No. 67-3: *1* — fabric on which the embroidery was made; *2* — a seam made by pulling a gold thread to the wrong side of the base in the form of a loop, with the loop stitches not visible on the front side of the embroidery

Colour plate LVI. Fragments of a golden ribbon and buttons: *а* — samples Nos. 69-1а, 69-1б, 69-1в; *б* — sample No. 69-2

Colour plate LVII. Fragments of fabrics: *а* — sample No. 67-2б; *б* — sample No. 69-3

L. A. Titova, O. V. Orfinskaya. Research and restoration of textile goods with gold threads found during the excavations at St. George's cathedral of Novgorod Yuriev monastery

Abstract. During the archaeological excavations in 2020, led by Vl. V. Sedov and with the participation of M. V. Vdovichenko, fragments of fabrics with gold threads were found near St. George's cathedral of Yuriev monastery. 20 samples were selected for studying: these are fragments of gold-woven ribbons, strips of fabric with gold embroidery and fragments of silk fabrics. In the course of the study, the technological characteristics of textile goods were determined, and a graphic reconstruction of patterns and weave structures was performed. The authors made an attempt to determine the place of the gold decor in the costume system and to date the material. The conservation and restoration of the fragments was carried out under the guidance of N. P. Sinitsyna (All-Russian Artistic Research and Restoration Centre).

Keywords: archaeological textiles, 13th–14th centuries, silk, gold-woven ribbons, gold embroidery, research, restoration, conservation.

Titova Liliya Arkadievna, textile restorer of the 1st category, Novgorod Museum-Reserve, 11 Kremlin, 173007 Veliky Novgorod, Russian Federation, l.titova58@gmail.com.

Orfinskaya Olga Vyacheslavovna, candidate of history, senior research fellow, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. S. Likhachev, 2 Kosmonavtov St., 129366 Moscow; senior research fellow, Center for Egyptological Studies, Russian Academy of Sciences, 29 bldg. 8 Leninsky Ave., 119071 Moscow, Russian Federation, orfio@yandex.ru.

О заказчике и первоначальном предназначении Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3), а также о вероятности ее связи с Юрьевым монастырем

Э. С. Смирнова

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.195-204

Аннотация. Богато иллюстрированная Псалтирь в Отделе рукописей ГИМ (Хлуд. 3) создана в Новгороде во второй четверти XIV в. и содержит 119 иллюстраций. Рукопись не была предназначена для новгородского Софийского собора, поскольку там такая Псалтирь уже, видимо, существовала. Одна из миниатюр Симоновской Псалтири повторяет редкую композицию иконы «Спас на престоле» 1337 г., заказанной новгородским архиепископом Моисеем в промежутке между двумя его архиепископскими сроками. Связь Моисея с Юрьевым монастырем, где он когда-то был архимандритом, позволяет предположить, что дорогостоящая рукопись Псалтири могла быть заказана Моисеем для Георгиевского собора этого монастыря. Другое решение вопроса о происхождении Псалтири связано с именем некоего «отца Симона» в записи писца на л. 98 об. Если Симон — это заказчик Псалтири (как иногда предполагают), то его можно с осторожностью отождествить с Симоном — заказчиком Евангелия 1270 г. (РГБ, собрание Румянцева, cod. 105), который являлся иноком именно Юрьева монастыря. Оба варианта решения проблемы указывают на значительную роль Юрьева монастыря и его главного храма в художественной культуре Новгорода XIV в.

Ключевые слова: Новгород Великий, Георгиевский собор, Юрьев монастырь, Симоновская Псалтирь, архиепископ Моисей, книжная миниатюра.

Смирнова Энгелина Сергеевна — доктор искусствоведения, профессор, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр-т, 17, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119991; главный научный сотрудник, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Козицкий пер., 5, Москва, Российская Федерация, 125009, engelina32@mail.ru.

Новгородская Симоновская Псалтирь (ГИМ, Хлуд. 3; Сводный каталог…, 1984. Кат. 384. С. 318–319) второй четверти XIV в.[1] — один из самых значительных памятников новгородского книжного искусства. Она написана на 291 листе, украшена большой серией заставок (в основном с тератологическим орнаментом, а частично — с «балканским») и содержит чрезвычайно много иллюстраций — 119. Это и начальная композиция с изображением «Явления Христа жёнам-мироносицам» (илл. 1), исполненная двумя мастерами — византийским, написавшим фигуру Христа, и местным, которому принадлежит все остальное *(Попова*, 1972; о двух мастерах этой композиции: *Смирнова*, 2019а. С. 347–348), это и два «авторских портрета» с Давидом, а также серия композиций с историей царя Давида, множество сцен и фигур на полях с изобразительными комментариями к Псалмам, а вдобавок — иллюстрации к Библейским песням в завершающей части рукописи (*Смирнова*, 2016; *Smirnova*, 2016).

Исключительность названной рукописи, обилие орнамента и миниатюр, одна из которых исполнена с участием византийского мастера, а все остальные — несколькими местными художниками, заставляет задуматься о заказчике и первоначальном предназначении этой дорогостоящей Псалтири. Давно утвердилось мнение, что заказчиком был некий Симон. Оно основывается на записи писца на л. 98 об. Псалтири (илл. 2).

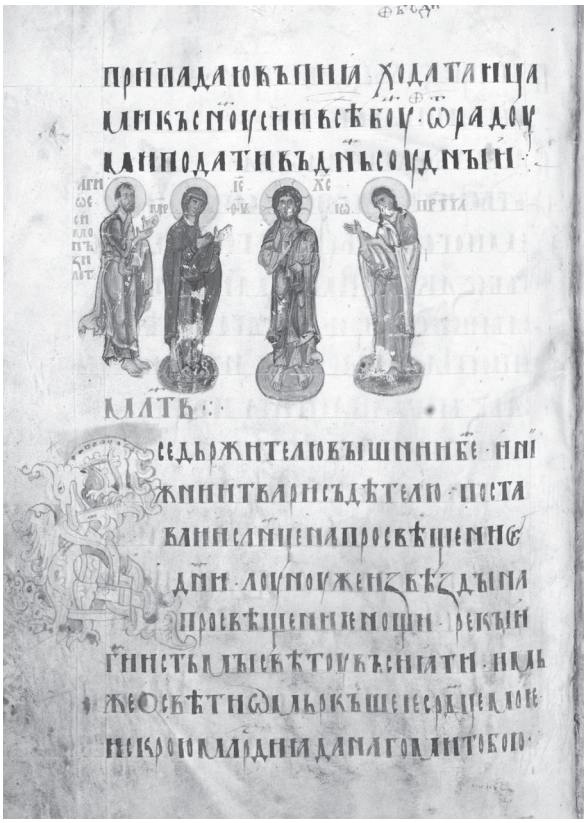
[1] Датировка А. А. Турилова по палеографическим признакам; см.: *Турилов*, 1998. С. 36–37.

• **Илл. 1. Явление Христа женам-мироносицам. Миниатюра Симоновской Псалтири. Вторая четверть XIV в. ГИМ, Хлуд. 3. Л. 1**

• **Илл. 2. Миниатюра со сценами из истории царя Давида и запись писца. Симоновская Псалтирь. Л. 98 об.**

Начало записи располагается не торжественной строкой, а мелкими буквами, сначала по вертикали, на поле вверху, слева от находящейся там миниатюры с несколькими сценами из истории царя Давида; окончание записи дано горизонтальной строкой под той же миниатюрой. Запись содержит обращение к упомянутому Симону: «Стрѣпътно малое си писати велми. Право отче Симоне не борзо ся пишеть» («Очень трудно писать это мелкое (мелкие буквы? — *Э. С.*). Право, отец Симон, не быстро пишется»). Приведенный текст (*Щепкина и др.*, 1965. С. 164) весьма далек по своей структуре и по местоположению в рукописи от официальных торжественных записей с именем заказчика. Перед нами не традиционное сообщение о заказчике, подразумевающее его заслуги, а лишь выражение чувств писца, его жалоба на трудности мелкого письма, высказанная попутно, в случайном месте, на случайном листе. При этом можно допустить, что речь идет о попытке безымянного писца оправдаться перед заказчиком Симоном за медленную работу. Значит, принятую версию о некоем Симоне как заказчике большой, богато иллюстрированной рукописи мы не можем полностью отвергнуть. Утвердившееся мнение о Симоне как заказчике основывается не только на приведенной записи, но также и на включении фигуры апостола Симона (как предполагается, святого покровителя заказчика) в миниатюру с фигурами Деисуса в рост (л. 248 об.) (илл. 3).

Вл. В. Седов указывает на большую роль частного (боярского) заказа в другой сфере новгородской культуры XIV в. — в храмовом строительстве (*Седов*, 2015. С. 20–45). Однако в случае с нашей иллюстрированной Псалтирью ситуация более сложная, чем в архитектуре: у создателей рукописи должен был бы быть в доступности древний образец, с текстом и обильными иллюстрациями, ориентированными на византийский



• **Илл. 3. Деисусный чин с фигурой апостола Симона. Симоновская Псалтирь. Л. 248 об.**

оригинал средневизантийского периода (*Смирнова*, 2017а), а такая рукопись могла храниться только в одном из самых значительных храмов Новгорода: наиболее вероятно, в Софийском соборе. Заказчик новой рукописи должен был быть важной персоной, чтобы обеспечить доступ к древнему образцу. Это обстоятельство ослабляет (хотя и не отменяет) гипотезу о некоем, нигде в XIV в. больше не упомянутом «отце Симоне» как заказчике Симоновской Псалтири. Если Симон — заказчик, то, судя по обращению к нему («отче Симоне»), он был иноком какого-то новгородского монастыря.

Таким образом, хотя предположение о Симоне как заказчике и сохраняет, как мы далее увидим, долю вероятности, все же оно не имеет стопроцентной надежности. Приведенный текст записи на л. 98 об. не является официальным свидетельством о заказчике; это и не вкладная запись. Не исключен другой вариант: приведенная запись — это обращение писца к самому себе, к утомленному работой иноку Симону из какого-то монастыря. Изображение же апостола Симона в миниатюре с деисусным чином также не обязательно указывает на Симона как заказчика. Известен случай, когда в рукописи XIV в. в одной из миниатюр оказался изображенным святой, соименный не заказчику, а писцу рукописи: это праотец Иов в западнорусском Лаврышевском Евангелии XIV в. (Краков, Библиотека Чарторыйских, cod. 2097 IV ruski, fol. 365; *Smorąg-Różycka*, 1999. S. 60–62. Tab. XIX). Оценивая этот пример в контексте нашей проблемы, следует, правда, вспомнить, что Лаврышевское Евангелие создано в Западной Руси, где могли существовать свои особые культурные интонации. Но то предположение, что некий Симон был только писцом Псалтири ГИМ, Хлуд. 3, а не заказчиком, остается допустимым и даже вероятным, особенно если учесть, с одной стороны, исключительную роскошь нашей новгородской рукописи, участие византийского художника в оформлении Псалтири, а с другой — отсутствие каких-либо иных упоминаний о Симоне в письменных источниках первой половины XIV в.

Тема памяти именно о новгородском писце, но о другом, не о Симоне, встает и в связи с крупноформатной, во весь лист, миниатюрой Симоновской Псалтири «Рождество Иоанна Предтечи» (л. 285 об.), где особо подчеркнут образ Захарии, отца Иоанна Предтечи (илл. 4). Здесь необычно укрупнена сцена «Благовестие Захарии», занимающая всю верхнюю половину композиции. При невероятной нехватке пергамена в конце рукописи, когда многие важные миниатюры к Библейским песням оказались резко уменьшенными и выдавленными на поля, названная миниатюра с Захарией занимает целый лист. Напомним, что именно Захарией звали выдающегося новгородского мастера, переписавшего так называемую Псалтирь Марины, до 1343 г. (ГИМ, Син. 235), а также Новгородскую Первую летопись старшего извода (ГИМ, Син. 786) (Сводный каталог…, 2002. С. 584. № 374; см. также: *Смирнова*, 2017б. С. 300). Как отмечает А. А. Турилов, почерк нашей Симоновской Псалтири не идентичен почерку Захарии, но весьма близок к нему. Возможно, знаменитый в Новгороде писец Захария был учителем писца Симоновской Псалтири.

Если допустим, что Симон был только писцом Псалтири ГИМ, Хлуд. 3, что представляется веро-

• **Илл. 4. Рождество Иоанна Предтечи, с Благовестием Захарии. Симоновская Псалтирь. Л. 285 об.**

ятным, а Захария — его учителем и наставником, то кто же мог быть заказчиком этой дорогой рукописи, украшенной с участием приезжего византийского художника? Первое, что приходит на ум, — заказчиком Псалтири был сам архиепископ Василий, занимавший кафедру с 1331 по 1352 г., то есть как раз в тот период (вторая четверть XIV в.), к которому палеографы относят создание Симоновской Псалтири. Именно в годы правления архиепископа Василия в Новгороде работали приглашенные византийские живописцы — некие «гречин Исаия с другы», о чем сообщает Новгородская Первая летопись под 1338 г., упоминая о росписи ими церкви Входа в Иерусалим в Детинце, рядом с Софийским собором (Новгородская Первая летопись…, 1950. С. 348). Один из таких византийцев (сам «гречин Исаия» или кто-то из его коллег) мог исполнить фигуру Христа в первой миниатюре Симоновской Псалтири по заказу именно архиепископа Василия, занимавшего тогда новгородскую кафедру.

Что, однако, препятствует предположению об архиепископе Василии как заказчике Симоновской Псалтири (хотя и не исключает такого предположения полностью)? Изображенная в рост фигура Спасителя в первой миниатюре Симоновской Псалтири (см. илл. 1) примечательна красотой силуэта, выразительностью ритма длинных композиционных линий, особой содержательностью в характеристике задумчивого лика. Между тем приглашенные архиепископом Василием византийские мастера, кажется, создавали произведения другого типа. Среди заказов и вкладов архиепископа Василия в сфере живописи преобладают произведения с ориентацией на другую разновидность византийского классицизма: на искусство с плотными, объемными фигурами и подчеркнутой активностью нагруженного художественного пространства, но при этом без углубленной характеристики ликов. Таковы композиции в технике «золотой наводки» на Васильевских вратах 1336 г., на Лихачевских вратах (*Преображенский*, 2019. С. 496–530), а также в миниатюрах Евангелия ГИМ, Хлуд. 30 (*Попова*, 2003. Илл. 161–165). К той же стилистической разновидности принадлежат изображения на последней из трех иконных досок с циклом Двенадцати евангельских праздников, которые были исполнены для Софийского собора в Новгороде, вероятно, в 1341 г., в период правления архиепископа Василия (Иконы Великого Новгорода…, 2008. Кат. 7–9). (Отметим, в связи с атрибуцией всех двенадцати Софийских праздников, что надписи на их композициях — не славянские, а греческие, что, на наш взгляд, явно указывает на работу не местных мастеров, а приезжих, хотя отчасти, может быть, и воспринявших некоторые особенности местной иконописи.) Были ли такие стилистические особенности случайностью, или здесь проявились художественные предпочтения архиепископа Василия, иные, чем у новгородского покровителя того византийского мастера, который создал фигуру Христа в Симоновской Псалтири?

Обсуждая вопрос о заказчике Симоновской Псалтири, следует вспомнить, что немалую роль в художественной жизни Новгорода того времени играл не только действующий архиепископ Василий, но и архиепископ Моисей, который занимал кафедру дважды, до и после Василия: в 1325–1330

• **Илл. 5. Спас на престоле. Икона 1337 г. Благовещенский собор Московского Кремля**

и 1352–1359 гг. В промежутке между этими двумя сроками, как раз во второй четверти XIV в., при правлении архиепископа Василия, очевидно, и была создана Симоновская Псалтирь.

Среди многих новгородских монастырей, с которыми был так или иначе связан Моисей на протяжении своей жизни, особо выделяются Юрьев, где одно время он был архимандритом, и Коломецкий, где были, кажется, и Троицкая, и Успенская церкви, вследствие чего монастырь получает в письменных источниках разные названия[1]. Примечательно, что Коломецкий монастырь находился близ истока реки Волхов из озера Ильмень, то есть совсем близко от Юрьева монастыря, почти напротив, по другую сторону Волхова (*Секретарь*, 2011. Карта-схема в конце книги, №№ 25, 62). Возможно, что именно близостью к Юрьеву монастырю отчасти объясняется то внимание, которое оказывал архиепископ Моисей Коломецкой обители. Но еще важнее то обстоятельство, что Коломецкий монастырь нередко служил местопребыванием Моисея как до его поставления в архимандриты Юрьева монастыря, так и после этого (Повесть о Моисее…, 1862).

В 1337 г., даже не будучи связан с архиепископской кафедрой, Моисей заказывает значительную икону не с традиционным, по-новгородски архаичным, а с совсем новым, чисто палеологовским композиционным решением: «Спас на престоле» (ныне в Благовещенском соборе Московского Кремля), с ярко выраженной характеристикой объема и пространства (*Смирнова*, 2009) (илл. 5). В основе уникальной иконографии иконы 1337 г., где Спаситель указывает десницей на текст раскрытого Евангелия, лежит изображение на огромной одноименной иконе XI в. из Новгородской Софии, с переписанной живописью, попавшей в XVI в., в Успенский собор Московского Кремля (Иконы Успенского собора…, 2007. Приложение. Кат. 1. С. 152–157). Факт заказа иконы 1337 г., ныне хранящейся в Благовещенском соборе, именно Моисеем вытекает из надписи (правда, видимо, поздней, исполненной вместе с поновлением, но повторяющей старую) на нижнем поле, с упоминанием его имени «В лѣ[то] 6845 написана бысть икона сия влцѣ Моисею рукою грѣшна[го] недостоинаго Михаила» (перед нами имя еще одного художника, работавшего в те годы в Новгороде, наряду с греком Исаией). Новый стиль отчетливо ощущается в структуре композиции, несмотря на переделку живописного слоя в более позднее время. Есть основания полагать, что икона 1337 г. была предназначена именно для Троицкого храма Коломецкого монастыря. Дело в том, что она совпадает по размеру (высоте доски, с небольшой разницей из-за утраты торцовых шпонок у «Спаса») и по композиционным принципам (большой круг как основа композиции, а также колоннада, частично очерчивающая этот круг) с иконой «Троица Ветхозаветная», дошедшей до нас под поновлением 1700 г. московского худож-

[1] Путаницу в исторических упоминаниях в связи с располагавшимися близ Новгорода, но с совсем разных сторон Колмовым и Коломецким монастырями разрешил В. Л. Янин. См.: *Янин*, 1981. С. 15, 18. См. также: *Секретарь*, 2011. С. 417–425. О Троицком Коломецком монастыре см.: *Секретарь*, 2011. С. 568–569.

• **Илл. 6. Спас на престоле, с предстоящими. Миниатюра Симоновской Псалтири. Л. 115**

ника Тихона Филатьева, но с двумя раскрытыми участками первоначальной живописи. Эта икона, надо полагать, была также вывезена из Новгорода в Москву при Иване Грозном, а ныне находится в местном ряду иконостаса Успенского собора Московского Кремля (*Смирнова*, 2019в). Таким образом, две парные иконы, происходящие, как мы думаем, из новгородского Троицкого монастыря в Коломцах, оказались в Московском Кремле, но в двух разных храмах — Благовещенском и Успенском.

Для уяснения истории Симоновской Псалтири, ГИМ, Хлуд. 3, важно, что среди ее миниатюр, на л. 115, имеется как раз такое изображение «Спаса на престоле», как на иконе 1337 г., с ракурсом фигуры, с характерным жестом Христа, указывающего на раскрытое Евангелие (илл. 6). Перед нами появившиеся в XIV в. разновидности интерпретации одного из древнейших русских иконографических вариантов изображения Спаса на престоле («Спас Златая риза»), известного только на Руси с XI столетия. Такая иконография сохранилась именно в Новгороде.

Использование данной иконографии, в варианте XIV в. (то есть с акцентом на ракурсе форм и пространственности композиции), в обоих случаях — как в заказанной Моисеем иконе, так и в одной из миниатюр Симоновской Псалтири — делает правдоподобным (пусть и не на все сто процентов) предположение о заказе Псалтири не архиепископом Василием, а именно Моисеем, находившимся тогда не у власти. Уточняется и время создания Симоновской Псалтири: после 1337 г. То есть, с учетом палеографической датировки рукописи А. А. Туриловым, речь может идти о конце 30-х и о 40-х годах XIV в.

Для какого же храма была заказана Симоновская Псалтирь? Представляется маловероятным, чтобы это был храм загородного Коломецкого монастыря, которому покровительствовал Моисей, хотя с именем этого архиепископа и связаны, кажется, две иконы из местного ряда тамошнего Троицкого храма — упомянутые «Троица» и «Спас на престоле» 1337 г. Этот монастырь всё-таки был относительно скромным, не первостепенным для новгородской культуры, тогда как Симоновская Псалтирь, исключительно дорогая как в художественном, так и в материальном отношении, представляет собой, для своего времени, явление самого первого ряда в сфере письменности и декора рукописей.

Не был ли местом вклада Псалтири сам новгородский Софийский собор? Для осуществления такого вклада Моисею не обязательно было занимать в тот период архиепископскую кафедру. Он, думается, мог бы вложить такую рукопись в Софийский собор и как бывший архиепископ, как видное лицо в духовной жизни Новгорода. Но и это предположение — о вкладе рукописи в Новгородскую Софию (будем ли мы считать вкладчиком архиепископа Моисея или, что менее вероятно, Василия) — следует отвергнуть. Дело в том, что такая Псалтирь, воспроизводившая в своих миниатюрах мотивы византийской иконографии Македонского периода, а точнее, видимо, некая рукопись XI в., в Новгородской Софии уже, как мы думаем, имелась. Анализ важной группы миниатюр Симоновской Псалтири, а именно иллюстраций к Библейским песням, составляющим основную часть последнего раздела рукописи, привел нас к выводу, что в основе этих композиций лежат византийские образцы IX, X и XI вв. Такие образцы были использованы, по всей вероятности, еще в тех древнейших, но не сохранившихся русских Псалтирях, которые, надо думать, были созданы для Софии Киевской и Софии Новгородской в период оформления русской христианской культуры, в XI столетии (*Смирнова*, 2016; *Smirnova*, 2016), вслед за напрестольными Евангелиями, из которых до нас дошло Остромирово новгородского Софийского

собора. Соответственно, Симоновская Псалтирь XIV в. — это лишь опосредованная реплика той, к нашему времени исчезнувшей, Псалтири XI в., которая, надо полагать, в XIV в. еще хранилась в Новгородской Софии. Если так, то новгородский Софийский собор не нуждался в новой Псалтири с подобной иконографией: такая рукопись там уже должна была существовать (хотя до нас и не дошла).

Таким образом, надо полагать, что Симоновская Псалтирь — не рукопись из Новгородской Софии, а поздний отголосок некой гипотетической сохранявшейся там рукописи XI столетия. Осмелимся предположить, что Симоновская Псалтирь — это копия с копий исчезнувшей древней софийской рукописи, одной из древнейших русских лицевых Псалтирей.

Точный ответ на вопрос о предназначении Симоновской Псалтири мы вряд ли когда-нибудь получим. Допустимо назвать какой-либо особо значительный храм Новгорода, например, Борисоглебскую церковь в Детинце, Никольский собор на Дворище. Мог ли это быть Коломецкий монастырь? Вряд ли, учитывая невероятную дороговизну и элитарность этой Псалтири. Но допустимо выдвинуть предположение, что это мог быть Юрьев монастырь, а вкладчиком мог быть Моисей. В пользу такой версии — о Юрьевом монастыре — говорят два обстоятельства. Во-первых, до 1325 г., когда Моисей был избран архиепископом, он занимал место архимандрита Юрьева монастыря и мог сохранить связи с этой обителью и в более поздний период. Во-вторых, приблизительно во второй четверти XIV в. убранство Юрьева монастыря обновлялось и обогащалось: одним из приглашенных византийских мастеров была поновлена храмовая икона Георгиевского собора «Св. Георгий» с изображением в рост (ГТГ). Значит, какой-то византийский художник работал в эти годы в Юрьевом монастыре. Этого или (судя по стилистическим различиям между первой миниатюрой в Псалтири и поновлением на иконе «Св. Георгий» из Юрьева монастыря) другого византийского мастера могли привлечь к исполнению выходной миниатюры Симоновской Псалтири.

Возможна и совсем другая, то есть традиционная интерпретация записи писца в Симоновской Псалтири на л. 98 об., уже давно установившаяся в научной литературе. Допустим, что упомянутый там Симон был именно заказчиком Псалтири, как обычно и считается. Такая трактовка вновь обращает нас к Юрьеву монастырю. Широко известно так называемое Симоновское Евангелие 1270 г., РГБ, ф. 256, Рум., № 105 (*Попова*, 1962). Эта лицевая рукопись, с четырьмя изображениями стоящих евангелистов на красных фонах, была переписана Гюргием (Георгием или Юрием), сыном попа Лотыша, священника Благовещенской церкви на Городище. Заказчиком же этой рукописи, как неоспоримо вытекает из записи, выступил некий чернец Симон «от святого Георгия», то есть из Юрьева монастыря (*Смирнова*, 2019б). Не мог ли этот чернец Симон быть тем самым «отцом Симоном», который, как многие полагают, заказал Симоновскую Псалтирь, ГИМ, Хлуд. 3? Как мы видели, это могло произойти, скорее всего, только после 1337 г., то есть спустя самое меньшее 67 лет после создания Симоновского Евангелия. Чисто теоретически — это допустимо. Предположим, при заказе первой рукописи, в 1270 г., Симону было 20 лет, но он уже постригся в монахи и при этом располагал средствами для дорогостоящего заказа. Допустим, что после 1337 г., когда ему было уже больше 87 лет, именно этот Симон (вспомним выражение «отче Симоне» из записи в нашей Псалтири), продолжая быть иноком, чернецом «от святого Георгия», то есть Юрьева монастыря, заказал и эту огромную, дорогостоящую рукопись Псалтири. Сменился писец, резко изменились художественные вкусы и иконографические нормы, но заказчик остался тот же. В таком случае предназначение Симоновской Псалтири, ГИМ, Хлуд. 3, для Юрьева монастыря получило бы ещё более сильную аргументацию: инок Юрьева монастыря заказывает рукопись для этой обители. Вполне правдоподобна была бы и какая-то причастность к этому мероприятию архиепископа Моисея: ведь он некоторое время был архимандритом Юрьева монастыря. Как мы уже показали, среди миниатюр Псалтири воспроизведена особая иконография «Спаса на престоле» — иконы, заказанной именно Моисеем (и предназначавшейся, по нашему мнению, для Коломецкого монастыря). Однако только что изложенная версия о заказчике Симоне кажется нам маловероятной, ввиду сомнений в столь большой продолжительности жизни новгородца в древности.

Как бы то ни было, обе изложенные нами версии — о Симоне как писце и о Симоне как заказ-

чике рукописи — позволяют предположить связь Симоновской Псалтири, ГИМ, Хлуд. 3, с новгородским Юрьевым монастырем.

Список литературы

Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века: [каталог] / [авт. вступ. ст. Е. В. Гладышева и др.]. М.: Северный паломник, 2008. 550 с.

Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века: каталог / отв. ред., сост. Т. В. Толстая. М.: Северный паломник, 2007. 255 с.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

Повесть о Моисее, архиепископе Новгородском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым. СПб.: тип. Кулиша, 1862. С. 10–15.

Попова О. С. Новгородская рукопись 1270 г. Миниатюры и орнамент // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Вып. 25. М., 1962. С. 184–219.

Попова О. С. Новгородская миниатюра раннего XIV века и ее связь с палеологовским искусством // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.: Наука, 1972. С. 105–137.

Попова О. С. Новгородские миниатюры второй четверти XIV в. // Попова О. С. Византийские и древнерусские миниатюры. М.: Индрик, 2003. С. 205–230.

Преображенский А. С. Прикладное искусство // История русского искусства. Т. 4. Искусство середины XIII — середины XIV века / отв. ред. Э. С. Смирнова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2019. С. 465–655.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская / отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 2002. 766 с.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / отв. ред. Л. П. Жуковская. М.: Наука, 1984. 405 с.

Седов Вл. В. Церковь Спаса на Ильине улице в Новгороде. Архитектура боярского храма. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. 236 с.

Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 598 с.

Смирнова Э. С. Новгородская икона 1337 года «Спас на престоле» в Благовещенском соборе и ее история // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники / [отв. ред.: С. А. Беляев, И. А. Воротникова]. М.: Северный паломник, 2009. С. 184–205.

Смирнова Э. С. Иллюстрации к Библейским песням в Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3, вторая четверть XIV в.) в контексте византийской традиции // Современные проблемы археографии. Вып. 2. Сборник статей по материалам конференции к 300-летию Библиотеки Российской академии наук, 21–24 октября 2014 г. СПб.: Б-ка РАН, 2016. С. 343–359.

Смирнова Э. О возможной реплике несохранившейся древнейшей лицевой рукописи Киева в рукописи Великого Новгорода // Opus Mixtum. № 5. Київ: Музей історії Десятинної церкви, 2017а. С. 215–226.

Смирнова Э. С. О времени создания Симоновской Псалтири (ГИМ, Хлуд. 3). Взгляд искусствоведа // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / отв. ред. А. А. Алексеев. СПб.: изд-во Пушкинского Дома, 2017б. С. 296–303.

Смирнова Э. С. Иконопись и рукописная миниатюра // История русского искусства. Т. 4. Искусство середины XIII — середины XIV века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2019а. С. 208–356.

Смирнова Э. С. О художественных связях церкви Благовещения на Городище и Юрьева монастыря // АА. 2019б. № 1. С. 273–280.

Смирнова Э. С. «Троица Ветхозаветная» из Успенского собора Московского Кремля. Атрибуция иконы // Пространство иконы. Иеротопия и иконография. К 60-летию А. М. Лидова / [ред.-сост.: М. Баччи, Е. Богданович]. М.: Феория, 2019в. С. 215–222.

Турилов А. А. Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины — середины XIV в. (К вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь: тез. докл. междунар. конф. (Москва, 17–19 ноября 1998 г.) / [отв. ред. Э. Н. Добрынина]. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 36–37.

Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 год. М.: Наука, 1965. С. 135–234.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981. 296 с.

Smirnova E. Illuminations of Bible Odes in the Simonov Psalter of Novgorod, Moscow, State Historical Museum, Chlud. 3, and the Byzantine Tradition // Mélange Catherine Jolivet-Lévy. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire

et Civilisation de Byzance, 2016. P. 537–553. (Travaux et mémoires; 20/2).

Smorąg-Różycka M. Ewangeliarz Ławryszewski. Krakow: Instytut Historii Sztuki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1999. 158 s.

References

Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI veka: [katalog]. Moscow: Severnyy palomnik, 2008. 550 p.

Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. XI — nachalo XV veka: katalog / ed., comp. T. V. Tolstaya. Moscow: Severnyy palomnik, 2007. 255 p.

Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov / ed. A. N. Nasonov. Moscow; Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 640 p.

Popova O. S. Novgorodskaya rukopis' 1270 g. Miniatyury i ornament // Zapiski Otdela rukopisey / Gosudarstvennaya biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina. 25. Moscow, 1962. P. 184–219.

Popova O. S. Novgorodskaya miniatyura rannego XIV veka i ee svyaz' s paleologovskim iskusstvom // Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga. Moscow: Nauka, 1972. P. 105–137.

Popova O. S. Novgorodskie miniatyury vtoroy chetverti XIV v. // Popova O. S. Vizantiyskie i drevnerusskie miniatyury. Moscow: Indrik, 2003. P. 205–230.

Povest' o Moisee, arkhiepiskope Novgorodskom // Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kushelevym-Bezborodko. 4. Povesti religioznogo soderzhaniya, drevnie poucheniya i poslaniya, izvlechennye iz rukopisey Nikolaem Kostomarovym. St. Petersburg: tipografiya Kulisha, 1862. P. 10–15.

Preobrazhenskiy A. S. Prikladnoe iskusstvo // Istoriya russkogo iskusstva. 4. Iskusstvo serediny XIII — serediny XIV veka / ed. E. S. Smirnova. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2019. P. 465–655.

Sedov Vl. V. Tserkov' Spasa na Il'ine ulitse v Novgorode. Arkhitektura boyarskogo khrama. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2015. 236 p.

Sekretar' L. A. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey. Moscow: Severnyy palomnik, 2011. 598 p.

Smirnova E. S. Novgorodskaya ikona 1337 goda «Spas na prestole» v Blagoveshchenskom sobore i ee istoriya // Moskovskiy Kreml' XIV stoletiya. Drevnie svyatyni i istoricheskie pamyatniki / [eds. S. A. Belyaev, I. A. Vorotnikova]. Moscow: Severnyy palomnik, 2009. P. 184–205.

Smirnova E. Illuminations of Bible Odes in the Simonov Psalter of Novgorod, Moscow, State Historical Museum, Chlud. 3, and the Byzantine Tradition // Mélange Catherine Jolivet-Lévy. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2016. P. 537–553. (Travaux et mémoires; 20/2).

Smirnova E. S. Illyustratsii k Bibleyskim pesnyam v Simonovskoy Psaltiri (GIM, Khlud. 3, vtoraya chetvert' XIV v.) v kontekste vizantiyskoy traditsii // Sovremennye problemy arkheografii. 2. Sbornik statey po materialam konferentsii k 300-letiyu Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk, 21–24 oktyabrya 2014 g. St. Petersburg: Biblioteka Rossiyskoy Akademii nauk, 2016. P. 343–359.

Smirnova E. O vozmozhnoy replike nesokhranivsheysya drevneyshey litsevoy rukopisi Kieva v rukopisi Velikogo Novgoroda // Opus Mixtum. 5. Kiev: Muzey istorii Desyatinnoi tserkvi, 2017a. P. 215–226.

Smirnova E. S. O vremeni sozdaniya Simonovskoy Psaltiri (GIM, Khlud. 3). Vzglyad iskusstvoveda // Slavyanskaya Bibliya v epokhu rannego knigopechataniya. K 510-letiyu sozdaniya Bibleyskogo sbornika Matfeya Desyatogo / ed. A. A. Alekseev. St. Petersburg: izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2017б. P. 296–303.

Smirnova E. S. Ikonopis' i rukopisnaya miniatyura // Istoriya russkogo iskusstva. 4. Iskusstvo serediny XIII — serediny XIV veka. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2019a. P. 208–356.

Smirnova E. S. O khudozhestvennykh svyazyakh tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche i Yur'eva monastyrya // Arkhitekturnaya arkheologiya. 2019б. 1. P. 273–280.

Smirnova E. S. «Troitsa Vetkhozavetnaya» iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. Atributsiya ikony // Prostranstvo ikony. Ierotopiya i ikonografiya. K 60-letiyu A. M. Lidova / [eds. M. Bachchi, E. Bogdanovich]. Moscow: Feoriya, 2019в. P. 215–222.

Smorąg-Różycka M. Ewangeliarz Ławryszewski. Krakow: Instytut Historii Sztuki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1999. 158 s.

Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek. 1. Apokalipsis — Letopis' Lavrent'evskaya / ed. A. A. Turilov. Moscow: Indrik, 2002. 766 p.

Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI–XIII vv. / ed. L. P. Zhukovskaya. Moscow: Nauka, 1984. 405 p.

Turilov A. A. Ob odnoy gruppe kalligraficheskikh rukopisey pervoy poloviny — serediny XIV v. (K voprosu o datirovke Simonovskoy Psaltiri) // Iskusstvo rukopisnoy knigi. Vizantiya. Drevnyaya Rus': tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 17–19 noyabrya 1998 g.) / [ed. E. N. Dobrynina]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1998. P. 36–37.

Shchepkina M. V., Protas'eva T. N., Kostyukhina L. M., Golyshenko V. S. Opisanie pergamentnykh rukopisey Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. 1. Russkie rukopisi //

Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1964 god. Moscow: Nauka, 1965. P. 135–234.

Yanin V. L. Novgorodskaya feodal'naya votchina. Moscow: Nauka, 1981. 296 p.

Illustrations

Fig. 1. Appearance of Christ to Myrrh Bearers. Miniature of the Psalter of Simon. Second quarter of the 14th century. State Historical Museum, Chlud. 3. L. 1

Fig. 2. Miniature with scenes from the story of King David and a scribe's note. The Psalter of Simon. L. 98 ob.

Fig. 3. Deesis row with the figure of the Apostle Simon. The Psalter of Simon. L. 248 ob.

Fig. 4. The Nativity of John the Baptist, with the Gospel of Zechariah. The Psalter of Simon. L. 285 ob.

Fig. 5. The Saviour enthroned. Icon of 1337. Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin

Fig. 6. The Saviour enthroned, with the upcoming ones. Miniature of the Psalter of Simon. L. 115

E. S. Smirnova. About the customer and the original assignment of the Psalter of Simon (SHM, A. I. Chludov Collection No. 3), as well as the likelihood of its connection with Yuriev monastery

Abstract. The richly illustrated Psalter in the Manuscripts Department of the State Historical Museum (Chlud. 3) was created in Novgorod in the second quarter of the 14th century. It contains 119 illustrations. The manuscript was not intended for the Cathedral of Holy Wisdom, since such a Psalter apparently already existed there. One of the miniatures of the Psalter of Simon repeats the rare composition of the icon "The Saviour enthroned" of 1337, painted on the order of Novgorod Archbishop Moses in the interval between his two archiepiscopal terms. Moses' connection with Yuriev monastery, where he was once an archimandrite, suggests that the costly manuscript of the Psalter could have been ordered by Moses for St. George's cathedral of this monastery. Another version of the Psalter's origin is associated with the name of a certain "father Simon" mentioned in the scribe's note on l. 98 ob. If Simon was the customer of the Psalter (as is sometimes assumed), then he can be identified with caution with Simon, the customer of the Gospel of 1270 (RSL, N. P. Rumyantsev Collection, No. 105), who was a monk namely in Yuriev monastery. Both options for addressing the problem of the Psalter's origin point to the significant role of Yuriev monastery and its main church in the artistic culture of Novgorod in the 14th century.

Keywords: Veliky Novgorod, St. George's cathedral, Yuriev monastery, Psalter of Simon, Archbishop Moses, book miniature.

Smirnova Engelina Sergeevna, doctor of art studies, professor, Faculty of History, Moscow State University, 17 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119991 Moscow, Russian Federation; chief research fellow, State Institute for Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, 5 Kozitsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation, engelina32@mail.ru.

Архимандрит Юрьева монастыря Иона и Волосов монастырь. О строительстве русских церковных иерархов в местах их пострижения

Вл. В. Седов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.205-214

Аннотация. Статья посвящена вопросу о заказчиках каменной архитектуры в древнерусских монастырях. Она рисует фигуру архимандрита новгородского Юрьева монастыря Ионы, заказавшего каменный храм в Николо-Волосовом монастыре под Владимиром в начале XVI в. По всей видимости, этот монастырь был местом пострижения Ионы, который сначала стал настоятелем этой небольшой обители, а затем был поставлен в архимандриты Юрьева монастыря под Новгородом. После этого Иона стал епископом Рязанским, построил несколько храмов в Рязани, но продолжал делать вклады в Николо-Волосов монастырь. В качестве заказчика каменного храма Иона мог выступить после того, как нашел образцы в лице новгородских владык второй половины XV в., Евфимия II и Ионы, которые были заказчиками каменных храмов и росписей в монастырях, где они постриглись и достигли степени настоятеля. Далее рассматриваются известные автору примеры подобной ктиторской деятельности церковных иерархов в XVI и XVII вв.

Ключевые слова: Древняя Русь, позднее Средневековье, заказчики, каменная архитектура, монастыри, Новгород, архимандрит, Юрьев монастырь, Московская Русь, место пострижения, церковные иерархи, мемориальное строительство, вклады, место погребения.

Седов Владимир Валентинович — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292; заведующий кафедрой истории отечественного искусства, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 119192, sedov1960@mail.ru.

В начале XX в. в одном из выпусков «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горский и К. И. Невоструев опубликовали данные о Служебной минее (№ 447) конца XV или начала XVI в., в конце которой содержится запись о строительстве и освящении некоей каменной церкви Николая (*Горский, Невоструев*, 1917. С. 96–97). Исследователи неправильно определили монастырь, посчитав его по каким-то причинам новгородским: «На конце рукописи другою рукою вписана современная запись о постройке и освящении каменной церкви во имя Святителя Николая, в монастыре, Новгородском, что на Волосове» (Там же. С. 96). Скажем сразу, что такой монастырь никогда не существовал. Возможно, именно из-за неправильного определения запись эта, чрезвычайно любопытная, была на долгое время забыта.

Между тем содержание этой записи, вернее — ряда записей летописного характера, очень интересно. Приведем эти записи полностью, раскрыв титла:

«Лѣт(а) зке [7025] мѣс(я)ца мая ві почали кирпич дѣлати на храм с(вя)т(о)го чюд(о)творца Николы.

Лѣт(а) зкѕ [7026] мѣс(я)ца мая 2 д(е)нь заложена бысть ц(е)рк(о)вь камена на Волосовѣ с(вя)т(о)го чюд(о)творца никол(ы) на пямят(ь) иже во святых отца нашего Афонасия Великог(о) въ той жо д(е)нъ принесение мощемъ с(вя)тых м(у)ч(е)никъ Бориса и Глѣба.

Лѣт(а) зки [7028] мѣсяц(а) сеньтября 9 день совершенъ быс(ть) храмъ с(вя)т(о)го чюдо-

творьц(а) Николы на Волосове, на памят(ь) с(вя)тыхъ праведных б(о)гъот(е)ць Акима и Анны, при великом кн(я)зе Василье Иванович(е) всея Руси, и при Варъламе митрополите всея Руси. А освящан быс(ть) си храм мѣсяца октября 2 ден(ь) на п(а)мять с(вя)тых мученик(ов) Кипреяна и Оустинии. Да пожаловала великая кня(г)ини Соломанид(а) велела четыр(е) печи и извести вывести на храм с(вя)т(о)го чюд(о) творца Николы. А замышлениемъ анъхиманъдрита Ионы Великово Нова Город(а) Юрьева манастыр(я) при игумене Пахнутье а служевники были старци, Арсенеи да Микифоръ.

А мастеры были москвици Степан фрязинъ да Иван Рябина да Иван Корелъка да Василей Волочанинъ».

Итак, в 7025/1517 году стали делать кирпич для строительства церкви Николы, 2 мая 7026/1518 года этот храм был заложен, а 9 сентября 7028, то есть 1519 года, он был окончен и 2 октября освящен. В записи упоминаются заказчики и строители (мастера) этой каменной церкви. Эти сведения были учтены в недавней публикации о Волосове монастыре (*Маштафаров, Турилов*, 2005. С. 274–275).

Отдельную статью о приведенной записи опубликовал недавно А. Г. Мельник, который вновь ввел ее в научный оборот (*Мельник*, 2007). Исследователь пишет, что речь в документе идет о Волосове монастыре недалеко от Владимира, что заказчиками выступили великая княгиня Соломонида Сабурова и новгородский архимандрит Иона, который, вероятно, имел какое-то отношение к монастырю. Отдельные строки посвящены зодчим, в особенности — Степану фрязину, вероятно, итальянского происхождения, имя которого вписывается в круг итальянских зодчих начала XVI в.

Мы задались вопросом: почему новгородский архимандрит Иона, выступающий основным заказчиком этого каменного монастырского собора (который строится его «замышлением»), вложил средства в строительство в этой небольшой и не слишком известной обители?

Для того чтобы понять причины этого заказа, нужно внимательнее присмотреться к личности новгородского архимандрита. Когда он стал архимандритом Новгородским, то есть, как мы знаем, настоятелем новгородского Юрьева монастыря? Новгородская архимандрития с XIII в. была в Юрьеве монастыре; в период политической самобытности Новгородской земли была выборной и входила в состав государственных должностей (*Янин*, 1977. С. 136), однако и после присоединения к Москве эта церковная степень оставалась важнейшей для Новгорода и Новгородской земли.

Время нахождения Ионы на степени архимандрита и настоятеля новгородского Юрьева монастыря нам приблизительно известно: в 1517 г. он был уже архимандритом (*Строев*, 1877. С. 45) или был поставлен на эту степень; архимандрит Макарий пишет, что он в 1517 г. был «произведен из московских иеромонахов» в архимандриты Новгородские (*Макарий (Миролюбов)*, 1858. С. 93). Иона оставался архимандритом, как следует из приведенной записи, и в 1519 г.

Нужно сказать, что мы совсем не полностью знаем последовательность архимандритов Юрьева монастыря: П. Строеву известны в первой трети XVI столетия только Кассиан, сожженный в 1504 г. за ересь, затем интересующий нас Иона, время настоятельства которого ученый относил к 1517–1522 гг., и Силуан, правление которого в монастыре началось 2 октября 1530 г., то есть много позже 1522 г. (*Строев*, 1877. С. 45). Ясно, что в перечне архимандритов имеются существенные пробелы, хотя как раз относительно Ионы мы знаем довольно точно, что он находился на этой степени с 1517 по 1522 г.

Очень вероятно, что Иона стал архимандритом Новгородским (Юрьевским) раньше 1517 г.: если среди настоятелей Волосова монастыря в 1511 г. значится некий Иона, которого с большой вероятностью можно отождествить с будущим архимандритом Новгородским, то в 1514–1517 гг. Волосовым монастырем управлял уже Дементий, а в 1519–1524 гг. — Пафнутий (*Строев*, 1877. С. 700). Из этих сведений, подкрепленных упоминаниями игумена Дементия в актах (Акты феодального землевладения, 1951. С. 175), следует, что Иона только упоминается в качестве Новгородского архимандрита в 1517 г., а стал он им раньше, между 1511 г., когда он был еще игуменом Волосова монастыря, и 1514 г., когда в монастыре дела вершил уже новый игумен Дементий. Кстати, в грамоте 1514 г. упоминается и казначей Арсений, которого с большой уверенностью можно отождествить со старцем Арсением, бывшим одним из двух «слежевников» при исполнении заказа архимандрита Ионы, вряд ли часто приезжавшего в Волосов монастырь из далекого Новгорода.

О том, что представлял собой Волосов монастырь на рубеже XV–XVI вв., дает относящаяся к 1498–1499 гг. выпись из писцовых книг П. Г. Заболотского на митрополичьи владения в Опольском и Боголюбском станах Владимирского уезда, где написано так: «Митрополич же монастырек в Волосове, церковь святый Никола, а у него игумен, да поп черной, да два попа белых, да два дьякона» (Акты феодального землевладения, 1951. С. 151). Из этой небольшой обители, принадлежавшей к митрополичьей области, вышел наш Иона, бывший в 1511 г. настоятелем Волосова монастыря, затем, до 1514 г., ставший архимандритом новгородского Юрьева монастыря. В 1517–1519 гг. Иона сумел найти средства для строительства в важном для него монастыре каменного храма, причем часть средств была дана великой княгиней, что говорит о внимании великокняжеской семьи к Ионе и его бывшей обители.

Дальнейшая жизнь Ионы нам известна пунктирно, но и имеющиеся отрывочные факты говорят о нем как о незаурядной личности и как о человеке, сумевшем сделать церковную карьеру, поднявшись с положения игумена небольшого монастыря в митрополичьей области до уровня архимандрита Новгорода, казавшегося из Москвы мятежным, а потом ставшего церковным иерархом.

В 1522 г. архимандрит Иона был поставлен на степень епископа Рязанского: «Лѣта 7030 ... Того же лѣта, марта 23, поставленъ бысть на Резань Иона, архимандритъ Юрьева монастыря» (ПСРЛ, 2000. С. 221). Перед этим кафедру оставил митрополит Варлаам, но и при следующем митрополите Даниле Иона сохранил и даже повысил свое положение, получив назначение в Рязань. На этой кафедре Иона (Иона II Рязанский) был до своей смерти в конце 1547 или начале 1548 г. (его преемник, епископ Михаил, посвящен 22 апреля 1548 г.), он участвовал в соборе 1547 г., канонизировавшем целый ряд русских святых (*Карамзин*, 1843. Примеч. 87 на с. 19 раздела «Примечания к тому IX» с отдельной пагинацией); Иона был погребен в рязанском Архангельском соборе Рязани (*Макарий (Миролюбов)*, 1863. С. 105).

Есть некоторые основания считать, что и сам этот рязанский Архангельский собор был построен при епископе Ионе II и по его заказу (*Вагнер*, 1960. С. 24–30). Кроме того, при Ионе кафедра была переведена с посада, где стояла Борисоглебская церковь, в Успенский собор в рязанском кремле. Тот же Иона построил, судя по сотной грамоте 1568 г., каменную церковь Иоанна Предтечи на новом епископском дворе с подклетами, а также каменный храм Бориса и Глеба в старой владычной резиденции (*Иероним (Алякринский)*, 1889. С. 38–39). Этот епископ пожертвовал в 1532 г. отлитый псковскими мастерами колокол в Архангельский собор Рязани (Там же. С. 40, 55), который, как мы уже писали выше, он же, вероятно, и построил, и в котором он будет погребен.

Помимо понятной деятельности рязанского владыки по обустройству своей епархии мы должны обратить внимание на то, что епископ Иона Рязанский не забыл важный для него Волосов монастырь: в 1544 г. он вложил в этот монастырь рукописное иллюминованное и иллюстрированное Евангелие, созданное раньше, на рубеже XV–XVI вв., в каком-то западнорусском скриптории, возможно, в Смоленске (*Смирнова, Турилов*, 2017). Вкладная запись называет самого Иону и еще нескольких иноков и инокиню, вероятно, мать Ионы (названный тут же инок Ондроник мог быть отцом владыки): «...Да Иона же положил Рязанскы двенацат (?)... да книгу (?) четью да книгу Златауст учителныи, да Устав, того ж лета 7000 пятдесят втораго месяца июля 4 день на память своеи души. А поминати инока Ондроника, да меня Иону, да инока Никандра, да иноку Устинию. И кои будет у чюдотворца настоятель игумен и священници, и да Бога ради поминаите. А вас Христос помянет въ царствии небеснем. А меня Бога ради благословите и простите в сии век и в будущии. Кто мене помянет, сам будет поменен от Бога. Да Бога ради помените и Елеазара» (*Смирнова*, 2015; *Смирнова, Турилов*, 2017. С. 308).

Рязанский владыка Иона вкладывал в Волосов монастырь и другие книги; так, в 1545/1546 г. по его заказу была переписана и вложена в обитель постная Триодь со следующей выходной записью: «Лѣта 7000 пятьдесят четвертаго списана бысть сиа книга Триодь благословением владыки Ионы резанского и муромскаго. Дана бысть сиа книга в дом святого великого чюдотворца Николы Волосово Триодь посная» (*Горский, Невоструев*, 1917. С. 514; *Усачев*, 2018. Т. 2. С. 183). Кроме того, Иона вложил в Волосов монастырь 12 служебных миней (дата вклада не установлена)

и в 1546–1547 гг. — Октоих (*Горский, Невоструев*, 1917. С. 456; *Усачев*, 2018. Т. 1. С. 344).

Итак, перед нами проходит жизнь русского церковного иерарха первой половины XVI в., который, возможно, принимает постриг в Волосовом монастыре, затем (уже достоверно) делается игуменом этого монастыря, потом назначается на степень архимандрита Юрьева монастыря в Новгороде. В этот момент, как отмечают Э. С. Смирнова и А. А. Турилов, в Новгороде не было владыки: архиепископ Серапион был сведен с кафедры в 1506 г., а Макарий возведен на степень только в 1526 г., так что Иона «являлся, по существу, первым лицом в новгородской церковной иерархии и обладал весьма большими возможностями (в том числе финансовыми)» (*Смирнова, Турилов*, 2017. С. 324). От себя отметим, что этими возможностями архимандрит Иона воспользовался не для строительства в Новгороде или в управляемом им Юрьеве монастыре, а в далеком от Новгорода, но важном для вкладчика Волосове монастыре, где с привлечением итальянского мастера и средств великой княгини возвели каменный собор.

В 1522 г. Иона становится владыкой Рязанским, где строит несколько каменных зданий (тоже, по всей видимости, с привлечением столичных мастеров), а также вкладывает в один из храмов колокол, созданный псковскими мастерами. Но он не забывает и родной для него Волосов монастырь, куда в 1544 и 1546–1547 гг. вкладывает ценные рукописные книги.

Перед нами жизнь, разворачивающаяся как пружина: служение в небольшом монастыре переходит в возвышение на степень архимандрита в дальнем и большом Новгороде, а затем поднимается и расширяется до поднятия на епископскую кафедру. И все же, и в 1517–1519 гг., а также в 1544 и нескольких последующих годах Иона помнит о Волосове монастыре, строит в нем, дает в него вклады. Объяснить это можно только воспоминаниями, а также той особенной привязанностью, которую испытывает даже не настоятель, а постриженник той или иной обители к месту начала своей иноческой жизни.

Иона должен был опереться на какой-то опыт, который мог помочь ему в дерзновенном начинании: в строительстве каменного храма в монастыре, где он, как мы предполагаем, принял постриг и достиг степени игумена. Такой опыт мог быть им позаимствован у новгородских владык, с житиями которых он мог ознакомиться во время пребывания в Юрьевом монастыре.

Архиепископ Новгородский Евфимий II (1429–1458) был постриженником Вяжищского монастыря, который и украсил каменными храмами, что вскоре были расписаны.

В житийной «Повести о Ефимие» находим рассказ о частом посещении архиепископом монастыря, в котором он получил второе, духовное рождение, а также о желании воздвигнуть в нем каменный храм и осуществлении этого желания:

«Имяше же и сей обычай блаженый Еуфимие, еже часто посещати монастырь, в немъже второе духовне породися, рекше, в немже постризеся, Вежища зовомо; и помысли церков каменну въздвигнути, еже и сътвори: воздвиг бо церковь зело красну во имя того же чудотворца Николы и всяческими добротами и подписанми украсив и иконами же; бяше бо ему обещание, еже и по своем преставлении тамо положену быти в том монастыре. Вера же его к святому тому месту зело превелика; здания бо того или даяния немощно исповедати, наипаче елика от священства или от оброка святительска тому прихождаху. Боляри же и вельможи Великаго Новаграда и всенародное множество, видяще того такову веру к святому месту архиерея Николы, тщахуся всячески поревновати тому милостынею и приношением.

Прешедшим же многим летом, видя себе от старости изнемогша, разумеваше непомнозе еже к Господу свое отхождение, темже и подвига большаго касашеся; желание же велие имяше: аще можно, при своем животе в том же монастыре воздвигнути церковь теплую вкупе с трапезою святому возлюбленному апостолу Христову Иоанну Богослову. Темже и въскоре зодьчии събрав, делу касатися веляше. Елмаже он начинаше, Бог же тому много паче спешаше; начат же в пост великий, пришедшу же пресветлому всемира въскресения Господа нашего Иисуса Христа празднику, братия тогда ядоша в трапезе той, аще и не съвершена бяше. И понеже помале помощиею Божиею и молитвами апостола въскоре и церковь с трапезою съвершена бысть, восхоте же и подписати ю; но изъграфи, рекше писцы, възбраняху тому, глаголюще, яко еще лето или множае немощно есть писати, дондеже исъхнет. Он же никакоже тех слушаще, но повеле делу вскоре коснутися, еже и бысть. Толик обо желание имяше еже съвер-

шитися церкви и трапезе, елико и Бога молити, глаголя: Господи въседержителю, даруй ми поне един день видети церковь възлюбленнаго твоего с трапезою съвершившуюся, и тогда, якоже хощеши сътвориши. Бог же моления того не презри; толик обо въскоре подписана бысть церков и трапеза; темже и на самое съшествие Святаго Духа и на память Иоанна Богослова и мастеры, вся съвершивше, прочее и в домы своя отыдоша. Блаженный же Еуфимие яко приде в монастырь и виде церков же и трапезу съвершившуся, что не хотяще от радости сътворити любомудренная она душа, толик обо възрадовася от всего сердца, елико от радости и слезам от очию его истекшим, глаголюще к Богу: благодарю тя, Господи человеколюбче, яко не остави прошение мое, раба твоего, но сподобил мя еси, яко мой творец и владыка, еже от многа желах видети, сия виде днесь своима очима! Толик обо церков святаго Иоанна Богословца прекрасна с трапезою поставлена и подписанми удобренна, елико довольно очи зрящим услаждати. Сътвори же пресветлый и многорадостный тогда праздник, братию же и всех доволно учредив, и милостыню многу даст: толик обо тогда веселие бяше в того души, елико ни во всей жизни того» (Памятники старинной…, 1862. С. 20–21).

Это почтение к своей первой обители, это теплое чувство, выражающееся не только в посещениях (которые иногда и невозможны или затруднены расстоянием или болезнью), но и в храмостроительстве и заказе стенных росписей, видим у преемника архиепископа Евфимия II, владыки Новгородского Ионы (1458–1470). Этот архиепископ принял постриг в Отней пустыни в Новгородской земле: «Прежде же архиерейства в пустыни, рекомей Отни архимандрита Харитона, добродетелей подвигы прохожаше честны сей муж. В той бо пустыни Отни своих власов отятие и мира отречение сътвори, ту и обеты Господеви въздаде, тогда той потребами вельми скуднеи еще. И понеже ту от мног лет постяся бе и благожизнию, детелнис (?) и благодетию, и игуменьства тоя обители достоин быв, прозвитерства дар имый» (Памятники старинной…, 1862. С. 28).

Иона Новгородский, достигнув степени владыки, начал украшение своей родной обители, где построил несколько каменных храмов, которые были украшены живописью и керамическим полом, а также снабжены книгами и священными сосудами: «Изволи же ся честному отце Ионе, архиепископу нашему, поновити обитель архимандрита Харитона Отню пустыню, в нейже древле постися, от приходящаго ему имения, но не от церковнаго стяжания, от него же церкви Великая строение приемлет, и епископи и причетницы удовляются, и нищии назирание приемлют. Тогда бо всею лепотою все исполнено в Велицей церкви и вси урочнии причетницы удовляеми, не лишаеми же и нищии от сего, и невредимо имение то снабдимо бе. Тому же особь приходящее имение избываемо, имже обнови великодарною десницею Отню пустыню и лепу церковь камену Богови тамо въздвиже в имя святых триех святитель: Василия великаго, Григорья богослова, Иоанна Златаустаго, многою лепотою украсив тую хитрых живописец, священныя иконы поставив в ней, ихже добрейши не обретося ин живописец в то время и по дни наша; такоже вся стены церкви и столпы нарочитыми живописцы подписа и весь олтарь, и по мраморeном плинфом всюду помостив; найпаче ж священными книгами преисполнив тую, святая евангелиа с златыми письмены и сребром позлащеном хитро покова с каменми честными, и священныа съсосуды и от камене изборна и от сребра чиста положи, и священныя одежи светлы и многы украшены с жемчюги съдела. К сим же и трапезницу камену созда, присовокупив ей и церковь во имя святого Николы упококениа ради в зимныа мразы немогущим терпети. Еще же и славному Предтечи церковь созда, к паперти трем святитель церкви приткнув, возвед основание каменем и плинфом даже и до комар, верх же тоя древесы покры; в ней бо гроб себе ископа, да не отяжчав каменный верх и коею виною не могий поддержатися и внутрь падшу когда, повредить гроб его и истнить гробная и вся яже во гробе; и тоя ради вины не камением, но древом покры церковь славнаго Предтечи. Многу бо веру имяше в великому и честному предтечи, ибо и в имя того наречено ему сущу и честному празднику его родити матери его приспевши, темже и душу прилпену к нему имея, яко тако и телеси своему в храме его положитися хотяше, поручая с душею и тело свое святому, неотторжену веру и любовь к нему известуя. Блаженный многая ж села покупи обители, и рыбная заседаниа въкупив, и в вся монастыря вечныя вклады за ню подав серебром, да недостаточьная той и оскудеваемая тии, от своих преисполнени, и утешают;

многу и велику тяжесть имениа ту истощи и малу сущу обитель — велику сотвори, и скудну бывшу велми — обогати сию. Толико ж любочестен о божиих угодницех и тепл, яко вся своя особная имениа светлости их ради истощевати» (Памятники старинной…, 1862. С. 30).

Эти два примера, Евфимия II и Ионы, могли подвигнуть архимандрита новгородского Юрьева монастыря Иону построить каменный храм в Волосове монастыре, где он, по выражению «Повести о Ионе, архиепископе Новгородском», «в нейже древле постися». Это строительство в 1517–1519 гг. занимает промежуточное положение между приведенными примерами второй половины XV в. и известными нам примерами строительства церковными иерархами каменных зданий в местах своего пострижения в XVII столетии.

В XVI в. мы знаем только еще один пример, тоже связанный с Новгородом и, вероятно, с новгородскими примерами: в середине этого столетия новгородским владыкой Феодосием (1542–1551), который был постриженником Иосифо-Волоцкого монастыря, была здесь достроена и расширена трапезная (Памятники архитектуры…, 1975. С. 36). Отметим, что Феодосий после сведения его с кафедры жил и умер в Иосифове монастыре.

В XVII в. число примеров строительства каменных храмов в обителях, бывших местами пострига и первых шагов в монашестве церковных иерархов, множится. Мы приведем известные нам случаи такого «строительства-воспоминания», однако отчетливо понимаем, что число этих случаев может быть увеличено.

В 1670 г. над Святыми вратами Макарьева-Желтоводского монастыря была построена каменная церковь Михаила Архангела, в которой находилась надпись, раскрывающая обстоятельства построения этого храма: «Лета 7178 Июня в день … сии святыя врата и на них церковь собора Архистратига Михаила со всякою церковною утварию, да к той же церкве присовокуплена трапезная и брацкие 4 келии исподних и 4 верхних, а построено по обещанию Преосвященнейшим Иларионом митрополитом Рязанским и Муромским, понеже он в сей святей обители пострижен в 157 году ноября в 8 день, на праздник собора Архистратига Михаила и прочих сил безплотных, потом же был в сей святей обители настоятелем, а строение ево святым вратам и что на вратех церковь и утвари, и что им же построено во святую соборную церковь, то все записано в книгах казенных, и в окладных, и в кормовых» (*Суслов*, 1901. Л. 2, 3).

Как видим, здесь происходит то же, что было с новгородскими архиепископами Евфимием II и Ионой, а также, по всей видимости, с архимандритом (а затем епископом Рязанским) Ионой: в месте пострижения, в котором к тому же тот или иной будущий церковный иерарх достиг степени настоятеля, строится каменный храм, который снабжается иконами и церковной утварью. При этом заказчик, митрополит Рязанский Илларион (1657–1673), уже давно находится далеко от этой обители, гораздо дальше, чем были новгородские владыки второй половины XV в., родные обители которых были в пределах той же епархии. Однако единое Московское государство допускает ктиторство на большом расстоянии: заказчик организует власти монастыря, где ведется по его заказу каменное строительство, и храм вырастает из земли.

Приведем еще несколько хорошо документированных примеров такого «строительства-воспоминания».

Ростовский митрополит Иона (Иона Сысоевич, 1652–1690), принявший постриг в 1643 г. в небогатом Воскресенском монастыре в Угличе, развернул в 1664 г. строительство каменного монастыря с двумя храмами и переходами, о чем находим свидетельство в Угличском летописце: «А против Архиерейского двора монастырь Воскресения Христова есть, весь каменной, а строил его святитель Иона митрополит из своей архиерейской казны того ради, что он был прежде того монастыря служитель и по обещанию в нем постригся, и потом, добродетели его ради, был на Ростовской епархии митрополитом. И в лето 7172 [1664] году, в самое никоново патриаршество начат строити каменной монастырь <…> И доныне там напрестолное Евангелие древнее <…> А перенес его вышеименный Иона-митрополит своим коштом за то, что весною вода потопляла от Волги много. И ныне сия предобрая таковая обитель уже кроме монахов и пуста. А землю под монастырь он, Иона митрополит, покупал у посадских ту жителей на свои ж денги по доброй воли» (*Сагнак*, 2002; ГМЗРК. Р-48. Л. 148 об., 149 — 149 об.). Здесь важно, что Воскресенский Угличский монастырь находился в той же Ростовской епархии, которой управлял митрополит Иона.

Епископ Вятский и Великопермский Александр (1658–1675; перед этим был епископом Коломенским, 1655–1658) принял постриг в Коряжемском монастыре, где потом стал игуменом; во время своего пребывания в Вятке он в 1665–1671 гг. выстроил в родной обители каменную Благовещенскую церковь, а на рубеже 1673 –1674 гг. он покинул кафедру и отправился в Коряжемский монастырь, где принял схиму под именем Андрей. Епископ скончался в 1678 г. и был погребен в сооруженном им монастырском храме (*Завойская*, 2008).

В 1671 г. в Борисоглебском монастыре в Торжке по заказу патриарха Иоасафа II (1667–1672), который был постриженником монастыря, заложена каменная церковь Введения Богородицы, о чем сообщает местный летописец: «В лето 7179 ... Того же лета заложена церковь Введения богородицы в Торжку в Борисоглебском монастыре, а строил патриарх Иасаф, постреженик того монастыря» (*Станиславский*, 1984. С. 236).

Наконец, как своеобразный финал всей этой ктиторской деятельности владык можно рассматривать молитвенное прошение митрополита Новгородского Корнилия (1674–1695), написанное самим иерархом 1 октября 1693 г., за 8 лет до кончины. Корнилий принял постриг в Зеленецком монастыре, потом был архимандритом Тихвинского монастыря, а после — строителем той же Зеленецкой обители. Затем он стал в 1673 г. митрополитом Казанским, а через год был возведен на степень митрополита Новгородского. После двадцати с лишним лет управления епархией Корнилий удалился в 1675 г. на покой в Зеленецкий монастырь, где и прожил в безмолвии до своей смерти в 1698 г. За два года до оставления кафедры Корнилий пишет свое молитвенное прошение, в котором вспоминает о «мимошедших временах», когда он принял монашеский образ, а потом принял священнический сан; он тогда же обещался пребывать в Троицком Зеленецком монастыре, а когда Корнилий стал церковным иерархом и покинул обитель, он все же «всегда тое пустыню в души своей написану и во уме воображену имехом». Такая любовь к обители не оскудела со временем, напротив, владыка построил каменные здания, приписал к своему монастырю несколько небольших обителей, а когда почувствовал близость смерти, он попросил письменно своих преемников сохранять монастырь в том состоянии, в которое он его привел. Он прямо говорит о своих чувствах: «Ныне же зрю себе старостию преклонна, крепость оскудевающу, время отшествия, конец при дверех, смерть, и ничтоже ино точию телесе отложение и в страшный ответ уготовление». Это уже конец трудов, но предшествовал этому период активного каменного строительства, о котором сам владыка пишет: «Создася же церкви и трапеза, и колокольница, и келии, и ограда каменная». Все это сделано для обители, которая находилась в той же Новгородской епархии, которой управлял Корнилий.

Мы приводим здесь полностью молитвенное прошение Корнилия, в котором со всей полнотой обрисована и даже объяснена эта любовь к обители, где был принят постриг, где тот или иной церковный деятель достиг священнического сана, где он хотел бы принять кончину, удалившись с кафедры.

«Божиею милостию смиренный Корнилий, митрополит Великаго Новограда и Великих Лук и прочих тоя епархии градов, оставляю по моем от зде переселении того престола преемником, великим господином преосвященным митрополитом молитвенное прошение. В мимошедших многих временех, егда восприяхом мы монашеский образ, таже и священства сподоблены быхом, обещание наше положихом пребывати в пределех Великаго Нова-града, во Обонежской Пятине, во обители Пресвятыя Троицы, зовомой Зеленецкой пустыни. Тогда в той пустыни зело мале сущей, за молчальное же и не мятежное пребывание то место вельми возлюбихом. Труды же по силе нашей многи показахом; о устроении же и украшении святых Божиих церквей и обители, толико тщание и попечение имехом, аще бы возможно и душу свою положити. По довольном же пребывании из тоя пустыни взяты быхом на Тихвину Пресвятыя Богородицы, на архимандрию и оттуду потребная от своих урок в тую обитель посылахом. Желанием же побеждаеми многим и прошением нашим паки возвратихомся в тое пустыню и прежних трудов ничто же отстахом. Потом же, аще и выше нашея меры и нехотящим нам, но нуждою произведены быхом на архиерейство Казанския митрополии. Тщету же велию вменихом нашего молчания пресечение и от обители св. Троицы разлучение. Любовию же непрестанно сосвязани и оттуда в тое пустыню многая потребная посылахом. Егда же благоволением Пресвятыя Троицы из Казанския епар-

хии переведение учинися нам в Новгородскую митрополию, и тогда в той пустыни паки зельную любовь показахом, и всегда тое пустыню в души своей написану и во уме воображену имехом, и яко выну пред очима зрехом. Недостатки же взях церковных вещей, елико довлеет святыми иконами, ризами, книгами и всякими утварьми и колоколами, исполни я нашего смирения келейною казною и любящих людей благолепие святынь Христовых подаянием.

Создася же церкви и трапеза, и колокольница, и келии, и ограда каменная, и братии собрание не малое число; якоже зримся ныне и к той обители с приписными монастыри, села и деревни, и пустоши, и рыбныя ловли со всякими угодьи и земледельцы; по писцовым и переписным книгам и пожалованным грамотам и по именам из дому Премудрости Божии и по иным многим; в чем за помощью Божиею, надежду имею впредь и по мне той обители и братству скудости не иметь. Ныне же зрю себе старостию преклонна, крепость оскудевающу, время отшествия, конец при дверех, смерть, и ничтоже ино точию телесе отложение и в страшный ответ уготовление. Тем молю вас, о преосвященные архипастырие, им же по нас благодатию и действом Пресвятаго Духа вручися правити и украшати престол Божий Премудрости Софии, пасти христоименитое и многочисленное народы великомученическия епархии стадо, да вашими молитвами и благословением, та сия святая обитель Пресвятыя Троицы, зовомая Зеленецкая, нашего смирения обещания и труды, и с присутствующими к той обители монастыри, из Ладоги — Иоанским, Васильевским, Гостинопольским, и Спасским Нередицким, да будет без всякаго умаления твердо и неподвижно, якоже и при нашем бытии, со всеми к ней принадлежащими селы и деревни и пустоши и со земледельцы по жалованным грамотам и по писцовым и переписным книгам из дому Премудрости Божии, и со иными выменными землями и со крестьяны и бобыли и со всякими угодии. И ради себе оставихом в том Зеленецком монастыре сии писание за подписанием нашея руки, и за печатью. Писано в дому Премудрости Божия, лета 1693 октября месяца в 1 день» (Описание Зеленецкого Троицкого монастыря, 1883. С. 26–28).

Перед нами прошло несколько ярких личностей, составивших эпоху в истории русской церкви или хотя бы оставивших в ней яркий след. Мы видим, что в период позднего русского Средневековья церковные деятели, в основном епископы, архиепископы и митрополиты, начинают выступать заказчиками каменных зданий в своих первых, любимых монастырях, где они приняли монашеский постриг. Тем самым они отмечают место начала своего подвига, при этом не только обогащая сам монастырь, но и обогащая его композицию и силуэт. Это по сути мемориальное строительство не имело своей типологической или иконографической специфики, это мог быть монастырский собор, надвратная или трапезная церковь. Но само это строительство говорило о рождении и утверждении сознания иерархов, об осознании ими значительности своего чувства к родной обители. И эти чувства обогащают картину русского Средневековья, выявляя особую монашескую теплоту к первоначальным местам служения.

Не последнюю роль в этой истории играет Иона, в пору построения каменного храма в родном для него Волосовом монастыре, где он когда-то был игуменом и где, вероятно, он принял постриг, бывший архимандритом очень далекого от Владимирской земли новгородского Юрьева монастыря. Пребывая в северной обители на берегах Ильменя и Волхова, архимандрит Иона посылает средства и нанимает мастеров для строительства каменной церкви в дорогом ему монастыре. При этом он равняется на новгородских владык ушедшего, но еще не далекого времени, которые отметили свои обители каменными храмами.

Разница состоит в том, что архимандрит Юрьева монастыря по происхождению теперь уже не новгородец, он пришлый москвич, присланный митрополитом. И потому он думает о родной обители, расположенной очень далеко. Его положение дает ему возможность заботиться о небольшом монастыре во Владимирской земле, причем он не перестанет заботиться о нем и после того, как станет владыкой в Рязанской земле, только что доставшейся Москве и являющейся столь же далекой от московско-владимирских земель, что и Новгород.

Список литературы

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. I / подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.: изд-во АН СССР, 1951. 400 с.

Вагнер Г. К. Древнейшие памятники каменного зодчества Переяславля Рязанского // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М.: изд-во АН СССР, 1960. С. 20–30.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Книги богослужебные. Ч. 2. М.: в Синод. тип., 1917. XVI, 528 с.

Завойская Н. Е. Александр епископ Вятский: материалы к биографии. Киров: О-Краткое, 2008. 39 с.: ил.

Иероним (Алякринский И. С.). Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом / с примеч. И. Добролюбова; Рязанская ученая архивная комиссия. Рязань: фото-типо-литография Н. Д. Малашкина, 1889. 130 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5-е. Кн. III (т. IX, X, XI, XII). СПб.: в тип. Эдуарда Праца, 1843. [8], XLVII с., [1332] стб.

Макарий (Миролюбов Н. К.). Описание новгородского общежительного первоклассного Юрьева монастыря // ЧОИДР. Кн. 2 (апрель – июнь). М.: в Унив. тип., 1858. С. 1–113 (отд. 5).

Макарий (Миролюбов Н. К.). Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М.: в Унив. тип., 1863. 325 с.

Маштафаров А. В., Турилов А. А. Волосов во имя святителя Николая Чудотворца женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 9. М.: Православ. энцикл., 2005. С. 274–275.

Мельник А. Г. Итальянский архитектор Степан Фрязин и строительство собора Волосова монастыря // ΕΙΚΩΝ ΚΑΙ ΤΕΧΝΗ. Церковное искусство и реставрация памятников истории и культуры: памяти А. Г. Жолондзя / сост. и науч. ред. К. И. Маслов. М.: Новый ключ, 2007. С. 155–158.

Описание Зеленецкого Троицкого монастыря. СПб.: тип. Департамента Уделов, 1883. 70 с.

Памятники архитектуры Московской области. Т. I. М.: Искусство, 1975. 383 с.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб.: тип. Кулиша, 1862. 224 с.

ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XI, [4], 271 с.

Сагнак И. В. Два предания о происхождении митрополита Ростовского Ионы (Сысоевича) // История и культура Ростовской земли. 2001 / ред. В. В. Зякин. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2002. С. 104–119.

Смирнова Э. С. Рязанское Евангелие конца XV — начала XVI века из Никольского Волосовского монастыря и проблема копирования русского тератологического орнамента первой половины XIV века // Святые подвижники — основатели монастырей и книжные собрания этих обителей: к 700-летию преподобного Сергия Радонежского: материалы междунар. науч. конф. «IX Загребинские чтения» (27–28 октября 2014 г.). СПб., 2015. С. 39–45.

Смирнова Э. С., Турилов А. А. Евангелие епископа Ионы. Лицевая и орнаментированная рукопись конца XV — первой трети XVI в. в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Хризограф. Вып. 4. М.: Скарус, 2017. С. 307–327.

Станиславский А. Л. Краткий летописец Торжка XVII в. // Летописи и хроники: сб. ст. 1984 / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1984. С. 235–236.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Имп. Археограф. комиссия. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1877. X с., 1064, 68 стб.

Суслов В. В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. VII. СПб.: Имп. Акад. художеств, 1901. [74] с., 15 л. ил.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века. По материалам датированных выходных записей: в 2 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 2 т. (470 + 525 с.).

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.

References

Akty feodal'nogo zemlevladeniya i khozyaystva XIV–XVI vekov. I / ed. L. V. Cherepnin. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 400 p.

Gorskiy A. V., Nevostruev K. I. Opisanie slavyanskikh rukopisey Moskovskoy Sinodal'noy biblioteki. Otd. 3. Knigi bogosluzhebnye. 2. Moscow: v Sinodal'noy tipografii, 1917. XVI, 528 p.

Ieronim (Alyakrinskiy I. S.). Ryazanskie dostopamyatnosti, sobrannye arkhimandritom Ieronimom. Ryazan': foto-tipo-litografiya N. D. Malashkina, 1889. 130 p.

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. III (IX, X, XI, XII). SPb.: v tipografii Eduarda Pratsa, 1843. [8], XLVII p., [1332] stb.

Makariy (Mirolyubov N. K.). Opisanie novgorodskogo obshchezhitel'nogo pervoklassnogo Yur'eva monastyrya // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh. 2. Moscow: v Universitetskoy tipografii, 1858. P. 1–113.

Makariy (Mirolyubov N. K.). Sbornik tserkovno-istoricheskikh i statisticheskikh svedeniy o Ryazanskoy eparkhii. Moscow: v Universitetskoy tipografii, 1863. 325 p.

Mashtafarov A. V., Turilov A. A. Volosov vo imya svyatitelya Nikolaya Chudotvortsa zhenskiy monastyr' // Pravoslavnaya

entsiklopediya. 9. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2005. P. 274–275.

Mel'nik A. G. Ital'yanskiy arkhitektor Stepan Fryazin i stroitel'stvo sobora Volosova monastyrya // ΕΙΚΩΝ ΚΑΙ ΤΕΧΝΗ. Tserkovnoe iskusstvo i restavratsiya pamyatnikov istorii i kul'tury: pamyati A. G. Zholondzya / ed. K. I. Maslov. Moscow: Novyy klyuch, 2007. P. 155–158.

Opisanie Zelenetskogo Troitskogo monastyrya. St. Petersburg: tipografiya Departamenta Udelov, 1883. 70 p.

Pamyatniki arkhitektury Moskovskoy oblasti. I. Moscow: Iskusstvo, 1975. 383 p.

Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, izdavaemye grafom Grigoriem Kushelevym-Bezborodko. 4. St. Petersburg: tipografiya Kulisha, 1862. 224 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. XXIV. Tipografskaya letopis'. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. XI, [4], 271 p.

Sagnak I. V. Dva predaniya o proiskhozhdenii mitropolita Rostovskogo Iony (Sysoevicha) // Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 2001 / ed. V. V. Zyakin. Rostov: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Rostovskiy kreml'», 2002. P. 104–119.

Smirnova E. S. Ryazanskoe Evangelie kontsa XV — nachala XVI veka iz Nikol'skogo Volosovskogo monastyrya i problema kopirovaniya russkogo teratologicheskogo ornamenta pervoy poloviny XIV veka // Svyatye podvizhniki — osnovateli monastyrey i knizhnye sobraniya etikh obiteley: k 700-letiyu prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «IX Zagrebinskie chteniya» (27–28 oktyabrya 2014 g.). St. Petersburg, 2015. P. 39–45.

Smirnova E. S., Turilov A. A. Evangelie episkopa Iony. Litsevaya i ornamentirovannaya rukopis' kontsa XV — pervoy treti XVI v. v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika // Khrizograf. 4. Moscow: Skarus, 2017. P. 307–327.

Stanislavskiy A. L. Kratkiy letopisets Torzhka XVII v. // Letopisi i khroniki: sbornik statey 1984 / ed. V. I. Buganov. Moscow: Nauka, 1984. P. 235–236.

Stroev P. Spiski ierarkhov i nastoyateley monastyrey Rossiyskoy tserkvi / Imperatorskaya Arkheograficheskaya komissiya. St. Petersburg: tipografiya V. S. Balasheva, 1877. X p., 1064, 68 stb.

Suslov V. V. Pamyatniki drevnego russkogo zodchestva. VII. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya khudozhestv, 1901. [74] p., 15 l. il.

Usachev A. S. Knigopisanie v Rossii XVI veka. Po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisey. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2018. Vol. 1. 470 p.; Vol. 2. 525 p.

Vagner G. K. Drevneyshie pamyatniki kamennogo zodchestva Pereyaslavlya Ryazanskogo // Pamyatniki kul'tury. Issledovanie i restavratsiya. 2. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. P. 20–30.

Yanin V. L. Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya. Srednevekovyy Novgorod. Moscow: Vysshaya shkola, 1977. 240 p.

Zavoyskaya N. E. Aleksandr episkop Vyatskiy: materialy k biografii. Kirov: O-Kratkoe, 2008. 39 p.: il.

Vl. V. Sedov. Archimandrite of Yuriev monastery Iona and Nikolo-Volosovsky monastery. The construction of churches by Russian hierarchs in the places of their admission to monastic vows

Abstract. The article deals with the issue of customers of stone architecture in ancient Russian monasteries. The figure of the archimandrite of Novgorod Yuriev monastery Iona, who ordered a stone church in Nikolo-Volosovsky monastery near Vladimir at the beginning of the 16th century, is discussed. Apparently, this monastery was the place of Iona's admission to monastic vows. Then, he became the Abbot of this small monastery, and, finally, was appointed Archimandrite of Yuriev monastery near Novgorod. After that, Iona became the Bishop of Ryazan, built several churches in Ryazan, but continued to make contributions to Nikolo-Volosovsky monastery. Iona could act as the customer of the stone temple after having met the Novgorod Masters of the second half of the 15th century, Euthymius II and Iona, who were the customers of stone temples and murals in monasteries, where they had been admited to monastic vows and had achieved the Abbot degree. The author considers other examples of ktitor activities of church hierarchs in the 16th and 17th centuries.

Keywords: Old Russia, late Middle Ages, customers, stone architecture, monasteries, Novgorod, archimandrite, Yuriev monastery, Moscow Russia, place of admission to monastic vows, church hierarchs, memorial construction, contributions, burial place.

Sedov Vladimir Valentinovich, doctor of art studies, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19 Dmitry Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation; head, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University, 27 bldg. 4 Lomonosovsky Ave., 119192 Moscow, Russian Federation, sedov1960@mail.ru.

Надгробная надпись матери Александра Невского в Новгороде и во Владимире

А. В. Сиренов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.215-219

Аннотация. Статья посвящена надписям над погребением матери Александра Невского княгини Феодосии. Она была похоронена в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря, но в XVI в. ошибочно полагали, что местом ее погребения является Георгиевская церковь города Владимира. В XVIII в. и в новгородском Георгиевском соборе, и во владимирской Георгиевской церкви имелись надгробные надписи о погребении княгини Феодосии. Источником этих надписей является текст Степенной книги. Вероятно, что их составление с использованием одного источника было независимым и относится ко второй половине XVII в. или, что вероятнее, к XVIII в.

Ключевые слова: надгробные надписи, древнерусский некрополь, Новгород, Юрьев монастырь, источниковедение древнерусской истории.

Сиренов Алексей Владимирович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, sirenov@rambler.ru.

В 1233 г. во время княжения в Новгороде князя Ярослава Всеволодовича умер его старший сын Федор. Тринадцатилетний юноша скончался непосредственно перед свадьбой, что усугубляло трагизм ситуации, и был похоронен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. Позднее, в 1241 г., в Новгороде же умерла его мать Феодосия. Ее похоронили рядом с сыном. Известия об этом содержат многие летописи, как ранние, так и поздние. Не во всех, правда, указано, что сын и мать умерли в Новгороде. Видимо, это обстоятельство позднее и явилось причиной путаницы. Дело в том, что Георгиевский собор с одноименным монастырем имелся и во Владимире. Когда в XVI в. проводили инвентаризацию княжеских гробниц во Владимире, то обратили внимание на две белокаменные гробницы в соборе Георгиевского монастыря и соотнесли их с летописными известиями о погребении в монастырском Георгиевском соборе жены и сына князя Ярослава Всеволодовича. В середине XVI в. царским указом было предписано петь панихиды над гробами владимирских князей и епископов, в том числе княгини Феодосии и княжича Федора (Доброхотов, 1849. С. 62–63, 66). В 1640 г. царь Михаил Федорович пожаловал суконные покровы именно на две эти могилы в Георгиевском монастыре города Владимира (*Миловский*, 1904. С. 158–159). Только в 1900 г., когда они были вскрыты, оказалось, что одна из них (князя Федора) пустая, а в другой (княгини Феодосии) обнаружили два скелета — предположительно женский и детский (*Сперанский*, 1902. С. 20–23). Основанием для

ошибочной атрибуции гробниц Феодосии и Федора во Владимире явилась, как можно думать, уверенность местных жителей в том, что вся семья Александра Невского похоронена именно во Владимире. Действительно, во владимирских соборах числились гробницы самого Александра Невского, его отца — Ярослава Всеволодовича, двух жен — Василисы/Вассы и Александры, а также дочери Евдокии.

В действительности же супруга и старший сын Ярослава Всеволодовича были погребены в новгородском Юрьеве монастыре, и там об этом хорошо знали. При церковной реставрации древнего Георгиевского собора в первой половине XIX в. на гробницу княгини Феодосии положили плиту белого мрамора с надписью «Лета 1244 мая в Великом Новгороде почи о Господе блаженная великая княгиня Феодосия, честнейшая супружница великого князя Ярослава Всеволодовича, с ним же благоговейно пожи и богоугоди, от него породи святых благоверных князей Феодора и Александра Невскаго и иных седмь сынов, и на конец жития иноческий образ восприимши, в нем же дано бысть ей имя Евфросиния; положена же бысть в обители святаго Георгия подле сына своего святаго благовернаго князя Феодора на сем месте в каменном гробе» (*Макарий (Миролюбов)*, 1860. С. 420; *Толстой*, 1862. С. 166). При раскопках в соборе, которые произвел в 1933–1935 гг. М. К. Каргер, плиту подняли и исследовали находящееся под ней погребение. Оно оказалось ложным — саркофаг был наполнен кирпичами. Зато ниже уровня пола раскопаны две каменных гробницы, в одной из них обнаружены останки подростка 13–15 лет, а в другой — средних лет женщины (*Каргер*, 1946. С. 204–206). Так были открыты подлинные захоронения княгини Феодосии и княжича Федора. К сожалению, их останки пропали во время немецко-фашистской оккупации Новгорода (*Янин*, 1988. С. 101).

Казалось бы, перед нами две совершенно различные истории. Но парадоксальным образом их объединяет текст надгробной надписи над могилой княгини Феодосии. В Новгороде эта надпись существовала и до реставрации первой половины XIX в. Ее текст приведен в рапорте новгородского митрополита Гавриила (Петрова), который тот отослал в Синод в 1783 г., когда по указанию Екатерины II Синод предписал архиереям древних епархий — Новгородской, Киевской, Черниговской, Переяславской, Суздальской и Рязанской — собрать известия о погребенных на территории этих епархий древнерусских князьях. Эти материалы были собраны и через два года представлены императрице. «Реестр» 1783 г., содержащий описание древнерусского некрополя, сохранился и в бумагах Екатерины II, и в архиве Новгородского митрополита Гавриила. В фонде Канцелярии Синода хранится дело, посвященное этому мероприятию и включающее материалы, присланные из епархий в Синод (*Сиренов*, 2005). Наиболее обстоятельно к заданию подошел новгородский митрополит. В присланных им материалах имеются и тексты надгробных надписей из Юрьева монастыря: «Переписано с таблиц, писанных на жести и поставленных на стене на правой стороне в Юрьеве монастыре в церкви при гробе святыя благоверныя княгини Феодосии: “Лета 6627 (1119) заложил церковь каменну князь великий Мстислав святаго Георгия в монастыре Юриеве, а совершил ею великий князь Всеволод сын Мстиславичь Гавриил, а освятил ею в лето 6648 (1140) месяца июня на память святых святитель Петра и Павла при игумене Исаии, а зачата бысть при игумене Кириаке, а мастер делал Петр о трех верхах”, “Лета 6749 (1241) маия в 4 день в Великом Новеграде почи о Господе чудная и великая княгиня Феодосия, честнейшая супружница великаго князя Ярослава Всеволодовича, с нимь же благоговейно и богоугодно пожив, от него же девять сынов породи: великаго князя и в чюдесех словущаго Александра Невскаго и инех восмь, и на конец жития иноческий образ восприимши, и претворено бысть имя ей Ефросиния и положена бысть в пресловущей обители святаго Георгия об едину страну сына своего князя Феодора. Последи же многим минувшим летом сын ея князь Феодор оттоль из обители пренесен бысть в великий Новград в соборную церковь Премудрости Божия и положен бысть в паперти Иоанна Богослова с великими князи”. Переписано с настенной надписи, имеющейся в Юрьеве монастыре в церкве на правой стороне в углу при гробах создателей монастыря: “Лета 6600 (1092) создася сия святая обитель во имя святаго великомученика Георгия при благоверном великом князе Мстиславе и при сыне его благоверном великом князе Всеволоде. Начальницы же тогда бяху во обители игумены един по единому Кириак и Исаии, иже на сем месте положены суть”»

(РГИА. Ф. 796. Оп. 64. Д. 331. Л. 40 об. — 42 об.). Суздальский архиерей, в ведении которого в то время находились храмы города Владимира, также прислал в Синод свой отчет, но его текст в архивном деле, к сожалению, отсутствует. Однако в нашем распоряжении имеется описание древних захоронений в храмах города Владимира, составленное в середине XVIII в.[1] Здесь воспроизведен текст надписи над захоронениями княжича Федора и княгини Феодосии: «Списанные в церкви святаго великомученика Георгия Победоносца, коя изпрежде имяновалась Георгиевским монастырем, копии с надгробных дщиц. Копия с дщицы: "На сем месте положены честныя мощи благовернаго великаго князя Феодора Ярославича, сына великия княгини Феодосии, брата святаго благовернаго великаго князя Александра Невскаго и Владимирскаго чудотворца". Копия с дщицы же: "Сия боголюбивая великая княгиня Феодосия дщерь бяше галическаго князя Мыстислава Мыстиславича, честнейшая супружница благовернаго великаго князя Ярослава Всеволодовича Владимирскаго, с ним же благоугодно и благоговейно поживе, от него же девять сынов породи: Феодора, Александра, Андрея, Константина, Афанасия, Данила, Михаила, Ярослава, Василия и дщери две: Евдокию, Иулианию. На конец же жития своего монашеский образ на ся восприя, в нем же преименована бысть Ефросиния, и преставися во Великом Новеграде в лето 6752-м маиа в 4 день. Честное же ея тело положено бысть в преименитом граде Владимире в пресловущей обители святаго великомученика Георгия обо едину страну сына ея великаго князя Феодора, на сем месте. Супруг же ея благоверный великий князь Ярослав Всеволодовичь Владимирский нужно преставися во иноплеменных землях в Кановой орде в лето 6754 месяца септемвриа в 1 день. Честное же его тело положено в преименитом граде Владимире в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы Златоверхия на южной стране в пределе святаго великомученика Георгия. А обитель сия создана бысть в лето 6637 великим князем Георгием Долгоруким"» (БАН. 34.4.27. Л. 32–32 об.). В 1783 г. древний собор был разобран, но гробницы перенесены в новый, построенный в 1784–1796 гг. на основаниях стен древнего храма (*Сперанский*, 1902. С. 5). Надгробная надпись написана на стене, вероятно, еще при первоначальной росписи собора в конце XVIII в., но впоследствии, можно думать, неоднократно была поновляема, о чем можно судить по воспроизведениям ее текста в XIX в. (Записки и труды…, 1815. С. 161–163; *Иоасаф (Гапонов)*, 2019. С. 253). В настоящее время ее текст несущественно отличается от скопированного в XVIII в., но содержит утраты и некоторые искажения.

Следует обратить внимание на то, что обе надгробные надписи княгини Феодосии, в Новгороде и во Владимире, близки по тексту. Их источником является Степенная книга: «Тогда же по преставлении преподобнаго чюдотворца Варлаама Футыньскаго второму лету наставшю, в Новеграде с миром почи о Господе чюдная мати сего блаженнаго великаго князя Александра боголюбивая великая княгиня Феодосиа, честнейшая сопружница великаго князя Ярослава Всеволодича, с ним же благоговейно и богоугодно поживе, от него же девять сынов породи и на конець житию иноческий образ въсприим. И претворено бысть имя ей Еуфросиниа, и положена бысть в пресловущей обители святаго Георгиа обь едину страну сына своего князя Феодора месяца маиа 4 день» (Степенная книга…, 2007. С. 525). Новгородская надпись оказывается ближе к источнику, чем владимирская. Восходящие к Степенной книге первичные чтения новгородской надписи следующие: «почи о Господе чудная» (во владимирской надписи нет), «честнейшая супружница великаго князя Ярослава Всеволодовича» (во владимирской надписи «честнейшая супружница благовернаго великаго князя Ярослава Всеволодовича Владимирскаго»), «благоговейно и богоугодно» (во владимирской надписи «благоугодно и благоговейно»), «и на конец жития иноческий образ восприимши, и претворено бысть имя ей Ефросиния и положена бысть в пресловущей обители святаго Георгия об едину страну сына своего князя Феодора» (во владимирской надписи «На конец же жития своего монашеский образ на ся восприя, в нем же преименована бысть Ефросиния, и преставися во Великом Новеграде в лето 6752-м маиа в 4 день. Честное же ея тело

[1] Видимо, этот документ был составлен в 1750 г. по указу архиепископа Московского и Владимирского Платона (Малиновского), предписывавшего описать погребения древнерусских князей в храмах города Владимира (*Сперанский*, 1902. С. 6–7).

положено бысть в преименитом граде Владимире в пресловущей обители святаго великомученика Георгия обо едину страну сына ея великаго князя Феодора, на сем месте»). Однако едва ли следует считать, что владимирская надпись восходит к новгородской, поскольку общими у них оказываются только те чтения, которые восходят к Степенной книге. В остальном оба текста разнятся, что особенно бросается в глаза, если обратить внимание на дату кончины Феодосии: 6749 г. в новгородской надписи и 6752 г. — во владимирской. Скорее всего, здесь имеет место независимое использование Степенной книги как основного источника. Владимирскую надпись следует датировать временем между 1645 г. и 1750 г. В 1645 г. состоялось перенесение мощей владимирского князя Георгия Всеволодовича. К этому времени были составлены надгробные надписи над погребениями князей и епископов в Успенском соборе. Именно этим надписям (или, как их называли, «надгробным листам») подражает рассматриваемая надпись, на что указывают обороты «Сия боголюбивая великая княгиня Феодосия дщерь бяше», «Честное же ея тело положено бысть в преименитом граде Владимире… на сем месте». Надпись над погребением княгини Феодосии могла быть написана одновременно с надгробными листами Успенского собора в 1645 г., которые были составлены на основе Степенной книги и двух летописей — Симеоновской и близкой к Московскому своду конца XV в. Однако вероятнее, что надписи о погребении Феодосии и Федора были созданы позднее надгробных листов, поскольку последние посвящены погребениям только Успенского собора, к тому же надпись над гробом княжича Федора по своему формуляру весьма от них далека (Путь к граду…, 2003. С. 71–87). В 1750 г. надпись была скопирована, следовательно, к тому времени она уже существовала.

Новгородскую надпись следует датировать временем между 1616 г. и 1783 г., так как в ней упоминается состоявшееся в 1616 г. перенесение из Юрьева монастыря в Софийский собор мощей княжича Федора (как выяснил В. Л. Янин, это была ошибочная атрибуция (*Янин*, 1988. С. 104–113)), а самая ранняя фиксация текста надписи датируется 1783 г.

Если владимирская надпись появилась на основании ошибочной атрибуции погребения, произведенной в первой половине XVI в., то новгородская действительно указывала на место погребения княгини Феодосии и, вероятно, представляет собой письменную фиксацию местного монастырского предания либо заменила собой более раннюю надпись. Использование Степенной книги как общего источника двух надписей, новгородской и владимирской, следует объяснять популярностью этого сочинения на рубеже XVII–XVIII вв. Его списки хранились в церковных библиотеках и во Владимире — в Рождественском монастыре (ныне РГАДА. Ф. 381 (собр. Синодальной типографии) 346), в Успенском соборе (ныне РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.) 4288), и в Новгороде — в Софийском соборе (ныне РНБ. Собр. М. П. Погодина 1424). Неудивительно, что именно к Степенной книге независимо обратились владимирские и новгородские церковники для составления надгробной надписи княгини Феодосии.

Список литературы

Доброхотов В. Памятники древности во Владимире Кляземском: соборы кафедральный Успенский и бывший придворным в. к. Всеволода — Дмитриевский. М.: в Унив. тип., 1849. 174 с.

Записки и труды Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. Ч. 1. М.: в Унив. тип., 1815. CL, 167 с.

Иоасаф (Гапонов В. С.). Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии, составленное на основании определения Св. Правительствующего Синода от 19 мая / 6 октября 1850 года / изд. подгот. А. И. Раздорский, А. В. Сиренов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 560 с.

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Макарий (Миролюбов Н. К.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М.: тип. В. Готье, 1860. 645 с.

Миловский Н. М. Древние гробницы Георгиевской церкви губ. г. Владимира (к статье М. А. Сперанского) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 6. Владимир: типо-литография Губернского правления, 1904. С. 157–160 (Сообщения).

Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / подгот. текстов и исслед. А. В. Сиренова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 184 с.

Сиренов А. В. Описание древнерусского некрополя в 1783 г. // Общественная мысль и традиции русской культуры

в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: изд-во Сибирского отд. РАН, 2005. С. 288–296.

Сперанский М. А. Древние гробницы Георгиевской церкви в губ. г. Владимире // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир: типо-литография Губернского правления, 1902. Кн. 4. С. 1–28 (Сообщения).

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. / отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.

Толстой М. В. Святыни и древности Великого Новгорода. М.: Унив. тип., 1862. 264, 23 с.

Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора: церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. 240 с.

References

Dobrokhotov V. Pamyatniki drevnosti vo Vladimire Klyazemskom: sobory kafedral'nyy Uspenskiy i byvshiy pridvornym v. k. Vsevoloda — Dmitrievskiy. Moscow: v Universitetskoy tipografii, 1849. 174 p.

Ioasaf (Gaponov V. S.). Tserkovno-istoricheskoe i statisticheskoe opisanie Vladimirskoy eparkhii, sostavlennoe na osnovanii opredeleniya Sv. Pravitel'stvuyushchego Sinoda ot 19 maya / 6 oktyabrya 1850 goda / ed., comp. A. I. Razdorskiy, A. V. Sirenov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2019. 560 p.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Makariy (Mirolyubov N. K.). Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh. 1. Moscow: tipografiya V. Got'e, 1860. 645 p.

Milovskiy N. M. Drevnie grobnitsy Georgievskoy tserkvi gub. g. Vladimira (k stat'e M. A. Speranskogo) // Trudy Vladimirskoy uchenoy arkhivnoy komissii. 6. Vladimir: tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya, 1904. P. 157–160 (Soobshcheniya).

Put' k gradu Kitezhu. Knyaz' Georgiy Vladimirskiy v istorii, zhitiyakh, legendakh / ed. A. V. Sirenov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 184 p.

Sirenov A. V. Opisanie drevnerusskogo nekropolya v 1783 g. // Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv. / ed. E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk: izdatelstvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk, 2005. P. 288–296.

Speranskiy M. A. Drevnie grobnitsy Georgievskoy tserkvi v gub. g. Vladimire // Trudy Vladimirskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Vladimir: tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya, 1902. 4. P. 1–28 (Soobshcheniya).

Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam: Teksty i kommentariy / eds. N. N. Pokrovskiy, G. D. Lenkhoff. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 598 p.

Tolstoy M. V. Svyatyni i drevnosti Velikogo Novgoroda. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1862. 264, 23 p.

Yanin V. L. Nekropol' novgorodskogo Sofiyskogo sobora: tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika. Moscow: Nauka, 1988. 240 p.

Zapiski i trudy Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh, uchrezhdennogo pri Imperatorskom Moskovskom universitete. 1. Moscow: v Universitetskoy tipografii, 1815. CL, 167 p.

A. V. Sirenov. Epitaph of Alexander Nevsky's mother in Novgorod and Vladimir

Abstract. The article is devoted to the epitaph over the burial of Alexander Nevsky's mother, Princess Feodosia. She was buried in St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod, but in the 16th century, she was mistakenly believed to be buried in St. George's church in the city of Vladimir. In the 18 century both in Novgorod St. George's cathedral and in Vladimir St. George's church there were tombstones with epitaphs witnessing that Princess Feodosia was buried there. The source of these epitaphs was the text of the book containing the genealogies of the Russian princes and czars. Their compilation using the same source was likely to be independent from each other. Both supposedly date back to the second half of the 17th century, or, more likely, the 18th century.

Keywords: epitaphs, Old Russian necropolis, Novgorod, Yuriev monastery, source study of Old Russian history.

Sirenov Alexey Vladimirovich, doctor of history, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, St. Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya Line, 199034 St. Petersburg, Russian Federation, sirenov@rambler.ru.

Архивные материалы из собрания ИИМК РАН об исследованиях Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде в 1933–1935 гг. *

М. В. Медведева, Д. Д. Ёлшин

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.220-249

Аннотация. Исследования Георгиевского собора Юрьева монастыря, проведенные М. К. Каргером в начале 1930-х годов, составляют важную часть истории отечественной архитектурной археологии. Им были проделаны значительные работы на памятнике, однако в результате была издана только одна статья, а отчетная документация сохранилась фрагментарно. Неизвестные ранее документы из Научного архива ИИМК РАН, впервые публикуемые авторами статьи, проливают новый свет на некоторые существенные аспекты работ 1933–1935 гг.: основания для антропологических определений при исследованиях погребений в соборе, процесс принятия решений по реставрации собора и ответственность за них, последующая дискуссия в научных кругах.

Ключевые слова: история науки, реставрация, архитектурно-археологические исследования в Новгороде, ГАИМК, М. К. Каргер, архивные документы, фотографии.

Медведева Мария Владимировна — кандидат исторических наук, Научный архив, Институт истории материальной культуры, Дворцовая наб., 18, Литер А, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186, pharc@mail.ru.

Ёлшин Денис Дмитриевич — кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Россия, 197000, denis.jolshin@gmail.com.

Исследования Георгиевского собора Юрьева монастыря (илл. 1), проведенные М. К. Каргером (илл. 2) в начале 1930-х гг., — важная веха в истории отечественной архитектурной археологии. Начатая в 1933 г. реставрация памятника позволила молодому и амбициозному сотруднику ГАИМК осуществить масштабные раскопки в интерьере собора[1], открыв и исследовав целый ряд княжеских и боярских погребений XII–XIII вв. (документ 1). Удаление пристроек XIX в., окружавших собор, дало возможность исследовать его фасады. Погрузившись в процесс реставрации собора, в 1934 г. М. К. Каргер смело освободил фасады от поздних наслоений. Благодаря хорошей сохранности древних кладок ему удалось полностью восстановить облик большей части фасадов, существенно изменив представление об архитектурном облике собора XII в.

Результаты и раскопок, и реставрации стали заслуженной удачей первого большого исследовательского проекта М. К. Каргера. Надо отметить также, что исследования носили междисциплинарный характер, что было весьма прогрессивно для того времени. Помимо архитекторов и археологов, к работе привлекли специалистов по палеопатологии. Костные останки из обнаруженных погребений тщатель-

* Работа М. В. Медведевой по подготовке статьи проведена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы ИИМК РАН.

[1] Разведочные работы (шурф) в интерьере были проведены еще в 1931 г.

но изучались в рентгено-антропологической лаборатории Рентгенологического института под руководством Д. Г. Рохлина[1] и в анатомической лаборатории Военно-медицинской академии при помощи самых передовых на тот момент технологий. 27 марта 1934 г. М. К. Каргер сделал успешный доклад на пленуме Института истории феодального общества ГАИМК о результатах своих раскопок 1933 г. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (документ 2) вместе с содокладами А. Е. Рубашевой и Г. И. Петрова[2] об антропологическом изучении погребений. Сообщения встретили большой интерес, обсуждение, поддержку и были рекомендованы к публикации (документ 3). М. К. Каргер планировал и дальше развивать активные реставрационные работы в Георгиевском соборе, однако конфликтная ситуация с новгородским музеем в 1934 г.[3] создала для него неблагоприятную атмосферу в Новгороде. В его адрес зазвучали упреки в неверном подходе к реставрации (сносе пристроек Георгиевского собора), в халатности и злоупотреблениях. Следствием этого стали обсуждения реставрационных работ М. К. Каргера в ГАИМК на совместных заседаниях Института истории феодального общества и Института исторической технологии, прошедших в 1935 г. с участием заинтересованных специалистов. В том числе компетентное мнение о работах М. К. Каргера высказали признанные авторитеты в деле изучения и сохранения архитектурных памятников архитекторы-реставраторы К. К. Романов и А. П. Удаленков (документы 4, 5). Протоколы этих заседаний, помимо фактических сведений о ходе реставрации, интересны обсуждением и аргументацией новых принципов архитектурной реставрации, которые к началу 1930-х годов были уже вполне сформированы в процессе обсуждений в Центральных государственных реставрационных мастерских (И. Э. Грабарь) (Памятники архитектуры…, 2004. С. 107–109). Упреки М. К. Каргеру в разборке пристроек Георгиевского собора напоминают известные претензии к хрестоматийной реставрации П. П. Покрышкиным Спас-Нередицкой церкви (*Мусин, Медведева,* 2019. С. 1297–1302). Тенденция «музеефикации» (в противовес «консервации»), которой следовал М. К. Каргер, была, впрочем, разумной и в целях охраны архитектурных памятников в условиях массового уничтожения древних храмов в ходе антиклерикального движения конца 1920-х — начала 1930-х годов. На заседании был озвучен акт комиссии (М. В. Фармаковский, К. К. Романов) с перечислением зафиксированных недостатков реставрации. При поддержке коллег (Н. Н. Воронина, А. Л. Якобсона и др.) М. К. Каргер отстоял в прениях[4] свое методическое видение реставрации Георгиевского собора, а недочеты планировалось исправить в ходе сезонов 1935–1936 гг. (документ 6). Тем не менее уже в 1936 г. эти обвинения против него со стороны дирекции новгородских музеев были повторены и расширены в ходе «дела Каргера», едва не дошедшего до судебного процесса по статье о вредительстве, который мог обернуться трагически[5] (*Платонова, Кирпичников,* 2010. С. 30; 2013. С. 204; *Платонова*, 2013. С. 41; см. публикацию К. А. Михайлова в настоящем издании). Вследствие этих событий М. К. Каргер вернулся для исследований в Новгород только после освобождения города от немецкой оккупации и более никогда непосредственно не принимал участия в архитектурной реставрации.

Результаты археологических и реставрационных исследований Георгиевского собора были опубликованы М. К. Каргером уже после Великой Отечественной войны (*Каргер,* 1946). Тем не менее многое из того, о чем идет речь в протоколах заседаний и Пленумов ИИФО 1930-х годов, до сих пор остается за кадром. Нами подготовлены к публикации вновь выявленные документы и фотографии по этому вопросу из рукописного и фотографического фондов ГАИМК, а также личного фонда архитектора К. К. Романова из архивного собрания ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1; Ф. 29. Оп. 1; ФО. Ф. 46. Оп. 1). К сожалению, полноценного научного отчета о работах М. К. Каргера в Ге-

[1] О его работах см.: *Бужилова*, 2009.

[2] А. Е. Рубашева представила результаты исследований Рентгенологического института, Г. И. Петров — Военно-медицинской академии. Особую актуальность этот документ приобретает в свете новых исследований и пересмотра датировки погребений, обнаруженных М. К. Каргером в 1933 г. (*Седов, Вдовиченко*, 2015).

[3] Дело директора Новгородского музея А. И. Кислицына.

[4] Основным обвинителем М. К. Каргера выступал А. И. Кауль (О нем см.: *Тихонов*, 2021. С. 65).

[5] РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 149; Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 167–168.

оргиевском соборе Юрьева монастыря в фондах ИИМК РАН не представлено. Наибольшее количество рукописных материалов, касающихся этих исследований, происходит из научно-организационной документации Академии истории материальной культуры. Неизвестные документы проливают свет на некоторые важные аспекты работ 1933–1935 гг. и на активное обсуждение их результатов в научных кругах. Фотоматериалы раскопок и реставрации 1933–1935 гг. сохранились как в рукописных делах ГАИМК, так и в фотоальбоме из фотоотдела архива ИИМК РАН. Часть из них впервые вводится в научный оборот (илл. 1–7), а часть (фотографии находок, фрески и плана собора) публикуется с лучшим качеством воспроизведения, чем в статье 1946 г. (илл. 8–12). Скудность существующей документации, оставшейся после исследований в Георгиевском соборе Юрьева монастыря под руководством М. К. Каргера, делает материалы архива ИИМК РАН, посвященные этим работам, чрезвычайно важными, а в некоторых случаях — единственными источниками для использования в современных исследованиях одного из ключевых памятников новгородской монументальной архитектуры.

• **Илл. 1. Георгиевский собор Юрьева монастыря в процессе реставрации, 1934 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1084/3**

• **Документ 1** [1]

Докладная записка в Президиум ГАИМК от М. К. Каргера с просьбой о финансировании раскопок в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. 5 мая 1933 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 135. Л. 3 – 3 об. Подлинник, автограф.

Удовлетворить
750 р.
В. Гольмстен

В Президиум ГАИМК.
Научн. сотр. I разр.
Мих. Конст. Каргер

В августе 1931 г. мною была произведена разведка внутри Георг[иевского] Собора Юрьева мон[астыря] в Новгороде (1119 г.). Вскрытие пола в южн[ом] нефе собора показало, что под современным чугунным полом собора находятся на разной глубине еще, по крайней мере, 3 б. древних пола собора, причем на участке разведки не удалось еще найти древнейшего пола, хотя глубина разведки доведена до 1,75 м. Пространство между современным чугунным полом собора и следующим полом, состоящим из кам[енных] плит, высотой от 25 до 35 см, оказалось сплошь забитым фрагментами

[1] Тексты документов воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей.

древней фресковой росписи собора (нач. XII в.), сбитой со стен во время реставрации собора Архим[андритом] Фотием в 20-х гг. XIX века. Найденные фрагменты позволяют хоть отчасти воссоздать былое убранство Георг[иевского] Собора — одного из важнейших памятников новгород[ской] архитектуры нач. XII в. Ниже кам[енного] пола находится двойная кам[енная] гробница, одна половина которой мною была раскрыта в 1931 г. Кроме этой двойной гробницы в соборе безусловно сохраняются еще несколько гробниц, в кот[орых] можно ожидать погребения конца XII — нач. XIII в. и двух посадников, известных в истории полит[ической] борьбы в Новгороде, — Дмитра Мирошкинича и его отца Мирошку. Считая, что систематические раскопки внутри Георг[иевского] Собора не только дадут ценнейшие материалы для изуч[ения] новгор[одского] искусства и быта древнейшей эпохи, но и до нек[оторой] степени вернут памятнику его прежний вид, искаженный реставрацией XIX в., я просил у бюро охраны памятников Лен. Политпросвет центра разрешения на производство раскопочных-реставрационных работ, предполагая провести их за счет продажи чугунного пола Рудметаллому. Бюро полностью поддержало мое ходатайство и в настоящее время есть уже предварительное согласие Рудметаллома на покупку чугуна. Однако для систематического исследования нижележащих полов и гробниц сумма, получающаяся от продажи чугуна, недостаточная. Считая, что исследование древних частей архит[ектурного] памятника, с одной стороны, и древних погребений посадников и князей, с другой, не могут не интересовать феод[альный] Сектор ГАИМК, прошу об ассигновании дополнительных средств в размере 1 тысячи руб. на производство работ и разрешения мне командировки на июль месяц для руководства работами.

Мих. Каргер
15.V.1933

Кроме того, прошу командировать меня в Москву на два дня для доклада о плане работ в ЦГРМ

• **Илл. 2. М. К. Каргер в группе выпускников ЛИФЛИ, 1931 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.2511/10**

• **Документ 2**

Каргер, М. К. Раскопки 1933 г. в новгородском Юрьевском монастыре. Тезисы доклада. РО НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1256. Л. 1. Ротаторный экз.

М. К. Каргер

Раскопки 1933 г. в Новгородском Юрьевом мон[астыре]

Доклад 27 марта 1934 г.[1]
В Институте ист[ории] феод[ального] Общества ГАИМК

1. Юрьев монастырь принадлежит к числу древнейших новгородских монастырей. Находясь у Городища (на другом берегу Волхова), Юрьев мон[астырь] был целиком связан с политическими группировками Городища, ставшего с нач. XII в. постоянной резиденцией княжеской власти в Новгороде.

2. Георгиевский собор Юрьева мон[астыря], наряду с Николо-Дворищенским собором в городе (на Ярославовом Дворище) и ц. Благовещения на Городище, должен был хоть в некоторой степени заменить утраченную для княжеской власти Софию, потерянную вместе с Детинцем. Георгиевский собор становится с к. XII в. княжеской усыпальницей.

3. Раскопками 1933 г. установлено наличие в соборе трех полов: н. XIX, XIII и XII вв. Пространство между полом XIX в. и полом XIII в. заполнено фрагментами древней стенописи собора (нач. XII в.), сбитой со стен при реставрации 1825–1827 гг.

4. Ниже второго пола открыто 7 погребений XII–XIII вв. Изучение инвентаря и антропологических данных погребений, с одной стороны, и анализ топографии погребений, в связи с топографическими указаниями летописей, с другой, позволяет установить первоначальную атрибуцию всех найденных погребений.

5. В каменных саркофагах Юрьева мон[астыря] были погребены:
а) кн. Евфросинья (Феодосия Ярославля), жена кн. Ярослава Всеволодовича, дочь Мстислава Мстиславича (Удалого), умерш. в 1244 г. (погреб. IV);
б) кн. Федор Ярославич, ее сын, брат Александра Невского, умерш. в 1233 г. (погреб. III);
в) кн. Изяслав (Михаил) Ярославич, сын Ярослава Владимировича, ум. в 1198 г. (погреб. II);
г) кн. Ростислав Ярославич, его брат, ум. в 1198 г. (погреб. I).

6. В склепах Юрьева мон[астыря] были погребены:
а) посадник Мирон Нездинич (Мирошка), ум. в 1203 г. (погреб. V);
б) посадник Дмитр Мирошкинич, убитый в 1209 г. (погреб. VI);
в) боярин Семен Борисович, убитый во время восстания 1230 г. (погреб. VII).

7. Для некняжеских погребений характерна чрезвычайно поверхностная степень христианизации, при значительных реминисценциях языческой обрядности.

[1] В тексте из фонда К. К. Романова в этом месте опечатка — 1933 г. В оригинальном документе, написанном рукой М. К. Каргера, указан 1934 г. (Ср.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 38. Л. 111 – 111 об.). На рукописном варианте имеется резолюция — «50 экземпляров, ротатор, к 27 утром». Одна из копий и сохранилась в фонде К. К. Романова.

Стенограмма заседания Пленума института истории феодального общества ГАИМК. 27 марта 1934 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 189. Л. 1 – 11 об. Копия, машинопись.

Стенограмма заседания Пленума института истории феодального общества 27 марта 1934 г.
Порядок дня:
1) Доклад тов. Каргера о раскопках в 1933 г. в Новгородском Юрьеве монастыре.
2) Содоклады Петрова и Рубашевой о костных материалах, добытых при этих раскопках Каргером.
ЦВИБАК.
(Начало речи не застенографировано).

...Эта задача требует прежде всего осознания важности ее и понимания, что мы ее выполним только тогда, когда все звенья будут хорошо прилажены друг к другу. В этом отношении задача всей нашей работы, прежде всего нашей кафедры, наших руководящих товарищей, заведующих кафедрами, всей нашей общественной организации института — всемерная борьба за выполнение этого плана. Планы учебников — это наш политический экзамен, который мы сдаем перед руководством, всей нашей общественностью, партией и рабочим классом. Мы должны это задание выполнить. Невыполнение не может быть предметом даже нашего помышления. Трудность тут заключается в том, чтобы выдержать строгую методичность, точность в работе. Мы ставим перед кафедрами вопрос, чтобы в строго календарном порядке распределить всю эту работу. В течение марта у нас оформлена вся тематика, и мы приступаем к работе над отдельными параграфами. В течение апреля и мая мы прорабатываем эти материалы в порядке обсуждения на наших кафедрах, чтобы к 1 июня первый проект того материала, который дается каждым из нас, был составлен и передан редакторам отделов и глав, чтобы в июне продолжать проработку и обсуждение и с сентября приступить к обработке и редактированию мате-

• Илл. 3. А. Тихомирова. Фреска на западном фасаде Георгиевского собора Юрьева монастыря. 13 июня 1934 г. Приложение к докладной записке Новгородского музея в ГАИМК. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 111. Л. 56

риала. Только это обеспечит возможность к 1 декабря сдать курс Президиуму Академии, чтобы он мог пойти в печать и сделаться достоянием наших школ и всех, кто интересуется историей и изучает эту науку. Вот задача, которая перед нами стоит. А остальные задачи являются с ней увязанными.

Мы поставили в этом году задачу написания двух учебников: по истории Запада и России. По истории Востока на будущий год ставим.

Вопросы, которые сейчас ставятся, теснейшим образом связаны с разработкой план-карт, чтобы они были своевременно разобраны, подписаны, чтобы предварительные организационные моменты быстро закончить. Надеюсь, что в ближайшие дни мы это закончим. Завтра у нас состоится заседание, на котором будут вплотную поставлены все вопросы, касающиеся нашего плана.

От имени своего и общественной организации нашего института заявляю, что на завтрашнем собрании мы будем первыми по посещению и активности разработки нашего годового плана, чтобы все неувязки могли быть отсечены и все внимание уделено большой, серьезной и почетной задаче, которая перед нами стоит.

Разрешите считать, что сформулированные мною задачи являются выражением мнения всех работников нашего института, начиная от тех, кому придется писать, и кончая теми, кому придется вынести на своих плечах большую и серьезную трудность. Разрешите считать, что мы эти задачи берем на себя и будем стремиться их выполнить.

Порядок дня сегодняшнего заседания.

1) Доклад тов. Каргера о раскопках в 1933 г. в Новгородском Юрьевском монастыре и два содоклада, Петрова и Рубашевой, о костных материалах, добытых при этих раскопках Каргера.

КАРГЕР читает доклад о раскопках в Юрьевском монастыре.

РУБАШЕВА.

Рентгено-антропологическое исследование костных материалов, добытых новгородской экспедицией, имело в виду установить возраст этих останков. Исследование было произведено в полном неведении тех исторических данных, которыми располагал тов. Каргер.

• **Илл. 4. Южная стена Георгиевского собора после разборки М. К. Каргером пристроек. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 189. Л. 28**

Гробница первая и вторая содержали скелеты детей. Возраст первого из них может быть определен как пятилетний, возраст второго как восьмилетний, причем последний ребенок был скорее мальчиком, чем девочкой.

В третьей гробнице был скелет подростка в возрасте 13 лет. Это был его костный возраст; паспортный возраст мог колебаться в пределах 2–3 лет.

Четвертая гробница (княгини Ефросинии) содержала скелет женщины в возрасте, приближающемся к пятидесятилетнему.

Пятая гробница (отца Дмитрия Мирошкинича) содержала скелет мужчины в возрасте от 45 до 50.

Шестая гробница (Дмитрия Мирошкинича) содержала скелет мужчины высокого роста со следами ранения острым оружием. Кроме того, имеются поражения со стороны темени и челюстной кости, которые повлекли за собой смерть. Возраст этого скелета между 35 и 40 годами. Кости этого скелета обнаруживают большое сходство по структуре и конфигурации с предшествующим скелетом, который Каргер считает скелетом отца.

В шестой гробнице находились еще смешанные кости, по предположению, принадлежавшие двум скелетам. Эти кости, действительно, принадлежат двум скелетам мужчин, один из которых находился в возрасте 35 лет. На его скелете имеются следы старого двухстороннего перелома бедренных костей. Второй скелет принадлежит мужчине в возрасте 55 лет или же старше. Кости этого скелета не могли принадлежать первому скелету, т. к. ни на одной из них не было тех подагрических изменений, которые обнаружены у данного скелета. Эти подагрические изменения, которые получены вследствие обильного введения в организм мяса и алкоголя, свидетельствуют о том, что данный субъект находился в достаточно благоприятных жизненных условиях.

• **Илл. 5. Внутренний вид Георгиевского собора в процессе реставрационных работ М. К. Каргера. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 189. Л. 29**

В последней, седьмой, гробнице находился скелет боярина Семена Борисовича. На этом скелете обнаружен перелом ребра и хроническое заболевание ревматизмом. Этот скелет принадлежал человеку в возрасте 55 лет, страдавшему тяжелыми изменениями в области суставов и костей, который не мог защищаться, потому что его конечности были беспомощны. Тяжелые изменения имелись и в области позвоночника.

Выводы относительно возраста того или иного скелета были сделаны в полном неведении летописных данных и данных М. К. Каргера.

ПЕТРОВ:

М. К. Каргер поставил передо мной два основных вопроса: о возрасте раскопанных скелетов и о родственных взаимоотношениях и, кроме того, по возможности осветить вопрос о расовой принадлежности отдельных индивидов. В вопросе возраста я должен уступить первенство рентгенологам. Они определяют возраст с абсолютной точностью. Такими возможностями мы не располагаем и не будем располагать: антропологические данные всегда будут более суммарными.

Возраст детских костяков можно определить, как инфанс первый, т. е. раннее детство — от рождения до первого моляра, т. е. 7–8 лет. Разница между обоими детьми — 2–3 года.

Возраст предполагаемого Федора — инфанс второй, т. е. до 14–15 лет. Возраст княгини Ефросинии зрелый, приближающийся к старческому, т. е. к 50 годам.

Возраст Мирошника зрелый, переходящий в старческий, т. е., примерно, 50 лет.

Возраст Дмитрия зрелый, т. е. около 40 лет. Возраст боярина Семена Борисовича старше 50 лет.

Возраст скелетов, лежавших в головах у Дмитрия, одного — переходящий в старческий, т. е. 50 лет и выше, другого — взрослый, т. е. 30–35 лет.

Некоторые выводы можно сделать и о родственных взаимоотношениях. В основном они не дают возможности отрицать, что Федор может быть сыном Ефросинии, а Дмитрий сыном Мирошника. Категорически утверждать это мы могли бы только в случае унаследования ими резких особенностей. Такого рода особенностей пока обнаружить не удалось. Обнаружено сходство черепов Федора и Ефросинии, принимая, конечно, во внимание возрастную разницу. Обнаружено также сходство между Дмитрием и Мирошником, особенно в части лица. Черепа скелетов, лежавших в головах у Дмитрия, имеют ряд существенных отличий от черепа Дмитрия. Принимая во внимание все необходимые оговорки и поправки, следует формулировать так. Данные не противоречат тому, чтобы считать Федора сыном Ефросинии и Дмитрия сыном Мирошника, и, наоборот, противоречат тому, чтобы считать кости, найденные в гробнице Дмитрия, принадлежащими родственникам Дмитрия.

В расовом отношении тоже некоторые заключения сделать можно. Рост Ефросинии 159–160 сантиметров, Мирошника 167 см, Дмитрия 172–173, Семена Борисовича 168 см, старшего из лежавших в головах 168 см, младшего 165. Головной указатель: Ефросиния 75,6 см, Федор 72, Мирошник 74,2, Дмитрий 75,4, боярин 76, старший скелет 83, младший 77.

Если резюмировать все данные, нужно характеризовать рассмотренный материал следующим образом. Мы имеем здесь явную наклонность к высокому росту, узкому носу, узкому лицу, прямой или выпуклой спинке носа, т. е. здесь ясно чувствуется уклон к северному скандинавскому типу. Интересно, что это встречается не только у княжеского типа, но и у посадника, принадлежащего к коренному населению.

РОХЛИН:

А. Е. Рубашева сообщила только фактические данные. Эти данные представляют определенный интерес, но если бы мы хотели их дополнить, то пришлось бы внести некоторые дополнительные данные, имеющие уже характер научной гипотезы, граничащей иногда с научной фантазией. Я бы хотел дополнить не в направлении научных фактов, потому что они были исчерпаны А. Е. Рубашевой, а в области научной фантазии.

Для нас представляет интерес фигура Дмитрия Мирошкинича. Если бы Каргер не сообщил мне, что летопись относит его к авантюристам-бандитам, я бы считал, что он склонен к таким особенностям. Представьте себе высокого человека, несколько сутулого, с надбровными дугами, очень отчетливо выступающими, нависающими, с низким покатым убегающим назад лбом, с могучей челюстью,

со свирепым видом. Костная система позволяет обнаружить, что он начал развиваться быстрее, чем следует, а в дальнейшем был неполноценным. Если его половые железы включились несколько раньше, чем полагается, то в дальнейшем он был неполноценным, и то, что не давалось ему конституцией, то дополнялось воображением. При том положении, в котором он находился, это было связано иногда с большими неприятностями для окружающих. Это был неполноценный субъект, которому нужны были добавочные раздражения, которые могли не нравиться окружающим.

Второй облик, который передо мной вырастает, это облик Семена Борисовича. Я представляю себе старика, худого, напоминающего дьячка, в котором мало мужского и женского, который не сгибается, потому что позвонки не позволяют, и у которого пальцы искривлены и не сгибаются, что у мужчин встречается редко.

Как это ни странно, я, привыкший к чисто академическим выступлениям, выступаю с данными иного порядка, но это представляется возможным и подтверждается теми фактами, которые доложила А. Е. Рубашева.

Если вспомнить то, что в летописи есть о Семене Борисовиче, что на скелете его были цепи, и добавить то, что сейчас говорилось, трудно сказать, что это был действительно Семен Борисович.

Нельзя ли поискать еще погребение, на которое Семен Борисович мог бы претендовать.

КАРГЕР:

По существу доклада замечаний не было сделано. Есть несколько вопросов. Один из них заставляет меня вернуться к тому, что я здесь говорил.

Почему могли новгородцы позволить хоронить Дмитрия Мирошкинича в соборе, хотя он был их классовым врагом?

• **Илл. 6. Княжеские гробницы в Георгиевском соборе, открытые М. К. Каргером. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 189. Л. 30**

Но ведь я старался показать, что Юрьев монастырь был княжеский, а не новгородский; они постоянно противостояли друг другу, и ничего противоречащего в факте погребения в нем Дмитрия нет. В Софии это было бы непонятно и противоречило всему, что мы знаем. Очевидно, автор этой записки не учел первой половины моего доклада. Остальные вопросы фактического свойства.

Как далеко лежал Семен Борисович от Дмитрия? — Это видно на плане.

Самое основное, что необходимо отметить, это значение найденных материалов не в порядке дополнительных данных к биографии того или иного представителя Рюрикова дома; это очень интересная и важная сторона, но она тускнеет перед той большой исторической картиной, частью которой раскопки Юрьева монастыря являются. Новгород 30–40-х годов 12-го века представляет из себя исключительное явление, непохожее на целый ряд городов. Вопрос о перерождении города в вечевую республику интересовал историков уже давно. Вопрос о связи отдельных городских участков с тем или иным социальным содержанием гораздо сложнее, чем рисовал Рожков[1]. Такого разделения в городе не было; это разделение было гораздо сложнее. Наша задача заключается в том, чтобы к старому материалу прибавить новый материал — вещественные памятники, [прежде] всего наземные, существующие ныне, и тот подземный Новгород, который, в сущности, еще не изучался. Наши раскопки в Юрьевом монастыре, если имеют какую-нибудь ценность, то только как одна из попыток на добытом археологическими раскопками материале не только подчеркнуть известные ранее стороны, но показать, что он не является простой иллюстрацией к старым концепциям, а является новым материалом для новых концепций. Мне кажется, что материал, который нами добыт, проливает новый дополнительный свет на интересующий нас вопрос и позволяет ставить вопрос классовой борьбы, а не биографии князей, хотя и это нестрашно. Я думаю, что если наши работы продолжатся в этом плане, то единственной их задачей является добывание и обработка новых фактических материалов для того, чтобы концепцию исторического развития феодального города строить не только на письменных источниках, но чтобы наряду с письменными источниками, которые много сторон жизни могут оставлять неясными, получать еще и других видов источники. Вот каким образом я понимаю нашу задачу. Если бы на каждой гробнице было написано: «Се князь Федор или княгиня такая-то», тогда усомниться было бы трудно, но и тогда усомниться можно было бы. Наша задача заключается в том, чтобы эти персональные атрибуции сделать наиболее вероятными. Я лично никакого противоречия в нашем материале не усматриваю. Семен Борисович сошел с политической сцены почти за полтора десятка лет до смерти. Что касается оков, то это чрезвычайно проблематичная вещь. Вопрос об оковах может быть решен так, что Семен Борисович, уже 15 лет бездействовавший на политической арене, мог быть человеком, похожим на бабу-ягу и в то же время оставаться человеком, принадлежащим к определенному классу, и его убили, потому что он был феодалом, землевладельцем, держателем сел и челяди и, с другой стороны, держателем капитала, который возбуждал против него другую часть населения. Ничего противоречащего здесь нет, но я не отдам головы на отсечение, что это Семен Борисович. Это погребение по всем признакам, по стратиграфии склепа и по инвентарю принадлежит той эпохе. Там есть пояс с изображениями. Так что выводить это погребение за пределы 13-го века не следует, а думать, что в новгородском монастыре, где велась летопись, не заметили погребения 13 века, именно того времени, когда летопись писалась, нет оснований.

ЦВИБАК.

Мне кажется, что поучительным в нашем сегодняшнем заседании было то обстоятельство, что, быть может, впервые мы сумели подойти вплотную к двум моментам в нашей работе, и, если хотите, можно говорить и о третьем моменте, но о нем нельзя говорить как о моменте, к которому мы подошли впервые.

Мы сумели увязать археологические материалы с конкретными моментами, и разногласия, которые стоят и будут стоять, идут не по линии, которая идет в работе археолога и историка, когда археологический материал дает большую систему и эта система является трудной для исторической

[1] Н. А. Рожков (1868–1927) — историк, автор книги «Политические партии в Великом Новгороде XII–XV веков» (1901).

проекции. Здесь проекция не представляет труда, и здесь можно сказать, что целый ряд моментов, нам не известных, при анализе археологических данных, данных точной науки, которыми мы сегодня могли располагать, позволяет более ясно представить картину тех крупнейших и значительных событий в истории не только Новгорода, но и всей феодальной Руси, которые падают на эпоху конца 12-го к началу 13-го столетия. Это не маловажный, не второстепенный момент, а момент основной, связанный с крупнейшей личностью соответствующего периода. Неслучайно М. Н. Покровский ввел в большой круг исторических проблем сведения, сообщаемые летописью, о восстаниях, связанных со смертью Дмитрия Мирошника. Тут дело не в том, что он вел ростовщические операции, но это как раз период, когда складываются отдельные феодальные центры. Тут основное и главное заключается в том, что на этой грани, по сути дела, мы выходим из эпохи возникающего феодализма и переходим в эпоху развитого феодализма, и именно для этого периода факты, которые дали эти раскопки, чрезвычайно ценны. Наиболее ценным является то, что мы получаем возможность более ясно и более четко представить себе не второй персонаж, Семена Борисовича или возможного Семена Борисовича, а самого бесспорного для нас и совершенно не возбуждающего никаких сомнений, посадника Дмитрия Мирошкинича. Мне кажется, что в данном случае мы внешний облик Дмитрия Мирошкинича дополняем сведениями, которые дает летопись. Неслучайно для нас сейчас остро становится вопрос конкретности в истории, конкретности исторического познания. И не надо оправдывать личный интерес к биографии людей, мы должны интересоваться этими людьми как проводниками того исторического процесса, который развертывался тогда. Перефразируя слова Горького, что историк, изучающий фабрики и заводы, должен нарисовать лицо эксплуататора, сде-

• Илл. 7. Северная стена Георгиевского собора в процессе реставрационных работ М. К. Каргера. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 189. Л. 31

• Илл. 8. Фреска в восточной нише южной стены, раскрытая в 1934 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1084/4

лать его понятным, доступным массам, — мне кажется, что это с полной ясностью приложимо к задачам, касающимся более ранней эпохи, той, о которой докладывал т. Каргер.

Мне кажется, что облик Дмитрия нам необходимо <…> разработать еще более подробно. Тов. Петров указал, что в анатомических лабораториях Военно-медицинской академии предпринимали работу несколько более углубленного характера и на основе мышечной системы пытались установить черты более детально, чем на основании методов, которые нам докладывали т. Рубашева и проф. Рохлин. Мне кажется, что надо углубить эту работу и использовать все данные науки, чтобы облик Дмитрия получил настоящий портрет. Тогда мы получим настоящее лицо новгородского боярина, посадника и представителя определенных кругов, Дмитрия Мирошника, который в значительной мере удовлетворит ту задачу, которая сводится к борьбе за оживление изучения истории для того, чтобы ориентироваться на живого человека, на портретные моменты. Я думаю, что в этом плане работа Каргера и товарищей, которые нам помогли, идя методами своей науки, и очень близко подошли к нам, действительно, заслуживает благодарности. В этом плане я считаю, что наметившийся у нас в Академии путь увязки работы историка с работой специалистов в области точных знаний сегодня показывает себя как путь, вполне оправдавшийся, и если мы в дальнейшем сумеем к облику Дмитрия Мирошника и Семена Борисовича прибавить портретные данные, то этот интерес предстанет более широким, чем узкие рамки нашей довольно многочисленной аудитории. Я думаю, что надо весь этот материал в текущем году издать с данными как естественного, так и костного анализа, а также и работу по восстановлению мышечного покрова.

Этим я формулировал основные пункты намеченной нами резолюции. Если не будет каких-либо возражений и дополнений к этой резолюции, можно будет считать принятой. (Возражений нет)

Что касается окончания раскопок, то ведь в соборе в смысле раскопочном дело закончено. Если надо закончить, то в плане восстановления. Я только в одном отношении хотел бы сказать. Считать, что обладаем исчерпывающими данными по вопросу о погребениях под полом Юрьевского собора, было бы трудно. Поэтому если нельзя думать, что это были поздние погребения, не 13-го века, то во всяком случае нельзя с полной уверенностью говорить, что это Семен Борисович. Я думаю, что здесь странная вещь оковы. В символическое наложение оков трудно поверить, но для меня ясно, что это был новгородский боярин.

Разрешите еще остановиться на одном вопросе. Сейчас у нас, после окончания настоящего заседания нужно будет обменяться некоторыми соображениями по кое-каким организационным вопросам. Так что я бы просил товарищей, принадлежащих к составу штатных и внештатных работников, остаться, а сейчас, до закрытия широкой части нашего собрания, разрешите поставить еще один вопрос.

13 января 1934 г. правительством нашего союза был издан декрет об ученых степенях и званиях. В связи с изданием этого декрета последовало разъяснение Наркомпроса о том, что Государственной академии истории материальной культуры предоставляется право присуждения ученых степеней с последующим утверждением Наркомпроса. Одновременно Наркомпросом возбуждено ходатайство перед правительством союза о предоставлении Академии права присуждения ученых степеней без последующего утверждения наряду с академиями союзных республик.

Сейчас перед нами становится серьезная задача просмотра всего научного состава, членов и старших научных сотрудников нашей Академии под углом зрения выяснения, какая же из существующих научных степеней соответствует их квалификации, определяемой по наличию их научных работ, причем президиум дал нам указание установить в составе нашей Академии научных работников, которым мы должны предложить в срок, указанный в декрете (до 1 января 1936 г.), защитить ученую степень кандидата или доктора в том случае, если они хотят сохранить должности, которые они у нас занимают: старшего научного сотрудника или действительного члена. Кроме того, нам предоставлено право товарищам, научные труды которых являются общеизвестными и достаточными, присуждать ученое звание кандидата или доктора без защиты диссертации с учетом данных работ данного научного специалиста. В этом плане мы, по всей вероятности, сможем присудить уже ученые степени всем товарищам, которые успешно защитили аспирантские работы в прежние годы или выступали с соответствующими по квалификации аспирантскими работами в прежние годы своей работы. Это касается степени кандидата.

Гораздо сложнее со степенью доктора. При смотре кадров наших институтов руководство нашей Академии остановилось пока на одном ученом, заслуги которого настолько бесспорны, что мы считаем себя вполне вправе, на основе примечания 2-го к декрету Совнаркома, поставить вопрос о присуждении степени доктора истории Борису Дмитриевичу Грекову.

Есть предложения, замечания или вопросы? (Нет)

Разрешите просить действительных членов Академии и действительных членов нашего института в случае их согласия с внесенным предложением поднять руки. (Принимается единогласно)

Открытую часть заседания объявляю закрытой.

Прошу остаться штатных работников института.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ИИФО

27/III-1934 г.

Доклад М. К. Каргера представляет собой чрезвычайно ценное и интересное обобщение материалов, вскрытых раскопками 1933 г., в связи с содокладами т. Рубашевой, Петрова и проф. Рохлина проделанная работа рисует яркую страницу новгородской истории.

Выводы работы почти не вызывают сомнений, поскольку взаимная увязка письменных и вещественных источников и анализа костных материалов создает прочность положений доклада.

Институт считает необходимым: 1) обеспечение окончания археологических работ в Новгороде; 2) издать в текущем году заслушанные доклады М. К. Каргера, А. Е. Рубашевой, Г. И. Петрова[1].

[1] Статья М. К. Каргера, как уже упоминалось, вышла только в 1946 г. (*Каргер*, 1946). Подробные материалы антропологического изучения погребений в соборе, подготовленные А. Е. Рубашевой в виде статьи, так и остались в рукописи, хотя несомненно использовались М. К. Каргером. Рукопись статьи А. Е. Рубашевой «Рентгено-антропологическое исследование костных материалов из Юрьева монастыря в Новгороде» хранится в личном рукописном фонде М. К. Каргера (РО НА ИИМК РАН. Ф. 85), находящемся в настоящее время на стадии научно-технической обработки. О результатах работы Г. И. Петрова сведений найти не удалось.

• **Илл. 9. Кожаные пояса из погребений IV и VII. Раскопки М. К. Каргера 1933 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1084/17**

• **Документ 4**

Протокол объединенного заседания кафедры консервации и реставрации ИИТ и кафедры истории русского феодализма Института истории феодального общества ГАИМК. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 189. Л. 14 – 17 об. Копия, машинопись.

Протокол объединенного заседания Кафедры Консервации и Реставрации ИИТ и Кафедры Истории Русского Феодализма ИИФО.

23/V – 1935 года.

Доклад М. К. КАРГЕРА «Теория и практика реставрационных работ в Новгороде».

Председатель — т. Греков.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т. т. ФАРМАКОВСКИЙ, УДАЛЕНКОВ, РОМАНОВ, КРЫЖАНОВСКИЙ, БЕЛЕХОВ, КИПАРИСОВ, АРТАМОНОВ, ГУЩИНА, САЛЬДАУ, ВАСИЛЬЕВА, ХАЙТ, ДИМИТРОВ, ВОРОНИН, БОГУСЕВИЧ, КОВАЛЕВА, КУЗЬМИНА, РЕПНИКОВ, ЧИРИКОВ, ЛАШКОВА, ТИХОНОВ, КРИЧЕВСКИЙ, КАУЛЬ, ВАЛК, АНТОНОВА, ЛЕЙБОВИЧ, ЯКОБСОН, ГУЩИН.

Начало заседания — 5 ч. 30 м.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — объявив заседание открытым, предоставляет слово для доклада т. Каргеру.

т. КАРГЕР. По отношению к монументальным памятникам древности существуют две тенденции: реставрировать их, освобождая от позднейших наслоений и, наоборот, — сохранять в неприкосновенности, в том виде, как они дошли до наших дней. Сторонники этих противоположных тенденций имеются и в Ленинграде и в Москве, и одним из сторонников второй тенденции является К. К. Романов.

При рассмотрении вопроса о реставрации того или иного памятника следует различать те наслоения, которые он приобрел в течение многовекового существования, наслоения, представляющие интерес, и наслоения заведомо поздние, чуждые и исторически не связанные с памятником. Первые являются его неотъемлемыми частями, вторые необходимо устранять, лишь зафиксировав для характеристики эпохи. Докладчик отмечает, что перед каждой такой реставрацией необходимо производить технологическую экспертизу и приступить к реставрации лишь в том случае, если она не может повлечь каких-либо нежелательных изменений в режиме самого памятника.

Эти работы длятся уже 15 лет.

(Демонстрирует на экране примеры реставрационных работ в Москве — Вас. Блаженный; в Ст. Ладоге — Георгиевская црк.) Такого рода реставрации имеют не только научное значение, но, превращая древнюю церковь из объекта культа, каким она является даже не функционируя, как таковая, в научный объект, «музеефицируя» его, поднимает его значение и в глазах населения, т. е. способствует к дальнейшей его охране. Переходя к памятникам Новгорода, докладчик отмечает, что осуществление этих работ, как, впрочем, и в Москве, можно было начать лишь после упорной борьбы с оппозицией, в частности, в Новгороде.

Особенно упорное сопротивление встретили реставрационные работы в Юрьеве монастыре. Сопротивление это исходило из различных сфер. С одной стороны — из сфер церковников и их сторонников, с другой — из сфер научных. Докладчик отмечает, что, не будучи субъективно связаны, эти два оппозиционных круга объективно являлись единым целым, второй круг представляет собой как бы теоретическую базу оппозиции.

Докладчик излагает содержание реставрационных работ в Юрьеве монастыре, где снесены пристройки XIX в. (Фотиевские), вскрыт памятник в первоначальном его виде с большим количеством оконных и дверных проемов и ниш, вновь превративших его в специфический памятник византийской архитектуры, в противоположность сложившимся теориям об его якобы обособленности и самостоятельности его структуры. Изложение сопровождается показом диапозитивов.

В заключение докладчик указывает на то, что план реставрационных работ в Новгороде утвержден в свое время комиссией ГАИМК и передан в Совнарком РСФСР. При обсуждении проекта реставрации Юрьева монастыря К. К. Романов не возражал, указывая лишь на их нерентабельность.

Комиссия из ГАИМК, обследовавшая Новгород зимой, указала на неприемлемость произведенных работ, но базируется в своих заключениях лишь на малосущественных деталях. Что касается незаконченности работы, из-за которой памятник остался вскрытым на зимний сезон, виною этому срыв работы 1-го сезона Кислицынской историей и сокращение средств на работы 2-го сезона Зыбковцом[1].

ФАРМАКОВСКИЙ. Для устранения неясностей оглашает заключение Комиссии:

Осмотрены: Георгиевский собор б. Юрьева монастыря, церковь Федора Стратилата (1360 г.), церковь Иоанна на Опоках и малая церковь у Рождества богородицы на Молоткове.

В соборе б. Юрьева монастыря при наружном осмотре видно следующее: сломаны западная и южная пристройки, обнажены части древних кладок, а некоторые части их обмазаны снаружи известью; в большие окна вставлены деревянные щиты вместо переплетов, с проделанными в них круглыми отверстиями для освещения; западная и южная входные арки не имеют дверей; западная защищена железной решеткой, а южная неплотно закрыта кусками железа и дерева с большими дырами; большое число оконных переплетов без стекол; сломанные пристройки не удалены до конца; на месте их находятся ямы и груды строительного материала. Внутренний осмотр показал, что в соборе произведено удаление полов местами до первоначального уровня, местами до промежуточных; везде снят чугунный пол, вскрыты гробницы в западной и южной части здания, проломан свод склепа в юго-западном углу; все помещение завалено строительным мусором и большим количеством крупных ящиков с наваленными в них фрагментами фресок, полученных при подъеме полов, внутри собора постоянный сквозняк и возможен легкий доступ дождя и снега через окна и входные арки; все обрезы у ям, полученные при удалении полов, осыпаются, причем из обрезов вываливаются куски фресок XII ст., различного размера.

[1] В. Ф. Зыбковец — директор новгородского музея в 1934–1935 гг.

• **Илл. 10. Цепь из погребения VII. Раскопки М. К. Каргера 1933 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1084/18**

Здание требует срочных ремонтных работ, как внутри, так и снаружи. Необходимо укрепить осыпающиеся обрезы ям и приямок внутри собора, оставив на обозрение открытые гробницы, исправить полы, дав образцы всех напластований полов.

С сожалением надо установить снятие всего чугунного пола, благодаря чему обнажена ничем не прикрытая подготовка под него из известкового раствора, выкрашивающегося под ногами. По таким местам надо снова настлать пол.

Закончить всю раскопку внутри собора не следует, т. к., во-первых, оставшиеся значительные части требуют большого внимания при работе и весьма сложны; во-вторых, они необходимы для будущего, как для проверки произведенных ранее работ со стороны технической, так и для характеристики напластований полов.

Необходимо вставить стекла во все переплеты, сделать дверные полотнища при входе в собор; удалить строительный мусор и спланировать землю. На наружных стенах здания следует дополнить обмазкой открытые выветрившиеся части древних кладок; исправить стены у входных арок, приняв на будущее как правило оштукатуривать новые, чего, к сожалению, в последних работах не делалось, и все новые отверстия обмазывались, благодаря чему искажалась для неопытного глаза внешность здания и его формы. Устройство щитов в окнах с отверстиями, подражающими переплетам Нередицы, малоудачно.

3. В церкви Иоанна на Опоках при наружном осмотре видно удаление колокольни и притвора. Сломка ограничилась снятием кирпичных стен. Все место сломки в глубоких ямах, наполненных водой и талым снегом, и в грудах строительного мусора. Обнаженная от пристройки стена здания имеет слабую поверхность, в большей части перелицованную в прежнее время не древним кирпичом. В стене много обвалившихся мест, особенно в местах соприкосновения со стеной снятых полов и потолков удаленной пристройки. Углы здания, к которым примыкала пристройка, обрублены, и кладка в них выкрашивается.

Необходимо срочно обезопасить здание от разрушения и спланировать возле него почву.

4. В церкви Федора Стратилата осмотрены реставрированные до революции, а также и после нее фрески. Цель — установить эффективность гипсовых заливок, устойчивость новой штукатурки и общего состояния реставрированных площадей в двух нижних ярусах. Установлено, что почти повсюду в новой штукатурке простукиваются пустоты, указывающие, что штукатурка местами отслоилась от стены. Так же обстоит дело и с гипсовыми заливками, заполняющими выпады подлинной штукатурки. Таким образом нет никакой уверенности в прочном сцеплении новой штукатурки и гипсовых заливок со стеной, а при таком положении ни гипсовые заливки, ни известковая штукатурка не являются поддержкой древней штукатурки, а скорее ее обременяют.

5. В малой Молотковской церкви установлено, что часть стены и свода (юго-зап. угол) отходят и находятся в угрожающем состоянии. Необходимо принятие срочных мер по укреплению.

6. Осмотры Георгиевского собора и ц. Иоанна на Опоках показали, что произведенные работы по сломке пристроек прекращены в том виде, при котором значительно понижена сопротивляемость здания вредным внешним влияниям, а, следовательно, увеличена в значительной мере возможность дальнейшего разрушения памятников, если не будут приняты срочные ремонтные меры.

При будущих сломках поздних пристроек к памятникам вообще должно в каждом отдельном случае всесторонне обсудить вопрос о целесообразности их с точки зрения сохранности здания.

т. Фармаковский подчеркивает, что Комиссия была приглашена в порядке шефства, для помощи Новгородскому музею в развертывании научной работы, а по отношению к памятникам по приведению их в чисто физический порядок, не имея в виду какого-либо обследования. Оспариваний научных принципов реставрационных работ Юрьева мон[астыря] не предполагалось. Обсуждались только меры охраны этого памятника в настоящее время (с техником Райкома). Поэтому и имени т. Каргера нигде в связи с памятником не упоминалось. Значительно серьезнее вопрос о церкви Ивана на Опоках, где Комиссия нашла полный хаос. И здесь обсуждались лишь практические меры для приведения памятника в порядок.

Но если при сложной ситуации в Новгороде следует отметить большую реставрационную работу т. Каргера, то следует — наоборот подчеркнуть вину администрации Музея в том, что работы брошены в таком виде, который вызывает очень серьезные возражения.

Моя точка зрения — обезопасить памятник с незаконченной реставрацией — и только, и едва ли есть какие-либо основания это оспаривать. Никаких обвинений к т. Каргеру не предъявлялось тем более, что в некоторых работах он совершенно не участвовал.

т. РОМАНОВ. Вопросы: 1) когда снят в Юрьеве мон[астыре] пол и с какой целью; 2) когда убран иконостас из Ефимьевского зала; 3) когда убран иконостас в ц. Петра и Павла; 4) кто был против сноса пристроек в Юрьеве монастыре; 5) когда и какая работа производилась в Юрьеве монастыре.

т. БЕЛЕХОВ. 1) был ли санкционирован и кем план работ в Юрьеве монастыре; 2) кого имеет в виду т. Каргер, употребляя во время доклада слово «мы» — как бы включая сюда понятие о ГАИМК вообще.

т. БАКЛАНОВ. Как предполагается дальнейшее направление работ.

т. КАРГЕР. т. Фармаковский упустил из виду, что я оперировал 2-мя документами: 1) докладная записка комиссии и 2) протокол заседания с докладом т. Романова.

Моего имени в заключении комиссии не упоминалось, но я ответственен за проведенные работы.

• **Илл. 11. Кожаный крест из погребения IV. Раскопки М. К. Каргера 1933 г. ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1084/19**

Работы в Юрьеве м[онастыре] производились в последний строительный сезон и осенью 33 г. В том же году сняты пристройки у Петра и Павла, 27–32 г. — работы у Николы Летнего[1], в Грановитой палате, Сп.-Нередицы, Рождества на кладбище. До 27 г. эти работы не производились.

Против сноса пристроек в Юр[ьевом] м[онастыре] был К. К. Романов и ряд других лиц. Чуг[унный] пол в Юрьеве снят Кислицыным[2] и продан, деньги, полученные за чугун, на реставрацию собора не пошли. Куда они пошли, было сообщено следователю. Когда я говорил «мы», я имел в виду себя с сотрудниками. Докладная записка о работах составлена и утверждена Комиссией ГАИМК и послана на утверждение в Москву. От своего имени я не сносился ни с Новгородом, ни с Москвой. План реставр[ации] Юрьева мон[астыря] был составлен мною и утвержден Ком[итетом] по охране памятников Ленсовета.

План работ второго года был составлен мною в качестве и. о. директора Новгородского Музея и техником Музея.

т. РОМАНОВ. М. К. [Каргер] приписывает мне «социально иной» подход в вопросе о реставрациях. Я никогда не говорил, что нельзя раскрывать памятников, о чем свидетельствует мой доклад в ИИТ 23/IV т. г. Я консультировал при подобных работах (црк. Ризоположения, Вас. Блаженный, Ст. Ладога). Там я был одним из членов Комиссии. Я же участвовал в заседании, обсуждавшем возможность работ в Юрьеве монастыре.

Я же поднял вопрос о снятии цемента с Нередицы. Это о неточностях. Указывая работы в Ст. Ладоге и дав первый вид церкви Георгия, М. К. [Каргер] пропустил целый этап работ начала XX в., проведенных Романченко.

Что касается принципов реставрационно-ремонтных работ докладчика, то против них возражать нельзя, т. к. они общеприняты, но как практик реставратор должен указать, что прежде, чем приступать к работам, следует всегда учесть, можно ли восстановить все то, что получится, после сносов новых частей и не ослабнет ли сопротивляемость памятника внешним условиям, если работы не будут доведены до конца, при имеющихся средствах. Примером лучших реставрационных работ являются работы Сухова в Москве — тотчас по сломке реставрация.

(Демонстрирует на экране примеры неправильного ведения реставрационных работ Барановским в Юрьеве Польском (оставления памятника с открытыми частями, без прикрытия).

Пример, с церк[овью] Ив[ана] на Опоках. Безобразное состояние памятника после работы в Юрьеве. Обломки фресок лежат в осыпающихся частях, с которых удален весь чугунный настил. Прикрытия нет. Способ производства работ не отвечает принципам правильного ведения реставрационных работ с наибольшей гарантией сохранности памятника.

т. УДАЛЕНКОВ. Опыт показал, что лучший метод — заканчивать части памятника порознь, не раскрывая сразу всего. Отсутствие же застекления может быть даже полезным, т. к. открытые окна, в известной мере защищенные от попадания осадков, в то же время вентилируют внутренность памятника.

т. РОМАНОВ. Вертикальная вентиляция лучшая, но нельзя переходить в крайность и отвергать вообще застекление.

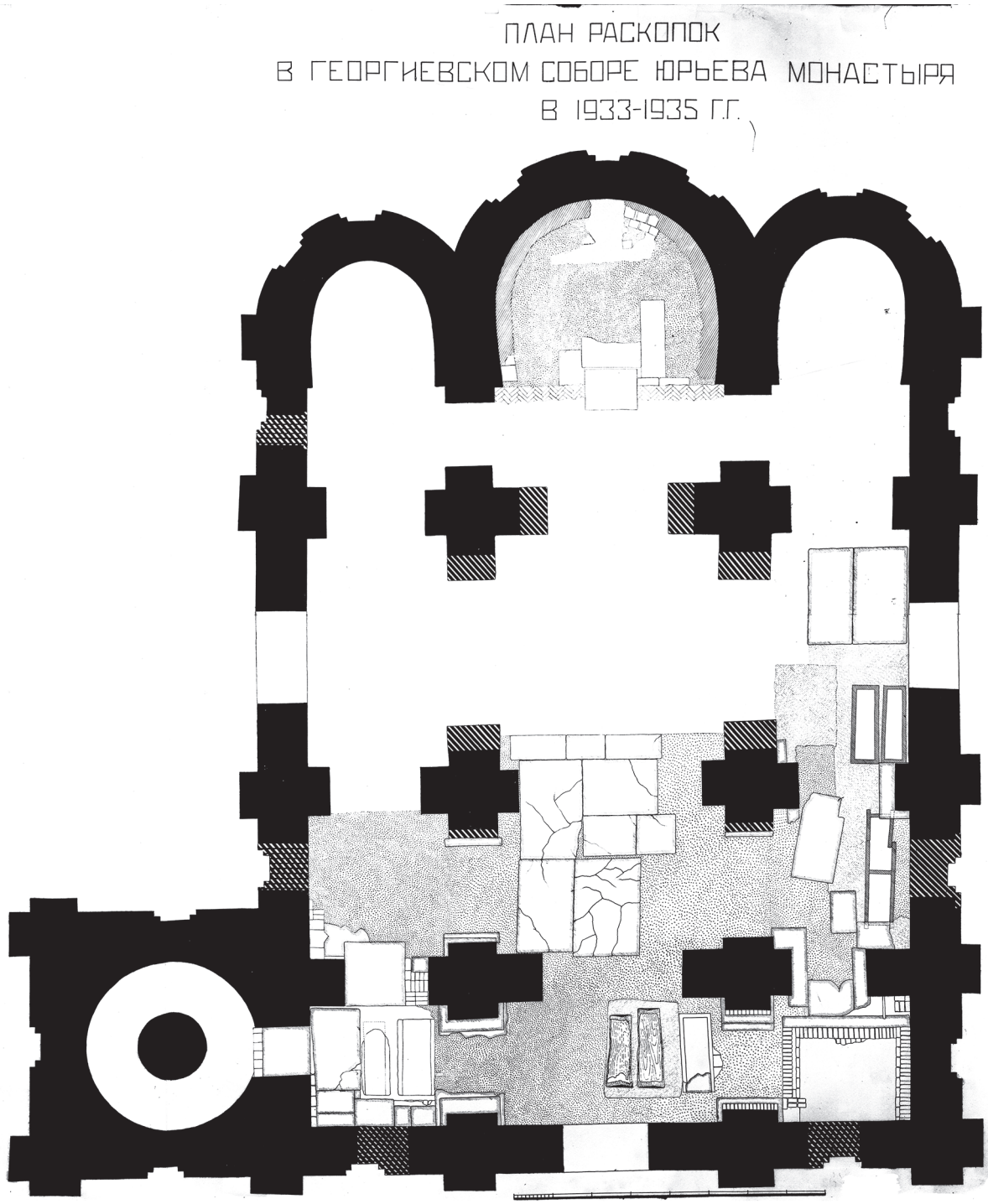
т. БЕЛЕХОВ. т. Каргер доказал, что охранительная тенденция устарела. Мне кажется, что следует учесть, что реставрировать и что консервировать, т. к. следует оставить некоторые наслоения, которые будут впоследствии также интересны. Сносить все позднейшее — крайность. Работы лучше сокращать, но доводить до конца. Средств в том году не предвидится. Имеющиеся можно употребить лишь на самые опасные участки. Лучше их подержать, а не приниматься за менее неотложные работы.

т. БАКЛАНОВ. Раскрытие памятника чрезвычайно важно. В этом отношении т. Каргер проделал большую работу, что я отмечаю, выступая от кабинета Ист[ории] Арх[итектуры] в Ак[адемии] Худ[ожеств]. Но известная беспланость допущена. Целый ряд недоделок вызывает опасения, впрочем, сильно преувеличенные. В заключении Комиссии указывается слишком просто, что нужно сделать

---

[1] Здесь, скорее всего, опечатка стенографистки, имеется в виду ц. Николы на Липне под Новгородом.

[2] А. И. Кислицын — в 1933 г. директор новгородского музея.



• **Илл. 12. План раскопок в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 1933–1935 гг.**
ФО НА ИИМК РАН. Отп. О.1084/65

для сохранения памятников, без указаний, однако, как это сделать, тем более, что при реставрации открывается много неожиданностей.

т. КАУЛЬ. Я не слышал доклада, но высказываюсь как член Бригады. Общее впечатление от произведенных работы очень тяжелое. Теперешнее положение Юр[ьева] мон[астыря] и Ивана на Опоках компрометируют работу реставратора-консерватора, так как раскоп в Юр[ьеве] мон[астыре] в ужасающем состоянии. Этот раскоп брошен. Нам в этом году надлежит покончить с этим безобразным состоянием памятника. Еще худшее положение с незаконченной же работой на Опоках. Если мы срочно не доведем начатого и раскрытого до конца, то могут быть серьезные последствия. Только в связи со всем этим я сейчас же по возвращении из Новгорода доложил т. Кипарисову, настаивал и настаиваю 1) на плановом срочном окончании работ; 2) посылке Новгородскому музею копий отчетов по Новгороду; 3) посылке Новгородскому музею обработанных и ненужных больше здесь объектов из раскопок в Новгороде, а также на посылке Новг[ородскому] музею копии Протокола и постановления настоящего заседания. Вокруг работы в Новгороде, чтобы ее лучше и скорее закончить, нужно нам вместе объединиться, отбросив все наносное и лишнее.

т. ЯКОБСОН. Работами т. Каргера вскрыто многое, неизвестное до сих пор, и это большое достижение. Следует отметить отрицательное общественное явление, именно то, что т. Каргер не был привлечен в Комиссию. Отношение новгородских кругов к т. Каргеру исходит от сторонников Кислицынской группировки. Следует составить комиссию из компетентных лиц, которая разрешила бы все возникшие вопросы.

т. ВОРОНИН. Снятие т. т. Фармаковским и Романовым обвинения с тов. Каргера после выступления тов. Кауля, очевидно, аннулировано, впечатление совершенно определенное — т. Каргер обвиняется. Этот вопрос очень серьезен, его нужно исследовать, т. е. виноват или не виноват т. Каргер. т. Кауль совершенно игнорирует научное значение проделанной работы. Мне кажется, нужно принять следующие меры: ненормальные явления следует обсудить, не прерывать работы и поставить научный доклад т. Каргера на Пленум ИИФО.

т. ДИМИТРОВ. т. Каргер дал настоящее понимание памятника. Точка зрения т. Каргера, т. е. реставрировать, а не консервировать, совершенно правильна. Даже при имеющихся ошибках принцип совершенно справедливый.

т. КИПАРИСОВ. Необходимо поставить проблему о Новгороде, научную проблему, отбросив все случайное, что имело место до сих пор. Разногласий в том, что нужно раскрывать памятники, по-видимому, нет. Это общее мнение ГАИМК. Тенденция не касается памятника, если нельзя довести работы до конца, правильна. Игнорировать кучи строительного мусора, оставшиеся от работ, ради научных задач мы также не вправе. В этом отношении Якобсон был не прав. Нельзя не учитывать тех последствий, которые повлекут за собой незаконченные реставрации и в отношении технологическом и в политическом.

т. Каргер продавал кирпичи от сноса пристроек и на полученные средства реставрировал, но перевод средств Кислицыным на другие надобности и хищения этих средств были причиной того, что работы не были закончены. Это не вина т. Каргера. Условия работ были чрезвычайно тяжелые. Теперь необходим единый генеральный план на Новгород — план реставрационных работ на длительный промежуток времени, с твердо установленной очередностью памятников. Ядро этого плана должно возникнуть в ГАИМК.

Необходимо также решить отношения новгородских кругов к т. Каргеру, я поставлю этот вопрос перед новгородскими организациями. Следует также прекратить разговоры частного порядка по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ отмечает, что задача и дальнейшие пути работ значительно выяснились, и предоставляет заключительное слово т. Каргеру.

т. КАРГЕР вновь утверждает, что охранительская точка зрения существовала и существует, и подчеркивает классовую сущность этой точки зрения. Комиссия, в частности, т. Кауль, судит о работах в Новгороде поверхностно, опираясь на случайные разговоры в Новгороде. Работы у Ивана на Опо-

ках никакого отношения к ГАИМК не имеют, т. к. производились Новгор[одским] горкомхозом с разрешения Новг[ородского] музея в лице Кислицына. О работе в Юрьеве Комиссия делала заключение на основании того, что видела в процессе работы, когда они незакончены, когда памятник представляется в разрушенном виде. Политические соображения справедливы, и я из этих же соображений настаивал на уборке мусора и приведения Ив[ана] на Опоках к 7-му ноября 34 г.

Моя работа и мои отчеты не скрывались. Я ежегодно делаю отчетн[ые] доклады в Музее. В 34 г. кроме того мой доклад был поставлен в Новгороде на Пленуме Горсовета, но этот доклад не состоялся по известным причинам. Деятельность Кислицынской Комиссии достаточно известна. Известны случаи сжигания кубометрами древних икон для отопления, хищения из Софийской Ризницы, порча колокольни у Ив[ана] на Опоках, ряд других криминальных действий. Сторонники этой группировки еще существуют в Новгороде, и от них исходит известное ко мне отношение.

Опираясь на их мнения, т. Кауль пользуется недоброкачественным материалом. Мне непонятно, почему т. Кауль ни разу не вызвал меня, чтобы выяснить мои отношения с новгородскими организациями, почему я ни разу не был привлечен к выяснению возникших вопросов.

Комиссия дает странные заключения: в число памятников, подлежащих охране, включена Молотковская церковь; не представляющая научного интереса, снятая с учета и находящаяся сейчас в ведении церковной двадцатки. Возникает вопрос, не последним ли обстоятельством вызваны заботы о ней. Комиссия не учла, что срыв окончания работ последовал из-за Кислиц[ынского] вредительства в первом сезоне и из-за перевода средств директором Музея Зыбковцом на оборудование служебных помещений во втором сезоне; если бы не это обстоятельство, работы были бы закончены.

т. УДАЛЕНКОВ подтверждает последнее заявление т. Каргера и указывает, что остекления нет во многих церквах, в том числе и Юр[ьева] мон[астыря], где его не было еще до работ. Открытые вновь окна способствуют просушке здания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает разработать вопросы, поднятые тов. Кипарисовым, и принять меры к рациональному использованию наступающего лета, чтобы довести работы в Юр[ьеве] мон[астыре] до конца.

т. КИПАРИСОВ предлагает выработать план дальнейших работ руководству ГАИМК. Проект плана должен быть выработан особой Комиссией, по возвращении из Новгорода Комиссии Облоно обсужден совместно с последней, и созвать специальное совещание Президиума Академии, где дать плану дальнейшее движение в высшие инстанции.

В ближайшее время рационально использовать оставшиеся 30.000 на Новгород.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает выбрать ответственное лицо по составлению проекта плана.

Выбран тов. КАРГЕР.

т. КРИЧЕВСКИЙ — предлагает одобрить теоретические и практические работы т. Каргера.

т. РОМАНОВ предлагает добавить, что неудовлетворительное состояние памятника возникло не по вине т. Каргера.

ПОСТАНОВЛЕНО: Одобрить реставрационные работы т. Каргера и выразить сожаление, что они не доведены до полного окончания не по вине Каргера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ объявляет заседание закрытым.
Председатель /ГРЕКОВ/
Секретарь /ЧЕРНЯГИН/

К настоящему протоколу прилагается доклад К. К. Романова в ИИТ — 23/IV – 35 г.[1]

[1] В архивном деле доклад К. К. Романова отсутствует.

• **Документ 5**

Протокол объединенного заседания кафедры раннего феодализма в России Института истории феодального общества ГАИМК, кафедры консервации и реставрации и кафедры исторической технологии Института исторической технологии. 31 мая 1935 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 189. Л. 18 – 21 об. Копия, машинопись.

ПРОТОКОЛ

Объединенного заседания кафедры раннего феодализма в России /И. И. Ф. О./, кафедры консервации и реставрации и кафедры исторической технологии /И. И. Т./ от 31-го мая 1935 года.

Присутствовали: т. т. Данилевский, Кипарисов, Дмитров, Бакланов, Кашин, Бачинский, Якобсон, Воронин, Гайдукевич, Романов, Удаленков, Никитин, Фармаковский, Смирнов, Тиханова, Репников, Чириков, Каргер.

СЛУШАЛИ: Доклад М. К. Каргера — отчет о реставрационных работах 1933–34 г. в Юрьевском монастыре бл[из] Новгорода.

ВОПРОСЫ:

УДАЛЕНКОВ задает следующие вопросы:

1) Предшествовало ли реставрационным работам — предварительное исследование памятника.

2) Был ли произведен анализ растворов.

3) Велись ли протоколы работ.

4) Выявлены ли были переделки здания до XIX века.

5) Являются ли выявленные материалы обследования исчерпывающими и достаточными для реставрации памятника.

6) Каковы были приемы работы.

7) Были ли плановые графики реставрации.

8) На каком основании перенесены формы сохранившихся ниш на одну несохранившуюся.

9) Каковы были в здании связи; существовали ли железные связи.

Относительно форм реконструированных оконных рам — не возражает; предостерегает относительно вывода о нижнем поле; возможно, что это не пол, а нижнее его основание.

10) Обнаружено ли древнее покрытие куполов и верха перекрытия собора.

КИПАРИСОВ: Являются ли все переделки здания плодом деятельности Фотия. Не сохранилось ли старых изображений, фиксирующих здание до переделок нач. XIX века.

РОМАНОВ: спрашивает: 1) какова глубина заложения фундамента старой постройки; 2) какой размер окна соборов Юрьева и Антониева м-ря.

КАРГЕР: отвечает на вопросы Удаленкова следующее:

1) Разумеется, план работы и предварительное исследование памятника было. И оно достаточно полно излагалось в самом докладе. Реставрация не окончена не из-за отсутствия исследований памятника или отсутствия плана работы, а из-за недостатка средств, которые были затрачены Музеем вопреки плану на посторонние цели. Памятник достаточно хорошо сохранился и поэтому в аналогах при реставрации не нуждался.

2) Анализов раствора не имел возможности произвести, напоминает сказанное на заседании ИИТ К. Романовым, что подобное исследование вообще у нас редко производится.

3) Относительно протоколов отвечает, что они велись и о ходе работ лучше всего будет судить по полному отчету о работе, который в ближайшее время представлен будет для печати.

4) Переделок до XIX в. основной костяк памятника не имеет, старые изображения собора относятся лишь к эпохе Фотия, за исключением одного плана, фиксирующего памятник до переделок нач. XIX века.

5–8) Ответом на эти вопросы был сам доклад: разумеется, эти материалы были исчерпывающими, иначе к реставрационным работам приступлено бы не было. Изучение всех других современных Юрьевскому собору памятников Новгорода вполне подтверждает те предположения, которые были обоснованы данными самого памятника. Добавляет, что при обмазке ниш употреблялась известь с примесью песка.

9) Железных связей в здании не было.

10) Верхи закомар были перелицованы; верх глав сохранился полностью, новая — лишь кровля.

Романову отвечает следующее:

1) Фундамент здания шел на глубину 1–1 ½ метра, в кладке фундамента употреблен раствор с толченым кирпичом. Окна в самом соборе все были различные по ширине и высоте; аналогии собора Антониева монастыря были использованы.

НИКИТИН: спрашивает, зачем произведена обмазка ниш, и какие дальше предполагается производить реставрационные работы.

КАРГЕР: отвечает, что обмазку произвести было необходимо в целях лучшей сохранности вскрытых частей; замены произведенной обмазки другой — не предполагается. Напоминает, что на прошлом заседании Романов и Фармаковский как раз указывали на необходимость такой обмазки.

ПРЕНИЯ:

Н. П. НИКИТИН — считает, что при ведении реставрационных работ не было никакого плана; наличие куч мусора после работ об этом свидетельствует. Считает, что не нужно было ломать пристройки: они могли бы служить предохраняющим средством для нижних частей здания (сломка их способствовала появлению сырости в нижних частях здания), а также помогли бы работам в верхних частях здания. Замазывать раствором открытые части не следовало, дабы дать возможность дополнительных и проверочных исследований кладки. Способ реставрации носил случайный характер: то снаружи велись работы, то внутри; не было строгой системы ведения работ.

УДАЛЕНКОВ: считает, что памятник полностью предварительно не исследован; многие доводы докладчика, в частности о форме восстановленного окна, — приходится брать на веру. Для проверки произведенных работ — замазывать раскрытые ниши не следовало.

Не выяснено, не было ли перелицовок частей стен, напр. в XVI-м веке или раньше. Надо выяснить древнюю форму купола. Может быть, полные основания для реставрации у Каргера и были, но они представлены были в докладе недостаточно.

РОМАНОВ: исходя из общих соображений полагает, что в Юрьевском соборе должны были быть более древние, чем XIX в., переделки, тем более, что известны многочисленные пожары в м-ре, что должно было повлечь разрушения и последующие восстановления. Указывает на аналогичное расположение ниш вост[очного] фасада у Николо-Дворищенского собора.

Относительно требований комиссии о спланировании вокруг собора почвы поясняет, что имелась в виду лишь засыпка ям, образовавшихся после разрушения поздних построек. Считает неправильной реконструкцию Каргером оконных деревянных переплетов; нужно учитывать не только возможную форму их, но и масштаб; поэтому механически использовать аналогии нельзя: указать правильную форму оконных рам сейчас пока отказывается. Выражает сомнение относительно определения Каргером глубины фундамента здания, считая ее преувеличенной. Подчеркивает, что Каргером проделана большая работа по реставрационным работам в Юрьевском м-ре.

БАКЛАНОВ: отмечает, что новых аргументов в настоящем докладе в сравнении с ранее сделанным в Академии Художеств — приведено не было, не приведено дневников работы, что нужно было бы сделать. Одной фотофиксацией нельзя было ограничиться в докладе.

ВОРОНИН: считает, что задачей заседания не является доскональный вплоть до малейшей детали — разбор работы; для демонстрации всего материала для такого разбора не хватило бы и 5 часов. Считает аргументацию Удаленкова чересчур формальной, видит в его выступлении выражение своего рода агностицизма: наличие одной неизвестной детали должно, по Удаленкову, остановить всю работу. При этом забывается важная историческая задача раскрытия памятника, которую прежде всего надо иметь в виду. Отсутствие документальных данных об одной нише из многих других известных не могут опорочить всей работы в целом. Проделанная работа есть не реставрация для реставрации, а реставрация ради исторических целей и полит-просветительных, и в этом смысле работы дали ценные результаты.

УДАЛЕНКОВ повторяет, что реставрация была частичной; если реставрировать весь памятник, надо его предварительно весь изучить; но и при начале работ нужно было иметь план реставрации всего здания.

ЯКОБСОН: видит в выступлениях архитекторов (Удаленков, Романов, Никитин) некоторую субъективность и предвзятость. Не следует исходить из того, что Каргер — не архитектор — берется за реставрацию: долголетние занятия историей архитектуры дают ему такое право, тем более, что произведенные реставрационные работы являются лишь раскрытием памятника. Считает упрек о неизученности, якобы, здания — неверным в корне: памятник обследован полностью, что было показано в докладе, о перелицовке архивольт закомар говорилось в докладе, говорилось и о куполах барабанов, которые полностью сохранились под современной кровлей. Считает придиркой и указание насчет отбития штукатурки: она сама отваливается. Указывает на противоречие в выступлениях Удаленкова и Никитина: напр., мол, сначала изучить, а потом реставрировать, а с другой стороны, конкретных ошибок при реставрации, которая явилась результатом предварительного исследования раскрытых частей, не указывает. Фальши в раскрытых частях здания нет, следовательно, работа произведена правильно. В результате вскрыт памятник, совершенно иначе теперь рисующий историю новгородского искусства XII века. Результаты произведенных работ позволяют говорить о столичной византийской (Константинопольской) основе новгородского зодчества XII в.; в основе его лежали типично константинопольские художественные принципы, нашедшие свое яркое отражение в трактовке стены как заполнения пролетов между основными конструктивными членениями, оформленного в виде раскрытых Каргером ниш. Правда, здесь эти принципы получили провинциальное выражение, но сам факт наличия этих принципов имеет большое историческое значение, уничтожает старые взгляды на новгородскую архитектуру этой эпохи как своеобразное и специфически новгородское явление. Дело поэтому не в одной нишке, восстановленной, якобы, с ошибкой в очертаниях (что, впрочем, ведь и не доказано), а в основном — в историческом значении раскрытого, хотя и не целиком, памятника.

ТИХАНОВА: считает, что конкретных обвинений выдвинуто не было; сделанные Удаленковым и Романовым замечания имели характер слишком общих предположений. Работы Каргера вскрыли важный исторический документ, что является основным. Чтобы отвергать правильность сделанного, надо представить достаточно доказательств, но их не дано вовсе. То, что сделано Каргером, считает достаточно аргументированным в докладе.

РОМАНОВ: повторяет, что признает, что работа по реставрации проделана была Каргером большая, выражает неудовлетворение лишь тем, что в докладе не было достаточной аргументации; считает, что было бы правильней вместо частичного раскрытия всех стен — сполна раскрыть одну.

ДАНИЛЕВСКИЙ: считает, что прения идут не совсем правильно; имели место недоразумения (имеет в виду выступление Никитина), не учитывалось фактическое положение вещей. Во всяком деле нужно различать основное и второстепенное. Работы вскрыли важнейший исторический документ — и это является основным. Отмечает, что в отношении исторических выводов разногласий не было никаких. Следует при этом иметь в виду, что реставрационные работы не окончены, и охватили лишь нижние части здания. Трудно сразу понять, чем объяснить резкие нападки Удаленкова и Никитина, — конкретных оснований для таких нападок они не представили. Чувствуется, что выступавшие Удаленков, Романов и Никитин чем-то недовольны, но чем — непонятно; считает, что не следует увлекаться мелочами. Считает недостатком доклада то, что было представлено мало графического материала.

УДАЛЕНКОВ: повторяет в резкой форме свое обвинение: у Каргера не было достаточных оснований для реставраций, а если и были, то не показаны: мы не можем судить, насколько эти основания правильны. Заявляет, что его соображения являются соображениями деловыми; если здесь имеет место склока, то он здесь участвовать не желает, его отход от Академии связан с нежеланием участвовать в склоках.

ДАНИЛЕВСКИЙ: указывает, что первое заявление голословно, а второе считает недопустимым.

НИКИТИН: повторяет, что предварительно, перед реставрацией надо было изучить памятник. Считает, что не надо было уничтожать поздних пристроек к зданию, они предохраняли бы нижние части здания от сырости. Были промахи и в проведении самой реставрации (на вопрос Якобсона — в чем видит эти промахи, отвечает, что промахи эти организационного порядка). Считает, что работа была произведена скорее на основании архивных данных, чем на данных самого памятника.

КАРГЕР: отвечая оппонентам, указывает, что с удовольствием использовал бы их указания, если бы они были деловыми и конкретными. Вместо этого — Удаленков, Романов и Никитин занимались здесь безответственным вещанием и гаданием, высказывая всякие сомнения, абсолютно ничем их не обосновывая. Таким путем к положительному результату обсуждения прийти невозможно. Отмечает противоречивость мнений, высказанных архитекторами: одни на прошлом заседании говорили, что вскрытие ниши надо было обмазывать раствором, другие теперь говорят, что не надо. Полностью отводит обвинение в предварительной неизученности памятника перед реставрацией. Нельзя требовать предварительного изучения буквально каждого вершка стен здания — это требование бессмысленно. Считает, что достаточно изучил памятник перед началом реставрационных работ, и категорически утверждает, что между раскрытыми нишами других ниш нет; внешняя поверхность стен достаточно полно изучена — это утверждение берет полностью под свою ответственность. До начала работ произведены сотни зондажей по всему зданию. Неверно утверждение, что памятник в своих верхних частях не изучен: повторяет данные, сообщенные в докладе: древние своды куполов сохранились под нынешней кровлей, архивольты закомар перелицованы (но они ведь пока и не восстанавливались). Ссылается на мнение квалифицированного специалиста по реставрации И. В. Моргилевского, который внимательно просмотрел всю работу и нашел все достаточно аргументированным.

Основанием для реставрации, как показал доклад, являлись данные самого памятника, а не воображаемые Никитиным архивы XII в., которых никогда не было и нет. Поздние пристройки к зданию были, вопреки мнению Никитина, сначала использованы для изучения здания внутри этих пристроек и стен здания над ними, после чего были уничтожены. Ничего древнего от здания не отломано; все старые части сохранены, новых не прибавлено. Можно доказать (это удобней всего сделать на месте), что правильно реставрирована каждая ниша. Нельзя придираться к каждому вершку. Спрашивает, почему из всей огромной работы по реставрации весь вопрос уперся в одну нишку, реставрированную в своей верхней части предположительно, при бесспорности реставрации нескольких десятков остальных. Почему все остальное не вызвало интереса у Удаленкова, Никитина и Романова. Таким путем можно опорочить любую работу. Указывает, что в работах того же Удаленкова по реставрации Георгиевской церкви в Ладоге при наличии, может быть, хваленых им график — памятник вот уже 10 лет стоит запущенным, реставрация не закончена, есть большие щели, куда попадает дождь, снег и пр. Указывает, что работы велись в Георгиевском соборе в строгой системе; раскрытие следующего ряда ниш не начиналось до окончания работ по первому ряду. Восстанавливалось лишь то, что, несомненно, все спорное вынесено в докладе на обсуждение, но это почему-то не вызвало интереса. Георгиевский собор — важнейший в Новгороде памятник XII в. и лучший по сохранности. Здание горело, делали в нем новые двери и др. — все это учтено. Реставрационные работы ставили себе задачей раскрыть памятник, сбросив фотиевскую шелуху XIX в., облепившую здание. В результате оказалось возможным представить памятник в его подлинном виде и тем самым разрушить неверные точки зрения, извращавшие смысл его. Подобные неверные суждения продолжают высказываться до последнего времени — приводит точку зрения Д. Айналова в его немецкой книге «»[1], вышедшей в 1932 году.

В заключение указывает, что пора покончить с «охранительской» теорией, отголоски которой чувствуются и сейчас. Надо помнить, что эта теория имеет реакционное клерикальное содержание, и если ее сейчас никто не решится высказывать открыто, то надо помнить, что она высказывалась еще совсем недавно. Памятники надо раскрывать.

РОМАНОВ: отмечает неуместность последнего заявления: никто здесь этой теории не высказывал.

КАРГЕР: отвечает, что последним замечанием не имел в виду сегодняшнюю дискуссию.

---

[1] В тексте протокола отсутствует название публикации. Вероятно, подразумевается Geschichte der russischen Kunst / von Demetrius Ainalov. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1932–1933. (Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte / Hrsg. von Reinhald Trautmann und Max Vasmer). [Bd. 1]: Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. 1932. XIII, 96, 7 с., [33] л. ил.

ДАНИЛЕВСКИЙ: указывает на тот положительный факт, что прения по докладу Каргера были развернутыми и это несомненно послужит интересам дела.

ВНОСИТСЯ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ:

1) Считать методику реставрационных работ, произведенных М. К. Каргером в Георгиевском соборе Юрьева монастыря бл[из] Новгорода правильной, и самые работы проведенными удовлетворительно.

2) Считать, что в докладе был недостаточно представлен графический материал.

3) Считать необходимым окончание раскрытия ниш верхних поясов здания и полное окончание реставрационных работ по всему собору.

К.К. РОМАНОВ: вносит дополнение к резолюции: констатировать, что в результате реставрационных работ древние части собора не утрачены и полностью сохранены.

Предложение поддерживается Удаленковым, считающим, что работы проведены вполне правильно. Резолюция вместе со сделанным дополнением принимается единогласно.

П. п.: Председатель Данилевский.

Секретарь Якобсон.

- **Документ 6**

План работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря на 1935–1936 гг.
РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 149. Л. 25, 25 об. Копия, авторизованная машинопись.

ПЛАН РАБОТЫ

По Георгиевскому собору Юрьева монастыря на 1935–1936 гг.

Внутренние работы.

1. Привести в порядок склепы, с учетом постановки над ними стеклянных открытий.

2. В целях сохранения от промерзания фундамента засыпать [и] закрыть до уровня древнего пола все имеющиеся выемки в древнем полу, кроме древних склепов и саркофагов. Склеп 19 столетия подлежит разборке и засыпке с предварительной его фиксацией.

3. Раскрытые части древнего пола в западной части собора восстановить в плитном покрове, использовав плиты из разнообразных пристроек. Обрезы по границе восстановленного древнего пола с полом 19 столетия временно отделить кирпичным поребриком, до восстановления древнего пола во всем соборе.

4. Вывезти строительный материал и мусор со всей площади собора. Западную часть собора с восстановленным древним полом и погребениями привести в музейно-экспозиционное состояние.

5. Для восстановления древнего плитного пола по всей остальной площади собора к 1936 году необходимо: а) заготовить материал для плитного покрова, б) исследовать конструкцию 19-го века между подкупольными пилонами, в случае если существующая конструкция не позволит дать общий уровень древнего пола, разработать другую конструкцию, ее статически заменяющую и укладывающуюся в габаритах под уровнем древнего плитного покрова, и составить смету, исходя из принятого проекта реставрации древнего пола.

6. Южный портал: расчистить швы древней перемычки в постепенном порядке, заполняя их смешанным раствором (жирным) с примесью жидкого стекла. После полного схватывания раствора разобрать позднейшую приложенную перемычку. Образовавшийся проем временно заложить толщиною в 1 или 1 ½ кирпича.

7. Северный портал: оставить без изменения.

8. Западный портал: расчистить швы древней перемычки, заполнить в постепенном порядке расчищенные швы, заполнить плотно смешанным раствором (жирным жидким стеклом). В случае, если окажется при расчистке швов перемычки их ветхость, необходимо как для западного, так и для южного портала заложить сверху перемычки балку № 18.

9. Планировка земельного участка вокруг собора. Спланировать вокруг собора землю со стоками от собора, причем отметка древнего пола должна быть выше отметки земли у западной стены собора на 10 см. Визировать отметку по западному входу.

10. Фасады собора: обследовать все поверхности наружных стен, освободить стены от плохо держащейся штукатурки и вновь оштукатурить известковым раствором.

11. Произвести исправление штукатурки, произведенной в 1934 г., отбив плохо держащиеся места; исправить штукатурку притолок, окон и ниш, а именно: штукатурка на тех нишах и оконных притолоках, кои были оштукатурены без предварительной реставрации утрат в самих нишах и оконных притолоках, основным строительным материалом, должна быть тщательно удалена. Освобожденные архитектурные детали должны быть восстановлены в соответствии древних деформированных форм проемов. По выполнении указанных работ приступить к штукатурке притолок и ниш известковым раствором 1:2 способом тонкой обмазки, причем грани штукатурных поверхностей должны точно совпадать с поверхностью деформированных древних притолок.

12. До приступа к штукатурке ниш и оконных проемов установить в оконных проемах места древней установки оконных рам и способ их укрепления к притолокам.

13. При открытии древних проемов, окон и ниш, в которых будут обнаружены фрески, последние должны быть предварительно закреплены, грани фрагментов фресок заклеены бумагой с покрытием фрески бумагой на время штукатурных работ, причем оштукатурка и перетерка мест, окружающих фреску, должны вестись осторожно без захода на границы фрески.

14. По установлении форм древней оконной рамы Георгиевского собора, мест их заложения и способа укрепления к притолокам, изготовить оконные рамы в соответствии произведенным научным изысканиям и технического качества, отвечающего значению памятника, и поставить их на древние места.

15. Раскрыть окна и ниши второго пояса собора, произведя реставрацию, руководствуясь указаниями настоящего плана реставрационных работ.

16. Крыши промазать и покрасить серым колером.

17. Весь процесс реставрационных работ должен сопровождаться фотофиксацией, до раскрытия древних частей собора, после раскрытия их и по производстве реставрации, кроме того, должны быть произведены археологические обмеры памятника, с выявлением древних частей (XII века) памятника, древних последующих переделок, если таковые окажутся, и настоящих реставрационных работ. Все работы, кроме того, должны сопровождаться ведением протокольного дневника.

Вследствие того, что выполнение всего плана реставрационных работ по Георгиевскому собору требует больших средств, которыми Новгородский Музей в 1935 году не располагает, а также требуется большое время на выполнение полной реставрации собора, считать целесообразным в 1935 году произвести нижеследующие работы: ориентировочно на 20.000 руб., а именно по п. п. 1, 2, 3, 2, 6, 8, 9, 11, 12 и 14 настоящего плана и оштукатурку с побелкой всего нижнего пояса собора.

П. п. Профессор А. Удаленков
Действ. Член Инст[итута] Ист[ории] Феод[ального] Общ[ества] ГАИМК М. Каргер
С подлинным верно: Ученый секретарь НГМ — А. Семенов
С копией сверено: Управделами Волкова

Список литературы

Бужилова А. П. Палеопатологические исследования в России: история вопроса // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2009. № 1. С. 27–34.

Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) // СА. 1946. VIII. С. 175–224.

Мусин А. Е., Медведева М. В. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / науч. ред.-сост.: А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 1256–1400.

Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации / под ред. А. С. Щенкова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 695 с.

Платонова Н. И. Михаил Константинович Каргер — заведующий ЛОИА АН СССР с 3 июля 1964 г. по 14 октября 1971 г. // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 41–42.

Платонова Н. И., Кирпичников А. Н. Сектор / отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН: исследования и исследователи // Записки ИИМК РАН. 2010. № 5. С. 7–71.

Платонова Н. И., Кирпичников А. Н. Отдел славяно-финской археологии: история и ученые // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 191–242.

Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Археологические работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Пантелеймоновом монастыре в 2015 году // Новгород и Новгородская *земля. Ист*ория и археология. Вып. 30. Материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника / отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2016. С. 58–73.

Тихонов И. Л. О репрессиях в ГАИМК // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов): материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 63–66.

References

Buzhilova A. P. Paleopatologicheskie issledovaniya v Rossii: istoriya voprosa // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya. 2009. 1. P. 27–34.

Karger M. K. Raskopki i restavratsionnye raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya v Novgorode (1933–1935) // Sovetskaya arkheologiya. 1946. VIII. P. 175–224.

Musin A. E., Medvedeva M. V. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya: restavratsiya i okhrana pamyatnikov kul'tury // Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy: kollektivnaya monografiya. 2 / eds. A. E. Musin, M. V. Medvedeva. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk, 2019. P. 1256–1400.

Pamyatniki arkhitektury v Sovetskom Soyuze. Ocherki istorii arkhitekturnoy restavratsii / pod red. A. S. Shchenkova. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004. 695 p.

Platonova N. I. Mikhail Konstantinovich Karger — zaveduyushchiy LOIA AN SSSR s 3 iyulya 1964 g. po 14 oktyabrya 1971 g. // Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) / ed. E. N. Nosov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. P. 41–42.

Platonova N. I., Kirpichnikov A. N. Sektor / otdel slavyano-finskoy arkheologii LOIA AN SSSR — IIMK RAN: issledovaniya i issledovateli // Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk. 2010. 5. P. 7–71.

Platonova N. I., Kirpichnikov A. N. Otdel slavyano-finskoy arkheologii: istoriya i uchenye // Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) / ed. E. N. Nosov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. P. 191–242.

Sedov Vl. V., Vdovichenko M. V. Arkheologicheskie raboty v Georgievskom sobore Yur'eva monastyrya i v Panteleymonovom monastyre v 2015 godu // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. 30. Materialy XXX nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu Novgorodskogo muzeya-zapovednika / ed. E. N. Nosov. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob''edinennyy muzey-zapovednik, 2016. P. 58–73.

Tikhonov I. L. O repressiyakh v GAIMK // Sovetskaya arkheologiya do i posle Velikoy Otechestvennoy voyny (vtoraya polovina 1930-kh — konets 1940-kh godov): materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / ed. I. A. Sorokina. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2021. P. 63–66.

Illustrations

Fig. 1. Restoration of St. George's cathedral of Yuriev monastery, 1934. Photographic department of the scientific archives of the IHMC RAS. Otp. O.1084/3

Fig. 2. M. K. Karger among the graduates of the Leningrad Institute of History, Philosophy and Linguistics, 1931. Photographic Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. Op. O.2511/10

Fig. 3. A. Tikhomirova. Fresco on the western facade of St. George's Cathedral of Yuriev monastery. June 13, 1934. Appendix to the memorandum report of the Novgorod Museum in SAIMC. Manuscript Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. F. 2. Op. 1. 1934. D. 111. L. 56

Fig. 4. The southern wall of St. George's cathedral after the dismantling of annexes by M. K. Karger. Manuscript Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. F. 2. Op. 1. 1936. D. 189. L. 28

Fig. 5. Interior of St. George's cathedral in the process of restoration work by M. K. Karger. Manuscript Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. F. 2. Op. 1. 1936. D. 189. L. 29

Fig. 6. Princely tombs in St. George's cathedral, discovered by M. K. Karger. Manuscript Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. F. 2. Op. 1. 1936. D. 189. L. 30

Fig. 7. The northern wall of St. George's cathedral in the process of restoration work by M. K. Karger. Manuscript Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. F. 2. Op. 1. 1936. D. 189. L. 31

Fig. 8. Fresco in the eastern niche of the southern wall, discovered in 1934. Photographic Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. Otp. O.1084/4

Fig. 9. Leather belts from burials IV and VII. Excavations by M. K. Karger, 1933. Photographic Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. Otp. O.1084/17

Fig. 10. Chain from burial VII. Excavations by M.K. Karger in 1933. Photographic Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. Otp. O.1084/18

Fig. 11. Leather cross from burial IV. Excavations by M. K. Karger, 1933. Photographic Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. Otp. O.1084/19

Fig. 12. Plan of excavations in St. George's cathedral of Yuriev monastery,1933–1935. Photographic Department of the Scientific Archives of the IHMC RAS. Otp. O.1084/65

M. V. Medvedeva, D. D. Jolshin. IHMC RAS archival materials for the research of St. George's cathedral of Yuriev monastery in Novgorod carried out in 1933–1935

Abstract. The studies of St. George cathedral of Yuriev monastery, carried out by M. K. Karger in the early 1930s, constitute an important part in the history of Russian architectural archaeology. M. K. Karger undertook substantial work on studing the monument, but as a result, only one article was published, and the reporting documentation was preserved fragmentarily. Previously unknown documents from the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, published for the first time by the authors of this article, shed new light on some significant aspects of the work of 1933–1935, such as the basis for anthropological definitions in the study of burials in the cathedral, the decision-making process for the restoration of the cathedral and the responsibility for such decisions, the subsequent discussion in scientific circles.

Keywords: history of science, restoration, architectural and archaeological research in Novgorod, SAIMC, M. K. Karger, archival documents, photographs.

Medvedeva Maria Vladimirovna, candidate of history, Scientific Archive, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18 Palace Embankment, 191186 St. Petersburg, Russian Federation, pharc@mail.ru.

Jolshin Denis Dmitrievich, candidate of history, State Hermitage Museum, 34 Palace Embankment, 197000 St. Petersburg, Russian Federation, denis.jolshin@gmail.com.

Пропавшие отчеты: новые архивные данные о реставрационной и археологической деятельности М. К. Каргера в Новгороде в 1933–1935 гг.*

К. А. Михайлов

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-371-8.250-261

Аннотация. В статье публикуется отчет М. К. Каргера об археологических, архитектурных и реставрационных работах в Новгороде за 1933–1935 гг., сопровождаемый краткой предысторией его создания.

Ключевые слова: М. К. Каргер, Новгород, ГАИМК, 1933–1935 гг., реставрация, археология, Георгиевский собор, Юрьев монастырь, Кириллов монастырь, Спас на Ковалеве, архивные документы, Новгородский музей, отчет, история советской археологии.

Михайлов Кирилл Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186, mikhailov_kirill@mail.ru.

Первая половина 1930-х гг. характеризуется активизацией полевой археологической деятельности под эгидой ГАИМК. Наряду с другими памятниками, Академия организовала систематические археологические и архитектурные работы на территории Новгорода: раскопки на Славенском холме и на Новгородском (Рюриковом) городище, исследования Георгиевского собора Юрьева монастыря; исследования в церкви Спаса на Ковалеве и Кирилловом монастыре, в Николо-Дворищенском соборе и церкви Рождества на Кладбище. Подавляющее большинство этих работ связаны с именем М. К. Каргера.

Михаил Константинович Каргер был принят научным сотрудником I разряда ГАИМК по разряду русской материальной культуры 1 декабря 1929 г.[1] Зачисление молодого ученого в состав сотрудников ГАИМК совпадает с началом работ Академии в Новгороде, которые происходят в условиях идеологического перелома в СССР и массовых репрессий против ученых, краеведов и музейных сотрудников «старой» школы. Ряд членов ГАИМК[2], которые успешно занимались изучением и реставрацией новгородских памятников архитектуры, оказались смещены с руководящих постов

* Работа выполнена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы ИИМК РАН.

1 М. К. Каргер. Трудовой список // НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 138.

2 Н. П. Сычёв после «чистки» в ГАИМК остался членом ГАИМК, но получил строгий выговор.

и отстранены от работ на памятниках архитектуры после «чистки» и массовых увольнений, прошедших в Академии в 1929–1930 гг. В 1930 и 1933 гг. органами ОГПУ дважды арестовывается Н. П. Сычёв, а в 1930 г. — К. К. Романов. Последний был выпущен в 1933 г., но «уже не проявлял прежней активности» (*Платонова*, 2013. С. 379, 387–388). По словам современников, реальная власть в Академии сосредоточилась в руках Ф. В. Кипарисова, нового заместителя председателя ГАИМК, с которым связаны как организация «чистки» в Академии, так и последующее активное пополнение её новыми сотрудниками (Там же. С. 20–21). В этих условиях Ф. В. Кипарисов, являвшийся основным проводником «новой политики», набирает на работу целую когорту молодых специалистов, в числе которых оказался и М. К. Каргер[1].

Практически сразу же после зачисления в штат Академии М.К. Каргер был направлен в Новгород, где до 1932 г. занимался обмерами памятников архитектуры и составлением их паспортов (*Каргер*, 1932. С. 69–70). В том же 1932 г. Михаил Константинович под искаженным написанием фамилии «Карчер» попал в «Краткий обзор СО ОГПУ антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции…», который составлялся «органами» для И. В. Сталина. Неизвестный информатор ОГПУ дал краткую характеристику десяткам советских ученых, разделяя их по группам: «Особую группу составляют археологи с уклоном в сторону архитектуры. Группу эту возглавляет К. К. Романов, несомненный реакционер в методологическом отношении и абсолютно чуждый марксизму в методологическом отношении. Из его школы известны Д. К. Карчер (М. К. Каргер. — *К. М.*)[2], мало проявивший себя пока в научном отношении; Шуляк, еще менее показавшая себя в научном отношении; довольно слабый методологически Якобсон. Другие ученики К. К. Романова вовсе выбыли из ГАИМК — Воронин, Корзухина, Козловская и др.» (Краткий обзор…, 2017. С. 525).

Репрессии против музейных сотрудников происходили одновременно с архитектурной и реставрационной деятельностью Михаила Константиновича в Новгороде. Так, в 1933 г. был арестован бывший директор новгородского музея и сотрудник ГАИМК Н. Г. Порфиридов, а также целый ряд сотрудников музея. Эти события, с одной стороны, поставили под угрозу сотрудничество Новгородского музея с ГАИМК и могли помешать дальнейшим работам (*Гайдуков, Кудрявцев*, 2020. С. 95). С другой стороны, руководство Академии стремилось как можно быстрее возобновить работы на памятниках. Судя по архивным данным, Ф. В. Кипарисов пытался контролировать работы в Новгороде, в том числе через назначение на должность директора Новгородского музея и его заместителей ленинградских исследователей. Например, при его поддержке в 1933–1935 гг. три сотрудника Академии последовательно выдвигались на должности директора и заместителей директора Новгородского музея: В. Ф. Зыбковец, М. К. Каргер, В. А. Богусевич[3].

---

[1] По поводу взаимоотношений Кипарисова и Каргера можно привести выдержку выступления на общем собрании ГАИМК от 13.10.1936. Волоховская: «Я имела счастье, или, может быть, несчастье быть ученицей Каргера в ЛИФЛИ, где я училась с 1930–1933 гг. Сначала нашим музейно-краеведческим Отделением заведовал Кипарисов, а затем Каргер. Я была чрезвычайно возмущена, когда услышала, как Каргер бросил Комиссии такую фразу “Ваш Кипарисов”, потому что у нас в Институте студенты всегда говорили, что “Кипарисов за ручку привел Каргера в Институт и носился с ним все время”; когда же Кипарисов принужден был отказаться от заведывания Отделением из-за перегруженности работой в ГАИМК, он рекомендовал на эту должность Каргера. А теперь вдруг Каргер отказывается от Кипарисова» (НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1936. Д. 167. Л. 235).

[2] Неизвестный информатор ОГПУ не только исказил фамилию М. К. Каргера, но и ошибочно отнес его к ученикам К. К. Романова.

[3] В. Ф. Зыбковец (Атрошенко) (1908–1973) — директор Новгородского государственного музея в 1935 г., сотрудник ГАИМК. В. А. Богусевич (1902–1978) — в 1929–1930 гг. аспирант и сотрудник ГАИМК, в 1935 г. назначен заместителем директора Управления Новгородских государственных музеев. Сам М. К. Каргер обрисовывал ситуацию таким образом: «После кислицинского процесса Облоно стало относиться серьезнее и осторожнее к делам Новгородского Музея, поэтому, когда увидели, что Савельев не может обеспечить работы, его сейчас же сняли и поставили вопрос перед Академией о назначении нового директора Музея. После переговоров с Академией в Новгород был послан в качестве директора Зыбковец и в качестве зам. директора Каргер, причем пока Зыбковец находился на военном

По-видимому, именно благодаря поддержке Ф. В. Кипарисова и возможностям, которые у него появились после совмещения должностей в ГАИМК и Новгородском музее, молодому и амбициозному исследователю удалось провести большой объем археологических и реставрационных работ, которые стали важными вехами как в изучении древнего Новгорода, так и в истории отечественной архитектурной археологии в целом. В архивных фондах ГАИМК сохранились упоминания о многочисленных докладах М. К. Каргера за 1934–1935 гг. в Академии, посвященных археологическим раскопкам и реставрационным работам в Новгороде. Также им был подготовлен проект новой экспозиции Новгородского музея и рукопись книги «Великий Новгород: Очерки материальной культуры и искусства. Т. I. 1935 г.», на которую сохранился отзыв К. К. Романова[1]. Эту монографию Михаил Константинович собирался представить для защиты докторской диссертации. В 1934 г. он ведет работы на Рюриковом городище, а затем и в Юрьевом монастыре, готовит карточки с описаниями новгородских церквей. Сохранились упоминания о многочисленных экскурсиях, которые он вел в Новгороде и которые пользовались большой популярностью. Таким образом, первую половину 1930-х гг. можно считать одним из самых активных и плодотворных периодов жизни ученого.

Но уже в 1934–1935 гг. над молодым сотрудником Академии стали сгущаться тучи. После арестов 1933–1934 гг., которые проходят в Новгородском музее, постепенно вокруг М. К. Каргера возникает конфликтная ситуация, которая связана с уголовным делом против директора Новгородского музея А. И. Кислицына, закончившимся судом, на котором общественным обвинителем был Ф. В. Кипарисов. Этот конфликт оказывает влияние как на реставрационные работы в Новгороде, так и на работу Каргера в ГАИМК. В 1935 г. А. И. Кауль (директор Института истории техники ГАИМК) обвинил исследователя в злоупотреблениях во время реставрации Георгиевского собора. Но дело не получило развития благодаря поддержке председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова и коллег из Академии (*Платонова*, 2013. С. 41).

В дальнейшем у М. К. Каргера последовательно возникают служебные конфликты и со следующими, после Кислицына, директорами Новгородского музея — В. Ф. Зыбковцом (Атрошенко) и А. А. Строковым. В январе 1936 г. он окончательно увольняется из Новгородского музея, но остается на должности заведующего отделом в Русском музее, заведующим кафедры в ЛГУ и научным сотрудником ГАИМК, продолжая архитектурно-археологические работы в Новгороде. Казалось, что череда неудач закончилась и можно сосредоточиться на научной деятельности. Но 24 июля 1936 г. в новгородской районной газете «Звезда», от имени «группы научных работников», публикуется статья «Темная личность», в которой исследователя обвиняют в разрушении архитектурных памятников Новгорода, «лжепрофессорстве», «погроме» памятников археологии, «подрыве» работы московской экспедиции и прочем «вредительстве». На следующий же день, 25 июля, проходит профсоюзное собрание сотрудников Управления Новгородских государственных музеев, на котором было принято постановление о том, что изложенные в статье «факты вредительских действий, проводимых на протяжении нескольких лет Каргером, являются бесспорно правильными». Общее собрание «требует от судебно-следственных органов постановку показательного судебного процесса с привлечением вредителя Каргера к самой строжайшей уголовной ответственности». Через неделю после публикации статьи дирекция музея в лице А. А. Строкова и В. А. Богусевича подготавливает многочисленные обвинительные документы против М. К. Каргера. 3 августа они подают против него заявления в новгородскую прокуратуру и в дирекцию ГАИМК[2]. Вследствие активности дирекции Новгородских музеев «расследование» деятельности М. К. Каргера было ин-

сборе, я был послан в качестве вр. и. о. директора Музея. Обязанности директора Музея я исполнял в течение месяца…» (НА ИИМК РАН. 1936. Оп. 1. Д. 168).

[1] НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1936. Д. 189. Л. 37–57.

[2] В научных архивах Санкт-Петербурга сохранились многочисленные документы, содержащие материалы «дела Каргера» и переписку советских бюрократических инстанций по этому поводу.

спирировано и в Русском музее, и в ГАИМК. Результатом этого стали увольнение ученого из ГРМ в сентябре 1936 г. и организация комиссии Ленинградского облисполкома по «обследованию работ научного работника ГАИМКа М. К. Каргера»[1].

Сам Михаил Константинович считал, что поводом для кампании против него стала история с пропажей из фондов музея археологической коллекции раскопок на Холопьей улице 1932 г. Вероятно, взаимный страх сотрудников музея друг перед другом, который подогревался началом «Большого террора», привел к эскалации конфликта и перерастанию его в своеобразную кампанию с выдвижением обвинений во «вредительстве».

Нужно отметить, что ученый довольно активно сопротивлялся выдвинутым против него обвинениям. В 1936–1937 гг. он писал многочисленные заявления в контрольные органы с требованиями восстановить его на работе в музее. Переписка М. К. Каргера за 1936–1937 гг. с органами Ленсовета и Комиссией Советского контроля при СНК СССР в связи с его увольнением из Русского музея сохранилась в «Журнале переписки с Ленсоветом и регистрации жалоб трудящихся за 1936–1937 гг.»[2]. 5 апреля 1937 г. М. К. Каргер отправил в Бюро жалоб КСК при СНК СССР подробные сведения о своей научной деятельности в Новгороде — с ответами на обвинения, выдвинутые против него комиссией облисполкома Ленсовета и директором Государственного Русского музея Сафроновым[3]. Большую часть этого документа занимает довольно подробный отчет Михаила Константиновича о его реставрационных и археологических работах в Юрьевом монастыре и на других памятниках Новгорода в 1933–1935 гг. «Отчет» М. К. Каргера построен в виде ответов на пункты обвинения, которые были выдвинуты против него в стенограмме «Проекта выводов комиссии Облисполкома по обследованию работ научного работника ГАИМКа М. К. Каргера в связи со статьей в газете "Звезда" "Темная личность"» (24.07.1936), подписанной председателем комиссии Ундревичем 15.08.1936[4].

В результате после кампании 1936 г. исследователь был вынужден покинуть Новгород на десять лет и прервать свою программу исследования архитектурных и археологических памятников Новгорода. Можно только предполагать, по какой причине документация довоенного периода исследований сохранилась чрезвычайно отрывочно: была ли причина в кампании, развязанной против исследователя, война ли способствовала потере полевой документации в Новгороде и Ленинграде или ликвидация ГАИМК. В любом случае, можно констатировать чрезвычайную скудость сохранившейся документации 1930-х гг. Не удалось найти даже те полевые дневники и отчеты, которые упоминаются в ходе заседаний ГАИМК по «делу Каргера». Тем ценнее авторские свидетельства о работах в Георгиевском соборе и на других памятниках Новгорода, сохранившиеся благодаря бюрократической неповоротливости советских органов власти.

---

1 НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1936. Д. 149. Через много лет в разговоре с Вал. А. Булкиным, который состоялся в 1960-е гг., вероятно, вспоминая события 1936 г., Михаил Константинович сказал: «В те годы я потерял веру в людей» (*Булкин*, 2002).

2 ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Ед. хр. 92.

3 ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Ед. хр. 92. Л. 278–297. Вторая часть объяснительной записки М. К. Каргера в СНК СССР посвящена его деятельности в Государственном Русском музее и в этой публикации не используется.

4 «Проект выводов» оказался подшит в том же журнале переписки с Ленсоветом, в котором сохранился ответ М. К. Каргера. ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Ед. хр. 92. Л. 210–221.

• **Приложение**[1]

I. Реставрационные работы в Новгороде.

1. Юрьев монастырь.

Я должен прежде всего полностью отклонить обвинения /§ 4 проекта выводов/ в том, что мною, или на основании моего «согласия» разрушена церковь Юрьева мон[астыря] и угловые башни его XIX в.

Вновь напоминаю, что

а/ Спасская церковь, как памятник не состоявший под государственной охраной был передан Новгородским РИК'ом[2] Дому инвалидов для устройства столовой еще весной 1933 г., т. е. до моего приезда на раскопки в Юрьев мон[астырь]. Именно тогда же были вскрыты церковным столом РИК'а погребения Орловой и Фотия, о чем я узнал лишь в июле того же года, когда приехал для работы в Георг[иевском] соборе. /Тогда же я получил от Зав[едующего] церковным столом т. Егоршина фотографии с раскрытых погребений Фотия и Орловой, которых в натуре я даже и не видел/.

Спасская церковь[3] к моменту моего приезда представляла картину полнейшего разрушения /внутри/, ибо ликвидация ее как церкви происходила совершенно беспризорно. Ответственным за эту работу был Егоршин.

б/ Тогда же Нов[городским] РИК'ом были сданы N-ской организации /см. акт от 28.VI-34 г./ на кирпич две /юго-западная и юго-восточная/ башни Юрьева мон[астыря], тоже не состоявшие под госохраной. Разборка их была начата ещё весной 1933 г. и к моменту моего приезда они были уже почти разобраны.

в/ В следующем году /1934 г./ Нов[городский] РИК приступил к разборке пяти куполов на угловой церкви Юрьева мон[астыря] /северо-восточный угол/. Дом инвалидов занимающий монастырь опротестовал это действие РИК'а в Облисполком, который через Облполитпросвет запросил Музей о причинах конфликта. Именно на этот запрос и был мною /тогда я исполнял об[язанности] зам[естителя] директора[4]/ послан разъясняющий положение ответ, которым ныне оперирует Строков[5], как моим «разрешением» на разборку. Сломку куполов этой безобразной угловой постройки[6] я и сейчас считаю крайне желательными.

г/ Георгиевский собор.

Вопрос о реставрации Георгиевского собора действительно был поставлен мною на основании предварительных исследовательских работ, проведенных в 1927–1932 гг.

Общий план реставрационных работ был обсужден на двух научных заседаниях Бюро охраны памятников Ленинградской Области, созванных П. А. Всеволожским /под его председательством/. Им же /с моим участием/ была составлена смета работ первой очереди и официальным отношением Нов[городскому] Гос[ударственному] музею было разрешено приступить к работам. Я ни в какой мере не рассчитывал быть единоличным руководителем этих работ, тем более быть производителем работ /прорабом/, претендуя лишь на роль консультанта. Так это дело и началось. С одной стороны, всеми практическими работами по сломке пристроек руководил архитектор

---

1 В Приложении опубликованы первые 14 страниц документа из 19 имеющихся. Последние пять машинописных страниц исключены из публикации, т. к. они оказались связаны с фондовой и реставрационной работой М. К. Каргера в Русском музее. В публикации сохранены пунктуация и орфография автора документа.

2 Новгородский районный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Новгород Ленинградской области.

3 Спасский собор Юрьева монастыря.

4 В 1934 г. М. К. Каргер занимал должность заместителя директора Новгородского музея.

5 А. А. Строков — директор Управления новгородских государственных музеев в 1935–1941 гг.

6 Спасский собор Юрьева монастыря.

Ковалев, приглашенный Нов[городским] Музеем /позже осужденный вместе с Кислицыным на 10 лет/, а с другой все принципиальные вопросы реставрации обсуждались у Всеволожского.

Но очень скоро для меня стало ясно, что Нов[городский] Музей /в лице Кислицына[1]/ заинтересован только в том, чтобы получить как можно больше денег на продаваемые материалы /кирпич, железо, медь, мрамор/ и как можно меньше из этих денег оставить на реставрацию самого собора. Юрьевская реставрация стала для Кислицына источником обогащения сначала Музея, а вскоре его самого, лично.

Вскоре стало ясно, что и П. А. Всеволожский[2], с большим энтузиазмом взявшийся за Юрьевскую реставрацию, стал от нее уклоняться, тем более что охрана памятников области постепенно уходила из его рук. Видя, что положение с каждым днем становится все ответственнее, ибо бросить работу на половине дороги было уже невозможно, я не проявил, тем не менее, должной настойчивости для обеспечения коллективности научного руководства реставрацией, постепенно очутившись в роли единоличного руководителя реставрационных работ, хотя был всего лишь консультантом этой работы. Положение еще больше осложнилось, когда Кислицын, узнав о моих сигналах в соответств[ующие] органы о неблагополучии общего положения Музея и, в частности, о его Кислицына злоупотреблениях, в ноябре 1933 г. отстранил меня от всяких работ в Юрьеве. С ноября 1933 г. Георг[иевский] собор попал в положение полной беспризорности. Именно за это время была разобрана зап[адная] пристройка собора. К этому времени и относится заявление Берновского[3] ст[аршему] след[ователю] Облпрокуратуры Л. Н. Смирнову о безобразиях в ломке построек, которым оперирует Строков. Я уже давал показания Комиссии, что это заявление было передано Берновским Смирнову по моей просьбе.

После ноября 1933 г. я увидел Георг[иевский] соб[ор] только во время Кислицынского процесса в июле 1934 г. Собор был в состоянии полнейшего разгрома. В частности, раскрытые мною в 1933 г. 7 погребений были завалены мусором, а склепы Дмитрия Мирошкинича и Мирошки превращены в уборную для рабочих.

Получив в сентябре 1934 г. назначение на должность зам[естителя] директора Нов[городского] Г[осударственного] Музея, я немедленно приступил к ликвидации всех последствий Кислицынского разгрома в Георг[иевском] соборе. Тогда же при участии техника Музея и директора музея Зыбковца была составлена новая смета /2-ая по счету/, на первоочередные работы, которые и были произведены осенью 1934 г.

Так как вскоре начался мой конфликт с Зыбковцем, часть работ делалась в мое отсутствие, когда и были допущены некоторые неосторожности при оштукатуривании оконных проемов, благодаря чему местами новая штукатурка закрыла края /на 1–2 см/ фресковых фрагментов в окнах. Существенного значения это не имеет, ибо фрески вообще требуют расчистки от извести Фотиевской поры, но эту неосторожность можно было предупредить.

Осенью 1934 г. были выполнены только важнейшие ремонтного характера работы, при чем было решено, что с весны будет создана реставрац[ионная] комиссия, которая обсудит план окончания реставрац[ионных] работ. С января 1935 г. я был уволен Зыбковцем из Новгородского Музея. Весной 1935 г. собор был осмотрен Комиссией в составе товарищей Кауля[4],

---

1 А. И. Кислицын — директор Новгородского государственного музея в 1933–1934 гг.

2 П. А. Всеволожский — уполномоченный по охране памятников Леноблисполкома.

3 Берновский — председатель месткома Новгородского музея в 1933–1934 гг.

4 А. И. Кауль (1887–1958) — сотрудник ГАИМК с октября 1934 по 1935 г. , заведующий Институтом исторической технологии ГАИМК. Сотрудник органов ВЧК–ОГПУ (1919–1930). Член Учредительного собрания (1917–1918). Начальник Ленгоснарпита (1931–1934), член Ленинградского горкома ВКП(б) и Исполкома Ленсовета. Заведующий отделом школ и науки Ставропольского крайкома ВКП(б) (1935–1937). Награжден орденом Красного Знамени, имел звание «Почетный работник ВЧК–ОГПУ». Репрессирован в 1937 г. Освобожден в 1955 г. Реабилитирован в 1956 г. (Академическая археология…, 2013. С. 353).

Романова[1] и Фармаковского[2]. Составленный ими акт обращал главное внимание лишь на кучи мусора вокруг собора и незаконченность реставрац[ионных] работ. На основании этого акта были созваны два объединенных заседания Института исторической технологии и Института истории феодального общества[3], которые достаточно подробно обсудили результаты работ и в резолюциях вынесенных единогласно /замечания Ундриевича[4] о том, что резолюции были приняты голосами историков, против технологов неверно/ отметили удовлетворительность проведенных работ, подчеркнув при этом их незаконченность /не по вине Каргера/.

Вновь с работами в Георг[иевском] соборе я столкнулся лишь осенью 1935 г., когда под моим наблюдением и руководством выполнялся план работ, составленный летом того же года А. П. Удаленковым[5] и мною.

Считаю необходимым подчеркнуть, что основное содержание этих работ отнюдь не представляло из себя «переделки» старых работ, /как это рисуется в ст[атье] «Темная личность»/, а лишь их окончание.

К «переделкам» можно отнести лишь частичное /весьма незначительное по количеству/ исправление штукатурных работ по нишам, сделанных в 1934 г.

ИТОГИ:

а/ Считаю своей ошибкой, что осенью 1933 г., когда стало выясняться, что я, неожиданно для себя очутился единоличным руководителем работ, не проявил должной настойчивости /хотя речь об этом и была неоднократно/ в обеспечении коллективности руководства работами.

б/ Произведенные под моим руководством раскопки в соборе были произведены с соблюдением всех требований, предъявляемых к археологическим работам и, в частности, имеют полную документацию всех стадий работы. Дневник, полевая опись, фотофиксация, черновые обмеры, чистовые чертежи, Отчет о работе см. прилагаемую опись документов, сданных в Сектор полевых исследований [ГАИМК]. /Никаких повреждений кам[енных] саркофагов не было допущено /см. фото, дневник/.

в/ Георгиевский собор в настоящее время требует лишь нормального окончания реставрационных работ, а отнюдь не «переделок» того, что «испортил» Каргер. Сумма в 100 тысяч является бесспорно дутой.

---

1 К. К. Романов (1882–1942) — архитектор, реставратор, историк русской архитектуры, этнограф. В РАИМК/ГАИМК с 1919 г. Заведующий Разрядом древнерусского зодчества ГАИМК, с июля 1935 по декабрь 1936 г. работал по договорам. Член-корреспондент ИАК (1910). Хранитель ОЭ ГРМ (1911–1921). Профессор ПГУ/ЛГУ (1921–1928). Один из организаторов охраны памятников культурного наследия России. Погиб в блокадном Ленинграде (Академическая археология…, 2013. С. 380).

2 М. В. Фармаковский (1873–1946) — археолог, доктор исторических наук, живописец-реставратор. В РАИМК/ГАИМК/ИИМК/ЛОИИМК с 1919 г. в Институте археологической технологии ГАИМК, заведующий Разрядом керамики и стекла, с 1929 по 1931 г. заведующий II (Техническим) отделением Академии, заведующий кафедрой реставрации и консервации, заведующий Химической лабораторией. Сотрудник Государственного Русского музея. С 1931 по 1934 г. находился в административной ссылке в Ярославле. Житель блокадного Ленинграда (Академическая археология…, 2013. С. 391–392).

3 Институт исторической технологии и Институт истории феодального общества ГАИМК.

4 В. С. Ундревич (1895–1937) — советский ученый-юрист, государственный и общественный деятель, декан факультета права и местного хозяйства СГУ им. Н. Г. Чернышевского, директор Ленинградского юридического института. В 1936 г. — глава комиссии Ленинградского облисполкома по «делу Каргера». Расстрелян в 1937 г.

5 А. П. Удаленков (1887–1975) — русский и советский архитектор, реставратор, профессор, выпускник Академии Художеств, с 1932 г. В РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г., с 1932 г. архитектор при Академии, с 1936 по 1937 г. в Институте исторической технологии ГАИМК. Профессор Ленинградского Института инженеров железнодорожного транспорта (1935–1949). Сотрудник ИАК (1913–1919). С 1935 г. член Комиссии Ленсовета по реконструкции Ленинграда, руководитель работ по восстановлению церквей Новгорода (1945–1948), сотрудник Государственной инспекции по охране памятников. Репрессирован в 1949 г., освобожден в 1956 г. (Академическая археология…, 2013. С. 391).

г/ Все виды документации /дневник, фотофиксация, обмеры и зарисовки, отчет о работах/ велись с исчерпывающей полнотой и полностью, за исключением раскопочной части /переданной в ГАИМК/ были переданы Новг[ородскому] Г[осударственному] Музею. В настоящее время в фототеке НГМ, вопреки показаниям Строкова, установлено наличие свыше 100 негативов, относящихся к реставрац[ионным] работам /см. акт от 8.VIII-36 г./. Отчет о работах имеется в ГАИМК /была копия его и в НГМ/. Неизвестно лишь местонахождение черновых обмеров, оставленных мною в Новг[ородском] Музее в январе 1934 г. /при моем увольнении/. Я убежден, что материалы так же найдутся в Новгородском Музее, как нашлись все негативы. Черновики и чистовые чертежи раскопочных работ в соборе наход[ятся] в архиве ГАИМК.

д/ Оценку реставрационных и раскопочных работ в Юрьеве см. в прилагаемых протоколах 1/ Объединенн[ого] засед[ания] Инст[итута] Историч[еской] Технологии и Инст[итута] Истории феод[ального] Общ[ества], 2/ Объединенн[ого] засед[ания] Инст[итута] Историч[еской] Технологии и Инст[итута] Истории феод[ального] Общ[ества], 3/ Заседания Каб[инета] истории и архитектуры в Академии Худ[ожеств], 4/ Отдела древнерусского искусства Гос[ударственного] Русского музея.

2. Ковалево.

§ 5 проекта выводов, касающихся моих работ в Ковалеве я вынужден отклонить полностью.

Раскопки в Ковалеве происходили на основании открытого листа, выданного Музейным Отделом НКП[1], завизированного директором Н[овгородского] Музея Савельевым и секретарем РИК'а т. Валлит, согласно плана, утвержденного ГАИМК, доложенного на открытом заседании Новг[ородского] Г[осударственного] Музея.

План, смета, труд[овое] соглашение, дневник, черновые обмеры, чистовые чертежи, полевая опись, фотодокументация, открытый лист с визами директора и секретаря РИК'а, отчет о работах при сем прилагается. Отчет о работах был сдан в печать в 1934 г.

Работы проведены с выполнением всех требований археологической методики. Весь инвентарь погребений, вплоть до мельчайших рыбьих костей и яичной скорлупы был тщательно собран. Упомянутый в ст. «Темная личность» кусочек кож[аного] пояса /длиной в 2 см и ширин[ой] в 1,5 см/ найденный на след[ующий] год в одной из гробниц, был, по-видимому, обронен сотрудницей экспедиции тов. Михайловой при упаковке.

Крышки двух саркофагов были разбиты, конечно, не нами. Об этом свидетельствует фото, сделанное до вскрытия гробниц, и подробная запись дневника. О разбитой крышке и нарушенном погребении свидетельствует уже статья Романцева /I Новг[ородский] Сб[орник]/ в 1906 г. Ткани, сданные мною в Новг[ородский] Г[осударственный] Музей 7.VIII-36 г. были реставрированы в Инст[итуте] Историч[еской] Технологии и в течение ряда месяцев находились на отчетной выставке ГАИМК.

В отношении Киселева признаю своей ошибкой, что не проявил должной настойчивости в отношении приведения в оконч[ательный] экспозиционный порядок придела, для чего необходимо было 1–2 воза песка, которым нужно посыпать пол придела.

3. Кириллов монастырь.

Собор Кириллова мон[астыря] исследован мною в 1928 г. и только после этого вошел в список охраняемых государством памятников, как памятник XII в. /До того датировался XIX в./ В Отчете об исследовании 1928 г. сделанном тогда же на открытом заседании Нов[городского] Гос[ударственного] Музея, мною было высказано предположение о наличии в памятнике фрагментов фресковой росписи XII в., установить которую окончательно тогда не удалось, ввиду того, что церковь была действующей.

Произведя летом тек[ущего] года[2] дополнительное исследование ряда памятников к. XII в. я, предъявив Строкову открытый лист на разведки, заявил о своем желании произвести незначительные по

---

[1] Музейный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР.

[2] В 1936 г.

размерам раскопы у ц. Ильи на Славне, ц. Фомы на Мячине и внутри ц. Кирилла, на что получил устное согласие, с предложением обязательно засыпать раскопы, что я и сам считал обязательным. Признаю своей ошибкой, что ограничился устным согласием Строкова, не получив письменного заверения этого согласия. Завизировать открытый лист и командировку Строков предложил мне у Управделами, что я и сделал тогда же. /см. приложение/

Сделав 15/VI незначительный по размерам /1 м × 0,5 м/ раскоп у сев[ерной] стены церкви[1], я не только обнаружил хорошо сохранившуюся кладку стены XII в., но и фрагменты орнаментальной росписи к. XII в. *in situ*. Большое количество кусков фресок было найдено в строительном мусоре под полом XIX в. Все эти куски, вплоть до мельчайших, были тщательно собраны и сложены на б[ывшем] престоле церкви. Там же сложены и фрагменты кирпичей XII в., найден[ные] под полом. Участником этой работы была старший научный сотрудник Гос[ударственного] Русского Музея т. Корзухина. Ни один сантиметр фрески на стене не был повержен /тем более ломом/. Этот факт чрезвычайно легко доказуем. Достаточно вскрыть любой соседний участок стены /как я предлагал это сделать Комиссии в Новгороде/ чтобы убедиться в том, что фрески на стене сохранились с большими старыми утратами. Под полом собора найдется множество фрагментов, подобных тем, которые приняты за сбитые мною со стены. Никаких древних погребений в Кириллове я не искал, ибо в жертвеннике, где сделан раскоп никаких погребений вообще не бывает. Кусочек бересты найден[ный] нами в раскопе никакого отношения к погребению не имеет.

4. Ц[ерковь] Рождества на Кладбище и Николо-Дворищ[енский] собор.

Указание в § 7 проекта выводов на мою работу в ц. Рождества на Кладбище "с явным характером случайности производ[имых] работ и без окончания их" является плодом недоразумения.

В ц. Рождества я никаких самостоятельных работ никогда не вел. Я работал там в составе экспедиции Г[осударственной] Третьяковской Галереи, согласно общего плана работ. Работы все закончены полностью, хотя приказом Строкова моя работа была прекращена без всяких к тому оснований, ибо я работал в составе экспедиции с разрешения директора ГТГ и нач. экспедиции т. Олсуфьева[2].

Что касается упомянутого в том же § 7 раскрытия фресок в Николо-Дворищенском соборе, то оно производилось не мною, а реставратором Г. О. Чириковым, по приглашению Н.Г.М., по плану, утвержденному Строковым, лишь при моем участии, как штатного уч[еного] консультанта музея. О работах этих Строков не только знал, но и выплачивал Чирикову[3] огромные суммы за эти работы.

Раскрытие фресок Николо-Дворищ[енского] собора является фактом исключительного значения, ибо это древнейшая роспись, из числа всех известных новгородских фресок.

II. Археологическая работа.

Отмечалось /в ст. «Темная личность»/ что я занимался археологическими работами, не имея на то спец[иальной] подготовки. Не считая себя крупным специалистом раскопщиком, напомню, что и формально и, по существу, имею все основания на получение открытого листа на раскопки. Ещё будучи студентом Самарского Гос. Университета я принимал активное участие в двух больших раскопочных экспедициях, Сам[арского] Общ[ества] Археологии, Истории и Этнографии Сам[арского] Ун[иверситета] в качестве научного сотрудника. Позже принимал участие в ряде других археологических работ в качестве сотрудника или пом[ощником] начальника /Экспедиция ГИМ и ГАИМК в Новгород в 1932 г., Экспедиция Н.Г.М. 1932 г., новгородская экспедиция 1933 г./. Только в 1934 г.

---

1 Кирилловской церкви.

2 Ю. А. Олсуфьев (1878–1938) — русский и советский искусствовед. В 1932–1934 гг. — зав. секцией древнерусской живописи Центральных реставрационных мастерских. В 1934–1938 гг. — зав. секцией реставрации древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. В 1938 г. арестован и расстрелян в Москве.

3 Г. О. Чириков (1872–1936) — иконописец, реставратор древнерусской живописи, сотрудник ЦГРМ.

я выступил в кач[естве] начальника археолог[ической] экспедиции ГАИМК с задачами почти разведочного типа /Городище, Лятка, Ковалево/.

По поводу заявления т. Равдоникаса[1] об ошибке допущенной мною в раскопках на Городище[2], считаю необходимым напомнить, что смешанный пласт неолита, принятый мною за пласт *in situ*, был принят за таковой же и самим т. Равдоникасом в раскопках следующего года, рядом с моим раскопом 1934 г.

Только в самом конце раскопок 1935 г., когда смещенный пласт неолита исчез из поля раскопа, решено было сделать пробу вглубь и был найден под мощным слоем глины пласт неолита.

Я признаю, что мною в понимании этого слоя была допущена научн[ая] ошибка, но эта ошибка далеко не элементарная. Она значительно меньше, чем ошибка б. опытного археолога т. Арциховского[3], копавшего тот же участок Городища в 1929 г. и принявшего за материк намывной песок XII в. не дойдя не только до неолита, но и до слоя IX в. О найденном в Ковалеве кусочке кожи я уже написал выше. Для характеристики моей археологической методики он едва ли может что-либо прибавить. Использованное Равдоникасом сообщение землекопов, якобы работавших ранее на моих раскопках о моих приемах разборки слоя не на месте, относится не к моим работам, ибо рабочие, о которых идет речь работали в 1934 г. на раскопках т. Арциховского /на Славне/.

Что касается меня, то я провожу разборку слоя на месте, но в условиях очень трудной работы в затопляемых слоях, считаю обязательным дополнительно просматривать и выброшенную наверх землю.

Работая над усовершенствованием своей раскопочной методики и техники я с большим удовлетворением готов принять все практические советы и указания более опытных товарищей. В частности, выражаю пожелание о скорейшем напечатании всех моих отчетов, которые тогда могут послужить объектом заслуженной критики.

Считаю необходимым упомянуть, что на Археологических курсах ГАИМК мне были поручены занятия по методике раскопок феодальных поселений /1936 г./[4].

III. Научно-исследовательская работа.

Ряд выступавших товарищей отмечали недостатки и количественную недостаточность моих научных работ.

По этому вопросу считаю необходимым заявить следующее: мои первые научные работы падают на годы окончания У[ниверситета] и годы оставления при У[ниверситете] /1922–1927/. Именно тогда мною была написана большая часть тех работ, которые были напечатаны в кач[естве] докладов в ГАИМКе и др. местах, и остались ненапечатанными.

Эти работы в полной мере несут на себе отпечаток той эклектической методологии, в которой я воспитывался в Университете и послеуниверсит[етские] годы. Решительная методологическая перестройка моей работы начинается в 1928–1929 гг. Именно в это время мною был выполнен проект «марксистской реэкспозиции» Отдела древне-русского Искусства[5], кот[орый] будучи ныне чисто архивным документом, послужил чуть ли не основной базой для критиков моих методологических установок. Конечно, для современного читателя ошибки этого документа, характеризующегося чрезмерным выпячиванием роли торгового капитала /не капитализма/, процессов «обуржуазивания»

---

1 В. И. Равдоникас (1894–1976) — археолог, историк, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии ЛГУ, сотрудник ГАИМК, член-корреспондент АН СССР (1946), заведующий ЛОИИМК АН СССР. В ГАИМК/ИИМК/ЛОИА с 1928 г. Член Норвежской Академии наук (1946).

2 Новгородское (Рюриково) Городище.

3 А. В. Арциховский (1902–1978) — советский археолог и историк. Сотрудник МОГАИМК. Доктор исторических наук (1940), член-корреспондент АН СССР (1960). Профессор МИФЛИ, с 1939 года заведующий кафедрой археологии МГУ.

4 В 1936 г. М. К. Каргер был сотрудником Отдела полевой методики ГАИМК и одним из соавторов при подготовке учебника по методике полевых исследований.

5 Отдел древнерусского искусства ГРМ.

и т. д. кажутся элементарными. Но я позволю себе напомнить, что в 1929 г. когда этот проект был с огромным «боем» защищен мною на совете Г.Р.М. это был первый опыт музейной реэкспозиции, направленный в сторону марксистского /хотя и плохо понятого/ понимания искусства.

Такими же ошибками грешат и другие мои работы этого времени. /Кстати, с полной ответственностью могу заявить, что утверждение гр. Гамзы[1] о том, что экспозиция Н.Г.М., существовавшая в 1935 г. характеризующаяся рядом грубейших ошибок, была сделана по моему проекту, такая же беззастенчивая ложь, как и все остальное, что говорил Гамза/.

На годы 1930–1935 падает моя работа над новгородскими проблемами, начатая мною значительно ранее, но именно в эту пору переоцененная с точки зрения марксистско-ленинской методологии. Именно в эту пору были найдены основные части моей книжки о Новгороде, главы для Вузовского учебника по истории Новгорода, глав по истории русск[ого] искусства и ряд др[угих] работ. Я ни в какой мере не считал и не считаю и эти работы образцом ортодоксальности в методологическом отношении. Многие части моей книги я вынужден основательно перерабатывать, в настоящее время, что и задерживает окончательную сдачу ее.

Утверждение, что я выдаю себя за ортодоксального марксиста ни в коей мере не соответствует действительности. Я неоднократно в публичных выступлениях подчеркивал свои ошибки в этом отношении. Но при этом я все же имею смелость думать, что за последние годы я во многом преодолел тот буржуазный формализм, в котором я был воспитан, и в котором продолжают пребывать мои нынешние оппоненты А. К. Некрасов и К. К. Романов /впрочем, последний уже много лет, как вовсе прекратил научно-исследовательскую деятельность/.

Попутно необходимо заметить, что рецензирование К. К. Романовым и Б. Л. Богаевским[2] нескольких незаконченных глав моей не сданной книжки в качестве законченной диссертации, я считаю одним из печальнейших недоразумений обследования моей работы.

Что касается обвинений в буржуазном индивидуализме, замкнутости в стремлении работать в одиночку, то признаюсь это обвинение было для меня неожиданностью. До сих пор я считал, что я слишком много времени отдавал «общественной реализации» моих научно-исследовательских работ. Помимо широкой вузовской педагогической работы, я во все годы вел чрезвычайно /м. б. даже чрезмерно/ широкую массовую и просветительскую работу. Работая в Новгороде, помимо регулярного семинара для сотр[удников] Музея я систематически вел разнообразнейшие виды массовой работы, в том числе в течение целого года вел /безвозмездно, как и большую часть других работ/ Историко-археологический кружок при 4 Новгородской школе.

Утверждение, что у меня нет учеников весьма далеко от действительности. Все новгородские работы за 15 лет /кроме последнего года/ происходили при участии не только новг[ородских] муз[ейных] работников, но и при участии десятков практикантов-студентов, аспирантов и даже учащихся новг[ородских] школ. Думаю, что в этом вопросе утверждение Комиссии основано гл. образом на информации, полученной от последнего руководства Н.Г.М., с которым отношения мои, действительно обострились в силу ряда причин до крайней степени.

Огромная научно-организац[ионная] и научно-административная работа /не говоря уже о педагогической/, которая лежала на мне за 1929–1936 гг. /заведывание Отделением в ВУЗе, заведывание кафедрой, многочисленные музейные обязанности, методическое руководство массовой политико-просветительской работой, научно-организационная и консультационная работа в Новгороде/ была причиной того, что научно-исследовательская работа стала несколько отставать, сроки выполнения многих работ удлиняются.

---

[1] Я. П. Гамза-Гамзагурди (1897–1937) — сотрудник ГРМ и Новгородского государственного музея, лектор при Ленинградском лектории. Расстрелян в 1937 г.

[2] Б. Л. Богаевский (1882–1942) — русский и советский филолог, историк, археолог, профессор Ленинградского университета, декан историко-филологического факультета Пермского университета (1917–1918), ректор Томского университета (1921–1922), сотрудник ИИМК с 1922 г., заведующий кафедрой истории материальной культуры ФОН с 1922 г., проректор по учебной части Ленинградского университета.

Список литературы

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

Булкин Вал. А. Воспоминания о М. К. Каргере // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. Искусство Древней Руси и его исследователи / ред. В. А. Булкин. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002. С. 279–283.

Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А. Первые планомерные археологические исследования в Новгороде (раскопки на Славне в 1930-х гг.) // Новгородский исторический сборник: сб. науч. тр. Вып. 19 (20) / ред. П. Г. Гайдуков [и др.]. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2020. С. 90–100.

Каргер М. К. Паспортизация памятников старины, искусства и революционного движения // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 69–70.

Краткий обзор СО ОГПУ антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции за 10 лет // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сборник документов. Т. 10, ч. 1 / отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: Ин-т рос. истории, 2017. С. 442–526.

Платонова Н. И. Фёдор Васильевич Кипарисов — председатель ГАИМК в 1935–1936 гг. // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 19–22.

Тихонов И. Л. О репрессиях в ГАИМК // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 63–66.

References

Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) / ed. E. N. Nosov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. 416 p.

Bulkin Val. A. Vospominaniya o M. K. Kargere // Voprosy otechestvennogo i zarubezhnogo iskusstva. 6. Iskusstvo Drevney Rusi i ego issledovateli / ed. V. A. Bulkin. St. Petersburg: izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. P. 279–283.

Gaydukov P. G., Kudryavtsev A. A. Pervye planomernye arkheologicheskie issledovaniya v Novgorode (raskopki na Slavne v 1930-kh gg.) // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik: sbornik nauchnykh trudov. 19 (20) / eds. P. G. Gaydukov [et al.]. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2020. P. 90–100.

Karger M. K. Pasportizatsiya pamyatnikov stariny, iskusstva i revolyutsionnogo dvizheniya // Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. 1932. 1–2. P. 69–70.

Kratkiy obzor SO OGPU antisovetskoy deyatel'nosti i gruppirovok sredi nauchnoy intelligentsii za 10 let // «Sovershenno sekretno»: Lubyanka Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): sbornik dokumentov. 10, 1 / eds. A. N. Sakharov, V. S. Khristoforov. Moscow: Institut rossiyskoy istorii, 2017. P. 442–526.

Platonova N. I. Fyodor Vasil'evich Kiparisov — predsedatel' GAIMK v 1935–1936 gg. // Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) / ed. E. N. Nosov. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. P. 19–22.

Tikhonov I. L. O repressiyakh v GAIMK // Sovetskaya arkheologiya do i posle Velikoy Otechestvennoy voyny (vtoraya polovina 1930-kh — konets 1940-kh godov): materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / ed. I. A. Sorokina. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy Akademii nauk, 2021. P. 63–66.

K. A. Mikhailov. Missing reports: new archival data on the restoration and archaeological activities of M. K. Karger in Novgorod in 1933–1935

Abstract. The article deals with a report by M. K. Karger on archaeological, architectural and restoration work in Novgorod in 1933–1935, accompanied by a brief background on its creation.

Keywords: M. K. Karger, Novgorod, IHMC RAS, 1933–1935, restoration, archaeology, St. George's cathedral, Yuriev monastery, Kirillo-Belozersky monastery, Transfiguration church in Kovalyovo, archival documents, Novgorod Museum, report, history of Soviet archaeology.

Mikhailov Kirill Alexeevich, candidate of history, senior research fellow, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18 Palace Embankment, 191186 St. Petersburg, Russian Federation, mikhailov_kirill@mail.ru.

Список сокращений

АА — Архитектурная археология. М.
БАН — Библиотека Российской академии наук
ББ — Бодлианская библиотека
ВХНРЦ — Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАНО — Государственный архив Новгородской области
ГИАНО — Государственный исторический архив Новгородской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
ГосНИИР — Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ГЭРБ — гастроэзофагеальная рефлюксная болезнь
Д. — дело
ДДИС — дегенеративно-дистрофические изменения суставов
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРЛИ — Институт русской литературы РАН
ИРЯ РАН — Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
ИХМ — Искусство христианского мира. М.
КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
Л. — лист
ЛИФЛИ — Ленинградский историко-философско-лингвистический институт
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского
ММК — Музеи Московского Кремля
МОГАИМК — Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры
НА — научный архив
НААО — Новгородский архитектурно-археологический отряд
НБФ — Национальная библиотека Франции

НГМ — Новгородский государственный музей
НГОМЗ — Новгородский государственный объединённый музей-заповедник
НКРЯ — Национальный корпус русского языка
ННРУ — Новгородское научно-реставрационное управление
об. — оборот
Оп. — опись
ОПИ НГМ — Отдел письменных источников Новгородского государственного музея
ОР — отдел рукописей
ОЭ — Отделение этнографии
ПКС — посткраниальный скелет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РА — Российская археология. М.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАН — Российская академия наук
РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
РО — рукописный отдел
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
СА — Советская археология. М.
СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР
СО ОГПУ — Секретный отдел Объединенного государственного политического управления при СНК СССР
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
Ф. — фонд
ФО — фотоотдел
ФОН — Факультет общественных наук
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские
ЧОИДР — Чтения в обществе древностей российских при Московском университете. М.
nb — новорожденный

Об издании

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

В нем публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия (Архитектура, Искусствоведение)

5.6.3. Археология (Исторические науки)

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (Искусствоведение)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (Искусствоведение, Исторические науки)

5.10.3. Виды искусства (Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура) (Искусствоведение)

Подписка на издание оформляется по Объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 79663

Правила оформления статей

Материалы пересылаются в редакцию сборника по адресу architectural.archeology@yandex.ru (в качестве дублирующих — zakomara@yandex.ru, jin-arx@yandex.ru, elreserva@ya.ru) в электронном виде с соблюдением следующих правил:

1. Текстовый файл под названием «Фамилия_текст» должен содержать следующие материалы, каждый из которых желательно размещать на новой странице:

— основной текст статьи;
— список литературы (см. ниже, п. 5);
— список подрисуночных подписей (см. ниже, п. 4);
— аннотация (не более 700 знаков с пробелами);
— ключевые слова (не более 7–10 слов и словосочетаний);
— сведения об авторе (см. ниже, п. 6);
— список сокращений.

Общий объем всех перечисленных текстовых материалов не должен превышать 40 000 знаков с пробелами.

2. Текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5; форматирование текста должно быть автоматическим. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается не прописными буквами.

3. Иллюстрации предоставляются в электронном виде, в отдельных файлах формата .tiff или .jpg (они должны называться «Фамилия_автора_1.tiff», «Фамилия_автора_2.jpg» и т. д.), в текст статьи иллюстрации не вставляются. Количество иллюстраций не должно быть больше количества страниц текста статьи, поделенного на 2. Файлы должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. В тексте статьи обязательна разметка (ссылки на номера) иллюстраций. Для черно-белых иллюстраций даётся нумерация арабскими цифрами, в текст вставляются ссылки вида: (илл. 1: *а, б*), (илл. 2). Для цветных иллюстраций вводится собственная нумерация римскими цифрами, в текст вставляются ссылки вида: (илл. I на цветной вклейке: *а, б*), (илл. II на цветной вклейке). Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии — с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки — не ниже 600 dpi.

4. В подрисуночной подписи должна содержаться следующая информация: объект, название иллюстрации, автор, дата, для архивных материалов — местонахождение (собрание, город/страна).

Например:

Илл. 1. Знаменская (Пятницкая) церковь во Владимире. Архивная фотография 1958 г. Вид с севера;

Илл. 2. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План по уровню промежуточной зачистки пола. Чертеж А. А. Поповой, 2014 г.

В подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются.

5. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть — издания на кириллице, вторая — на латинице. Названия отчетов о полевых ис-

следованиях включаются в общий список. Список литературы составляется в обычном библиографическом порядке. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии — диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания — издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Карасев А. Н. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья (VII–I вв. до н. э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху / отв. ред. А. П. Смирнов. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 126–138.

Масленников А. А. Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН за 1994 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-I. Д. № 19540. 225 с.

Седов Вл. В. Лестничная башня в Боголюбове (по материалам раскопок 2015 года) // КСИА. 2017а. Вып. 249, ч. II. С. 131–150.

Седов Вл. В. Северный портал собора Рождества Богородицы в Боголюбове // КСИА. 2017б. Вып. 246. С. 56–69.

Böhmer J. F. Regesta imperii. Bd. IV, 2. Wien; Köln: Böhlau Verlag, 1991. 305 S.

Coden F. Sguardo d'insieme all'architettura umbra del Duecento // L'Umbria nel XIII secolo. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2011. P. 333–420.

Lo Sardo E. E. Kircher's Rome // Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything / ed. P. Findlen. New York; London: Routledge, 2004. P. 51–62.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Карасев, 1959. С. 135). Ссылки на источники — оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции — приводятся в скобках в тексте (ПСРЛ, II, 6660) и в список литературы не включаются.

6. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, учёной степени, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов (для оперативной связи, не для публикации), адреса электронной почты и даты отправления.

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Российской академии наук

Издание публикуется в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Домонгольские росписи Новгорода: археологический контекст и естественно-научные исследования (фрески Георгиевского собора Юрьева монастыря из раскопок 2013–2020 годов)», соглашение № 075-15-2021-576

На первой странице обложки — восточный фасад Георгиевского собора Юрьева монастыря. Эскизная реконструкция, 1930-е гг. (к статье Вл. В. Седова. С. 18).
На четвертой странице обложки — фрагменты иконы «Благовещенье» («Благовещенье Устюжское») первой трети XII в. с ликами архангела Гавриила и Богоматери (к статье С. В. Свердловой и Д. С. Першина. С. 139).

Архитектурная археология = Architectural archeology, № 4 / Институт археологии Российской академии наук.— Москва: Институт археологии РАН, 2022.— 268 с., [40] с. цв. ил.
А87 ISSN 2686-6900. ISBN 978-5-94375-371-8

Четвертый номер «Архитектурной археологии» состоит из статей, объединенных общей темой: историей новгородского Юрьева монастыря и его главной святыни, Георгиевского собора. Здесь собраны публикации и исследования, посвященные археологии, истории, памятникам искусства и архитектурным памятникам этой древнейшей русской обители. Георгиевскому собору в 2019 году исполнилось 900 лет. Этот величественный храм был заложен в 1119 году по заказу новгородского князя Всеволода (Гавриила) Мстиславича при непосредственном участии игумена Юрьева монастыря Кириака. Поздняя летопись донесла до нас имя мастера-строителя, Петра. Георгиевский собор в 1120–1130-е годы был украшен фресковой росписью, иконами, богослужебной утварью. В дальнейшем собор несколько раз перестраивался и достраивался, но в целом он очень хорошо сохранился. В разное время этот памятник изучали выдающиеся ученые: М. К. Каргер, А. И. Некрасов, М. А. Ильин, Н. И. Брунов, А. И. Комеч, В. А. Булкин, В. Д. Сарабьянов. Его реставрацией занимались Л. М. Шуляк и Г. М. Штендер. С 2013 года и по настоящее время внутри и вокруг собора работает Новгородский архитектурно-археологический отряд ИА РАН. Новые раскопки дали существенное приращение наших знаний об архитектуре, строительных особенностях, деталях устройства, монументальной росписи собора и его некрополе, а также поставили его в археологический и исторический контекст XII в. На тысячах найденных фрагментов первоначальной росписи сохранились не только лики и одежды, но и надписи-граффити, давшие новые исторические и лингвистические сведения.

УДК 72.025.4:902/904(051)
ББК 85.11я5 + 85.118я5

Архитектурная археология

Выпуск 4

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Главный редактор *Вл. В. Седов*
Заместитель главного редактора *М. В. Вдовиченко*
Редактор *А. В. Меньшиков*
Координатор *Е. Н. Пророкова*
Переводчик *Д. В. Монул*
Макет *Н. А. Вознесенского* и *Ю. А. Макусинского*
Верстка и подготовка иллюстраций: *Д. В. Щепоткин*

Подписано в печать 08.06.2022. Формат 60 × 84 1/8 .
31,9 уч.-изд. л. Тираж 300 экз.
Заказ №
Подготовлено в Институте археологии РАН.
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
Тел.: +7 499 126-47-98
Отпечатано в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат».
115093, г. Москва, Партийный пер. д. 1, корп. 58, стр. 1, эт. 1, пом. 1